Ерм. 52

П. Милюковъ.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

23550

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй.

Изданіе редакціи журнала „МІРЪ БОЖІЙ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе: общія понятія . . . . . 1— 20

Прагматическая и культурная исторія 1—3 — Споры о содержаніи культурной исторіи 3—4. — Споры о цѣли и способахъ изученія культурной исторіи 4—7. — Теоретическія задачи исторической науки и прикладныя задачи политическаго искусства 4—5. — Смѣшеніе тѣхъ и другихъ въ «философіи исторіи» 6. — Съужая границы телеологическаго объясненія, «философія исторіи» превращается въ научную теорію прогресса 6—7. — Закономѣрность, какъ основа научнаго объясненія исторіи 7—8. — Существуютъ ли историческіе законы? 8—9. — Трудности соціологическаго анализа 9. — Соціологическая дедукція, какъ средство облегченія анализа 10.— Дедукція основныхъ соціологическихъ тенденцій 10—11. — Видоизмѣненіе этихъ тенденцій подъ вліяніемъ среды 11—13.— Вліяніе окружающей обстановки 13—14. — Понятіе случайности въ исторіи 13—14. — Роль личнаго фактора 14. — Безсознательное и цѣлесообразное, лично- и общественно-цѣлесообразное, единичное и массовое дѣйствіе личности 15—18. — Цѣль и содержаніе «Очерковъ» 18—20.

Очеркъ первый. Населеніе . . . . . 21— 64

I. Связь населенности страны съ ея экономическимъ развитіемъ 21—22. — Взгляды экономистовъ на движеніе народонаселенія 22—23. — Ростъ населенія въ Россіи съ Петра I 24.— Отношеніе его къ населенію Европы 24—25. — Территоріальныя присоединенія и внутренній приростъ 25. — Количество браковъ и рожденій 25—26. — Движеніе населенія до Петра I 26—27. — Густота русскаго населенія сравнительно съ европейскимъ 28. — Измѣненія въ густотѣ населенія за два вѣка на пространствѣ петровскихъ губерній 29—31. — Различія въ исторіи населенія русскаго сѣвера, центра и юга 31—33. — Причины замедленія роста населенія въ центрѣ 34—35.

II. Связь первоначальнаго заселенія Россіи съ ея геологическимъ прошлымъ 36—37. — Вопросъ о связи первобытнаго населенія Россіи съ ея позднѣйшими обитателями 37—38. — Древнѣйшее распредѣленіе племенъ. Югъ: иранцы и тюрки 38—39.— Сѣверъ. Древнѣйшее разселеніе финновъ 39—40. — Восточ-

стр.

ная и западная группа 40—42. — Дальній сѣверъ 42.—Древнѣйшія мѣста жительства восточныхъ славянъ 42—43. — Разселеніе племенъ въ Приднѣпровьѣ 43. — Отношеніе древнихъ племенъ къ нарѣчіямъ 43—49. — Распредѣленіе малорусскихъ говоровъ въ зависимости отъ условій разселенія малороссовъ 43—46. — Этнографическая основа полѣсскихъ говоровъ 46—47. — Великоруссы: вопросы о колонизаціи Поволжья и о смѣшеніи здѣсь восточныхъ славянъ съ финнами 47—48. — Новгородская колонизація сѣвера 48—49.

III. Значеніе колонизаціи Россіи 51—52. — Колонизація сѣвера: роль монастырей 52—53. — Крайніе предѣлы опустошеній на юго-востокѣ 53. — Защита «берега» и устройство Тульской засѣки 54. — Колонизація на Камѣ и Бѣлой 55. — Дальнѣйшее движеніе на югъ и устройство Бѣлгородской, Симбирской и Закамской черты 55—56. — Колонизація Полтавщины и движеніе малороссовъ въ Харьковскую и Воронежскую губ. 56—57. — Устройство Украинской линіи 58. — Сокращеніе территоріи войска Донскаго 58—59. — Военная колонизація Заволжья до средины XVIII в. 60. — Колонизація Исетской провинціи 60—61. — Успѣхи колонизаціи во второй половинѣ XVIII вѣка 61—63.—Колонизація Новороссіи 61—62.—Устройство кавказской линіи 63. — Колонизація Поволжья 63.

Очеркъ второй. Экономическій бытъ. . . . . . 65—112

I. Натуральное и денежное хозяйство 65—67. — Характеръ натуральнаго хозяйства древней Руси 68. — Эксплуатація зоологическихъ богатствъ 68—69. — Истощеніе центра и перенесеніе зоологической эксплуатаціи на окрайны 69—72. — Медленность перехода къ земледѣльческой культурѣ 71—72. — Экстенсивныя системы древнерусскаго земледѣлія 72—75.—Постепенное истощеніе почвы въ центрѣ и на окраинахъ 73—76.—Причины замедленія перехода къ интенсивнымъ системамъ послѣ освобожденія крестьянъ 76—77.

II. Пропорція городскаго населенія Россіи и ея возростаніе 78—79. — Роль домашней промышленности 79—80. — Происхожденіе фабричной промышленности; отношеніе къ ней государства въ два послѣдніе вѣка 80—85. — Причины устойчивости кустарной промышленности 86—87. — Измѣненія во внутреннемъ строѣ ея 87—88.

III. Пути сообщенія 89—92. — Сухопутныя дороги, шоссе, желѣзныя дороги и каналы 90—91. — Общій характеръ развитія русскихъ путей сообщенія 91—92. — Развитіе почтовыхъ сношеній 92—93. — Внутренняя торговля 93—96. — Цѣны за провозъ товаровъ 93—94. — Медленность товарнаго обращенія 94. — Караванный и ярмарочный характеръ торговли 94.— Изолированность мѣстныхъ рынковъ и разнообразіе мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ, какъ наиболѣе характерный признакъ этой изолированности 95. — Внѣшняя торговля 96—103. — Ея пассивный характеръ 96. — Роль иностранцевъ во внѣшней торговлѣ Новгорода и Москвы 96—97. — Успѣхи и стремленія

стр.

русскаго купечества со второй половины XVII в. 97—98. — Медленность въ развитіи судостроенія и торговыхъ компаній 98. — Увеличеніе размѣровъ вывоза и ввоза съ конца XVII в. по настоящее время 99—100. — Дѣйствіе охранительныхъ и либеральныхъ тарифовъ 100. — Процентное отношеніе между главными предметами вывоза и ввоза 101—102. — Отношеніе внѣшней торговли къ внутренней 102—103. — Исторія денегъ и цѣнъ 103—105. — Кредитныя деньги (мѣдныя и бумажныя) 105—107. — Частный кредитъ 107—110. — Высота процента и прибыли 107. — Правительственныя попытки дешеваго кредита 107—108. — Положеніе кредита въ первой половинѣ XIX вѣка 108—109. — Быстрое развитіе его во второй половинѣ вѣка 109—110. — Двѣ стороны въ характеристикѣ экономическаго развитія Россіи 110—111.

Очеркъ третій. Государственный строй (войско, финансы, учрежденія) . . . . . 113—163

I. Отношеніе между государственнымъ и соціальнымъ строемъ у насъ и на западѣ 113—115. — Причины ранняго усиленія государства въ Россіи 115—116. — Военный характеръ Московскаго государства 116. — Связь между военными потребностями и возвышеніемъ военныхъ налоговъ въ 1490-хъ, 1550-хъ, 1620-хъ, 1680-хъ и 1700—1720-хъ годахъ 117—120. — Военныя нужды и расходы послѣ Петра 120—121. — Пропорціональное значеніе военныхъ расходовъ въ бюджетѣ 121—125. — Другія государственныя потребности и соотвѣтствующія имъ статьи расходовъ 125—126. — Содержаніе двора 125. — Финансы и государственное хозяйство 125—126. — Незначительность расхода на выполненіе высшихъ государственныхъ задачъ 126.

II. Характеръ древнѣйшей финансовой системы 127—128. — Исторія прямого обложенія 128—142. — Русскій раскладочный механизмъ 128—130. — Его происхожденіе 130—131. — Древнѣйшая «соха» и ея преобразованіе въ срединѣ XVI столѣтія 132—133. — Перемѣны въ сошномъ обложеніи въ XVII в. и ихъ причины 133—134. — Введеніе подворнаго обложенія 134—136. — Переходъ къ подушному обложенію и его судьба 136—138. — Современное положеніе прямого обложенія 139. — Виды промысловаго налога въ древней Россіи 139. — Попытки процентнаго обложенія въ XVII и XVIII вѣкахъ 140. — Первые шаги къ подоходному обложенію 140—142. — Роль косвенныхъ налоговъ въ исторіи бюджета 142—143. — Регаліи, государственныя имущества и пошлины 143—144. — Тяжесть обложенія и ея вліяніе на поиски населеніемъ побочныхъ источниковъ дохода 144—146.

III. Связь развитія русскихъ государственныхъ учрежденій съ военными и финансовыми нуждами 147—148. — Дворцовые и государственные элементы въ управленіи великихъ княжествъ древней Руси 148—149. — Механическое наростаніе учрежденій съ конца XV в. по средину XVI в. 148. — Финансовый

стр.

характеръ административныхъ реформъ Ивана IV 150.—Новые наросты; территоріальный характеръ центральнаго управленія 150—151. — Сліяніе финансовыхъ вѣдомствъ и расчлененіе военныхъ втеченіе XVII в. 152. — Завершеніе обоихъ процессовъ во время Петра 152—153.—Развитіе областнаго устройства и разрушеніе центральнаго, какъ ихъ результатъ 153—154. — Первая систематическая реформа государственныхъ учрежденій: ея неудача 154—155. — Общій итогъ развитія государственныхъ учрежденій до Екатерины II 155—157. — Вторая систематическая реформа областныхъ учрежденій (при Екатеринѣ) и центральныхъ (при Александрѣ I) 157—163.

Очеркъ четвертый. Сословный строй. . . . . . 164—212

I. Роль дворянства въ исторіи Запада 364. — Недостатокъ экономической самостоятельности русскаго дворянства и его зависимость отъ службы 165—166. — Переходъ отъ вольнойслужбы къ невольной 166. — Закрѣпощеніе служилаго сословія 167. — Судьбы русской высшей аристократіи 167—181. — Политика Грознаго и мѣстническая система 168—171. — Подготовка дворянскихъ привилегій въ XVII в. и ихъ развитіе въ XVIII в. 171—172.—Новыя богатства высшей аристократіи 173.—Ихъ непрочность и развитіе дворянской задолженности 173—174— Постепенная потеря привилегированнаго положенія 175. — Попытки его возстановленія и вѣроятная судьба этихъ попытокъ 175—176.

II. Роль западнаго города въ жизни Европы 177—178.—Происхожденіе и характеръ русскихъ городскихъ поселеній 178—179.— Москва 179.—Численность и населенность городовъ 179—180.— Процессъ обособленія городскаго сословія 180—183. — Обособленіе городскаго тягла и доступность его для другихъ сословій 180—182. — Прикрѣпленіе къ городскому тяглу торгово-промышленнаго класса и юридическое выдѣленіе городскаго сословія 182—183. — Особый характеръ тягла «гостей»: «вѣрная служба» 183—184. — Происхожденіе городскаго самоуправленія изъ «вѣрной службы» 184—185. — Раскрѣпленіе городскаго сословія и новое смѣшеніе его съ другими 185.

III. Количественный и качественный составъ земледѣльческаго населенія Россіи и Европы 186—187. — Происхожденіе русской общины 187—189. — Сходство и различіе въ современномъ положеніи разныхъ категорій русскаго крестьянства 189—190. — Періоды въ исторіи помѣщичьихъ крестьянъ 191. — Прикрѣпленіе къ тяглу и служилому сословію 191—191.—Правительственныя и владѣльческія мѣры закрѣпленія 193. — Фактическое прекращеніе свободнаго перехода крестьянъ и законодательное прекращеніе свободной конкурренціи хозяевъ за рабочія руки 193—196. — Внѣ-законное развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными и юридическія противорѣчія въ ихъ положеніи 196—197. — Замѣна государственнаго характера прикрѣпленія—частнымъ 197—198. — Стороны крѣпостнаго права, регламентированныя и остав-

стр.

шіяся безъ регламентаціи въ законодательствѣ 198. — Непрочность крѣпостнаго права 199. — Сравнительная возможность разныхъ способовъ освобожденія 199—202. — Сравнительная сила разныхъ мотивовъ освобожденія 202—203. — Роль дворянскихъ интересовъ при освобожденіи 204—205. — Исторія удѣльныхъ крестьянъ 205—206. — Особенности исторіи государственныхъ крестьянъ 206—210. — Частная собственность и введеніе общины у черносошныхъ и однодворцевъ 207—210 — Аграрная политика XVIII и XIX вѣка 210—211. — Вопросъ о будущемъ общины 211—212.

Итоги. . . . . 213—223

Резюме сдѣланныхъ выводовъ 213 — 216. — Общія черты ихъ 216. — Своеобразіе русскаго историческаго процесса и преувеличеніе этой основной черты во взглядѣ національстовъ 216. — Элементарность русскаго процесса и преувеличеніе этой черты во взглядѣ западниковъ 217. — Первый взглядъ страдаетъ недостаткомъ анализа, второй—недостаткомъ синтеза историческихъ условій 218—220. — Вопросъ о сохраненіи традиціи и о заимствованіи новыхъ формъ 220—221.— Что такое настоящая культурная традиція? 222—223.

Карты, картограммы и діаграммы.

стр.

Движеніе населенія съ середины XVI в. 27

Увеличенія плотности населенія со времени Петра I. 32

Сравнительная населенность евр. Россіи въ 1724 и 1885г оду. }
Развитіе русскаго племени на территоріи евр. Россіи съ середины XVI вѣка. } къ стр. 32
Княжества XI—XIII столѣтія (въ ихъ отношеніи къ племенамъ). }

Карта русскихъ нарѣчій. 44

Распредѣленіе главныхъ статей расхода въ бюджетахъ 1680—1892 гг. 122

Распредѣленіе главныхъ статей дохода въ бюджетахъ 1680—1892 гг. къ стр. 144

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

ВВЕДЕНІЕ: ОБЩІЯ ПОНЯТІЯ.

«Прогматическая» и «культурная» исторія».—Споры о содержаніи культурной исторіи.—Споры о цѣли и способахъ изученія культурной исторіи.—Теоретическія задачи исторической науки и прикладныя задачи политическаго искусства.—Смѣшеніе тѣхъ и другихъ въ «философіи исторіи».—Съужая границы телеологическаго объясненія, «философія исторіи» превращается въ научную теорію прогресса.—Закономѣрность, какъ цѣль научнаго объясненія исторіи.—Существуютъ ли историческіе законы?—Трудности соціологическаго анализа.—Соціологическая дедукція, какъ средство облегченія анализа.—Дедукція основныхъ соціологическихъ тенденцій. — Видоизмѣненіе этихъ тенденцій подъ вліяніемъ среды.—Вліяніе окружающей обстановки. — Понятіе случайности въ исторіи.—Роль личнаго фактора.—Безсознательное и цѣлесообразное, личное и общественно-цѣлесообразное, единичное и массовое дѣйствіе личности. — Цѣль и содержаніе «Очерковъ».

Принимаясь за исчисленіе войскъ, пришедшихъ съ Агамемнономъ подъ Трою, греческій пѣвецъ Троянской войны счелъ нужнымъ сдѣлать такое предисловіе:

«Нынѣ повѣдайте, музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа:
Вы, божества, вездѣсущи и знаете все въ поднебесной;
Мы ничего не знаемъ; молву мы единую слышимъ;—
— Вы мнѣ повѣдайте, кто и вожди и владыки данаевъ?
Всѣхъ же бойцовъ рядовыхъ не могу ни назвать, ни исчислить,
Еслибъ и десять имѣлъ языковъ я, и десять гортаней,
Еслибъ имѣлъ неслабѣющій голосъ и мѣдныя перси.
Развѣ, небесныя музы, Кронида великаго дщери,
Вы бы напомнили всѣхъ приходившихъ подъ Трою ахеянъ!
— Только вождей корабельныхъ и всѣ корабли я исчислю».

Приблизительно такъ же, какъ Гомеръ, разсуждало огромное большинство историковъ стараго и новаго времени. Ни силъ, ни знаній человѣческихъ не хватило бы для того, чтобы изобразить «всѣхъ рядовыхъ бойцовъ» въ исторіи человѣчества. Поэтому исторія должна ограничиться разсказомъ объ однихъ «вождяхъ и

владыкахъ». Личная исторія вождей, ихъ дѣянія и судьба, ихъ взаимныя отношенія — таково должно быть главное содержаніе историческаго разсказа. А идеальной цѣлью историка должно быть— изобразить эти приключенія «вождей» съ возможно бо̀льшей живостью и драматичностью, въ возможно болѣе совершенной художественной формѣ. Но что же дѣлать со всей остальной безымянной массой обыкновенныхъ людей, за которыми не числится никакихъ подвиговъ, которые не оставили по себѣ никакихъ историческихъ воспоминаній? Историки-разсказчики игнорировали ихъ вовсе, замѣчая иногда, въ свое оправданіе, или для успокоенія читателей, что исторія толпы сама собой уже отразится въ біографіи героевъ, какъ ея лучшихъ и наиболѣе яркихъ представителей.

Не такъ давно, однакоже, появилось среди историковъ направленіе, не предъусмотрѣнное Гомеромъ. Направленіе это рѣшительно утверждало, что истинный предметъ исторіи—не біографіи «вождей», хотя бы извѣстныя намъ въ малѣйшихъ подробностяхъ, а именно жизнь народной массы, повидимому, вовсе намъ неизвѣстная. Сторонники новаго направленія прибавляли къ этому, что такая исторія безъ собственныхъ именъ, безъ событій, безъ сраженій и войнъ, безъ дипломатическихъ хитростей и мирныхъ трактатовъ,—не только не будетъ недостовѣрна, но что она, напротивъ, будетъ несравненно достовѣрнѣе той исторіи, къ которой насъ пріучали до сихъ поръ историки-повѣствователи. Въ доказательство они приводили то соображеніе, что самая подробная личная исторія есть, во-первыхъ, самая сомнительная въ сущности, такъ какъ никакой свидѣтель-очевидецъ не можетъ ни видѣть, ни запомнить, ни передать безошибочно всѣхъ подробностей жизни извѣстнаго лица или всѣхъ частностей даннаго событія; во-вторыхъ, что такая исторія будетъ совершенно анекдотична и случайна, такъ какъ существованіе и дѣятельность личности зависитъ отъ тысячи мелкихъ и случайныхъ причинъ. Наоборотъ, исторія народной массы, утверждали они,—будетъ, прежде всего, заключать въ себѣ только одно существенное и несомнѣнное; затѣмъ, такую исторію можно будетъ изучать болѣе точнымъ научнымъ методомъ: методомъ наблюденія массовыхъ явленій, т. е. *статистическимъ*; наконецъ, въ силу такого своего содержанія и метода исторія народной массы дастъ намъ возможность впервые понять причины и смыслъ историческихъ явленій; такимъ образомъ, исторія перестанетъ быть предметомъ простой любознательности, пестрымъ сборникомъ «дней прошедшихъ анекдотовъ»,—и сдѣлается предметомъ, способнымъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу.

Въ сравнительно короткое время новое направленіе завоевало себѣ почти всеобщее признаніе. Исторія «событій» отошла на второй планъ передъ исторіей «быта»,—учрежденій и нравовъ. Изученіе *внѣшней* исторіи (или, такъ называемой, прагматической, политической) должно было уступить мѣсто изученію *внутренней* (бытовой или культурной).

Таковъ общій смыслъ переворота, совершившагося въ нашихъ историческихъ понятіяхъ. «Культурная исторія» составляетъ предметъ занятій или, по крайней мѣрѣ, стремленій большинства историковъ нашего времени. Но согласіе между ними очень скоро кончается, какъ только рѣчь заходитъ о томъ, что должно составлять содержаніе культурной исторіи, и съ какой цѣлью ее слѣдуетъ изучать. Относительно содержанія культурной исторіи среди историковъ господствуетъ величайшее разногласіе. Одни готовы считать главнымъ предметомъ культурной исторіи — развитіе государства, другіе—развитіе соціальныхъ отношеній, третьи—экономическое развитіе. Съ другой стороны, понятіе культурной исторіи съуживается до явленій духовной культуры, и подъ культурной исторіей начинаютъ разумѣть исключительно исторію умственной, нравственной, религіозной и эстетической жизни человѣчества. Въ этомъ узкомъ смыслѣ понятіе культурной исторіи особенно стало употребительно въ нашей литературѣ. Какъ противоположность «культурной» исторіи въ узкомъ смыслѣ, у насъ часто употребляютъ терминъ «матеріальной» исторіи. Не разъ уже оказывалось, однако, что такое употребленіе терминовъ ведетъ къ излишнимъ недоразумѣніямъ и бываетъ причиной довольно безплодныхъ пререканій. Въ виду этого всего лучше, кажется, будетъ вернуться къ первоначальному употребленію слова «культурная» исторія, т.-е. пользоваться имъ въ томъ, болѣе широкомъ, смыслѣ, въ которомъ оно обнимаетъ всѣ стороны внутренней исторіи: и экономическую, и соціальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религіозную, и эстетическую. Этимъ устранятся, конечно, только одни терминологическія недоразумѣнія; вопросъ о томъ, какая, или какія изъ перечисленныхъ сторонъ общественной жизни должны считаться главными, или основными, и какія—вторичными или производными,—этотъ вопросъ остается открытымъ. Еще недавно въ основу историческаго процесса историки полагали развитіе духовнаго начала; въ наше время все болѣе распространяется противоположное мнѣніе, по которому все содержаніе исторіи сводится къ развитію матеріальныхъ потребностей. Оба эти взгляда представляются намъ, однако, одинаково односторонними, и споръ о первенствѣ того или другого элемента культурной исторіи кажется

намъ тоже не особенно плодотворнымъ. Мы должны, конечно, отличать болѣе простые явленія общественнаго развитія отъ болѣе сложныхъ; но попытки свести всѣ перечисленныя стороны исторической эволюціи къ какой-нибудь одной мы считаемъ совершенно безнадежными. Какъ бы далеко мы ни пошли въ анализѣ элементовъ соціальной жизни, во всякомъ случаѣ, основа историческаго процесса не можетъ быть проще и однороднѣе, чѣмъ основа человѣческой природы, развивающейся въ этомъ процессѣ. И если гдѣнибудь можно различать простое и сложное, то это не въ разныхъ сторонахъ человѣческой природы, а въ различныхъ ступеняхъ ея развитія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ развитіе каждой стороны исторической жизни начинается съ простого и кончается сложнымъ. Чѣмъ ближе къ началу процесса, тѣмъ элементарнѣе проявленія различныхъ сторонъ жизни,—матеріальной и духовной,—и тѣмъ тѣснѣе эти стороны связаны другъ съ другомъ. Чѣмъ далѣе развивается процессъ, тѣмъ болѣе различныя стороны процесса выдѣляются другъ отъ друга и тѣмъ сложнѣе становятся продукты ихъ взаимодѣйствія.

Какъ бы мы ни рѣшили, впрочемъ, споръ о взаимномъ отношеніи разныхъ сторонъ «культурной исторіи», мы никогда не поймемъ, почему этотъ споръ принялъ такой острый характеръ, если останемся при его обсужденіи на чисто теоретической почвѣ. Отдавая преимущество исключительно матеріальнымъ, или исключительно духовнымъ явленіямъ культуры, стараясь свести одни изъ этихъ явленій къ другимъ, обѣ спорящія стороны, большею частью, руководились задними мыслями, которыя и давали тонъ всей полемикѣ. Центръ тяжести спора заключался, въ сущности, не столько въ пререканіяхъ по поводу *содержанія* культурной исторіи, сколько въ разногласіяхъ по поводу *цѣли и способовъ* историческаго изученія. На этой почвѣ столкнулись уже не различныя научныя гипотезы, болѣе или менѣе вѣроятныя, а различныя міровоззрѣнія, совершенно непримиримыя другъ съ другомъ; принявъ подъ свою защиту ту или другую гипотезу, эти міровоззрѣнія сообщили и этимъ гипотезамъ тотъ же характеръ непримиримости.

Культурная исторія, сказали мы выше, можетъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу. Оба эти побужденія для занятій культурной исторіей—и научный интересъ, и практическая польза—одинаково умѣстны и законны. Но не надо забывать, что это—два различныя побужденія. Тамъ, гдѣ ученый спрашиваетъ о *причинѣ* явленія,—практическій дѣятель спрашиваетъ о *цѣли*, вызвавшей это явленіе къ жизни. Первый, ставя

свой вопросъ, «почему»,—стремится къ уясненію *закономѣрности* историческаго процесса. Второй, съ своимъ вопросомъ, «зачѣмъ»,—старается постигнуть его *цѣлесообразность*. Первый ищетъ въ исторіи только причинной связи явленій; второй добивается ихъ «смысла». И если первый никоимъ образомъ не можетъ признать историческое явленіе безпричиннымъ, то второй, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, долженъ будетъ признать это самое явленіе—безсмысленнымъ. Тамъ, гдѣ первый ограничится спокойнымъ наблюденіемъ фактомъ и удовлетворится открытіемъ ихъ внутренняго отношенія,—тамъ второй постарается вмѣшаться въ ходъ событій и установить между ними то отношеніе, какое ему желательно. Однимъ словомъ, первый поставитъ своею цѣлью изученіе, второй—творчество; одинъ откроетъ законы исторической науки, а другой установитъ правила политическаго искусства.

Во всемъ этомъ параллелизмѣ нѣтъ, какъ видимъ, ничего неправильнаго и незаконнаго. Наука и искусство вездѣ и всегда существовали рядомъ, не мѣшая другъ другу и не врываясь въ законную сферу взаимной дѣятельности. Искусство нуждается въ наукѣ: въ данномъ случаѣ, политическое искусство нуждается въ законахъ исторической науки, безъ знанія которыхъ не могутъ быть установлены его правила. Вотъ и всѣ нормальныя отношенія ихъ другъ къ другу. Въ теоріи такъ легко провести эту демаркаціонную линію. И однако же, оказывается почти невозможнымъ выдержать ее на практикѣ. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ познающій и дѣйствующій субъектъ стоятъ такъ близко другъ къ другу, такъ часто совмѣщаются въ одномъ лицѣ, что смѣшеніе научной и практической точки зрѣнія становится самымъ обыкновеннымъ случаемъ. Механика и химика никакая внутренняя сила не побуждаетъ заняться непремѣнно усовершенствованіями въ машиностроеніи или въ технологіи. Физіологъ обыкновенно не занимается леченіемъ людей, хотя легко представить себѣ случай, въ которомъ дать медицинскій совѣтъ будетъ для него нравственной обязанностью. То, что для физіолога составляетъ болѣе или менѣе рѣдкій случай,—для соціолога и историка превращается въ общее правило. Какъ членъ даннаго общества, соціологъ необходимо чувствуетъ потребность или обязанность прилагать свое знаніе къ оцѣнкѣ окружающей его общественной дѣятельности. Въ большей или меньшей степени, слѣдовательно,—своей дѣятельностью, или даже просто своими мнѣніями—онъ поневолѣ призванъ играть роль общественнаго дѣятеля. Весьма естественно, что обязанности общественнаго дѣятеля оказываютъ воздѣйствіе на направленіе ученой работы, и точка зрѣнія цѣлесообразности переносится въ не-

принадлежащую ей область причиннаго объясненія. Это вполнѣ естественно, но, тѣмъ не менѣе, неправильно. Что же сказать, когда на помощь факту является оправдывающая его теорія, и вторженіе искусства въ область науки объявляется дѣломъ вполнѣ законнымъ? Оцѣнка такой теоріи, очевидно, вполнѣ зависитъ отъ оцѣнки диктующаго ее побужденія. Такъ какъ подобное сочетаніе разнородныхъ точекъ зрѣнія нельзя уже бываетъ отнести ни къ области науки, ни къ области искусства, то единственнымъ возможнымъ исходомъ оказывается—отнести ее къ области «философіи». Философія—это тотъ паровой котелъ, въ которомъ всевозможные ирраціональные обрѣзки человѣческаго духа претворяются въ однородную и безцвѣтную массу высшаго синтеза, готовую принять въ умѣлыхъ рукахъ какую угодно форму.

Поиски за «смысломъ» исторіи, истолкованіе историческаго процесса съ точки зрѣнія цѣлесообразности, дѣйствительно, только и могутъ быть отнесены къ области «философіи исторіи». Ни историческая наука, ни политическое искусство не имѣютъ съ этой промежуточной областью ничего общаго. При этихъ условіяхъ не можетъ быть дальнѣйшаго спора между противниками и сторонниками «философіи исторіи». Дѣло рѣшается простой справкой съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ. Для однихъ эта рубрика въ самой себѣ заключаетъ свое лучшее оправданіе. Для другихъ, — и мы принадлежимъ къ ихъ числу,—«философія исторіи», въ смыслѣ телеологическаго объясненія исторіи, есть только одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ обломковъ давно разрушеннаго міровоззрѣнія.

Здѣсь, впрочемъ, необходимо объясниться подробнѣе. Мы очень хорошо знаемъ, что и «философія исторіи» нашего времени все болѣе и болѣе проникается общимъ научнымъ духомъ, и что она уже очень многое сдѣлала, чтобы, по возможности, ограничить область исторической телеологіи. Нечего и говорить, что «философы исторіи» нашего времени не прилагаютъ къ объясненію исторіи ни богословской телеологіи, ни даже философской въ полномъ ея объемѣ. Они отказываются отъ понятія о высшей цѣли, руководящей развитіемъ человѣчества. Они готовы даже пожертвовать философской идеей общаго плана, осуществляющагося во всемірной исторіи. Все, чего они хотятъ,—это признанія той степени цѣлесообразности, которую вкладываетъ въ исторію самъ человѣкъ, какъ дѣятель историческаго процесса. Область исторіи, говорятъ они, есть область человѣческихъ поступковъ; а дѣятельность человѣческой воли, несомнѣнно, цѣлесообразна. Цѣль, существующая въ человѣческомъ сознаніи, — это таже причина его поступка. Такимъ образомъ, цѣлесообразность соціальнаго процесса есть только част-

ный случай причинности, господствующей въ міровомъ процессѣ. Противъ такой аргументаціи едва ли можно было бы что-нибудь возразить; но дѣло въ томъ, что, если бы всѣ «философы исторіи» держались *такой* аргументаціи, философія исторіи прекратила бы свое существованіе и замѣнилась бы научной теоріей развитія воли въ соціальномъ процессѣ, или, что то же, научной теоріей «прогресса». Къ сожалѣнію, многіе философы исторіи продолжаютъ смотрѣть на волю, какъ на самостоятельный, какъ бы извнѣ данный факторъ историческаго развитія. Признавая волю самостоятельнымъ факторомъ, они не всегда помнятъ, что волевой механизмъ приводится въ движеніе причинами болѣе первичнаго характера. Утверждая цѣлесообразность человѣческихъ поступковъ, они забываютъ, что еще цѣлая пропасть раздѣляетъ каждый отдѣльный цѣлесообразный поступокъ, съ его личными побужденіями, въ его ближайшей обстановкѣ, — отъ его соціальныхъ послѣдствій, отъ цѣлесообразнаго общественнаго результата. Наконецъ, они недостаточно обращаютъ вниманіе на то, что для заполненія этой пропасти,—для того, чтобы превратить индивидуальный цѣлесообразный поступокъ въ общественно-цѣлесообразный результатъ,—необходимъ цѣлый рядъ условій, осуществляющихся *вполнѣ* только на высшихъ ступеняхъ общественной жизни. Только тамъ, гдѣ въ рядѣ поколѣній существуетъ одинаковое пониманіе цѣли, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе традиціей и воспитаніемъ; только тамъ, гдѣ существуетъ общественная организація, приспособленная къ вполнѣ сознательнымъ и цѣлесообразнымъ общественнымъ поступкамъ массы,—только въ такихъ случаяхъ можно говорить о цѣлесообразномъ ходѣ историческаго процесса. Выясненіемъ всѣхъ этихъ условій исторической цѣлесообразности занимается научная теорія прогресса, стоящая на границѣ науки и искусства; а «философія исторіи» спѣшитъ отдѣлить свое дѣло отъ дѣла науки и требуетъ для себя, во имя идеала, апріорнаго права прикидывать къ исторіи идеальную мѣрку и судить историческія явленія нравственнымъ судомъ.

И такъ, между научнымъ объясненіемъ культурной исторіи и практическимъ приложеніемъ результатовъ такого объясненія къ жизни — не можетъ быть ничего средняго. Политика можетъ и должна воспользоваться соціологіей, не прибѣгая ни къ какой помощи «философіи».

Намъ остается теперь изложить нашъ взглядъ на научное объясненіе исторіи. Въ основѣ такого объясненія должна лежать, какъ мы говорили, идея закономѣрности историческаго процесса. Цѣлесообразная дѣятельность личности, съ точки зрѣнія

науки, есть только одно изъ видоизмѣненій причинной связи явленій: это тотъ же закономѣрный процессъ, перенесенный изъ области внѣшняго міра въ область психической жизни. Цѣлесообразный же ходъ исторіи нисколько не вытекаетъ самъ по себѣ изъ цѣлесообразной дѣятельности личности, хотя и можетъ сдѣлаться цѣлью ея сознательныхъ стремленій. Какихъ бы сложныхъ и высокихъ формъ ни достигало развитіе сознательной дѣятельности личности, эта дѣятельность нисколько не мѣшаетъ научному представленію о закономѣрномъ ходѣ исторіи, а является только лишнимъ факторомъ, подлежащимъ научному изученію и объясненію съ точки зрѣнія закономѣрности. Такимъ образомъ, свободное творчество личности никоимъ образомъ нельзя противопоставлять законамъ историческаго процесса, такъ какъ и самое это творчество входитъ въ рамки тѣхъ же самыхъ законовъ.

Такое широкое примѣненіе идеи закономѣрности необходимо вытекаетъ изъ современнаго взгляда на міръ, точно также какъ идея цѣлесообразности вытекала изъ стараго міровоззрѣнія. Мы принимаемъ закономѣрность историческихъ явленій совершенно независимо отъ того, можетъ ли исторія открыть намъ эти искомые законы. Если бы даже намъ никогда не суждено было открыть ни одного историческаго закона, мы, по необходимости, должны были бы все-таки предполагать ихъ существованіе.

Эту оговорку необходимо сдѣлать, такъ какъ признать историческую закономѣрность несравненно легче, чѣмъ открыть законы исторіи. Сложность историческихъ явленій такова, что, нисколько не подрывая идеи закономѣрности, вполнѣ естественно усомниться даже въ самомъ существованіи спеціальныхъ «историческихъ законовъ». Въ популярной рѣчи мы такъ привыкли обозначать историческіе процессы и факты условными общими именами, что часто совсѣмъ забываемъ о томъ, что общее имя и реальный фактъ суть двѣ разныя вещи. Мы разсуждаемъ о причинахъ развитія реформаціи или о причинахъ неудачи революціи, какъ будто бы реформація и революція были какимъ-то осязаемымъ предметомъ, а не безконечнымъ количествомъ процессовъ, объединяемыхъ въ одно цѣлое исключительно въ нашемъ сознаніи. При такихъ условіяхъ мы легко принимаемъ за историческій законъ такія сочетанія явленій, которыя, собственно говоря, требуютъ еще дальнѣйшаго, болѣе глубокаго анализа. Возьмемъ для примѣра послѣдовательность различныхъ формъ государственнаго устройства. Извѣстно то наблюденіе, выведенное преимущественно изъ античной жизни, по которому за патріархальной монархіей слѣдуетъ господство аристократіи, затѣмъ идетъ демократизація государственнаго строя,

кончающаяся господствомъ черни и возвращеніемъ къ новой формѣ монархіи. Допустимъ, что это наблюденіе подтвердилось бы во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Спрашивается, имѣли ли бы мы даже и въ этомъ случаѣ дѣло съ «историческимъ закономъ»? Очевидно, нѣтъ, такъ какъ каждую изъ этихъ формъ мы никоимъ образомъ не могли бы считать причиной послѣдующей формы,— точно такъ же, какъ не можемъ считать молодость—причиной зрѣлаго возраста, а зрѣлый возрастъ—причиной старости. Каждое изъ этихъ состояній, какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ, составляетъ, очевидно, совокупность многихъ процессовъ, причины которыхъ и являются истинными причинами того общаго результата, который бросается въ глаза наблюдателю. Итакъ, этотъ общій результатъ, кажущійся на первый взглядъ чѣмъ-то цѣльнымъ и единымъ, мы должны анализировать дальше, чтобы выдѣлить отдѣльные, создавшіе его, факторы. Легко можетъ оказаться, что и выдѣленные нами факторы, въ свою очередь, будутъ не простыми элементами, а сложными равнодѣйствующими болѣе элементарныхъ силъ. Мы остановимся въ этомъ анализѣ только тогда, когда дойдемъ до элементовъ, извѣстныхъ намъ изъ ближайшей сосѣдней области знанія, т.-е. когда увидимъ, что силы, дѣйствующія въ исторіи, находятъ себѣ объясненіе въ психологіи и вмѣстѣ съ послѣдней опираются на все зданіе закономѣрности болѣе простыхъ явленій міра, — физическихъ, химическихъ или физіологическихъ.

Чѣмъ же, однако, руководствоваться при подобномъ анализѣ сложнаго соціологическаго процесса? Напомнимъ, прежде всего, что процессъ этотъ мы признали закономѣрнымъ въ его цѣломъ, т.-е. во всей его конкретности. Мы не можемъ выбрать изъ процесса предполагаемыхъ нами единообразій, назвать ихъ, — какъ это иногда дѣлается,—законами, а все остальное считать отступленіемъ отъ закона и просто-на-просто—отбросить. Такъ называемыя, «отступленія», въ сущности, такъ же закономѣрны, какъ и законы. Признавши необходимость разлагать историческія явленія на простые элементы, мы этимъ самымъ признали, что сами по себѣ эти явленія сложны. Необходимо признать и то, что сочетанія элементовъ при безконечной сложности явленій будутъ безконечно разнообразны и что закономѣрности надо искать прежде всего въ дѣйствіи отдѣльныхъ элементовъ, а потомъ уже въ ихъ сочетаніяхъ. Такимъ образомъ, задача анализа сводится къ тому, чтобы выдѣлить изъ сложнаго соціологическаго итога дѣйствія отдѣльныхъ элементовъ и опредѣлить сферу ихъ вліянія. Путь, которымъ можно надѣяться достигнуть этой цѣли,—можетъ быть двоякій. Можно взять прямо

готовый итогъ и попытаться выяснить роль создавшихъ его причинъ путемъ извѣстныхъ пріемовъ индуктивнаго изслѣдованія. Этимъ методомъ съ блестящимъ успѣхомъ пользовались статистики; но употребленіе его зависитъ отъ того, имѣется ли подходящій матеріалъ для наблюденій, а значеніе выводовъ ограничивается предѣлами изслѣдованнаго матеріала. Естественно, что рядомъ съ этимъ методомъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе признается необходимымъ употреблять другой—дедуктивный. Если признать, что историческая закономѣрность должна быть сведена къ закономѣрности явленій сосѣднихъ областей,—и прежде всего къ закономѣрности психологической,—то сама собой является мысль приложить извѣстные наукѣ законы этихъ явленій къ объясненію историческаго процесса. Возьмемъ для примѣра такой дедукціи основной и необходимый физіологическій фактъ: способность людей къ размноженію и перевѣсъ рождающихся вновь людей надъ умирающими. Изъ этой способности естественно вытекаетъ тотъ выводъ, что населеніе любой страны, каковы бы ни были ея особенности, будетъ стремиться къ увеличенію. Присоединимъ теперь къ этой физіологической тенденціи тотъ психологическій законъ, по которому потребность въ пропитаніи составляетъ сильнѣйшее побужденіе къ человѣческой дѣятельности. Увеличеніе населенія сдѣлаетъ, конечно, необходимымъ увеличить и то количество средствъ пропитанія, которое это населеніе извлекаетъ изъ окружающей обстановки. Но одна и та же обстановка можетъ дать больше средствъ къ жизни только тогда, когда увеличено количество прилагаемаго къ ней труда. Стало быть, напряженность (интенсивность) труда, прилагаемаго къ данной единицѣ площади, необходимо будетъ возрастать по мѣрѣ увеличенія населенія. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества труда явится техническая возможность, или даже необходимость—измѣнить его форму. Ловля животныхъ, требующая наименьшей затраты труда (охотничій бытъ), замѣнится болѣе тяжелымъ прирученіемъ животныхъ и уходомъ за ними, сперва, по возможности легкимъ, (кочевой пастушескій бытъ). Уходъ за животными уступитъ, въ свою очередь, мѣсто еще болѣе трудному уходу за землею (земледѣльческій бытъ). И уходъ за землей, по мѣрѣ уменьшенія того количества ея, которое приходится на человѣка,—будетъ становиться все болѣе и болѣе интенсивнымъ; въ началѣ земледѣльческаго развитія мы встрѣтимъ простое пользованіе землей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ—до полнаго истощенія, послѣ котораго необходимо бываетъ надолго забросить землю (переложная система); а въ концѣ этого процесса мы найдемъ уже искусственное удобреніе каждаго клочка

земли и самые сложные ряды перемѣнъ въ посѣвахъ, разсчитанные такъ, чтобы вернуть землѣ только что взятые у нея составные элементы. Мы видимъ на этомъ примѣрѣ цѣлый рядъ матеріальныхъ состояній, переходящихъ одно въ другое совершенно иначе, чѣмъ монархія переходитъ въ аристократію, а аристократія въ демократію. Тогда какъ тамъ мы должны были предположить въ основѣ рядъ сложныхъ процессовъ, требующихъ каждый особаго объясненія,—здѣсь мы прямо имѣемъ дѣло съ элементарными факторами, непосредственно объясняющими процессъ: съ размноженіемъ населенія и съ потребностью питанія. Мы нисколько не склонны, впрочемъ, считать только что объясненный процессъ единственнымъ простымъ и элементарнымъ процессомъ исторіи. Если бы психологія выработала ученіе объ эволюціи психическаго склада, мы увѣрены, что это ученіе могло бы служить совершенно такой же опорой для соціологической дедукціи, какъ только что приведенные факторы. Даже и въ настоящее время, поскольку выясняется преобладаніе двигательныхъ (моторныхъ) элементовъ въ началѣ психическаго развитія, аффективныхъ и интеллектуальныхъ (чувствованій и мысли) въ его дальнѣйшемъ ходѣ,—возможно было бы, какъ намъ кажется, обосновать на этой психической эволюціи индивидуума—историческую психологію рода. Какъ бы то ни было, возможности соціологическихъ дедукцій нельзя отрицать; достаточно только вспомнить, что на такого рода дедукціяхъ преимущественно основывалось большинство историковъ первобытной культуры. Въ результатѣ этихъ дедукцій необходимо получается представленіе, въ настоящее время уже достаточно распространенное,—что существуетъ рядъ основныхъ закономѣрныхъ эволюцій разныхъ сторонъ соціальной жизни, что ходъ этихъ эволюцій необходимо вытекаетъ изъ коренныхъ, элементарныхъ свойствъ эволюціонирующихъ факторовъ и что, слѣдовательно, въ любомъ человѣческомъ обществѣ ходъ этотъ будетъ, по необходимости, одинаковый.

Въ наше время, кажется, нѣтъ основаній опасаться, что историческая теорія будетъ продолжать игнорировать эти основныя, всюду одинаковыя тенденціи историческаго процесса. Является, напротивъ, противоположная опасность, что теорія придастъ имъ слишкомъ исключительное значеніе при объясненіи реальныхъ историческихъ явленій. Не надо забывать, что построить дедуктивнымъ путемъ извѣстную закономѣрную послѣдовательность соціальнаго развитія еще не значитъ объяснить вполнѣ историческую реальность. Основная закономѣрная тенденція есть только одинъ изъ факторовъ историческаго процесса; нигдѣ и никогда эта тен-

денція не осуществляется въ своемъ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ. Историкъ, который ограничился бы выдѣленіемъ одного этого основного фактора соціологической эволюціи и счелъ бы на этомъ свою задачу покончепной, походилъ бы (мы пользуемся здѣсь удачнымъ сравненіемъ Шмоллера) на химика, который, разложивъ воду на составныя части, объявилъ бы, что главное значеніе при образованіи воды имѣетъ кислородъ, такъ какъ его въ восемь разъ больше, чѣмъ водорода. Въ чистомъ своемъ видѣ внутренняя тенденція соціальнаго процесса есть только отвлеченная возможность. Чтобы перейти изъ возможности въ дѣйствительность, эта тенденція должна преломиться въ призмѣ реальныхъ условій исторической жизни. Подъ вліяніемъ данныхъ географическихъ, климатическихъ, почвенныхъ и друг. условій, основное направленіе исторической жизни можетъ разнообразиться до безконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможныхъ варіацій одну и ту же основную подкладку. Прямая обязанность историка не только обнаружить присутствіе этой подкладки, но и объяснить причины ея проявленія именно въ данной конкретной формѣ, въ каждой отдѣльной варіаціи. Вернемся къ нашему старому примѣру: къ вліянію размноженія населенія на его экономическій строй. Представимъ себѣ, что народъ живетъ среди обстановки, которая только и даетъ возможность охотничьей или кочевой жизни, напр. гдѣ-нибудь въ Лапландіи или въ Киргизскихъ степяхъ. Понятно и безъ историческихъ справокъ, что такой народъ останется на низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, пока не измѣнятся кореннымъ образомъ внѣшнія условія его жизни; если же эти условія останутся неизмѣнными въ теченіе долгаго времени, то онъ выработаетъ себѣ особый національный типъ, вполнѣ приспособленный къ обстановкѣ, а численность его остановится на тѣхъ размѣрахъ, какіе въ состояніи прокормить данная страна при данныхъ условіяхъ. Наша основная тенденція въ этомъ случаѣ не уничтожится, какъ не уничтожается, напр., законъ тяготѣнія въ случаѣ равновѣсія тѣла; но совокупный результатъ дѣйствія этой тенденціи и данной обстановки будетъ уже иной. Законъ же дальнѣйшаго развитія этой тенденціи не будетъ осуществляться, какъ не осуществляется законъ ускоренія падающаго тѣла, если тѣло находится въ состояніи покоя.

Всмотримся ближе во взаимное отношеніе этихъ элементовъ: основной соціологической тенденціи и среды, въ которой она осуществляется. Въ сущности, между тѣмъ и другимъ элементомъ никакой анализъ не откроетъ никакой необходимой связи. Соціологическій процессъ долженъ осуществляться въ какой-нибудь

средѣ; но почему именно въ данной средѣ? Почему лопарь попалъ, въ нашемъ примѣрѣ, въ Лапландію, а киргизъ—въ Киргизскую степь? Почему русскій попалъ на восточную европейскую равнину, а французъ въ романизованную Галлію? Конечно, и для этого были свои причины: такъ распредѣлилась суша на данномъ клочкѣ земного шара; таковы были условія первоначальнаго разселенія племенъ, что одни опередили другихъ, а другія опоздали занять лучшія мѣста, или не добрались до нихъ по какимъ-либо причинамъ. Но къ внутреннимъ законамъ общественной жизни это распредѣленіе племенъ на земномъ шарѣ имѣетъ развѣ только очень отдаленное отношеніе. Законы дѣйствія обстановки на общественную жизнь останутся, конечно, повсюду одни и тѣ же; но связь *данной* обстановки съ данной общественной группой будетъ, конечно, явленіемъ случайнымъ, въ томъ смыслѣ, что эта связь вовсе не вытекаетъ изъ внутреннихъ законовъ общественной эволюціи. И несмотря на случайность этой связи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мы не можемъ оставить ее безъ научнаго объясненія? Занимаемся ли мы общимъ изученіемъ соціологическихъ законовъ, или прилагаемъ эти законы къ объясненію даннаго частнаго случая, во всякомъ случаѣ, законы соціальнаго дѣйствія обстановки точно также должны быть приняты во вниманіе, какъ и законы общественной эволюціи.

Введя, такимъ образомъ, въ объясненіе новый усложняющій факторъ — обстановки, — мы далеко еще не кончили объясненія. Прежде всего, видоизмѣняющее вліяніе обстановки не ограничивается вліяніемъ самой среды, въ которой живетъ данный народъ. Въ дѣйствительности, ни одинъ народъ не живетъ особнякомъ, изолированно. Каждая страна окружена тѣми или другими опредѣленными народами и государствами. Это сосѣдство составляетъ новую причину, видоизмѣняющую еще разъ, и иногда весьма существенно, основной ходъ историческаго развитія. Извѣстный примѣръ Англіи, окруженной моремъ, въ сравненіи съ континентальными государствами Европы, показываетъ, какъ можетъ измѣниться развитіе страны подъ вліяніемъ отсутствія или присутствія непосредственныхъ сосѣдей. Но не одно только ближайшее сосѣдство оказываетъ вліяніе этого рода. Достаточно вспомнить, что передвиженіе всемірной торговли на океанъ подорвало средневѣковую торговлю на внутреннихъ моряхъ, Средиземномъ и Балтійскомъ. Урожай хлѣба въ Индіи, Австраліи или Америкѣ, въ настоящее время, оказываетъ существенное вліяніе на положеніе русскаго земледѣлія. Такимъ образомъ, еще очевиднѣе, чѣмъ дѣйствіе среды, дѣйствіе окружающей обстановки является

внѣшнимъ—и въ этомъ смыслѣ случайнымъ—по отношенію къ ходу внутренняго развитія. И такъ же мало, какъ въ томъ случаѣ, это дѣйствіе можетъ считаться второстепеннымъ при объясненіи историческаго результата. Самое понятіе главнаго и второстепеннаго должно быть или вовсе оставлено, или существенно видоизмѣнено при научномъ объясненіи исторіи, точно также, какъ и понятія случайнаго и необходимаго. Нѣтъ причинъ главныхъ и необходимыхъ, случайныхъ и второстепенныхъ. Есть только причины съ болѣе широкимъ и съ менѣе широкимъ кругомъ дѣйствія, причемъ ни объ одной категоріи причинъ нельзя утверждать заранѣе, какъ широка или какъ ограничена окажется сфера ихъ вліянія въ каждомъ данномъ случаѣ.

Установивъ этотъ основной принципъ соціологическаго объясненія, мы можемъ теперь смѣлѣе подойти къ оцѣнкѣ значенія послѣдняго фактора, подлежащаго нашему разсмотрѣнію. Рѣчь идетъ объ обширномъ классѣ явленій, вносящихъ наибольшую случайность въ исторію, наименѣе поддающихся закономѣрному объясненію и на этомъ основаніи относимыхъ одними къ самымъ важнымъ, а другими—къ самымъ второстепеннымъ факторамъ историческаго процесса. Соединенное дѣйствіе основныхъ соціологическихъ тенденцій и среды объясняетъ, въ существенныхъ чертахъ, эволюцію соціальнаго *порядка*, учрежденій и нравовъ. Но этихъ факторовъ недостаточно для объясненія историческихъ «событій» и «дѣяній», привлекавшихъ главное вниманіе старыхъ историковъ. Нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, что и явленія этого рода допускаютъ вполнѣ научное и закономѣрное объясненіе. Нельзя спорить и противъ того, что, при такомъ объясненіи, тѣ же извѣстные намъ факторы, создающіе общественный «порядокъ», должны играть существенную роль. Но, за вычетомъ всего, что въ историческихъ «событіяхъ» поддается закономѣрному объясненію изъ условій среды и соціологической эволюціи, несомнѣнно остается нѣкоторый остатокъ, объясняемый индивидуальными особенностями дѣйствующихъ лицъ. Немало усилій было употреблено на то, чтобы доказать, что этотъ остатокъ будетъ совершенно ничтоженъ, что при историческомъ объясненіи можно его игнорировать, но никто, кажется, не пытался доказывать, что такого остатка не получится вовсе. Возьмемъ для наглядности нѣсколько примѣровъ. Левъ Толстой приводилъ мнѣніе историковъ, что европейскія событія пошли бы инымъ путемъ, если бы у Наполеона во время Бородинской битвы не было насморка. Паскаль говорилъ, что, будь у Клеопатры носъ немножко короче, весь земной шаръ имѣлъ бы другой видъ. Въ этой парадоксальной формѣ значеніе личности въ исторіи подчерки-

вается тѣмъ ярче, что самая дѣятельность личности поставлена въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ. Предположимъ, что историкъ-спеціалистъ доказалъ бы намъ, что дѣйствія Наполеона и Антонія не зависѣли отъ указанныхъ случайностей, и что, тѣмъ болѣе, паденіе наполеоновской имперіи и возникновеніе римской не зависѣли отъ дѣйствій данныхъ историческихъ личностей. Что мы должны были бы отсюда вывести? Конечно, не то, что болѣзненное состояніе и впечатлѣніе женской красоты вообще не могутъ имѣть вліянія на психологію историческихъ дѣятелей, и не то, что психологія дѣятелей не имѣетъ вліянія на ходъ историческихъ событій. Самое большее, мы могли бы сказать, что въ данномъ случаѣ насморкъ могъ не имѣть вліянія на Наполеона, а красота Клеопатры—на поведеніе Антонія, и что, вообще, одной психологіей историческихъ дѣятелей нельзя объяснять сложныхъ соціальныхъ явленій. Другими словами, мы признали бы причину, но ограничили бы кругъ ея дѣйствія. Но пойдемъ еще дальше въ анализѣ взятыхъ нами примѣровъ. Эту причину не слѣдуетъ ли, въ силу ограниченности ея вліянія, признать случайной и ничтожной? Въ популярной рѣчи мы обыкновенно хотимъ сказать этимъ, что не этой причиной объясняется данное общественное явленіе. что оно совершилось бы и безъ ея участія. Но, во-первыхъ, нельзя не допустить, что, если не общій смыслъ, то, по крайней мѣрѣ, индивидуальная физіономія даннаго явленія могла бы измѣниться, если бы не дѣйствовали названныя причины; и что, вообще, тѣ или другія причины подобнаго рода должны всегда быть налицо, чтобы явленіе могло существовать и имѣть индивидуальную физіономію. И такъ, для полнаго объясненія данныхъ событій, утвержденія одной имперіи и паденія другой,—для объясненія ихъ, какъ они были въ дѣйствительности, а не какъ могли быть, и приведенныя причины должны быть приняты во вниманіе. Но является дальнѣйшій вопросъ. Полное объясненіе данныхъ, конкретныхъ фактовъ нужно историку; но нужно ли оно соціологу? Имѣя въ виду открытіе законовъ и пользуясь конкретными данными только какъ матеріаломъ, не долженъ ли соціологъ просто оставить въ сторонѣ всѣ факторы, придающіе событію индивидуальную физіономію? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Индивидуальная физіономія факта точно также подлежитъ закономѣрному объясненію, какъ и его общій характеръ. Собственно говоря, трудно было бы даже провести опредѣленную границу между общей и частной стороной историческаго явленія, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ только результатъ совмѣстнаго дѣйствія общихъ и частныхъ факторовъ. Недавно сдѣлана была попытка разграничить ту и другую сторону на основаніи того

признака, что общія явленія (напр., жизнь отдѣльныхъ единицъ, составляющихъ народъ) повторяются, а частныя (напр., жизнь государя страны, извѣстная война и т. д.) происходятъ только одинъ разъ и поэтому «не имѣютъ причины, въ научномъ смыслѣ» (Лакомбъ). Разсужденіе это чрезвычайно характерно для направленія, надѣющагося открыть закономѣрность въ исторіи путемъ устраненія всего «случайнаго». Достаточно небольшого размышленія, чтобъ убѣдиться, что повтореніе явленій не лишаетъ ихъ конкретнаго, единичнаго характера. Каждое изъ явленій, совершающихся въ массѣ, точно также совершается только одинъ разъ съ каждой единицей массы; и вся совокупность этихъ явленій совершается только одинъ разъ въ жизни даннаго государства. Въ общественной жизни, какъ и въ личной (какъ и въ міровой, слѣдовало бы прибавить), ни одно явленіе не повторяется; конкретныя формы явленій безконечно разнообразны, несмотря на единообразіе законовъ, съ помощью которыхъ мы объясняемъ явленія. Въ этомъ смыслѣ каждый фактъ, какъ бы великъ или малъ онъ ни былъ, допускаетъ закономѣрное объясненіе и можетъ повести къ открытію постоянной причинной связи явленій. Пути планетъ, носящихся въ небесномъ пространствѣ, и случайное паденіе яблока съ дерева одинаково могли повести къ открытію закона тяготѣнія. Но послѣ пресловутаго яблока Ньютона, не сохраненнаго потомству никакимъ музеемъ древностей, множество яблокъ падаютъ съ яблонь каждый день, не возбуждая болѣе ничьего вниманія. Для науки красота Клеопатры могла бы сыграть роль этого яблока, если бы нашелся какой-нибудь мыслитель, который вывелъ бы изъ этого обстоятельства новый законъ психическаго тяготѣнія. Если въ дѣйствительности эта подробность насъ нисколько не интересуетъ, то это не потому, чтобы мы не могли открыть ея закономѣрнаго дѣйствія, а только потому, что психологическое дѣйствіе любви извѣстно намъ изъ другихъ, болѣе надежныхъ источниковъ. Напротивъ, какъ скоро рѣчь заходитъ о соціологическомъ дѣйствіи психологіи государей,— вопросъ, далеко не рѣшенномъ, тотчасъ пріобрѣтаетъ законное право на наше вниманіе и носъ Клеопатры, и становится даже предметомъ ожесточенной полемики.

Мы намѣренно разсматривали вопросъ о вліяніи личности на такихъ примѣрахъ, въ которыхъ психологія личности обусловливается совершенно внѣшними обстоятельствами, и вліяніе личности на ходъ историческихъ событій оказывается вполнѣ непреднамѣреннымъ. Между тѣмъ, къ тому же классу явленій относятся и тѣ случаи, когда личность—въ роли правителя, законодателя, моралиста, изобрѣтателя и т. д.—дѣйствуетъ преднамѣренно и цѣле-

сообразно. Мы не нашли возможности отвергнуть всякое значеніе личнаго фактора въ примѣрахъ, въ которыхъ это значеніе сводится къ минимуму. Естественно, что въ случаяхъ, только что указанныхъ, личное вліяніе приметъ еще болѣе значительные размѣры. Династическія войны Людовика XIV и испанскихъ Филипповъ, конечно, сильно подорвали французскую и испанскую промышленность; но гораздо болѣе сильное и длительное вліяніе имѣла та систематическая политика этихъ правителей, которая повела къ выселенію изъ Франціи и Испаніи значительной части торгово-промышленнаго класса. И въ приведенномъ раньше примѣрѣ достаточно сравнить образъ дѣйствій Антонія съ цѣлесообразной политикой Октавія, чтобы почувствовать, какъ разнится невольное дѣйствіе личности отъ дѣйствія сознательнаго. На примѣрѣ Людовика XIV и Филипповъ мы можемъ видѣть, что можетъ сдѣлать личность, дѣйствующая наперекоръ эволюціонной тенденціи соціальнаго процесса. Насколько увеличивается соціальная сила той же личности въ томъ случаѣ, если она дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ развитіемъ историческаго процесса, можно видѣть на примѣрахъ многихъ изъ тѣхъ дѣятелей, которымъ исторія присвоила прозваніе «великихъ». Личность, какъ выразитель или исполнитель потребности времени, становится всемогущей. Отсюда и вытекаетъ тотъ обманъ зрѣнія, который принимаетъ историческій процессъ за созданіе личныхъ усилій героевъ. «Всемірная исторія,—говоритъ Карлейль въ своемъ «Культѣ героевъ»,—есть, въ сущности, какъ я понимаю ее, исторія дѣйствующихъ въ мірѣ великихъ людей. Они были руководителями массы,—эти великаны,—созидателями, образцами, творцами всего, что стремилась создать и чего стремилась достигнуть человѣческая толпа. Все, что мы видѣли осуществленнымъ въ этомъ мірѣ, есть, собственно, внѣшній матеріальный результатъ, осуществленіе и воплощеніе на практикѣ идей, жившихъ въ великихъ людяхъ, ниспосланныхъ міру. Душой всемірной исторіи,—по справедливости слѣдуетъ признать,—была ихъ исторія». Въ этомъ взглядѣ вѣрно только одно. При той безсознательности и стихійности, съ которой совершалась до сихъ поръ всегда и вездѣ общественная эволюція, дѣйствительно, только личности, оффиціальные или моральные руководители массы, совершали общественно-цѣлесообразные поступки. Но зато эти единичныя дѣйствія личностей всегда наталкивались на косность массы, и отдѣльные цѣлесообразные поступки не влекли за собой прочныхъ общественно-цѣлесообразныхъ результатовъ. Полагать, что такъ всегда и будетъ впослѣдствіи, значило бы предаваться излишнему и, во всякомъ случаѣ, преждевременному пессимизму. Возможности распростра-

ненія общественнаго сознанія въ массѣ мы отрицать не можемъ; а, слѣдовательно, не можемъ и указать границы, на которой должно остановиться развитіе сознательнаго соціальнаго поведенія массы. Двигающія пружины человѣческой психологіи, разумѣется, всегда останутся однѣ и тѣ же. Стремленіе поддержать собственное существованіе и продлить существованіе рода, потребность упражнять органы и выполнять функціи человѣческаго организма, физическаго и психическаго,—всегда будутъ направлять дѣятельность человѣческой воли. Но формы, которыя могутъ принимать эти стремленія и потребности, будутъ разнообразиться до безконечности, и средства для ихъ достиженія будутъ безконечно развиваться въ направленіи большей сложности и цѣлесообразности. Какъ далеко пойдетъ человѣчество по этому пути, мы не знаемъ; но путь, которымъ можно придти къ замѣнѣ стихійнаго историческаго процесса сознательнымъ, можетъ быть только одинъ: постепенная замѣна общественно-цѣлесообразныхъ поступковъ отдѣльныхъ личностей—общественно-цѣлесообразнымъ поведеніемъ массы.

Все сказанное имѣетъ цѣлью поставить читателя на ту общую точку зрѣнія, съ которой мы предполагаемъ трактовать «культурную исторію» Россіи. Намъ остается прибавить еще нѣсколько словъ о самомъ содержаніи послѣдующихъ «Очерковъ». Цѣль очерковъ заключается въ сообщеніи читателямъ тѣхъ *основныхъ* процессовъ и явленій, которые характеризуютъ русскую общественную эволюцію. Составителю казалось, что изображеніе этихъ существенныхъ чертъ русской культурной исторіи значительно выиграетъ въ ясности и отчетливости, если оставить въ сторонѣ хронологическія рамки и характеризовать разныя стороны историческаго процесса въ систематическомъ порядкѣ. Конечно, при такомъ способѣ изложенія отодвигается на второй планъ взаимная связь различныхъ сторонъ соціальнаго развитія. Авторъ старался устранить это неудобство перекрестными ссылками; но нѣкоторое впечатлѣніе искусственной изолированности отдѣльныхъ историческихъ эволюцій легко можетъ возникнуть у читателя, и автору остается только подчеркнуть еще разъ, что такая изолированность характеристикъ объясняется литературной формой «очерковъ», а вовсе не теоретическими взглядами автора.

Размѣры «Очерковъ» дѣлаютъ необходимымъ самый строгій выборъ матеріала. Ничего, кромѣ *элементарныхъ* данныхъ, наиболѣе существенныхъ для общаго пониманія историческаго процесса, не могло быть введено въ содержаніе «Очерковъ». Но относительно того, что̀ именно считать элементарнымъ, составитель долженъ былъ руководиться собственнымъ сужденіемъ. Задача

«Очерковъ» будетъ выполнена, если всѣ сообщаемыя въ нихъ данныя, вмѣстѣ съ вытекающими изъ нихъ выводами, дѣйствительно сдѣлаются «элементарными», т.-е. общедоступными и общеизвѣстными. Въ настоящее время значительная часть матеріала, употребленнаго для «Очерковъ», доступна для однихъ спеціалистовъ; нѣкоторыя же данныя составляютъ результатъ собственныхъ работъ составителя и отчасти впервые появляются въ печати.

Роль посредника между спеціальной наукой и обширнымъ кругомъ образованной публики являлась въ данномъ случаѣ особенно отвѣтственной и трудной. Большая часть спеціальныхъ изслѣдованій по русской исторіи была сдѣлана, когда о «культурной исторіи» еще не было и рѣчи, или же когда идея «культурной исторіи» недостаточно овладѣла вниманіемъ историковъ. Естественно, что изъ обширнаго запаса спеціальной литературы только сравнительно небольшая часть могла пригодиться для цѣлей «Очерковъ». Съ другой стороны, многое, что было бы необходимо для «Очерковъ», пока еще не разработано въ спеціальной литературѣ. Отсюда—значительныя неровности и прямые пробѣлы въ разныхъ частяхъ «Очерковъ». Спеціальная критика, вѣроятно, укажетъ, какіе изъ этихъ пробѣловъ являются результатомъ недостаточной освѣдомленности автора. Нѣкоторые выводы автора, изложенные въ популярной формѣ, безъ ученой аргументаціи, можетъ быть, покажутся спеціалистамъ слишкомъ смѣлыми и необоснованными. Насколько можно было, составитель старался указать свои источники въ концѣ каждаго отдѣла «Очерковъ»; дѣлать же постоянныя и точныя ссылки на литературу казалось составителю неудобнымъ, въ виду той цѣли, которую преслѣдуютъ «Очерки». Наконецъ, найдутся, вѣроятно, критики, которымъ самая попытка, предпринимаемая въ «Очеркахъ», покажется черезчуръ рискованной и преждевременной при современномъ состояніи науки. Въ свое оправданіе составитель можетъ только сослаться на несомнѣнную потребность въ подобной книгѣ—не только среди читающей публики, но и среди самихъ спеціалистовъ, работающихъ обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ. «Очерки по исторіи русской культуры», конечно, не могутъ дать того, чего нѣтъ въ самой наукѣ. Но самими своими недостатками они лишній разъ подчеркнутъ пробѣлы науки и, можетъ быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя даютъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, спеціальному изслѣдованію. Привлеченіе къ такой работѣ спеціалистовъ и разумная организація ученой работы, которая теперь съ такой расточительностью

тратится часто не на то, на что слѣдовало бы,—эти задачи такъ же дороги и близки автору, въ качествѣ спеціалиста и преподавателя, какъ важна и привлекательна для него роль популяризатора научныхъ свѣдѣній въ русскомъ образованномъ обществѣ. Предлагаемые «Очерки» стремятся удовлетворить той и другой потребности. Авторъ почтетъ себя счастливымъ, если они найдутъ себѣ путь къ тѣмъ читателямъ, для которыхъ предназначаются.

Обильный матеріалъ для знакомства съ современными взглядами на теорію исторической науки русскій читатель найдетъ въ многочисленныхъ сочиненіяхъ проф. *Н. И. Карѣева* («Основные вопросы философіи исторіи». 2 изд. Спб. 1887. 2 тома. Здѣсь и библіографическія указанія на сочиненія по теоретическимъ вопросамъ исторіи. Продолженіемъ этой книги служитъ «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи». Спб. 1890. Наконецъ, значительная часть журнальныхъ статей автора о тѣхъ же вопросахъ собрана въ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ». Спб. 1895. Здѣсь же можно найти и списокъ остальныхъ статей проф. Карѣева такого же содержанія). Собственныя разсужденія проф. Карѣева клонятся къ защитѣ точки зрѣнія «философіи исторіи». Наиболѣе интересной изъ новѣйшихъ попытокъ научной теоріи прогресса является сочиненіе *Lester Ward'a:* Dynamic Sociology or applied social science, as based upon Statistical Sociology and the less complex sciences. New-York. 1883, 2 тома. Русскую популяризацію Лестера Уорда можно найти въ книгѣ *П. Ѳ. Николаева.* Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. М. 1893. Интересныя попытки позитивнаго построенія исторической теоріи сдѣланы во французской литературѣ: *Louis Bourdeau*, L'histoire et les historiens. Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive. Paris. 1888 и *P. Lacombe.* De l'histoire considérée comme science. Paris. 1894. Первое сочиненіе написано болѣе блестяще, чѣмъ глубокомысленно. Второе отличается тонкимъ анализомъ, но тоже страдаетъ мѣстами, хотя не такъ сильно, какъ первое, излишествомъ схематизма. Нѣсколько туманное, но очень поучительное обсужденіе теоретическихъ вопросовъ исторіи съ точки зрѣнія критической философіи заключаетъ въ себѣ небольшая брошюра *Simmel'я* Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntnisstheoretische Studie. Leipzig. 1892. Мы не указываемъ извѣстную книгу *Bernheim'a* (Lehrbuch der historischen Methode, 2 völlig durchgearbeitete und vermehrte Auflage, Leipzig. 1894), такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не столько теорію исторіи, какъ науки, сколько методику спеціальнаго историческаго изслѣдованія.

Очеркъ первый.—Населеніе.

I.

Связь населенности страны съ ея экономическимъ развитіемъ.—Взгляды экономистовъ на движеніе народонаселенія.—Ростъ населенія въ Россіи съ Петра I.—Отношеніе его къ населенію Европы.—Территоріальныя присоединенія и внутренній приростъ.—Количество браковъ и рожденій.—Движеніе населенія до Петра I.—Густота русскаго населенія сравнительно съ европейскимъ.—Измѣненія въ густотѣ населенія за два вѣка на пространствѣ петровскихъ губерній.—Различіе въ исторіи населенія русскаго сѣвера, центра и юга.—Причины замедленія роста населенія въ центрѣ.

Во «введеніи» мы говорили, что населеніе каждой страны имѣетъ склонность увеличиваться само собой, стихійно, автоматически, и что такое автоматическое возростаніе населенія является главнымъ толчкомъ, заставляющимъ людей увеличивать количество труда, необходимаго для поддержанія жизни, и измѣнять его форму. Другими словами: отъ количества населенія въ странѣ зависитъ степень экономическаго развитія данной страны. Чѣмъ гуще населена извѣстная мѣстность, тѣмъ больше труда можетъ проявить населеніе, тѣмъ лучше оно можетъ распредѣлить между собой этотъ трудъ, тѣмъ больше оно можетъ накопить сбереженій, необходимыхъ для того, чтобы создать или улучшить орудія и съ ихъ помощью извлечь изъ наименьшаго количества труда наибольшую пользу. Французскій ученый Левассеръ различаетъ въ исторіи пять ступеней экономическаго развитія, и каждой изъ этихъ ступеней, по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ особая степень густоты населенія. Въ періодъ дикаго или *охотничьяго* быта каждому охотнику нуженъ огромный просторъ, чтобы добыть необходимыя средства къ жизни. Такимъ образомъ, у эскимосовъ на каждую сотню километровъ приходится всего только по два человѣка населенія, а въ Амазонской провинціи Бразиліи на томъ же пространствѣ живетъ

только по три человѣка. Въ *пастушескій* періодъ та же площадь можетъ прокормить уже значительно большее количество людей, но все-таки очень немного. Въ Киргизскихъ степяхъ на километръ приходится по одному жителю, а въ Туркестанѣ отъ 0,5 до 2,7 человѣкъ. Въ періодъ *земледѣльческій* населеніе можетъ разростись еще гуще; при благопріятныхъ условіяхъ густота земледѣльческаго населенія можетъ доходить до 40 жителей на километръ. Въ періодъ *промышленный*, съ помощью искусственныхъ способовъ удобренія земли и при дѣятельномъ обмѣнѣ городскихъ и сельскихъ продуктовъ, на той же площади можетъ умѣститься вчетверо больше людей, т.-е. 160 жителей на километръ. Наконецъ, въ періодъ *торговый,* когда населеніе начинаетъ получать пищу изъ другихъ странъ, а само платитъ имъ своими промышленными произведеніями,—густотѣ населенія почти нѣтъ предѣловъ. Цѣлые торговые народы существовали такимъ образомъ, скученные на самомъ тѣсномъ пространствѣ.

Надо прибавить, что связь тутъ взаимная. Если ростъ населенія заставляетъ людей искать новыхъ формъ экономической дѣятельности, то и наоборотъ, новыя формы экономической жизни могутъ вызвать усиленный ростъ населенія.

Естественно, что при такой тѣсной связи между количествомъ населенія и высотою экономическаго развитія большинство писателей прежнихъ вѣковъ считали великимъ благодѣяніемъ для страны, чтобы населеніе въ ней расло, какъ можно быстрѣе. Правительства, въ свою очередь, принимали всевозможныя мѣры для ускоренія роста населенія; давали, напр., преміи женатымъ и многосемейнымъ, налагали налоги на холостяковъ и т. д. Однако же, въ концѣ прошлаго вѣка, взгляды писателей и правительствъ рѣзко перемѣнились. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка сильно выросъ рабочій классъ въ Европѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились самыя крайнія проявленія необезпеченности этого класса: нищета, голодъ—въ невиданныхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Мальтусъ написалъ свою знаменитую книгу (1798), въ которой слагалъ всю вину нищеты рабочаго класса на него самого,—на его непредусмотрительное размноженіе,—и доказывалъ, что населеніе возростаетъ вообще гораздо быстрѣе, чѣмъ увеличиваются средства существованія,—въ силу неизбѣжнаго закона природы. Тогда и писатели, и правительства, съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ прежде старались о размноженіи населенія, стали проповѣдывать и даже принимать мѣры противъ этого размноженія. Въ Германіи, гдѣ населеніе продолжало и въ наше столѣтіе быстро расти, теорія Мальтуса до сихъ поръ

сохранила вліяніе. Напротивъ, въ Англіи, и особенно во Франціи, приростъ населенія въ послѣднія десятилѣтія значительно уменьшился или даже вовсе пріостановился. Вмѣстѣ съ тѣмъ и «мальтузіанство» стало быстро терять здѣсь почву. Присмотрѣвшись къ фактамъ, экономисты скоро нашли, что теорія Мальтуса основана на слишкомъ отвлеченномъ разсчетѣ. Оказалось, что, поскольку она вѣрна, она вовсе не представляетъ *закона* развитія населенія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, а только частное наблюденіе надъ размноженіемъ *одного* рабочаго класса при условіяхъ современнаго капиталистическаго строя. За предѣлами этого частнаго случая, какъ оказалось, средства существованія возростали въ нашемъ вѣкѣ не медленнѣе, чѣмъ народонаселеніе, а, напротивъ, быстрѣе. Приспособленіе населенія къ средствамъ существованія совершалось гораздо тоньше и сложнѣе, чѣмъ полагалъ Мальтусъ. Въ дѣйствительности излишекъ населенія не истреблялся «пресѣкающими средствами», вродѣ голодной смерти людей, не нашедшихъ себѣ мѣста на жизненномъ пиру. Противъ такого излишка скорѣе дѣйствовали «предупреждающія средства», т.-е. уменьшеніе количества браковъ и количества рожденій, какъ только экономическія условія жизни становились неблагопріятными. Наконецъ,—что всего важнѣе,—было сдѣлано біологическое наблюденіе, въ силу котораго увеличеніе благосостоянія и развитіе индивидуальности неизмѣнно влечетъ за собой ослабленіе производительной силы и пріостановку роста населенія.

Вся эта исторія развитія экономическихъ фактовъ и экономическихъ ученій о населеніи лучше всего показала, что не существуетъ никакого закона развитія народонаселенія, приложимаго ко всѣмъ періодамъ исторической жизни. Можно только сказать, что тамъ, гдѣ въ массѣ населенія нѣтъ надежды на увеличеніе благосостоянія и на развитіе индивидуальности, гдѣ средства существованія достаются сравнительно легко, гдѣ запасы природы сравнительно менѣе израсходованы, гдѣ существуютъ или открываются вновь нетронутые источники жизненныхъ средствъ (въ видѣ, напр., незанятыхъ земель), тамъ возростаніе населенія будетъ наиболѣе значительно. Напротивъ, тамъ, гдѣ достигнута уже сравнительно высокая степень благосостоянія, гдѣ личность съ ея потребностями завоевала себѣ обширное поле дѣятельности, гдѣ производительность труда можетъ быть увеличиваема далѣе только искусственными средствами, гдѣ, стало быть, увеличеніе средствъ существованія можетъ быть достигнуто только посредствомъ усилій, болѣе или менѣе значительныхъ, — тамъ приростъ населенія затормозится. Нечего и прибавлять, что положеніе Россіи, въ ея

настоящемъ и прошломъ, соотвѣтствуетъ первой изъ этихъ характеристикъ.

Къ сожалѣнію, не только для Россіи, но и для остальной Европы мы имѣемъ очень неполныя свѣдѣнія о движеніи населенія. Только относительно двухъ послѣднихъ столѣтій можно сдѣлать по этому поводу сколько-нибудь надежные выводы. На этомъ времени, поэтому, мы прежде всего и остановимся.

Ко времени смерти Петра Великаго (1725) въ Россіи было всего около 13 милліоновъ жителей. Теперь въ ней насчитывается до 121 милліона. Такимъ образомъ, со времени Петра населеніе Россіи увеличилось въ 9 разъ слишкомъ. По вѣкамъ это возрастаніе распредѣляется почти одинаково. Въ XVIII вѣкѣ съ 13 милліоновъ населеніе поднялось до 40 мил. Въ XIX в. оно возросло съ 40 мил. до 121 мил. Другими словами, русское населеніе увеличивалось втрое въ теченіе каждаго изъ двухъ послѣднихъ столѣтій.

Нѣсколько подробнѣе ростъ русскаго населенія можно представить по даннымъ «ревизій». Мы выбираемъ для этого нечетныя ревизіи, производившіяся въ наиболѣе любопытные моменты русской исторіи: въ концѣ царствованія Петра (1-я), въ началѣ и въ концѣ царствованія Екатерины (3-я и 5-я), послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ (7-я) и въ срединѣ XIX вѣка (9-я). Въ наше время цифра русскаго населенія опредѣляется, въ ожиданіи новой всеобщей переписи, на основаніи косвенныхъ данныхъ.

1724 г.	13 мил.	—	13 мил.
1762 »	19 »	—	19 »
1796 »	29 + 7	=	36 »
1815 »	30½ + 14½	=	45 »
1851 »	47 + 22	=	69 »
1890 »	69 + 44	=	113 »

За исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ (населеніе которыхъ только за 100 послѣднихъ лѣтъ, 1790—1890, увеличилось въ 16 разъ), это—самый быстрый ростъ, какой мы только знаемъ. Остальная Европа далеко не поспѣвала за такимъ быстрымъ размноженіемъ населенія въ Россіи. Въ результатѣ,—одинъ этотъ статистическій фактъ, взятый самъ по себѣ, долженъ былъ совершенно измѣнить положеніе Россіи среди европейскихъ державъ. Во время Петра и его ближайшихъ преемниковъ русское населеніе составляло отъ $^1/_{10}$ до $^1/_8$ части всего населенія Европы (составлявшаго въ срединѣ XVIII вѣка около 130 милліоновъ). Въ началѣ нынѣшняго вѣка эта пропорція стала уже вдвое выгоднѣе для Рос-

сіи. Считая въ Россіи въ 1801 году отъ 36 до 40 милліоновъ населенія, а въ Европѣ отъ 170 до 175 милл., мы получимъ на долю Россіи отъ $^1/_5$ до $^1/_4$ всего европейскаго населенія. Наконецъ, въ настоящее время населеніе Россіи составляетъ уже цѣлую треть населенія Европы (считая 365 милл. въ Европѣ и изъ этого числа 121 милл. въ Россіи).

Чѣмъ же объясняется такой необычайно быстрый ростъ населенія Россіи? Прежде всего, необходимо выдѣлить здѣсь ту долю прироста, которая приходится на вновь присоединенныя къ Россіи области. Въ приведенной таблицѣ мы раздѣлили общій итогъ русскаго населенія, начиная съ 1796 года, на два слагаемыхъ. Первое слагаемое обозначаетъ возростаніе населенія Россіи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣла Россія при Петрѣ. Второе слагаемое означаетъ населеніе областей, присоединенныхъ со времени Екатерины II. Въ цифрѣ 7 милліоновъ, присоединенной къ итогу 1796 года, включено населеніе мѣстностей, присоединившихся по тремъ польскимъ раздѣламъ, а также населеніе Новороссіи. Такая же цифра присоединилась къ населенію Имперіи при Александрѣ I (Царство Польское, Финляндія и Бессарабія). Къ нашему времени на пространствѣ старой, петровской Россіи можно насчитать $64^1/_2$ милліона населенія, и вмѣстѣ съ Сибирью 68,8 милл. Сравнительно съ тринадцатью милліонами, жившими на томъ же пространствѣ при Петрѣ I,—это все-таки въ пять слишкомъ разъ больше. За тѣ же два столѣтія населеніе Франціи увеличилось только вдвое, населеніе Австріи въ $3^1/_2$ раза *), Англіи—въ 4,4 раза. Такимъ образомъ, за вычетомъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, заселенныхъ отчасти колонистами изъ той же старой Россіи,—населеніе коренной Россіи увеличивалось все-таки быстрѣе другихъ странъ Европы.

Ближайшей причиной этого усиленнаго роста было значительное количество браковъ и дѣтей, рождающихся среднимъ числомъ отъ каждаго брака въ Россіи. Насколько можетъ прослѣдить русская статистика,—правда, начинающаяся сколько-нибудь правильно только со второй половины прошлаго столѣтія,—число браковъ и число рожденій въ Россіи значительно превосходитъ тѣ же цифры въ Европѣ. Въ итогѣ, ежегодный приростъ населенія въ Россіи составляетъ почти $5^0/_0$ всего населенія. Между тѣмъ, въ самыхъ сильныхъ по производительности странахъ

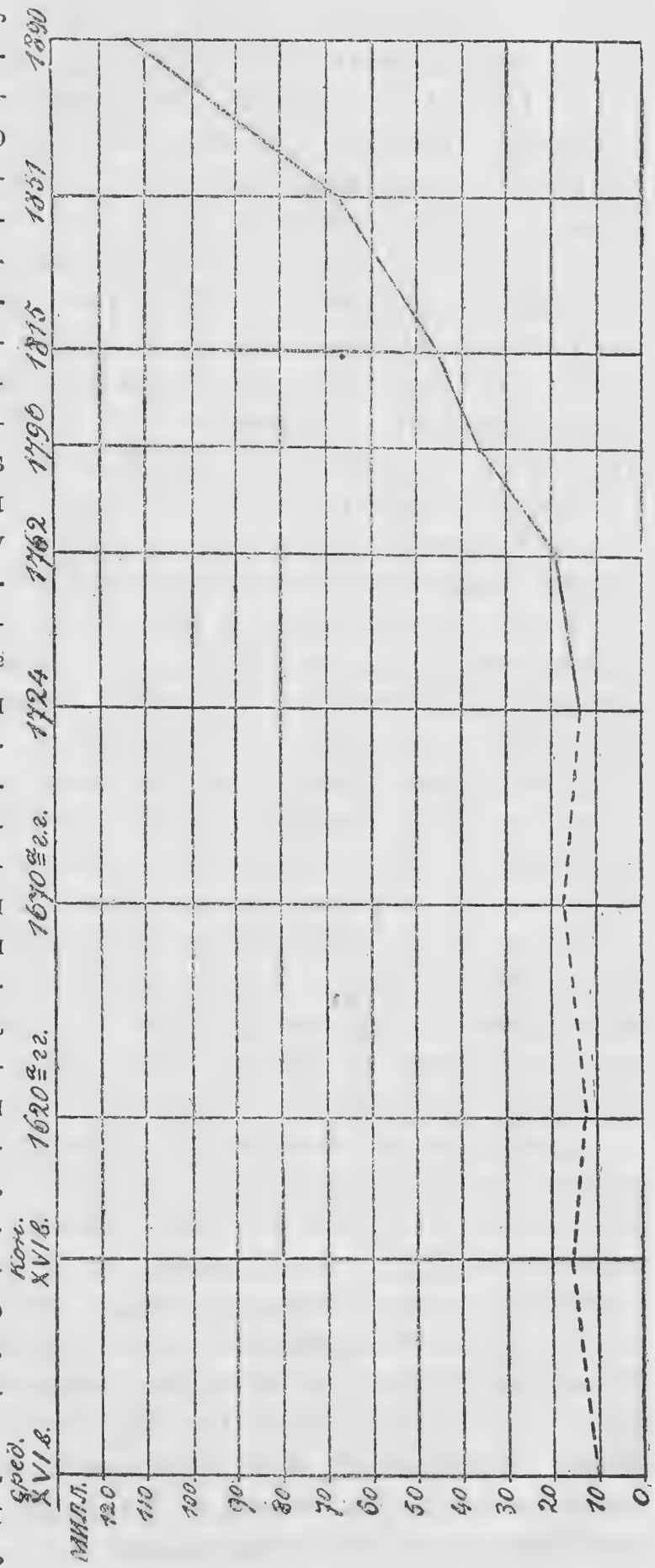
*) Даже не вычитая земельныхъ пріобрѣтеній обѣихъ странъ. Населеніе Франціи съ 19 милл. поднялось до $38^1/_2$; Австріи съ 12—13 милл. до 43 милл.; Англіи съ 8,9 милл. до 38,8 милл.

Европы,—въ Румыніи, Венгріи, Сербіи—этотъ процентъ немногимъ превышаетъ 4, а во Франціи спускается даже до двухъ. Надо прибавить, что за-то и смертность дѣтей въ Россіи превышаетъ дѣтскую смертность на Западѣ. Но и при этомъ неблагопріятномъ условіи,—при вымираніи большаго процента рождающихся,—все еще остается около полутора процентовъ ежегоднаго прироста (1,3%—1,5%—1,7%). Какъ объяснить усиленную рождаемость,—объ этомъ мы уже говорили. Современная наука біологической причиной многочисленныхъ браковъ и рожденій считаетъ слабое развитіе индивидуальности, экономической причиной—низкій уровень благосостоянія и соціальной—обособленность низшаго общественнаго слоя и отсутствіе надежды—подняться выше своего положенія.

Нѣтъ пока никакой возможности установить сколько-нибудь точно движеніе населенія въ Россіи до времени Петра Великаго. Несомнѣнно только одно,—что предполагать до Петра такой же быстрый ростъ населенія, какой мы наблюдаемъ въ два послѣдніе вѣка,—невозможно. Въ самую петровскую эпоху населеніе не возрастало, а уменьшалось въ числѣ, благодаря побѣгамъ и рекрутскимъ наборамъ. По цифрамъ *подворныхъ* переписей, какія производились раньше «ревизій» (*подушныхъ* переписей), число дворовъ въ Россіи въ промежутокъ отъ 1678 до 1710 года уменьшилось на 20%: т.-е. одна пятая часть населенія, платившаго подворные налоги, убыла. Такимъ образомъ, тотчасъ по смерти Алексѣя Михайловича въ Россіи было населенія на $^1/_5$ болѣе, чѣмъ во время Петра: т.-е. вмѣсто 13 милліоновъ мы можемъ предположить около 16-ти.

Эта послѣдняя цифра, вѣроятно, была продуктомъ увеличенія населенія въ XVII вѣкѣ; но по нѣкоторымъ даннымъ, впрочемъ, не совсѣмъ надежнымъ, можно думать, что увеличеніе это было не особенно значительно. Подворная перепись 1678 года дала цифры дворовъ, въ среднемъ, всего процентовъ на 30 больше подворной переписи 1620-хъ годовъ. Другими словами, вмѣсто 16-ти милліоновъ, предположенныхъ нами для 1678 года, въ 1620-хъ годахъ мы должны предположить въ Россіи около $12^1/_3$ милліоновъ. Это была цифра населенія, только-что оправившагося отъ бѣдствій смутнаго времени. Мы навѣрное не ошибемся, если предположимъ, что смутное время произвело въ положеніи населенія потрясеніе не меньше того, какое произведено было реформами Петра; т.-е. что въ итогѣ смуты получилась убыль населенія не меньше процентовъ 20-ти. Въ такомъ случаѣ, до смуты можно предполагать вмѣсто 12-ти милл. не менѣе 15-ти мил

ліоновъ населенія. Въ свою очередь, эта цифра навѣрное была результатомъ довольно значительнаго прироста населенія, вызваннаго тѣмъ, что въ срединѣ XVI вѣка началась, какъ скоро увидимъ, усиленная колонизація Россіи. Слѣдовательно, въ срединѣ XVI вѣка мы должны предположить цифру меньшую на нѣсколько десятковъ процентовъ: около 10—11½ милліоновъ. Всѣ эти цифры, конечно, гадательны: но общее движеніе ихъ очень вѣроятно; вѣроятно также и то, что общая сумма населенія Россіи со времени Ивана Грознаго до времени Петра Великаго едва-ли измѣнилась значительно и колебалась между 10—16-ю милліонами. Въ итогѣ—движеніе населенія въ Россіи съ середины XVI вѣка можно представить въ видѣ слѣдующей ломаной линіи (фиг. 1).



Фигура 1.

Абсолютная цифра количества населенія сама по себѣ говоритъ очень мало. Чтобы дать этой цифрѣ серьезное значеніе, надо найти ея отношеніе къ занятой населеніемъ площади. Другими словами, надо опре-

дѣлить плотность или густоту населенія. Площадь петровской Россіи занимала около 3.638.000 квадр. верстъ (а вмѣстѣ съ Сибирью 14.550.000 кв. верстъ). Раздѣливъ на эту цифру количество петровскаго населенія (13 милл.), мы получимъ выводъ, что при Петрѣ въ Россіи жило, среднимъ числомъ, всего по 3,1 человѣка на квадр. километръ (3,57 на кв. версту): т.-е., примѣрно столько, сколько теперь живетъ въ Олонецкой губ. На томъ же пространствѣ петровской Россіи въ наше время помѣщается, какъ мы говорили, 64½ милліона. На километръ это дастъ по 15,5 человѣка *). Между тѣмъ, въ Австро-Венгріи живетъ 63,8 чел. на квадр. километръ, во Франціи—71,5; въ Германіи—91,5; въ Италіи—106,5; въ Англіи—122; въ Бельгіи—210. Сравнительно съ Россіей это составитъ въ 3½—12 разъ больше. Во всей Европѣ только Балканскій полуостровъ и Испанія до нѣкоторой степени могутъ сравниться съ Россіей по слабой населенности.

Послѣ сдѣланныхъ раньше разсужденій, одинъ этотъ фактъ покажетъ намъ, какъ далеко Россія должна была отстать отъ западныхъ государствъ по своему экономическому развитію. Наиболѣе близкая къ Россіи экономически и географически — Пруссія уже двѣсти лѣтъ тому назадъ достигла той плотности, которую имѣетъ теперь старая Россія, и больше ста лѣтъ, какъ превзошла ее. Въ 1688 году въ Пруссіи было 15,8 человѣкъ на кв. килом.; въ 1740 г.—18,9; въ 1774 г.—24,9. Франція уже въ началѣ XIV вѣка, т.-е. полтысячи лѣтъ тому назадъ, имѣла 40 человѣкъ на кв. кил.: столько, сколько теперь имѣютъ только хорошо населенныя мѣстности Россіи. Что же касается Англіи, она превысила среднюю плотность теперешней Россіи еще во времена Вильгельма-Завоевателя (средина XI вѣка). Тогда уже въ ней жило около 21 человѣка на кв. килом.

Правда, что ни въ одной изъ названныхъ странъ нѣтъ такой огромной массы неудобныхъ и пустынныхъ земель, какъ въ Россіи. Въ Германіи 31% всей площади остаются незаселенными (и въ томъ числѣ 25,7% подъ лѣсомъ); во Франціи 32,6% (въ томъ числѣ 18,3% подъ лѣсомъ); въ Англіи—38,5% (3,6% подъ лѣсомъ). Между тѣмъ, въ Европейской Россіи (безъ Финляндіи) необитаемы и покрыты лѣсомъ (не имѣющимъ никакой цѣны на всемъ сѣверѣ) — 58% всей площади (въ томъ числѣ подъ лѣсомъ 38,8%). Только Скандинавскій полуостровъ превосходитъ въ этомъ отношеніи Россію, а Пиринейскій и Балканскій полуостровъ до нѣкоторой степени къ ней приближаются.

---

*) По всей Европейской Россіи средняя плотность на километръ будетъ 18 человѣкъ, на квадр. версту 20,5.

При этомъ условіи средняя цифра плотности на всю Россію еще не выражаетъ дѣйствительной населенности обитаемыхъ частей государства. Чтобы получить болѣе правильное понятіе о густотѣ русскаго населенія, нужно расчленить Россію на части, соотвѣтственно разницѣ естественныхъ условій жизни. Тогда только наши цифры и выводы пріобрѣтутъ сколько-нибудь реальный смыслъ; въ противномъ же случаѣ мы останемся при однихъ отвлеченіяхъ. И такъ, мы продолжимъ теперь наши наблюденія надъ историческимъ ростомъ населенія по отдѣльнымъ областямъ Россіи.

Основной единицей, надъ которой мы будемъ производить эти наблюденія, будетъ для насъ губернія Петра Великаго. Это все еще очень большая единица, гораздо больше нашей теперешней губерніи. Нельзя сказать, чтобы петровскія губерніи точно соотвѣтствовали естественнымъ географическимъ районамъ, на которые можно бы было раздѣлить Россію для болѣе удобнаго изученія роста русскаго населенія. Но за то дѣленіе Петра тѣсно связано съ историческими условіями, при которыхъ происходило расширеніе государства и размноженіе населенія. Московская губернія съ частями губерній, ее окружающихъ *), составляла въ этомъ дѣленіи старинный правительственный центръ съ населеніемъ, плотно усѣвшимся на мѣстѣ. На сѣверъ тянулась къ Архангельску густо заселенная рѣчная дорога по Двинѣ среди пустырей теперешней Вологодской и Архангельской губерніи. При Петрѣ этотъ поморскій бассейнъ отошелъ въ составъ «Архангелогородской» губерніи **). На сѣверо-западѣ верхнее теченіе Волги, не отличавшееся по населенности отъ московскаго центра, отошло къ гораздо скуднѣе населеннымъ мѣстностямъ бывшихъ новогородскихъ владѣній. Эта старинная область новогородскихъ «пятинъ», раскинувшихся въ озерномъ бассейнѣ, вмѣстѣ съ верхнимъ Поволжьемъ перешла при Петрѣ въ управленіе только-что построенной столицы подъ названіемъ «Ингерманландской» губерніи ***). На западъ отъ центра «Смоленская» губернія Петра соотвѣтствовала теперешней Смолен-

*) Калужская безъ юго-западныхъ уѣздовъ, Тульская безъ южныхъ, Рязанская безъ юго-восточныхъ, Владимірская безъ восточныхъ, три западные уѣзда Костромской, Ростовскій уѣздъ Ярославской губ.

**) Соотвѣтствуетъ теперешней Архангельской, Вологодской безъ двухъ восточныхъ, совершенно пустынныхъ уѣздовъ (Яренскаго и Устьсысольскаго, Костромской безъ западныхъ (Нерехотск., Костр. и Буйск.) и двухъ восточныхъ (тоже пустынныхъ: Ветлужск. и Варнавинскаго) уѣздовъ, и Каргопольскому уѣзду Олонецкой губерніи.

***) Въ составъ ея вошли теперешняя Петербургская, Новгородская, Псковская, Тверская безъ Зубцов. у., Ярославская безъ Ростов. у. и Олонецкая безъ Каргопол. у.

ской съ шестью южными уѣздами Калужской *). Наконецъ, на югъ и на востокъ отъ старыхъ московскихъ владѣній шли земли, позднѣе колонизованныя. Только въ юго-западной части этихъ земель, приписанной Петромъ къ Кіеву, мы найдемъ болѣе старое населеніе **), да на востокъ отъ центра, въ среднемъ поволжьѣ и дальше, по дорогѣ въ Сибирь, издавна жили русскіе поселенцы. Эту дорогу въ Сибирь, изстари заселенную, мы выдѣляемъ отъ сосѣднихъ пустырей Ветлужскаго, Устьсысольскаго и Яренскаго уѣздовъ; вмѣстѣ съ ними она отнесена была Петромъ къ огромной Сибирской губерніи ***). Весь остальной юго-востокъ распредѣлился между двумя петровскими губерніями: «Азовской», тянувшейся на югъ до границъ Екатеринославской губ. и Земли Войска Донскаго †), и «Казанской», спускавшейся, начиная отъ средняго Поволжья и отъ нижняго теченія Вятки и Камы съ Бѣлой, внизъ по правому берегу Волги, до Царицына ††).

Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій мы прямо представимъ таблицу движенія народонаселенія на пространствѣ петровскихъ губерній. Первый столбецъ цифръ означаетъ въ ней предполагаемую плотность населенія въ до-петровское время. Эти цифры мы поставили въ скобки, потому что ихъ нельзя считать вполнѣ надежными. Онѣ основаны на сравненіи тѣхъ подворныхъ переписей Россіи 1678 и 1710 года, о которыхъ мы уже говорили. Перепись 1710 года показала убыль *дворовъ*, процентъ которой въ

---

*) Кромѣ того, она включала Зубцовскій у. Тверской губ. и Одоевскій уѣздъ Тульской.

**) «Кіевская» губернія Петра состояла изъ Новосильск. и Бѣлев. у. Тульской губ., Орловской безъ Елецкаго, Курской безъ Новооскольскаго и шести западныхъ уѣздовъ Харьковской; Полтавская и Черниговская составляли особое малороссійское или «гетманское» управленіе.

***) Такимъ образомъ, подъ Сибирской губерніей мы будемъ дальше разумѣть европейскую часть ея, въ составѣ пяти сѣверныхъ уѣздовъ Вятской и пяти сѣверныхъ (европейскихъ) уѣздовъ Пермской губерніи.

†) Въ составъ Азовской губ. входили Чернскій и Ефремовскій у. Тул. губ., пять южныхъ уѣздовъ Рязанской, Тамбовская безъ двухъ сѣверныхъ уѣздовъ, Пензенская безъ трехъ юго-восточныхъ (Пенз., Мокшанск. и Городищ.), четыре западныхъ уѣзда Саратовской, пять восточныхъ уѣздовъ Харьковской, вся Воронежская, Новооскольскій у. Курской и Елецкій у. Орловской губ.

††) Въ составъ «Казанской» губ. Петра I входили Касимов. и Спасскій у. Рязанской губ., Елатомскій и Темниковскій у. Тамбовской, три юго-восточные у. Пензенской, четыре восточные у. Владимірской (Мелепковск., Муром., Горохов. Вязник.), Юрьевецкій и Варнавинскій у. Костромской, вся Нижегородская, Казанская и Симбирская, Кузнецкій и пять приволжскихъ уѣздовъ Саратовской губ., вся Уфимская, Нолинскій и другіе пять южныхъ у. Вятской, два южныхъ (европ.) уѣзда Пермской губ.

разныхъ губерніяхъ оказался различный *). *Если предположить* теперь, что убыль *населенія* была такая же, какъ убыль *дворовъ*, и что въ 1710 году населенія было *столько же*, сколько въ 1724 г., то достаточно будетъ измѣнить цифры второго столбца пропорціонально измѣненію количества населенія между 1678 и 1710 годами, и мы получимъ цифры перваго столбца. Второй и третій столбецъ показываютъ плотность населенія (на квадр. версту) при Петрѣ и въ наше время. Наконецъ, четвертый столбецъ показываетъ, во сколько разъ увеличилось русское населеніе со времени Петра Великаго (въ скобкахъ—съ 1678 года).

	1678 г.	1724 г.	*Теперь.*	*Увеличеніе.*	
Центръ. Москов. губ. . . .	[39,1]	29,4	42,5	1,4	[1,08]
Сѣверъ. Архангел. губ. . .	[1,1]	0,7	2,1	3,2	[1,9]
» Ингерманл. губ. . .	[8,7]	5,2	18,3	3,5	[2,1]
Западъ. Смоленская губ. . .	[9,6]	7,6	33,6	4,4	[3,5]
Юго-западъ. Кіевская губ.**).	[11,4]	11,2	55,2	4,9	[4,8]
Востокъ. Часть Сибир. губ.	[1,8]	1,9	9,9	5,2	[5,5]
Юго-востокъ. Казанская губ.	[2,2]	2,6	26,9	10,3	[12,2]
Югъ. Азовская губ.	[4,5]	3,9	42,1	10,8	[9,3]

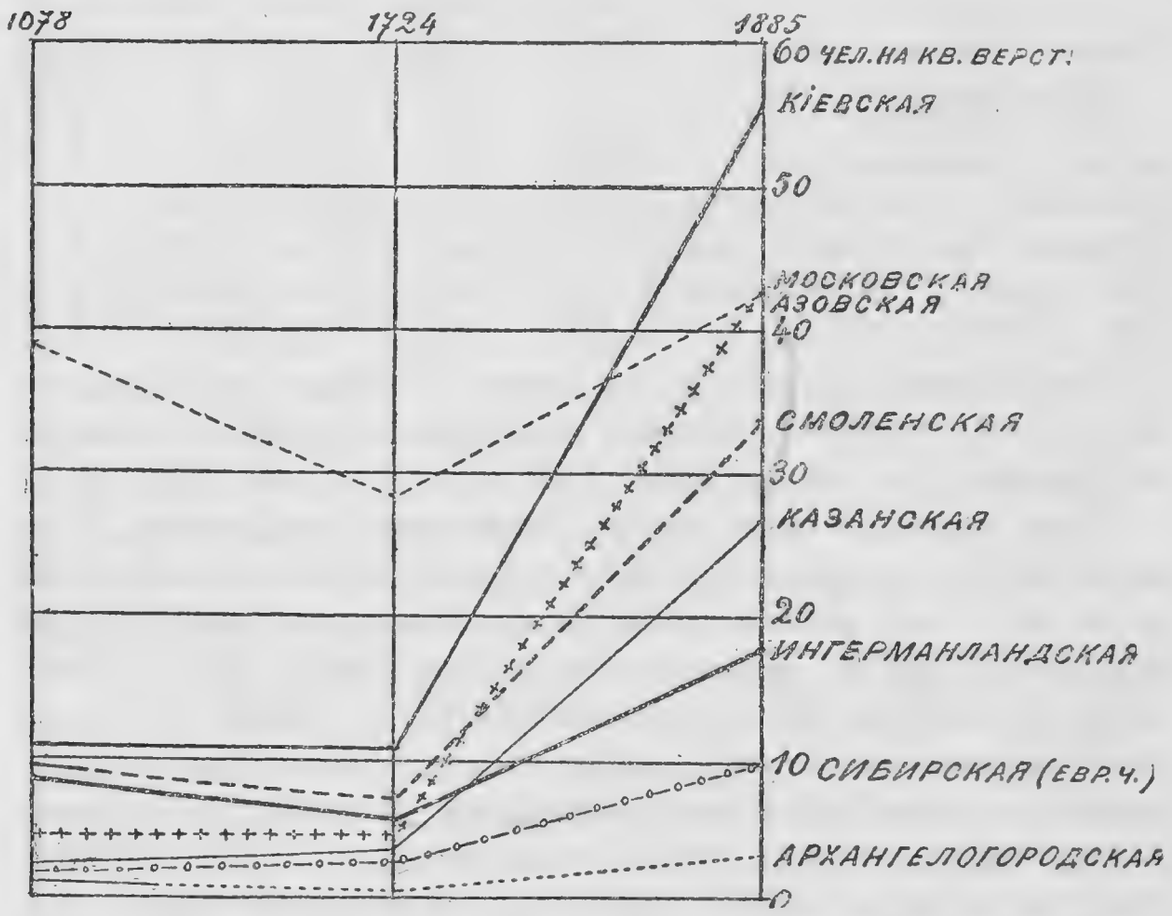
Для большей наглядности прилагаемъ діаграмму съ изображеніемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ густотѣ населенія петровскихъ губерній въ 1678, 1724 и 1885 годахъ. (Фиг. 2).

Какъ видимъ, старый центръ Московскаго государства рѣзко выдѣляется въ до-петровское время густотой своего населенія. Уже въ то время онъ достигъ такой плотности населенія, какой теперь отличаются хорошо населенныя мѣстности Россіи. Зато съ этой давно достигнутой точки московскій центръ за цѣлые два вѣка почти не двинулся впередъ. За центромъ слѣдуетъ полоса на югозападъ, въ наше время самая населенная во всей Россіи,—очевидно, благодаря своей черноземной нестепной почвѣ. Но при Петрѣ и до Петра населеніе этой полосы значительно отстало отъ населенія историческаго центра. Несомнѣнно, въ этомъ виновато было недавнее прошлое этой полосы, подвергавшейся частымъ татарскимъ набѣгамъ изъ степи. Какъ только стала проходить опасность набѣговъ, населеніе бросилось на богатую почву и поспѣшило не только нагнать, но даже перегнать населенность центральнаго суглинка. Слѣдующая по плотности Смоленская губер-

*) Именно въ Архангелогородской и Ингерманландской губ. убыло до 40% дворовъ, въ Московской—до 25%, въ Смоленской—21% въ Азовской—13,7%, въ Кіевской 2%; напротивъ, въ европейской части Сибирской прибыло 8%, въ Казанской прибыло 17%.

**) Если же не считать Харьковской губ. въ которой малороссійское населеніе смѣшано съ великорусскимъ, то получимъ цифры: [13,7]—13,4—52,7—3,9—[3,8].

нія, казалось бы, должна была походить по плотности населенія на центръ, къ которому она такъ близка и по географическому положенію, и по характеру жизни. Но тутъ тоже сказалось историческое прошлое. Смоленская губернія была пограничной и несла на себѣ всю тяжесть долгой и упорной борьбы двухъ политическихъ центровъ. Начиная съ XV вѣка вплоть до средины XVII в. Смоленскъ былъ яблокомъ раздора между Россіей и Польшей. Мѣстное населеніе жестоко страдало отъ цѣлаго ряда войнъ: его истребляли, переводили въ другія мѣста; не далѣе, какъ при Петрѣ пограничныя смоленскія земли сильно опустошены были



Фигура 2.

шведской войной. Только уже при Екатеринѣ II русская граница отодвинулась дальше на западъ, и смоленское населеніе, не равняясь по быстротѣ прироста съ черноземными областями, стало однако приближаться къ той нормальной цифрѣ плотности, на которой давно остановился центръ.

Если и съ этой стороны не вполнѣ еще затянулась историческая рана, нанесенная русскому населенію, то на юго-востокѣ Россіи послѣдствія исторіи сказываются еще яснѣе. Противорѣчіе между распредѣленіемъ естественныхъ богатствъ Россіи и историческими условіями разселенія русскаго народа достигаетъ здѣсь крайняго предѣла. Русскій югъ до самаго Петра остается со-

Школьная Картопечатня Новг. губ. Кр. у. Сосновка.

сравнительная населенность
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ

Масштабъ
0 100 200 300 400 500 верстъ

до 5 чел. на кв верстъ
5-10 — — — —
10-35 — — — —
выше 35 ч — — —

1724 годъ

1885 годъ

Школьная Картопечатня Новг. губ. Кр. у. Сосновка

всѣмъ пустыннымъ и населеннымъ слабѣе русскаго сѣверо-запада; даже пустынный и скудный русскій сѣверъ недалеко отстаетъ отъ богатаго Поволжья. Очевидно, здѣсь дѣйствуетъ въ сильнѣйшей степени та же причина, какъ въ Смоленской и Кіевской области. Опасность съ юга и съ востока не прошла еще здѣсь и ко времени Петра; немудрено, что богатыя залежи чернозема продолжаютъ пустовать. Естественно также, что, когда опасность пройдетъ, населеніе и здѣсь поспѣшитъ наверстать потерянное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ населенности русскаго юга и сѣвера, первоначально сходный, далеко разойдется въ разныя стороны. На пространствѣ Казанской и Азовской губерніи Петра населеніе за двѣсти лѣтъ возросло въ десять разъ слишкомъ. Русскій юго-востокъ стремится, такимъ образомъ, догнать населеніе центра *). Напротивъ, поморскій бассейнъ и озерная область за тѣ же двѣсти лѣтъ стали всего только вдвое или втрое людне̂е. Только верховья Вятки и Камы, неразрывно связанныя съ Поволжьемъ, увеличили свою населенность слишкомъ въ пять разъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти три мѣстности по плотности населенія остаются на самомъ низу нашей діаграммы.

И такъ, во всей сѣверной половинѣ и центрѣ Россіи населеніе за послѣдніе два вѣка остается почти неподвижнымъ или возрастаетъ весьма медленно. Мы скоро увидимъ, что эта половина и центръ составляли почти *всю* Россію до самой средины XVII столѣтія. Южная же половина, которая начала присоединяться къ сѣверной только съ середины XVII вѣка, растетъ съ необычайной быстротой, догоняетъ центръ и даже перегоняетъ его по плотности своего населенія. Одного этого факта достаточно, чтобы заключить, что при переходѣ отъ Московскаго государства къ императорской Россіи долженъ былъ совершенно измѣниться характеръ русской исторической жизни. Правда, послѣдствія этой перемѣны сказались далеко не сразу. Можно даже сказать, что и въ наше время не вполнѣ обнаружились результаты перемѣщенія центра русской населенности съ сѣвера на югъ, точно также какъ и ростъ южнаго населенія далеко не остановился. Послѣднее видно изъ того обстоятельства, что ежегодный приростъ населенія на югѣ достигаетъ и теперь очень высокой цифры $2^0/_0$. На сѣверѣ и въ центрѣ тотъ же приростъ колеблется всего между $1^0/_0$ и $^1/_2{}^0/_0$.

Это наблюденіе возвращаетъ насъ къ тому, что мы говорили въ началѣ этого очерка. Есть, очевидно, для каждой страны и для каждаго времени какой-то естественный предѣлъ насыщенія

*) Не забудемъ, что въ то же время заселяются за предѣлами петровскихъ губерній земли, остававшіяся при Петрѣ совершенно пустынными.

страны населеніемъ. Населеніе растетъ свободно, пока не достигнутъ этотъ предѣлъ, но послѣ его достиженія упругость сопротивленія новому приросту быстро увеличивается, и возростаніе населенія замедляется. Судя по низкой степени населенности, по большому количеству браковъ и рожденій мы заключили раньше, что русское населеніе находится въ періодѣ свободнаго возростанія. Теперь мы должны прибавить, что этого вывода нельзя приложить ко всей Россіи одинаково. Ростъ сѣвернаго и центральнаго населенія Россіи, по представленнымъ нами даннымъ, очевидно замедленъ. Почему же происходитъ это явленіе? Чѣмъ оно объясняется?

Едва ли можно утверждать, что «индивидуація» сѣвернаго и центральнаго населенія (выражаясь терминомъ Спенсера) такъ далеко пошла, что именно она и ослабила «генерацію», производительныя силы русской массы. Еще труднѣе предполагать, что причиной задержки роста послужило достиженіе этой массой прочнаго благосостоянія. Возможность пробраться въ высшіе общественные слои—или то, что нѣкоторые экономисты называютъ общественной «капиллярностью»—существовала, правда, въ Россіи всегда въ большей степени, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ; но количество лицъ, обладавшихъ достаточной силой личнаго почина, чтобы воспользоваться этой возможностью, едва ли было въ Россіи велико. Такимъ образомъ, и «капиллярность» русскаго общества не даетъ намъ надлежащаго объясненія остановки роста населенія въ цѣлой половинѣ Россіи. Единственнымъ возможнымъ объясненіемъ остается-то, въ силу котораго увеличеніе населенія тѣсно связано съ увеличеніемъ средствъ существованія; а возможность увеличить средства существованія зависитъ отъ характера экономической жизни. Нельзя не замѣтить, что задержка въ развитіи центральнаго населенія Россіи произошла на той цифрѣ, которую Левассеръ полагаетъ предѣльной для роста *земледѣльческаго* населенія (40 челов. на кв. километръ, что равняется 45,6 на версту). Приблизительно къ той же цифрѣ (30—46 чел. на кв. килом.) приходили экономисты, пытавшіеся опредѣлить, сколько населенія Россія можетъ прокормить своимъ собственнымъ хлѣбомъ при современныхъ условіяхъ русскаго земледѣлія. Мы увидимъ, правда, впослѣдствіи, что русскій центръ давно уже нашелъ подспорье для земледѣльческаго заработка—въ занятіяхъ домашней промышленностью и отхожими промыслами. Но мы увидимъ также, что этотъ добавочный заработокъ не увеличивалъ средствъ существованія нашего крестьянина, а лишь давалъ ему возможность оплатить подати. При этомъ условіи практическій выводъ остается тотъ же. Предѣлъ,

на которомъ остановилось населеніе центра, есть предѣлъ тѣхъ средствъ, которыя крестьянинъ могъ добыть съ помощью личнаго труда, прилагая его къ землѣ, къ дешевымъ или даровымъ матеріаламъ, или просто продавая его на сторону,—словомъ, употребляя свой трудъ безъ приложенія къ нему капитала.

Подробнѣе мы не можемъ обсуждать этого вопроса въ предположенныхъ рамкахъ. Сказаннаго достаточно, чтобы показать читателю, какая глубокая связь существуетъ между движеніемъ населенія и всѣмъ строемъ экономической жизни народа. Во второмъ очеркѣ мы и перейдемъ къ изученію экономическаго развитія Россіи. Но предварительно намъ предстоитъ еще коснуться исторіи русскаго населенія съ другой стороны, чѣмъ только что изображенная: со стороны его племеннаго состава и его разселенія на пространствѣ Россіи.

Историческій очеркъ ученій о народонаселеніи и попытку систематизировать эти ученія независимо отъ теоріи Мальтуса, читатель найдетъ въ интересной книжкѣ неаполитанскаго профессора Нитти (*F. S. Nitti.* Population and the social system, London, Sonnenschein, 1894: одинъ изъ томиковъ Social science series). Такой же очеркъ и очень обстоятельный сводъ данныхъ по исторической статистикѣ см. въ прекрасной статьѣ о Bevölkerungswesen новаго Словаря государственныхъ наукъ (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, hgb. v. *Konrad* u. *Lexis*). Нѣкоторыя данныя «Очерка» заимствованы изъ капитальнаго изслѣдованія *Levasseur*, La population française,1889—1891 (особенно изъ III тома). Новѣйшія статистическія цифры взяты изъ послѣдняго изданія извѣстныхъ таблицъ *Юрашека* (Otto Hübner's Geographisch-Statistische Tabellen. Augs. 1894). Сводъ старой русской литературы по исторической статистикѣ населенія съ большой полнотой сдѣланъ во II томѣ изслѣдованія *Schnitzler*'а, до сихъ поръ сохраняющаго значеніе для историковъ: L'empire des Tsars au point actuel de la science, 4 тома. Paris, 1862—1869. За позднѣйшее время огромный матеріалъ по движенію населенія накопился въ изданіяхъ центральнаго статистическаго комитета и земскихъ статистическихъ работахъ. Разработку этого матеріала см. въ Военно-статистическомъ сборникѣ, вып. IV, Россія, составл. подъ ред. *Н. Н. Обручева*, Спб. 1871; въ Сравнительной статистикѣ Россіи и западно-европейскихъ государствъ *Ю. Янсона*, Спб. 1878—1880, 2 т. и въ Сельско-хозяйственной статистикѣ европейской Россіи *А. Ѳ. Фортунатова*, М. 1893. Попытка опредѣлить движеніе населенія въ до-петровское время сдѣлана спеціально для настоящихъ «Очерковъ», также какъ и попытка опредѣлить приростъ населенія за послѣдніе два вѣка въ районахъ петровскихъ губерній. Площади этихъ губерній опредѣлены въ площадяхъ современныхъ уѣздовъ. Болѣе точное опредѣленіе потребовало бы сложныхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Данныя по статистикѣ прироста и убыли 1620-хъ, 1678, 1710 и 1724 годовъ взяты изъ книги автора: Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго.

II.

Связь первоначальнаго заселенія Россіи съ ея геологическимъ прошлымъ.—Вопросъ о связи первобытнаго населенія Россіи съ ея позднѣйшими обитателями.—Древнѣйшее распредѣленіе племенъ.—Югъ.—Иранцы и тюрки.—Сѣверъ.—Древнѣйшее разселеніе финновъ: восточная и западная группа.—Дальній сѣверъ.—Древнѣйшія мѣста жительства восточныхъ славянъ.—Разселеніе племенъ въ приднѣпровьи.—Отношеніе древнихъ племенъ къ нарѣчіямъ.—Распредѣленіе малорусскихъ говоровъ въ зависимости отъ условій разселенія малороссовъ.—Этнографическая основа полѣсскихъ говоровъ.—Великоруссы: вопросы о колонизаціи поволжья и о смѣшеніи здѣсь восточныхъ славянъ съ финнами.—Новгородская колонизація сѣвера.

Наблюденія надъ исторической статистикой русскаго населенія мы могли дѣлать только относительно двухъ послѣднихъ столѣтій русской исторіи. Напротивъ, вопросъ объ этнографическомъ составѣ русскаго населенія возвращаетъ насъ къ самому отдаленному прошлому нашей страны. Только раздвинувъ рамки нашихъ наблюденій далеко за предѣлы исторически извѣстнаго, мы можемъ составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, изъ какихъ составныхъ элементовъ сложилось современное населеніе Россіи.

Надо сказать, что и здѣсь, при всякой попыткѣ проникнуть въ существо дѣла, мы встрѣтимъ болѣе вопросовъ, чѣмъ отвѣтовъ, болѣе загадокъ, чѣмъ разъясненій. И антропологи, и археологи, и этнографы, и лингвисты еще менѣе политико-экономовъ приготовили намъ данныхъ для твердаго вывода.

Несомнѣнно, прежде всего, одно:—это то, что Россія послѣдней изъ европейскихъ странъ перешла изъ рукъ природы въ руки человѣка. Тогда какъ въ западной Европѣ человѣкъ жилъ, по всей вѣроятности, уже въ то время, которое геологи называютъ «третичной эпохой»,—въ европейской Россіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія человѣка не только въ третичный, но даже во всю первую половину послѣ—третичнаго періода. Начиная съ Финляндіи и кончая Орловской и Курской губерніями, большая часть Россіи

была въ это время покрыта сплошнымъ льдомъ; и дальше на югъ, огибая возвышенную плоскость этихъ губерній, ледникъ давалъ два длинные отростка въ низменности Днѣпра и Дона. На западъ отъ р. Онеги до Балтійскаго моря и на востокъ отъ сѣв. Двины до Урала, все пространство было покрыто моремъ, уровень котораго былъ на 150 метровъ выше теперешняго. Каспійское море при такомъ уровнѣ, доходило тоже до рѣкъ Камы и Бѣлой. Ледникъ сѣверной половины Россіи представлялъ собой покрытую льдомъ и снѣгомъ, лишенную всякой растительной и животной жизни, пустыню, походившую на теперешнюю Гренландію. На югѣ, параллельно сѣвернымъ ледникамъ, возникали многочисленныя прѣсноводныя озера; рѣки начинали прокладывать себѣ свои русла, обратившіяся теперь въ обширныя рѣчныя долины. У южной окраины ледника, во вторую половину ледниковой эпохи, вмѣстѣ съ мамонтомъ и носорогомъ появился, наконецъ, и человѣкъ, умѣвшій выдѣлывать себѣ орудія только изъ неполированнаго камня. Ледникъ мало-помалу таялъ, отступая на сѣверъ и на сѣверо-западъ. Слѣдомъ за нимъ подвигались въ томъ же направленіи и крупныя млекопитающія, и человѣкъ. Какъ долго они шли, пока не достигли до Финляндіи и до Балтійскаго моря,—это видно изъ того, что въ промежуткѣ вся физіономія природы измѣнилась и постепенно приняла современный характеръ. Только немногіе экземпляры мамонта добрались до Балтійскаго моря—и скоро исчезли. Человѣкъ, пришедшій сюда, уже умѣлъ полировать свои каменныя орудія, былъ знакомъ съ гончарнымъ искусствомъ, и т. д.

Какъ ни поздно, однако же, разселился человѣкъ впервые на пространствѣ теперешней Россіи, все-таки и эта эпоха цѣлыми десятками тысячелѣтій отдѣлена отъ того времени, о которомъ мы имѣемъ сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія. Что происходило въ этотъ длинный и темный промежутокъ, остается намъ совершенно неизвѣстнымъ. Напрасно было бы, поэтому, доискиваться, какъ относится первобытный человѣкъ Россіи къ современнымъ ея обитателямъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда только-что зарождалась антропологическая наука, основатель русской антропологіи, проф. Богдановъ, думалъ, что онъ нашелъ черепа представителей первобытной русской расы въ старинныхъ могилахъ. Впослѣдствіи онъ даже старался пріурочить этихъ старожиловъ Россіи къ какому-нибудь опредѣленному племени: онъ то считалъ ихъ финнами, то славянами. Но въ наше время антропологія уже вышла изъ младенчества и отказалась отъ смѣлыхъ рѣшеній такихъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Она не рѣшается теперь

опредѣлить не только національность, но даже и расу, къ которой принадлежали первобытные жители Европы. Люди такъ давно и долго живутъ на земномъ шарѣ, что они успѣли совершенно перемѣшаться другъ съ другомъ. Поэтому, нѣтъ такихъ антропологическихъ признаковъ, по которымъ можно было бы раздѣлить человѣчество на естественныя группы и семьи. Опредѣлить принадлежность того или другого народа къ той или другой чистой расѣ—такъ же невозможно, какъ опредѣлить расу уличныхъ собакъ. Представителей всѣхъ «рась», — въ антропологическомъ смыслѣ этого слова,—можно найти чуть ли не на любомъ пунктѣ земного шара. И такъ, мы должны признаться, что въ нашихъ свѣдѣніяхъ о населеніи Россіи существуетъ огромный пробѣлъ, который нѣтъ надежды заполнить. Когда занимается заря исторической жизни, мы встрѣчаемся уже съ извѣстными намъ и теперь національностями, антропологическое происхожденіе которыхъ покрыто совершеннымъ мракомъ.

Необходимо прибавить, что историческая жизнь народовъ, подобно доисторической,—начинается въ Россіи позднѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Только около времени Рождества Христова,—на нѣсколько столѣтій раньше или позже,—мы начинаемъ получать о населеніи Россіи сколько-нибудь положительныя или вѣроятныя извѣстія.

Среди этихъ извѣстій самыя раннія касаются Черноморья. Сколько мы можемъ судить, югъ Россіи заселенъ былъ тогда племенами, не игравшими почти никакой роли въ послѣдующей русской исторіи. Вѣка за три до Р. Х. здѣсь начинаютъ упоминаться сарматы. На основаніи ихъ собственныхъ именъ, сохраненныхъ намъ греческими надписями, мы можемъ утверждать, что сарматы были тотъ же народъ, который во время переселенія народовъ назывался аланами, а въ нашихъ лѣтописяхъ носитъ названіе ясовъ. Остатки этого народа живутъ и до сихъ поръ на склонахъ Кавказскаго хребта и называются осетинами. Они принадлежатъ къ той же арійской или индо-европейской группѣ народовъ, какъ славяне, германцы, греки и римляне; но еще ближе, чѣмъ къ этому (западному) отдѣлу арійцевъ, осетины стоятъ къ восточному отдѣлу—къ мидянамъ и персамъ. Когда-то они распространялись на всемъ югѣ, вплоть до Дуная; самыя имена Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Дона, повидимому, даны этимъ народомъ: на языкѣ осетинъ и до сихъ поръ слово «донъ» значитъ рѣка.

На мѣсто этого стараго «иранскаго» населенія въ историческое время выдвинулось на югѣ Россіи тюркское племя, принадлежав-

шее къ обширной урало-алтайской группѣ народовъ. Чтобы понять, какая сила толкнула тюрковъ въ Европу, намъ надо было бы заглянуть въ глубь азіатскаго материка. Тамъ мы увидѣли бы, по показаніямъ китайскихъ лѣтописей, какъ на западныхъ границахъ Китая, втеченіе цѣлой тысячи лѣтъ послѣ Р. Х., произошелъ цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ, сопровождавшихся этнографическими катастрофами. Каждый изъ такихъ переворотовъ, на протяженіи отъ III-го до XIII-го вѣка по Р. Х., выбрасывалъ изъ Азіи въ Европу новую толпу тюркскихъ кочевниковъ, побѣжденныхъ въ Азіи, но страшныхъ для Европы. За гуннами (IV вѣкъ) послѣдовали булгары, авары (VI вѣкъ); затѣмъ владычество на югѣ Россіи переходило поочередно къ хазарамъ (VII—X вѣкъ), печенѣгамъ (IX—XI), половцамъ (XI—XIII); наконецъ, за тюркскими нашествіями послѣдовало монгольское въ лицѣ татаръ, самыхъ опасныхъ и всего дольше державшихся на югѣ (XIII—XVIII вѣкъ). Всѣ эти волны кочевниковъ, захлестывавшія одна другую, смели безслѣдно старое осѣдлое населеніе южной Россіи, когда-то кормившее своимъ хлѣбомъ Аѳины. За полторы тысячи лѣтъ были, конечно, и промежутки роздыха. Усѣвшись на мѣстѣ, каждая изъ этихъ ордъ замирялась и устанавливала прочныя отношенія съ сосѣдями. Смотря по силѣ орды, это были или отношенія союза, или отношенія подданства. Но едва успѣвали установиться эти отношенія, какъ слѣдомъ за старой волной набѣгала новая и безъ слѣда смывала предъидущую; жалкіе остатки кочевниковъ искали спасенія отъ своихъ соплеменниковъ на окраинахъ осѣдлыхъ поселеній и составляли съ пограничными жителями пеструю этнографическую смѣсь. Этими отложеніями на берегу степнаго моря и ограничилось, впрочемъ, вліяніе тюркскаго элемента. Какъ ни велико было значеніе кочевниковъ въ общемъ ходѣ русской исторіи,—въ образованіи племеннаго состава русскаго населенія роль ихъ была совершенно ничтожна.

Обратимся къ двумъ другимъ этнографическимъ элементамъ, изъ которыхъ и сложилась, главнымъ образомъ, русская національность: къ *финнамъ* и *славянамъ*. Отношенія между ними остаются далеко неразъясненными. Изслѣдованіе языковъ финнскихъ племенъ показало однако, что гораздо раньше славянъ сосѣдями финновъ были германцы и литовцы. Ихъ сосѣдскія отношенія установились, повидимому, около времени Р. Х. Западные финны тогда только-что стали отдѣляться отъ восточныхъ (мордвы). Литовское вліяніе тѣ и другіе испытали (по новѣйшему мнѣнію Томсена) еще въ то время, какъ жили вмѣстѣ; на восточныхъ финновъ это вліяніе литвы сохранялось еще и послѣ раздѣленія. Напротивъ,

западные финны уже одни, отдѣльно отъ восточныхъ, пережили вліяніе германцевъ (именно готовъ); и притомъ, это было въ такое время, когда готскій языкъ еще не принялъ того вида, въ которомъ онъ становится намъ извѣстенъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Затѣмъ, наконецъ, сосѣдями западныхъ финновъ становятся и славяне. Когда славяне пришли въ соприкосновеніе съ финнами,— это можно приблизительно опредѣлить тоже по даннымъ языка. Оказывается, что и русскій языкъ тогда еще не принялъ той формы, въ какой мы встрѣчаемъ его въ древнѣйшихъ памятникахъ IX—X вѣка. Русское ъ и ь произносились еще тогда, какъ *у* и *и*; русское *о* произносилось, какъ короткое *а* *); полногласіе, составляющее особенность русскаго языка передъ другими славянскими нарѣчіями, еще не вполнѣ развилось **); даже носовые звуки ***), отсутствіе которыхъ считается обыкновенно другой русской особенностью,—еще сохранялись въ русскомъ языкѣ въ моментъ первой встрѣчи съ финнами. Такимъ образомъ, мы должны предположить, что встрѣча эта произошла, приблизительно, въ V—VII столѣтіи послѣ Р. Х.

Какъ видимъ, языкъ можетъ указать намъ *время*, когда происходили всѣ эти древнѣйшія передвиженія народовъ на пространствѣ Россіи. Языкъ же остается нашимъ главнымъ помощникомъ и при опредѣленіи *мѣста*, гдѣ все это происходило. Географическія названія, обыкновенно, сохраняются долго спустя послѣ того, какъ исчезаетъ народъ, давшій эти названія. Чуждыя и непонятныя для племенъ, занявшихъ мѣсто этого народа, географическія имена снова оживаютъ въ рукахъ языковѣда и могутъ разсказать намъ любопытныя вещи про давно минувшее этнографическое прошлое данной страны. Всѣмъ извѣстны многочисленныя названія русскихъ рѣкъ, кончающіяся на *ма* и *ва*. Недавно одинъ спеціалистъ по финнскимъ языкамъ, Веске, доказалъ, что это въ сущности—одинъ и тотъ же суффиксъ, имѣвшій первоначально значеніе «рѣка». Слѣдя за рѣками, носящими подобныя названія, мы приходимъ къ заключенію, что племя, которое давало эти имена, распространялось когда-то съ сѣверо-востока

---

*) Это, впрочемъ, могло быть и особенностью того нарѣчія, которое оказалось въ сосѣдствѣ съ западными финнами, т. е., вѣроятно, бѣлорусскаго (кривичскаго).

**) Напомню, что «полногласіемъ» называется употребленіе двухъ *о* вмѣсто славянскаго *а* (борода, волосы, вм. брада, власы). Какъ произошло полногласіе, не рѣшили еще сами лингвисты.

***) **Ѧ**=французск. *on*; **А**=фр. *in*.

Россіи далеко на юго-западъ, включая Костромскую, Владимірскую, Московскую, Калужскую губерніи и отсюда переходя даже въ бассейнъ Днѣпра,—именно, въ область его верховьевъ и лѣвыхъ притоковъ, кончая Десной. Въ настоящее время на востокъ отъ этой полосы живутъ два близкихъ другъ къ другу племени финновъ: черемисы и мордва. Что касается мордвы, мы знаемъ, что на своихъ теперешнихъ мѣстахъ она живетъ уже втеченіе полуторы тысячи лѣтъ: въ V вѣкѣ упоминаетъ впервые ея имя готскій историкъ Іорданъ, а въ X вѣкѣ довольно точно опредѣляетъ ея мѣсто жительства византійскій императоръ Константинъ Багрянородный. Тотъ же Іорданъ называетъ рядомъ съ мордвой и племя *мери*, хорошо извѣстное нашей лѣтописи. Поселенія мери какъ разъ соотвѣтствуютъ только-что очерченной площади распространенія рѣчныхъ названій. Мерей продолжаетъ называть себя до сихъ поръ черемиса (мäр, мари); и изъ ея языка объясняется цѣлая масса мѣстныхъ названій рѣкъ и деревень въ губерніяхъ центральной Россіи. Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что древнѣйшимъ, намъ извѣстнымъ, населеніемъ центральнаго междурѣчья были восточные финны. Мы видѣли, что, по свидѣтельству языка, восточные финны испытали сильное вліяніе литвы. Должны ли были они, чтобы подвергнуться этому вліянію, жить западнѣе, чѣмъ жили потомъ, — или, наоборотъ, литва жила гораздо восточнѣе? Географическія названія даютъ намъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. На основаніи ихъ можно заключить, что литовскія поселенія когда-то, дѣйствительно, распространялись на востокъ далеко отъ области Нѣмана. Еще на памяти исторіи, въ XII вѣкѣ, одинъ оторванный клочокъ литовскаго племени (голядь) продолжалъ жить въ какой-нибудь сотнѣ верстъ отъ Москвы, на сѣверѣ Калужской губерніи.

Перейдемъ теперь къ западнымъ финнамъ. Отдѣлившись отъ восточныхъ еще до великаго переселенія народовъ, они постепенно продвигались отъ верхняго теченія Волги на сѣверо-западъ, въ область озеръ. Отсюда, отъ Ильменя, Ладоги и Онеги, западные финны продолжали двигаться по направленію къ Балтійскому морю. Можно думать, что передовые отряды ихъ, ливы и куроны, въ VII—VIII вѣкахъ уже достигли остзейскихъ береговъ, и что въ то же, приблизительно, время проникли карелы на сѣверъ и на западъ отъ Ладоги. Позже поднялись тавасты и раздѣлились на двѣ группы: одна пошла югомъ финскаго залива и осѣла въ Эстляндіи, другая двинулась по сѣверному берегу залива въ свое теперешнее мѣсто жительства, — въ такъ наз. Тавастландъ. Послѣдними шли близко родственные тавастамъ собственно финны;

частью они остались въ Эстлядіи, частью,—вѣроятно, черезъ заливъ, — искали пути въ юго-западную Финляндію. Всѣ эти племена и теперь сидятъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда пришли тысячу лѣтъ назадъ; но исторія замела за ними тотъ слѣдъ, который они оставили за собой въ своемъ продвиженіи на западъ. Сохранились только признаки того, что племя тавастовъ, извѣстное русскимъ подъ названіемъ *еми* (или гамскаго народа), жило прежде гораздо дальше на востокъ. Къ племенамъ западныхъ финновъ мы имѣемъ полное право относить также и исчезнувшій народъ *веси*, обитавшій по лѣвымъ притокамъ верховья Волги. Наконецъ, весьма возможно, что «гамскій» же народъ далъ свои названія рѣкамъ, имена которыхъ кончаются на *-нга*, *-енга*, *-юга* (финл. *іоки*=рѣка). Подобныя названія разбросаны на всемъ сѣверѣ Россіи, начиная съ Ярославской губерніи. Здѣсь, впрочемъ, западные финны встрѣчались уже съ финнами пермской группы (зыряне, пермяки и вотяки) и съ еще болѣе отдаленными родственниками финновъ, лопарями. Теперь только жалкіе остатки лопарей держатся еще тамъ и сямъ на Кольскомъ полуостровѣ; въ древности же это племя занимало все обширное пространство на западъ отъ Двины и на сѣверъ отъ Ладожскаго озера. По своей отдаленности, ни лопари, ни пермская группа не могли, конечно, играть никакой роли въ образованіи русской національности.

Намъ пора теперь вернуться къ первоначальному разселенію русскихъ племенъ. Исключивъ всѣ тѣ мѣстности, которыя, по нашимъ предъидущимъ наблюденіямъ, заняты были иранцами и потомъ тюрками, литовцами и финнами,—мы должны будемъ искать древнѣйшихъ поселеній славянъ на югъ отъ Нѣмана и на западъ отъ Днѣпра. Въ самомъ дѣлѣ, различныя соображенія, которыя не мѣсто излагать здѣсь, приводятъ къ выводу, что недалеко отъ этихъ мѣстъ,—въ прикарпатьѣ, на верхней Вислѣ, въ теперешней Галиціи и Волынской губерніи находилось самое древнее мѣстопребываніе славянъ, какое мы только можемъ услѣдить Изъ этого центра, въ прямой связи съ передвиженіями германцевъ, начиная съ III-го вѣка по Р. Х., славяне стали распространяться на западъ къ Одеру, на югъ къ Дунаю и на сѣверо-востокъ—вверхъ по Днѣпру и его притокамъ. Мы уже видѣли, что не позже, какъ въ VII столѣтіи, славяне прорѣзали поясъ литовскихъ поселеній на верхнемъ Днѣпрѣ и столкнулись (гдѣ-нибудь около Валдайской возвышенности) съ западными финнами. Навѣрное, къ этому времени славянскія поселенія успѣли уже пустить и другой длинный отростокъ—на востокъ, черезъ Десну и Сеймъ, къ Дону. Два-три вѣка спустя (IX—X вв.), мы уже за-

стаемъ восточно-славянскія племена окончательно усѣвшимися въ приднѣпровьѣ — на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя затѣмъ втеченіи вѣковъ остаются за ихъ потомками. Передвиженія здѣсь были, конечно, и при свѣтѣ исторіи; но большихъ перемѣнъ въ племенномъ составѣ днѣпровскаго бассейна эти передвиженія не произвели. Главныя племенныя различія, повидимому, уже въ это древнее время опредѣлились съ достаточной отчетливостью; каждое племя уже заняло свою опредѣленную территорію и держалось за свою «землю» съ замѣчательной цѣпкостью и постоянствомъ. Княжескимъ линіямъ XI—XIII вѣка оставалось только принять эти племенныя «земли» за основу для опредѣленія границъ своихъ владѣній (см. дальше карту княжествъ XI—XIII вѣка).

Для насъ интереснѣе, однако же, вопросъ: что сдѣлалось съ древнерусскими племенами послѣ того, какъ территоріи древнихъ княжествъ были перетасованы и вошли въ новыя и болѣе крупныя политическія сочетанія XV—XVI вѣка? Старыя племенныя названія за этотъ промежутокъ времени исчезаютъ, затрудняя этимъ нашу задачу. За-то на смѣну названіямъ является новый, болѣе надежный признакъ: особенности языка. Русскія нарѣчія сложились, конечно, не тогда, когда они впервые становятся намъ извѣстными. Разница нарѣчій должна восходить къ болѣе ранней по времени разницѣ племенныхъ группъ. Какъ же относятся къ древнимъ племенамъ современныя русскія нарѣчія?

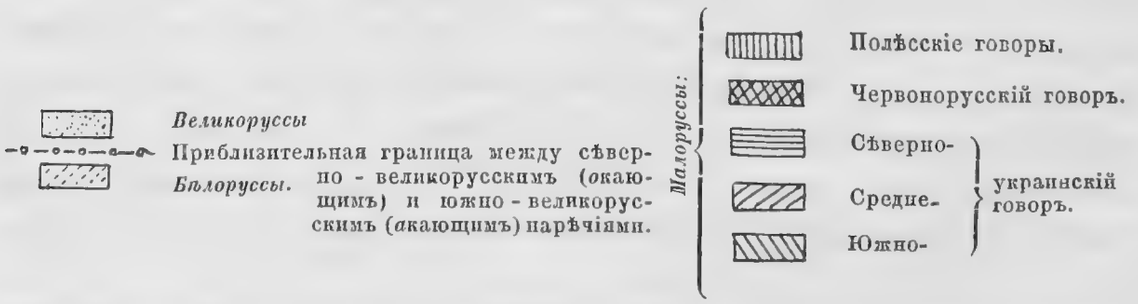
Надо признаться, что отвѣтить на этотъ вопросъ теперь, когда не изучены, какъ слѣдуетъ, ни древнія племена, ни современныя нарѣчія,—довольно трудно. Но все-же сомнѣваться и колебаться можно только въ извѣстныхъ предѣлахъ: важно намѣтить и эти предѣлы, такъ какъ и они не всегда соблюдаются.

Русскія нарѣчія дѣлятся, обыкновенно, на два отдѣла: сѣверно-русское и южно-русское (или малороссійское). Съ послѣдняго, какъ болѣе близкаго къ исконному мѣсту жительства восточныхъ славянъ, мы и начнемъ. На прилагаемой картѣ къ чисто малорусскимъ говорамъ относятся четыре. Полоса по западной границѣ съ Австріей представляетъ небольшой обрывокъ червонорусскаго говора, примыкающій къ такому же говору русскихъ жителей Галиціи. Начиная отъ этой полосы, тянутся съ запада на востокъ въ три ряда—три главныхъ оттѣнка украинскаго нарѣчія: сѣверно-, средне- и южно-украинское. Какимъ же древнимъ жителямъ этихъ мѣстностей соотвѣтствуютъ теперешніе малороссы?

Опустошенія, произведенныя на югѣ тюркскими кочевниками, значительно облегчили намъ объясненіе этой загадки. Всѣ мѣстности на югъ отъ теченія Десны и отъ линіи, проведенной между

Кіевомъ и верховьями южнаго Буга, безусловно не могли сохранить своего древняго населенія, такъ какъ подверглись полному раззоренію со стороны тюрковъ. Теперешнее населеніе всѣхъ этихъ мѣстностей, несомнѣнно, явилось сюда въ качествѣ новыхъ поселенцевъ съ запада. Такимъ образомъ, изъ списка древнихъ народностей русскаго юга мы можемъ вычеркнуть добрую половину.

Карта русскихъ нарѣчій.



Всѣ эти дулѣбы, уличи, тиверцы, даже поляне и значительная часть древлянъ и сѣверянъ, навѣрное, не пережили эпохи тюркскихъ нашествій. Но и населеніе, уцѣлѣвшее на ближайшихъ окраинахъ, едва ли могло сохранить свою этнографическую чистоту: дѣло въ томъ, что здѣсь селились, одни за другими, тѣ же тюрки, выгоняемые новыми пришельцами,—своими же родичами,—

изъ степи. Пограничное населеніе было, такимъ образомъ, или инородческимъ, или смѣшаннымъ. Жители Сквирскаго уѣзда Кіевской губ. называли себя половцами еще въ XVI столѣтіи.

Сколько-нибудь чистаго и безпримѣснаго славянскаго населенія мы можемъ, стало быть, искать только на западъ отъ Кіевской губерніи. Древнее населеніе Волынской губерніи такъ и называлось—волынянами; но это названіе ничего не говоритъ намъ, такъ какъ оно, очевидно, означаетъ не племенной составъ жителей, а только ихъ географическое положеніе. Такимъ образомъ, этнографическій составъ волынскаго населенія остается для насъ загадкой до XIV вѣка, когда эта загадка разъясняется сразу. Дѣло въ томъ, что въ это время Волынь вмѣстѣ съ Галиціей начинаетъ называться въ источникахъ «Малой Россіей», а вмѣстѣ съ тѣмъ на противоположныхъ окраинахъ обѣихъ мѣстностей обнаруживаются ясные признаки того, что жители говорятъ нарѣчіемъ, которое мы теперь называемъ малорусскимъ. Въ Галиціи, несомнѣнно, жили въ древнюю эпоху «бѣлые хорваты». Нѣтъ никакихъ основаній думать, что они только въ XIV вѣкѣ пробрались отсюда на Волынь и замѣстили волынянъ. Такимъ образомъ, мы пріобрѣтаемъ увѣренность, что уже старожилы Волыни были близко родственны хорватамъ и вмѣстѣ съ ними принадлежали къ предкамъ малорусскаго племени.

Верховья Днѣстра, двухъ Буговъ и Припети мы должны, стало быть, считать самымъ древнимъ извѣстнымъ намъ мѣстомъ жительства малороссовъ. Отсюда, гонимыя польскими государственными порядками, господскими поборами и религіозными преслѣдованіями, массы простого малорусскаго люда пробирались на юго-востокъ втеченіе столѣтій. Но съ юго-востока грозили тюрки,—и эта опасность заставляла малороссовъ до поры до времени держаться, въ своемъ движеніи, на сѣверъ отъ степи. Этнографическая карта сохранила намъ нѣмую исторію этой борьбы двухъ противоположныхъ тенденцій. Узкая полоса сѣверно-украинскаго нарѣчія напоминаетъ о времени, когда со стороны степи грозила сильнѣйшая опасность, когда въ окрестностяхъ Житомира населеніе склонялось къ союзу съ татарами (XIII вѣкъ). Сѣверные украинцы держались въ малодоступномъ оазисѣ по верховьямъ Припети и по всему теченію Стыри. Внѣ этого оазиса сѣверно-украинское населеніе сохранилось только въ узкой полосѣ отъ Луцка къ Житомиру и Кіеву. Дальше за Днѣпромъ полоса сѣверно-украинскаго нарѣчія становится шире, охватывая всю часть Черниговской губ. на югъ отъ Десны и сѣверную часть Полтавской. Отъ того ли это, что здѣсь всегда дышалось свободнѣе со

стороны степи, или оттого, что степь перестала быть грозной къ тому времени, когда пришли сюда сѣверные украинцы? Отвѣтъ будетъ различный, смотря по тому, будемъ ли мы видѣть въ здѣшнемъ населеніи потомковъ древняго племени сѣверянъ, уцѣлѣвшихъ отъ татарскаго разгрома, или новыхъ пришельцевъ, заселившихъ эти мѣста послѣ того, какъ прошла опасность. Выше мы отвергли первое предположеніе. Теперь мы должны, слѣдовательно, принять второе. Сѣверные украинцы разселились на лѣвомъ берегу Днѣпра, вѣроятно, въ промежуткѣ XIV—XVI столѣтій.

Опредѣленнѣе можно говорить о средней полосѣ украинскаго говора. Заднѣпровская часть этой полосы лежитъ какъ-разъ на самой границѣ тюркскихъ и татарскихъ опустошеній. Только къ XVI вѣку мѣстное населеніе начало оправляться отъ этихъ опустошеній. Только въ этомъ вѣкѣ украинцы средней полосы могли продвинуться въ Кіевскую губернію. Дальше же на востокъ, за Днѣпръ ихъ выгнала только окончательная унія Литвы съ Польшей. Заселивъ въ первую половину XVII вѣка Полтавскую губернію, они въ серединѣ столѣтія толпами бросились бѣжать дальше, въ Харьковскую губернію.

Наконецъ, поселенія южныхъ украинцевъ, въ самыхъ древнихъ своихъ частяхъ (Подольская губ., югъ Кіевской, Харьковской и Воронежской), не восходятъ ранѣе XVII вѣка. Болѣе же позднія изъ нихъ (въ Херсонской и Екатеринославской губ.) явились только въ прошломъ столѣтіи, когда степь стала окончательно безопасной.

Перейдемъ теперь къ мѣстностямъ, до которыхъ рѣдко или вовсе не доходили опустошенія кочевниковъ. На сѣверъ отъ украинскаго нарѣчія, по сю и по ту сторону Днѣпра, тянется припетское и десненское полѣсье. Народные говоры обоихъ полѣсьевъ, называемые «полѣсскими», представляютъ переходный характеръ. Нарѣчіе припетскихъ жителей составляетъ переходъ отъ малорусскаго къ бѣлорусскому; жители черниговскаго задесенья говорятъ языкомъ переходнымъ отъ малорусскаго къ великорусскому. Одинъ этотъ фактъ,—если только считать его твердо установленнымъ,—долженъ свидѣтельствовать о томъ, что населеніе обоихъ полѣсьевъ является смѣшаннымъ. Но какую роль въ этомъ смѣшеніи съиграло древнее населеніе, которое на этотъ разъ, навѣрное, никуда не ушло и не исчезло, сказать трудно. На Припети сталкивались въ древности дреговичи съ сѣвера, и древляне съ востока. За Десной долженъ былъ сохраниться остатокъ сѣверянъ. Былъ ли языкъ этихъ племенъ и первоначально переходнымъ, или же прежде онъ былъ чище;—въ послѣднемъ случаѣ, къ какому изъ своихъ составныхъ элементовъ онъ былъ ближе, къ малорусскому,

или же къ великорусскому и бѣлорусскому,—все это вопросы, которые нельзя разрѣшить при настоящемъ состояніи нашихъ знаній.

Относительно бѣлорусскаго племени вопросъ рѣшается легче. Теперешнія поселенія бѣлоруссовъ почти совершенно соотвѣтствуютъ своими предѣлами расцространенію кривичей по нашей древней лѣтописи. Вопросъ можетъ быть только относительно того, куда дѣлись радимичи, жившіе на пространствѣ Могилевской губерніи. Но и этотъ вопросъ можно рѣшить довольно опредѣленно, не углубляясь въ древнѣйшій періодъ русской исторіи. Территорія Могилевской губерніи подвергалась столькимъ опустошеніямъ втеченіе долгой борьбы московской и литовской Руси, что древнее населеніе ея едва-ли могло сохраниться *).

Съ переходомъ къ великорусскому племени, затрудненія опять растутъ и становятся неразрѣшимыми. Лингвисты дѣлятъ великорусское нарѣчіе на сѣверно- и южновеликорусское; между обоими въ среднемъ поволжьи существуетъ промежуточное нарѣчіе, которое Даль называлъ «восточнымъ». Взаимныя отношенія между этими нарѣчіями, а тѣмъ болѣе подраздѣленія ихъ на говоры, далеко еще не уяснены спеціалистами по исторіи языка. Такъ же мало сдѣлано антропологами для уясненія физическаго типа великорусса.

Главный интересъ вопроса заключается въ томъ, что мы несомнѣнно имѣемъ здѣсь дѣло съ областью, позже колонизованной славянами, и должны предполагать смѣшеніе ихъ съ коренными жителями, финнами. Но, прежде всего, какое изъ славянскихъ племенъ колонизовало поволжье? Шелъ ли славянскій притокъ на Волгу сверху, изъ Новгорода, или съ запада, изъ смоленской области кривичей, или съ юга, съ Оки, изъ вятичской области? Или же, наконецъ, всѣ три эти теченія существовали и слились въ одно цѣлое? Можетъ быть, нѣкоторый отвѣтъ заключался бы и тутъ въ наблюденіяхъ надъ распредѣленіемъ нарѣчій. На картѣ нарѣчій обозначена, приблизительно, линія, на сѣверъ отъ которой великоруссы говорятъ на *о*, а на югъ—на *а*. Окающее и акающее нарѣчія, несомнѣнно, указываютъ намъ на два параллельные потока колонизаціи: одинъ, направлявшійся изъ новгородской области внизъ по Волгѣ; другой изъ смоленской области кривичей и изъ вятичской области (Калужской губ.) внизъ по Окѣ. Теперь и бѣлоруссы смоленской области, и великоруссы Калужской губерніи, и рязанцы—одинаково акаютъ. Но когда и какъ произошло это сходство въ говорѣ—рѣшить довольно трудно. Какъ давно бѣлоруссы

*) И если бы даже оно сохранилось, есть основанія думать, что уже въ древнѣйшую эпоху радимичи были въ значительной степени ассимилированы сѣверянами.

и южно-великоруссы начали акать, объ этомъ лингвисты держатся самыхъ противоположныхъ взглядовъ. Если аканіе очень древне, то можно было бы предположить, что между кривичами и вятичами существовало старинное родство. Если же, напротивъ, аканіе относится къ числу позднихъ явленій языка, то оно могло явиться и вслѣдствіе вліянія одного племени на другое; и тогда является вопросъ, которое именно племя оказывало вліяніе. Историку напрашивается предположеніе, что кривичи повліяли на вятичей и—вмѣстѣ съ ними, или одни—создали поздній (XIV вѣка) рязанскій говоръ; но лингвисты высказывали и противоположное мнѣніе. Во всякомъ случаѣ въ отношеніи южно-великорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому много неяснаго и загадочнаго. Съ одной стороны, между ними такъ много общаго, что бѣлорусскій многими считался и отчасти до сихъ поръ считается однимъ изъ южновеликорусскихъ нарѣчій. Съ другой стороны, напротивъ, въ бѣлорусскомъ есть такія коренныя особенности, которыя заставляли выдѣлять его въ особую группу, равноправную съ великорусской и малорусской. Произошли ли черты, роднящія бѣлорусскій съ южновеликорусскими говорами, изъ ихъ первоначальнаго родства, или онѣ возникли путемъ позднѣйшаго вліянія одного на другія, и котораго именно на которое,—всѣ эти вопросы могутъ быть рѣшены только языковѣдами.

Вопросъ о смѣшеніи славянъ съ финнами тоже остается до сихъ поръ невполнѣ рѣшеннымъ. Всѣ мы на глазъ готовы признать финскія черты въ типѣ великорусса; но, тѣмъ не менѣе, физическіе признаки смѣшенія до сихъ поръ не поддаются точному научному опредѣленію. Въ недавней работѣ проф. Зографа мы нашли, было, антропологическое подтвержденіе нашихъ апріорныхъ ожиданій: славянинъ оказывался—высокорослымъ блондиномъ, финнъ—низкорослымъ брюнетомъ; въ среднемъ поволжьи авторъ думалъ найти слѣды различныхъ степеней смѣшенія между тѣми и другими. Къ сожалѣнію, антропологи разрушили цифры, на которыхъ пр. Зографъ основывалъ свои заключенія, и мы опять остаемся при однихъ предположеніяхъ.

Намъ остается упомянуть о распространеніи сѣверно-великорускаго нарѣчія на всемъ сѣверѣ Россіи, въ предѣлахъ поморскаго бассейна. Это нарѣчіе, несомнѣнно, явилось здѣсь вмѣстѣ съ новгородскими колонистами. Съ самыхъ древнихъ временъ новгородцы начинаютъ это движеніе на востокъ и сѣверо-востокъ, за «волокъ» (т. е. водораздѣлъ) озернаго бассейна. Сперва они появляются здѣсь въ роли сборщиковъ дани; потомъ начинаютъ въ качествѣ звѣропромышленниковъ эксплуатировать мѣстныя лѣсныя богатства,—черезъ посредство ли мѣстнаго на-

селенія, или съ помощью новгородскихъ «ватагъ»; наконецъ, они разбираютъ между собой лучшія земли по теченію рѣкъ, уже въ качествѣ осѣдлыхъ поселенцевъ. Естественно, что весь этотъ ходъ новгородской колонизаціи совершается постепенно, втеченіе нѣсколькихъ столѣтій. Отдѣльные смѣлые авантюристы еще въ XI вѣкѣ проникаютъ изъ Новгорода чуть не до самаго Урала; но вплоть до конца XII вѣка владычество Новгорода на востокъ отъ Двины остается очень непрочнымъ. Оно выражается исключительно въ дани, которую очень неохотно и нерегулярно платятъ инородцы, возставая по временамъ и даже убивая сборщиковъ. Но и на западъ отъ Двины власть новгородцевъ, повидимому, до самой средины XII вѣка не сопровождается колонизаціей. Въ XIII столѣтіи начинается борьба новгородцевъ съ суздальскими князьями за волокъ,—на всемъ протяженіи отъ Твери до Устюга. Борьба эта ведетъ ко взаимному размежеванію, и новгородской вольной колонизаціи полагается предѣлъ. На перерѣзъ ей съ юга идетъ уже съ XIV вѣка московское вліяніе. Въ это время самой восточной областью, прочно колонизованной новгородцами, оказывается теченіе Двины; надо прибавить, что въ послѣднюю четверть того же XIV вѣка вольные новгородскіе колонисты успѣваютъ сдѣлать послѣднее усиліе и пробраться на Вятку. Затѣмъ, Новгородъ втягивается въ борьбу, которая все болѣе и болѣе становится борьбою за существованіе. Какъ подѣйствовала эта борьба и ея исходъ на дальнѣйшій ходъ колонизаціи,—видно изъ того, что и теперь инородческія поселенія финновъ пермской группы начинаются вблизи тѣхъ самыхъ мѣстъ, на которыхъ остановилась новгородская колонизація XIV-го вѣка.

Геологическій очеркъ сдѣланъ по статьямъ гг. *Никитина* (Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leurs relations aux trouvailles résultants de l'activité de l'homme préhistorique) и *Чернышева* (Aperçu sur les dépôts posttertiaires en connexion avec les trouvailles des restes de la culture préhistorique au nord et à l'est de la Russie d'Europe) въ Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie. 11-me session, à Moscou т. I. M. 1892. Теорія проф. *Богданова* изложена въ рядѣ работъ, резюмированныхъ въ его статьѣ: quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? См. тѣ же труды международнаго конгресса и мой «Научный обзоръ» въ «Русской Мысли», 1892 г. Сводъ старой литературы по исторической этнографіи Россіи сдѣланъ во II томѣ названнаго уже ранѣе труда *Schnitzler*'а, L'empire des Tsars. Болѣе новаго общаго свода не существуетъ. Объ иранствѣ сарматовъ см. Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde, т. III; статью *В. Ѳ. Миллера*: Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи, «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. CCXLVII. отд. 2 и его же Осетинскіе этюды, т. III. О тюркахъ, см *Hermann Vámbéry* «Ursprung der Magyaren. Leipz. 1882 и *его же* Das Türkenvolk, Leipz., 1885. О роли тюрковъ на югѣ Россіи въ древнѣйшую эпоху

см. *П. Голубовскаго*, Печенѣги, тюрки и половцы до нашествія татаръ; Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Наблюденія надъ историческими связями финскаго, готскаго, литовскаго и славянскаго языковъ сдѣланы въ сочиненіяхъ датскаго ученаго *В. Томсона*: Den gotiske sprogklasses indflydelse på den finske, Копенгагенъ, 1869 (нѣмец. переводъ 1870, Halle) и Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. Копенг. 1890, и финскаго ученаго *Ioos. I. Mikkola*, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen-Helsingfors, 1894 (въ Mémoires de la société finno-ougrienne. VIII). Наблюденія надъ распространеніемъ финскихъ рѣчныхъ названій см. у *Веске*: Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань, 1890 (въ «Извѣстіяхъ Общ. археологіи, исторіи и этнографіи при Казан. унив.» Т. VIII, вып. I) и *И. Н. Смирнова*, Вотяки (ibid. т. VIII, вып. 2), *его же* Пермяки (ibid. т. IX. вып. 2), Мордва (ibid. т. X) и резюмирующая статья въ Трудахъ московской сессіи международнаго конгресса антропологіи и допсторич. археологіи, т. I. О родствѣ мери съ черемисами см. статью *Т. Семенова* подъ этимъ заглавіемъ (Къ вопросу etc.). Очеркъ разселенія западныхъ финновъ сдѣланъ, на основаніи Аспелина, по *Шюбергсону*. Finlands Historia.Карта русскихъ княжествъ XI—XIII в. въ связи съ древними племенами составлена на основаніи *Н. Барсова*, Очерки русской исторической географіи, изд. 2-е, 1885, Варшава; *его же* Матеріаловъ для историко-географическаго словаря, 1865, Вильна, и сочиненій по исторіи отдѣльныхъ княжествъ кіевской Руси, особенно *М. Грушевскаго*; Очеркъ исторіи Кіевской земли до конца XIV столѣтія, Кіевъ, 1891 и *Довнара-Запольскаго*, Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель до конца XIII в., Кіевъ, 1891. О русскихъ нарѣчіяхъ см. статью *Даля* въ «Вѣстникѣ русск. геогр. общества», 1852 и IV вып. его «Толковаго словаря», *Потебни*, Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, *А. Соболевскаго* Лекціи по исторіи русскаго языка, изд. 2-е, Спб., 1891. *Его же* Очерки изъ исторіи русскаго языка, Очерки русской діалектологіи («Живая Старина», 1892), *Будде*, къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій (изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора), Варшава, 1892; *А. Шахматова*. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій. «Русск. Филологич. Вѣстникъ», 1894, *А. Смирнова*, Сборникъ древнерусскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи. Варшава, 1882. Кромѣ указанныхъ сочиненій, пособіями при составленіи карты нарѣчій служили: этнографическая карта Риттиха и Карта южнорусскихъ нарѣчій и говоровъ, составленная въ 1871 и изданная въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западнорусскій край; Матеріалы и изслѣдованія, собр. *П. П. Чубинскимъ*, т. VII, вып. 2-й, Спб., 1877. О великоруссахъ см. статью проф. *Анучина*, въ «Энциклопедич. словарѣ» Арсеньева и Петрушевскаго. Теорія проф. *Н. Ю. Зографа* изложена въ его Антропометрическихъ изслѣдованіяхъ мужскаго великорусскаго населенія Владим. Ярославской и Костромской губ. М. 1892, и опровергнута въ брошюрѣ гг. *А. А. Ивановскаго* и *А. Г. Рождественскаго*: Насколько вѣрны выводы проф. Н. Ю. Зографа etc. и имѣютъ ли эти «Изслѣдованія» какое-либо научное значеніе? Москва, 1894. О времени основанія Вятки см. «Два реферата, читанныхъ въ засѣданіи VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ». Вятка, 1887. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, названы *только* тѣ пособія, которыя или непосредственно послужили для составленія очерка, или могутъ помочь читателю основательнѣе ознакомиться съ предметомъ изложенія.

III.

Значеніе колонизаціи Россіи.—Колонизація сѣвера: роль монастырей.—Крайніе предѣлы опустошеній на юговостокѣ. — Защита «берега» и устройство Тульской засѣки.—Колонизація на Камѣ и Бѣлой.—Дальнѣйшее движеніе на югъ и устройство Бѣлгородской, Симбирской и Закамской черты.—Колонизація Полтавщины и движеніе малороссовъ въ Харьковскую и Воронежскую губ.—Устройство Украинской линіи. — Сокращеніе территоріи войска донскаго.—Военная колонизація Заволжья до средины XVII в. — Колонизація Исетской провинціи.—Успѣхи колонизаціи во второй половинѣ XVIII вѣка.—Колонизація Новороссіи. — Устройство Кавказской линіи. — Колонизація Поволжья.

Мы видѣли, что въ Россіи, какъ и въ остальной Европѣ, процессъ племенныхъ смѣшеній и разселеній начинается еще въ доисторическую эпоху. Но начало доисторической эпохи, совпадающее съ появленіемъ человѣка, для Россіи относится къ несравненно болѣе позднему времени, чѣмъ для европейскаго запада. Точно также и конца этихъ этнографическихъ перемѣщеній и сліяній мы должны искать въ Россіи гораздо позднѣе. На западѣ передвиженіе этнографическихъ массъ улеглось въ общихъ чертахъ къ VIII—IX вѣку; такимъ образомъ, Европа усѣлась на мѣстѣ къ тому времени, когда только-что началась наша исторія. Процессъ сліянія главнѣйшихъ племенныхъ элементовъ западной Европы къ этому времени также уже почти закончился, и современнымъ ученымъ стоитъ много трудовъ открыть, какіе это были составные элементы, образовавшіе теперешній національный типъ француза, итальянца и т. д. Только ближайшее къ Россіи пространство между Вислой и Эльбой составляетъ въ обоихъ случаяхъ нѣкоторое исключеніе. У насъ въ Россіи тоже не легко разобраться въ древнѣйшихъ передвиженіяхъ и смѣшеніяхъ племенъ; но тотъ же процессъ продолжается у насъ на всемъ протяженіи исторіи, отъ доисторической эпохи до настоящаго времени, и по сію пору не можетъ считаться совершенно законченнымъ. Пестрота племеннаго состава до сихъ поръ превращаетъ Россію въ живой этно-

графическій музей всевозможныхъ народностей; инородческое населеніе мы застаемъ здѣсь на всевозможныхъ ступеняхъ обрусѣнія. Тогда какъ на западѣ Европы уже со времени переселенія народовъ чуть не каждый клочокъ земли имѣетъ свою межу, своего владѣльца,—у насъ черезъ всю исторію красной нитью проходитъ процессъ разселенія жителей на пустыхъ и никому не принадлежащихъ пространствахъ. Этотъ процессъ колонизаціи русской земли точно также далеко не закончился въ настоящую минуту, какъ и процессъ сліянія различныхъ этнографическихъ элементовъ русскаго населенія.

Для пониманія общаго хода развитія русской исторіи знакомство съ колонизаціей русской земли, хотя бы въ общихъ чертахъ,—совершенно необходимо. Мы не будемъ долго останавливаться на колонизаціи русскаго сѣвера. Въ существенныхъ чертахъ, колонизація эта завершилась, какъ мы видѣли, уже въ новгородскій періодъ. Остановившись въ XIV вѣкѣ на Двинѣ, колонизація не идетъ дальше на востокъ, несмотря на содѣйствіе, которое оказываетъ московское правительство миссіонерской дѣятельности Стефана Пермскаго. Дальнѣйшее колонизаціонное движеніе происходитъ только на югъ и на сѣверъ отъ района, охваченнаго новогородцами. На южной окраинѣ мелкія линіи Бѣлозерскихъ и Ярославскихъ князей, вѣроятно, стараются заселить свои крохотные удѣлы; одновременно съ ними, въ XIV и XV вѣкахъ, развивается вокругъ Вологды колонизаціонная дѣятельность монастырей.

Относительно роли монастырей, какъ колонизаторовъ сѣвера, существуютъ нѣсколько преувеличенныя представленія. Въ дѣйствительности, монастыри рѣдко являются піонерами колонизаціи; они возникаютъ большею частью на замиренныхъ и даже заселенныхъ мѣстахъ. До XIV вѣка намъ извѣстны всего только два монастыря на сѣверѣ, которые могли имѣть колонизаціонное значеніе *). Въ XIV вѣкѣ возникаютъ здѣсь уже около 17 монастырей, въ XV в. — около 22-хъ; но изъ первыхъ только 7, изъ вторыхъ 13 играютъ роль въ процессѣ колонизаціи. Большая половина этихъ 20-ти монастырей тѣснится въ трехъ сосѣднихъ уѣздахъ Вологодской губерніи (Грязовецкомъ, Вологодскомъ и Кадниковскомъ). Только въ XVI вѣкѣ монастыри пробираются на перешеекъ между Ладожскимъ и Онежскимъ озеромъ, спускаются внизъ по Сухонѣ и поднимаются вверхъ по Вычегдѣ на

*) Палеостровскій на островѣ Онежскаго озера и Спасо-Каменный на островѣ Кубенскаго озера.

встрѣчу монастырямъ Стефана, которыхъ далеко превосходятъ въ роли колонизаторовъ: наконецъ, въ томъ же XVI вѣкѣ на сѣверной окраинѣ новгородской колонизаціи, на Бѣломъ морѣ, начинается въ обширныхъ размѣрахъ колонизаціонная дѣятельность Соловецкаго монастыря и Троицкаго Сергіева. Далѣе, въ XVII вѣкѣ, присоединяется еще одинъ новый элементъ: колонизація раскольническая. Но было бы трудно рѣшить, въ какой степени притокъ населенія на сѣверъ былъ усиленъ гоненіями на расколъ. Повидимому, дѣло сводилось здѣсь не столько къ появленію новаго населенія, сколько къ перемѣщенію стараго внутри тѣхъ же предѣловъ поморскаго бассейна.

Настоящая область колонизаціи—это юговостокъ Россіи, частью заселенный инородцами, частью опустошенный кочевниками. Движеніе населенія на юговостокъ можно прослѣдить съ гораздо большей отчетливостью, чѣмъ колонизацію сѣвера. Причины этого тѣ, что, во-первыхъ, заселеніе юговостока происходитъ позднѣе, чѣмъ заселеніе сѣвера, во-вторыхъ, населеніе движется сюда цѣлыми массами и, въ-третьихъ, движеніе этихъ массъ происходитъ подъ прямымъ вліяніемъ и контролемъ московскаго правительства, взявшаго на себя оборону южной границы, а отъ обороны нечувствительно перешедшаго къ наступленію.

Чтобы опредѣлить районъ юговосточной колонизаціи, мы должны прежде всего установить крайнюю границу опустошеній, произведенныхъ набѣгами изъ степи. Набѣги эти начались, какъ мы видѣли, очень давно и велись съ перемежающейся силой. Въ послѣдній разъ набѣги усилились тогда, когда испортились мирныя отношенія Руси съ Золотой Ордой: точнѣе, когда Орда, со второй половины XIV вѣка, начала приходить въ упадокъ, и ордынскіе ханы потеряли возможность удерживать въ повиновеніи собственныхъ мурзъ. Сильнѣйшіе изъ этихъ мурзъ стали тотчасъ же образовывать цѣлый рядъ самостоятельныхъ владѣній, среди которыхъ особенно выдвинулись владѣнія крымской и нагайской орды.

Русское населеніе, спокойно сосѣдившее съ татарами, послѣ разстройства мирныхъ отношеній должно было быстро отодвинуться на сѣверъ, подальше отъ степи. Весь югъ Россіи, начиная съ Орловской губерніи, представлялъ уже и безъ того совершенную пустыню въ XIV и XV столѣтіяхъ. Теперь и на сѣверъ отъ Орловской губерніи, въ Тульской и Рязанской, населеніе старалось держаться поближе къ Окѣ, — преимущественно между Окой и Проней съ Упой, а дальше на востокъ—между Окой, Волгой, Пьяной и Тешей.

Планомѣрная борьба Москвы со степными врагами началась

только съ средины XV вѣка, т. е. какъ разъ тогда, когда только-что образовалось Казанское царство и когда набѣги усилившагося Крымскаго ханства стали особенно тяжелы. Потребность въ защитѣ стала настолько велика, что надо было во что бы то ни стало найти средства для ея удовлетворенія. Московское государство было для этого въ тотъ моментъ еще недостаточно сильно. На первыхъ порахъ оно ограничилось только тѣмъ, что̀ было безусловно необходимо для его собственнаго самоохраненія. Оно рѣшилось защищать ближайшую естественную границу, «берегъ» (Оки). Но и для обороны «берега» оно употребило не собственныя силы, которыя еще не были созданы, а силы подручныхъ татарскихъ царевичей. Такіе «служилые» царевичи появляются во второй половинѣ XV вѣка въ городахъ по Окѣ: въ Каширѣ, въ Серпуховѣ, въ Касимовѣ.

Пока въ Крыму сидѣлъ союзникъ Москвы, Менглы-Гирей, эта простая мѣра казалась достаточной. Но она оказалась слишкомъ слабой, когда Менглы-Гирея смѣнилъ враждебный Москвѣ Махметъ-Гирей и когда три ханства—крымское, астраханское и казанское, соединились въ рукахъ династіи Гиреевъ. Страшный набѣгъ 1521 года показалъ, что услуги царевичей не могутъ спасти Москву отъ неожиданностей со стороны степи. Пришлось сдѣлать новое усиліе и позаботиться о регулярной охранѣ «берега». На «берегъ» ежегодно начинаютъ командироваться полки, а на югъ отъ Оки также выставляются въ извѣстныхъ мѣстахъ сторожевыя войска. Къ серединѣ XVI вѣка создается, такимъ образомъ, первая правильная линія обороны. Мѣста стоянки войскъ становятся крѣпостями; между ними проводятся валы и засѣки. Общее направленіе оборонительной линіи можно видѣть на картѣ, гдѣ эта линія принята за границу осѣдлаго населенія въ серединѣ XVI вѣка *). Восточнѣе Шацка русское населеніе жило уже среди инородцевъ и не рѣшалось продвигаться на югъ изъ Запьянья, колонизованнаго еще въ XIV вѣкѣ. Еще дальше на востокъ, со взятіемъ Казанскаго царства, Москва становится со второй половины вѣка твердой ногой въ Поволжьи. До покоренія Казани русское населеніе держалось только въ верховьяхъ Вятки и Камы; теперь русская колонизація дѣлаетъ изумительно быстрые успѣхи

*) Т. наз. Тульская линія: Путивль, Рыльскъ, Трубчевскъ, Брянскъ, Карачевъ, Болховъ, Мценскъ, Крапивна, Тула, Дѣдиловъ, Епифань (а раньше: Михайловъ, Пронскъ), Ряжскъ и Шацкъ, всѣ эти пограничныя крѣпости построены или вновь укрѣплены между 1550—1560 г.г.

въ камскомъ бассейнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ открывается широкая дорога въ Сибирь. Въ 1558—68 г.г. братья Строгановы получили свои первыя грамоты на «мѣста пустыя» по Камѣ и Чусовой, гдѣ «прежде сего пашни не пахиваны и дворы не стаивали». Прошло еще десять лѣтъ со времени послѣдней грамоты, и царскій писецъ нашелъ на земляхъ, пожалованныхъ Строгановымъ, 35 деревень и починковъ съ населеніемъ до 1.500 человѣкъ. Еще десять лѣтъ спустя казаки Строгановыхъ нашли дорогу въ Сибирь, и слѣдомъ за ними потянулись туда непрерывной вереницей русскіе поселенцы и искатели приключеній. Владѣнія Строгановыхъ были для нихъ, на пути изъ Россіи въ Сибирь, промежуточной стоянкой, гдѣ они отдыхали и запасались новыми силами.

Такъ же быстро создалось и окрѣпло, послѣ взятія Казани, русское владычество по рѣкамъ Бѣлой и Ику и на всемъ теченіи Волги. Одновременно съ Астраханью Москва подчиняетъ башкиръ, повиновавшихся раньше нагайцамъ; подорвавъ такимъ образомъ господство нагайцевъ, московское правительство систематически стѣсняетъ и обезсиливаетъ послѣднихъ построеніемъ укрѣпленныхъ городовъ по Волгѣ и въ сердцѣ Башкиріи (Самара, Царицынъ, Саратовъ, Уфа).

Прямо на югъ отъ тульской линіи работа построенія новыхъ городовъ пошла во второй половинѣ XVI вѣка не менѣе бойко. За это время возникла большая часть городовъ Орловской губерніи; города западной части губерніи, существовавшіе раньше, были вновь укрѣплены или перестроены. Южнѣе Орловской губ. появляется въ послѣдніе годы XVI столѣтія Бѣлгородъ: нѣсколько раньше выстраивается Воронежъ.

Смутное время сразу останавливаетъ все это движеніе на югъ. Наиболѣе южные форпосты (какъ Царевъ-Борисовъ) исчезаютъ безслѣдно. Татарскіе «шляхи»*) снова протаптываются кочевниками; населеніе разбѣгается изъ бассейна рѣки Оскола (по обѣ стороны которой тянутся два «шляха») и ищетъ убѣжища на лѣсныхъ притокахъ Донца, кругомъ Бѣлгорода,—или на еще болѣе отдаленномъ Воронежѣ, защищенномъ лѣсами Тихой Сосны. Сѣвернѣе Бѣлгорода, въ Курской губерніи, гдѣ сходятся (на водораздѣлѣ донскихъ, днѣпровскихъ и окскихъ притоковъ) всѣ татарскіе шляхи, населеніе пока не рѣшается селиться. Въ такомъ положеніи находится дѣло колонизаціи, когда правительство, оправившись отъ смуты и испытавъ, во время второй польской войны (1634), все неудобство границы, открытой со стороны степи, — принимается вновь за строительную и колони-

*) Дороги: см. карту. Западный шляхъ назывался Муравскимъ; восточнѣе расположенъ—Изюмскій, самый восточный—Калміусскій.

заціонную дѣятельность. Втеченіе двадцати лѣтъ (1636—1656) создаются теперь три новыхъ оборонительныхъ линіи, примыкающихъ другъ къ другу: Бѣлгородская, Симбирская и Закамская *). Почти на всемъ протяженіи этой черты правительству приходилось строить новые города, спеціально съ цѣлями обороны; во многихъ мѣстахъ ему приходилось вмѣстѣ съ городами создавать и населеніе. Въ западной части черты населеніе, правда, мѣстами выходило даже за предѣлы укрѣпленной линіи; но въ восточной части, гдѣ вольная колонизація сдѣлала гораздо меньше успѣховъ, пришлось насильно переводить на черту поселенцевъ. Такъ, въ Инсаръ переведены были колонисты изъ Темникова, въ Корсунь—изъ Алатыря, въ Симбирскъ—изъ Тетюшей. Гдѣ было на лицо крестьянское населеніе, правительство обращало его въ служилое; не брезговали и инородцами для заселенія новой военной границы.

То же самое и въ то же время дѣлало въ сосѣднихъ съ Россіей мѣстахъ польское правительство. Мы говорили уже, что съ начала XVII вѣка украинское населеніе начало заселять полтавщину. Правительство поспѣшило воспользоваться имъ для цѣлей военной обороны. Вмѣсто всякихъ подробностей, мы можемъ привести здѣсь свидѣтельство очевидца и участника этой военной колонизаціи, инженера Боплана. «Втеченіи 13-ти лѣтъ, — пишетъ онъ, — проведенныхъ мной на службѣ двухъ польскихъ королей (1630—1647),... я основалъ болѣе пятидесяти значительныхъ слободъ или колоній, образовавшихъ, въ свою очередь, въ нѣсколько лѣтъ до тысячи деревень, благодаря приросту новыхъ поселеній. Это населеніе раздвинуло границы государства...; эта страна (большая часть которой заселена была при мнѣ) составляетъ теперь неприступный оплотъ противъ могущества турокъ...; въ провинціи, которая открывала врагамъ безпрепятственный путь къ побѣдамъ, они, къ величайшему своему изумленію, встрѣчаютъ теперь неизбѣжный позоръ и погибель».

Населеніе пришло, однако, въ полтавщину вовсе не для того, чтобы прикрывать собой границы польскаго государства. Народъ бѣжалъ за Днѣпръ, чтобы спастись отъ польскихъ порядковъ. Эмиграція пріостановилась, какъ только началось возстаніе Хмельницкаго. Но когда надежда на благополучный исходъ борьбы была потеряна, эмиграція снова растетъ (съ 1651 г.) и скоро принимаетъ небывалые размѣры. «И повелѣлъ народу (Хмельницкій)»,

*) Ахтырка, Бѣлгородъ, Короча, Острогожскъ, Воронежъ, Усмань, Козловъ, Тамбовъ, Верхній и Нижній Ломовы, Инсаръ, Саранскъ, Корсунь, Симбирскъ, Сингилей, Мензелинскъ.

такъ разсказываетъ малорусскій лѣтописецъ (Грабянка), «вольно сходить съ городовъ, кидаючи свои пожитки, къ Полтавщинѣ, такожъ и за границу у Великую Россію, чтобы тамъ селиться городами. И отъ того часу стали селиться: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка и всѣ слободы до самаго Дона козацкимъ народомъ». Показанія лѣтописца вполнѣ подтверждаются фактами. Въ 1652 году уже намѣчаются границы малорусской иммиграціи: на западѣ основываются Сумы, на востокѣ—Острогожскъ. Въ Острогожскъ пришелъ цѣлый полкъ—1.000 человѣкъ —изъ Волыни, послѣ пораженія подъ Берестечкомъ. Въ 1654 г., не говоря о болѣе мелкихъ населеніяхъ,—является Ахтырка, тоже полковой городъ съ населеніемъ болѣе 1.000 чел. муж. пола, и Харьковъ. Вслѣдъ затѣмъ, съ принятіемъ Малороссіи въ русское подданство, эмиграція малороссовъ опять пріостанавливается, съ тѣмъ, чтобы снова усилиться въ эпоху Руины. Правый берегъ Днѣпра былъ совершенно опустошенъ поляками и татарами (особенно тяжела была вторая половина 70-хъ годовъ). Вотъ свидѣтельство другого малорусскаго лѣтописца о томъ, какой видъ представляла украина послѣ этого «сгона». «Проходя украйну того берега», — говоритъ Величко, «я видѣлъ много городовъ и замковъ пустыхъ и безлюдныхъ...; и стѣны видѣлъ... развалепныя, къ землѣ приникшія, лѣсомъ заросшія и покрытыя сорной травой, въ которой гнѣздятся змѣи, гады и черви. И поля, и сады, и ловли, и озера,—все запустѣло; повсюду множество костей человѣческихъ, голыхъ и сухихъ, прикрытыхъ однимъ небомъ. А не даромъ поляки звали ту украйну раемъ польскаго міра: потому что до войны Хмѣльницкаго она была какъ вторая земля обѣтованная, текущая млекомъ и медомъ».

За то на московской сторонѣ появляется въ это время рядъ новыхъ городовъ, основанныхъ малороссами: Суджа, Бѣлополье, Волчанскъ, Торъ, Золочевъ и нѣсколько городковъ на донецкихъ перевозахъ. Такимъ образомъ, за какія-нибудь 30 лѣтъ (1650—1680) заселяется югъ Курской губерніи, вся Харьковская, за исключеніемъ восточныхъ уѣздовъ и западъ Воронежской губ. Только что построенная московскимъ правительствомъ Бѣлгородская черта оказывается совершенно заслоненной малорусскими поселеніями. Для защиты вновь колонизованныхъ мѣстъ приходится въ 1680 годахъ устроить третью дополнительную линію укрѣпленій—по Донцу. Но и эта линія тотчасъ же опережается съ юга новыми поселенцами: одновременно съ ея устройствомъ поселяется южнѣе ея Изюмскій полкъ. Тогда же возникаетъ, поэтому, идея—провести новую (четвертую) укрѣпленную черту, которая загородила

бы отъ набѣговъ водораздѣлъ Днѣпра и Донца: по этому водораздѣлу шелъ одинъ изъ главныхъ татарскихъ шляховъ,—Муравскій.

Осуществленіе этой идеи было, однако, отложено, — вѣроятно, подъ вліяніемъ тѣхъ надеждъ, которыя возбуждены были ходомъ борьбы съ Турціей. Бахчисарайскимъ договоромъ 1681 г. за Россіей были признаны запорожскія земли; затѣмъ, довольно неопредѣленныя границы этихъ земель были приведены въ ясность перемиріемъ съ Турціей 1700 года и межевой записью 1705 года. Казалось, при такомъ продвиженіи владѣній—на югъ отъ Екатеринославской губерніи — не было никакой надобности укрѣплять южную границу Харьковской и Полтавской губ. Скоро, однако, Прутская неудача положила конецъ этимъ надеждамъ. Русская граница по прутскому миру 1711 года отодвинулась снова до Кіевской, Полтавской, Харьковской губерній, а къ предѣламъ 1705 года вернулась не раньше бѣлградскаго мира (1739) и послѣдовавшихъ за нимъ разграниченій 1740 и 1742 годовъ. Такимъ образомъ, надо было опять подумать объ укрѣпленіи границъ Слободской украйны *). Первыя мѣры были приняты немедленно: въ томъ же 1711 г. учреждена ландмилиція, или пограничная военная стража. Но только при Аннѣ устройство новой оборонительной линіи было закончено, передъ самымъ началомъ турецкой войны (1731—35). На линіи было поселено 20 ландмилицкихъ полковъ; самая линія укрѣплена цѣлымъ рядомъ фортовъ и, между ними, различными земляными сооруженіями. Какъ мы сказали, однако, запорожскія земли черезъ четыре года вернулись къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и только-что укрѣпленная («Украинская») линія перестала быть пограничной. Для обороны новой границы понадобились новыя мѣры, которыя правительство и начинаетъ принимать съ середины XVIII столѣтія.

Обратимся теперь къ колонизаціи болѣе восточныхъ мѣстностей Россіи за тотъ же промежутокъ—съ середины XVII по середину XVIII столѣтія. Какъ и въ предыдущее столѣтіе, колонизаціонное движеніе здѣсь сильно отстаетъ отъ мѣстностей, только-что разсмотрѣнныхъ. Защищенныя лѣсами и поселеніями инородцевъ, эти мѣста менѣе подвергались опасности со стороны степи. Правительство не было заинтересовано въ ихъ заселеніи и оборонѣ: поэтому, и колонизація за весь XVII вѣкъ почти не двигалась далѣе Бѣлгородской и Симбирской черты. Къ серединѣ XVIII вѣка населеніе продвинулось сколько-нибудь значительно за черту только

*) Подъ Слободской украйной разумѣлись поселенія малороссійскихъ полковъ 1650—80 годовъ, т.-е. Изюмскаго, Харьковскаго, Острогожскаго Ахтырскаго и Сумскаго

въ самомъ безопасномъ углу—между теченіемъ Волги (отъ Симбирска до Саратова) и Симбирской чертою. Дальше на югъ начинается бассейнъ донскихъ притоковъ — старинное достояніе донскаго казачьяго войска. Почти въ одно время съ запорожскимъ, около половины XVI вѣка, оба эти низовыхъ войска становятся замѣтны въ исторіи. Съ Баторія [запорожское войско служитъ, хотя не очень вѣрно, Польшѣ и отъ Баторія получаетъ грамоту на дикія поля по Днѣпру. Съ современника Баторія, Ивана Грознаго, донское войско служитъ Москвѣ,—и тоже не очень вѣрно,—да и жалованье царское не велико: казаки служатъ «съ земли и съ воды». Какъ время появленія двухъ войскъ, такъ и время паденія ихъ независимости совпадаетъ: въ томъ же самомъ 1775 г., когда русскія войска разрушаютъ Сѣчь по приказанію Екатерины, Потемкинъ учреждаетъ въ войскѣ донскомъ войсковую канцелярію, которая упраздняетъ старую дѣятельность войсковаго круга. За эти два вѣка своей исторіи оба войска—сперва расширяютъ свои земли путемъ вольной казацкой колонизаціи, и затѣмъ, подъ напоромъ колонизаціи съ сѣвера, ихъ территоріи начинаютъ сокращаться. Съ конца XVII вѣка донскихъ казаковъ начинаютъ тѣснить съ Донца малороссійскіе колонисты; въ то же время съ сѣвера Воронежской и Тамбовской губерній бѣжитъ къ донскимъ казакамъ великорусская вольница. Правительство принимаетъ мѣры, старается поставить барьеръ противъ побѣговъ гулящихъ людей въ придонскія степи. Въ 1682 году встрѣчаемъ первое запрещеніе принимать бѣглыхъ; въ 1683 году устроена застава на границѣ Воронежской губерніи, а въ 1703 г. посланы чиновники для приведенія въ извѣстность казачьихъ городковъ на Дону: городки (которыхъ въ 1672 г. числилось уже 48) описаны, и казакамъ запрещено занимать пустопорожнія земли. Отнятіе въ казну соляныхъ источниковъ у Донца переполнило мѣру терпѣнія казаковъ. Послѣдовалъ извѣстный Булавинскій бунтъ, кончившійся очень печально для войска. Казаки потеряли часть Донца (ниже Изюма) съ его лѣвыми притоками, верховья Хопра, Медвѣдицы и Иловли. Въ общихъ чертахъ земля войска донскаго была приведена въ ея теперешніе предѣлы. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылась возможность прочнаго заселенія отрѣзанныхъ у войска рѣчныхъ верховьевъ съ ихъ притоками. Уже Петръ I разрѣшаетъ острогожскимъ казакамъ занять мѣста по Айдару; въ 1732 году они являются сюда и заселяютъ самый восточный уѣздъ Харьковской губерній (Старобѣльскій). За тотъ же промежутокъ времени, т.-е. съ конца XVII вѣка по середину XVIII, начинаетъ заселяться юговостокъ Воронежской и Тамбовской губерній, и сѣверъ Саратовской.

Такъ же медленно продвигалось на югъ заволжское населеніе. Вплоть до Петра Великаго сплошныя русскія поселенія не шли за Волгой дальше Черемшана, т. е. маленькаго сѣверо-западнаго уголка Самарской губерніи. Но со времени Петра частые башкирскіе бунты заставляютъ правительство обратить вниманіе на колонизацію этого края. Дѣло начинается съ того, что старая закамская линія передвигается южнѣе, къ окраинѣ осѣдлаго населенія: вмѣсто Сенгилея, западной ея оконечностью становится Самара (1730). Но затѣмъ изъ оборонительнаго положенія правительство переходитъ въ наступательное. Возникаетъ идея—прорѣзать поселенія инородцевъ укрѣпленной линіей по Уралу, окруживъ, такимъ образомъ, съ тыла поселенія башкиръ и отрѣзавъ ихъ сообщенія съ киргизами. Въ 1734—44 гг. эта идея приводится въ исполненіе. Центромъ новой линіи становится Оренбургъ. Отъ него внизъ и вверхъ по Уралу тянется рядъ крѣпостей. Защита нижняго теченія Урала поручается старожиламъ,—яицкимъ казакамъ, извѣстнымъ въ исторіи съ конца XVI вѣка. На верхній Уралъ переселяются правительствомъ войска со старой укрѣпленной черты: два полка переводятся со старой закамской линіи, два другихъ—съ новой черты 1730 года, которая теряетъ самое значеніе послѣ укрѣпленія Урала; наконецъ, еще два полка сформировываются вновь. Такимъ образомъ создается зерно Оренбургскаго казачьяго войска. Со старыми поселеніями на Волгѣ новая черта соединяется рядомъ крѣпостей по р. Самарѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій пустое пространство между старой и новой укрѣпленной линіей начинаетъ быстро наполняться переселенцами. Такимъ образомъ заселяются Бугульминскій и Бугурусланскій уѣзды Самарской губерніи. Южнѣе Самары все пространство остается пустыннымъ до Екатерины II.

Какъ видимъ, колонизація заволжья находится въ самой тѣсной связи съ правительственными мѣрами для обороны края. То же самое придется повторить и относительно дальняго востока Россіи, съ тою только оговоркой, что здѣсь былъ еще одинъ серьезный поводъ стараться о замиреніи края: это — возникавшее на Уралѣ горнодѣліе. До средины XVII вѣка русское населеніе держалось теченія тѣхъ главныхъ рѣкъ, которыя привели его въ Сибирь. Съ этого времени начинается движеніе населенія на югъ, въ предѣлы Красноуфимскаго, Екатеринбургскаго, Камышловскаго и Шадринскаго уѣздовъ Пермской губерніи. По мѣрѣ знакомства съ горными богатствами пермскаго юга, начинаютъ возникать и горнозаводческія предпріятія, въ судьбѣ которыхъ, особенно съ Петра Великаго, принимаетъ близкое участіе правительство. Ека-

теринбургъ въ 1723 г., Красноуфимскъ въ 1736 г. возникаютъ въ качествѣ крѣпостей для защиты страны отъ башкиръ. Въ 1754 г. создается между обоими пунктами рядъ промежуточныхъ крѣпостей. Впрочемъ, къ этому времени, послѣ опустошительной войны второй половины 30-хъ годовъ, башкиры перестали быть страшными. Отъ киргизовъ охраняла новая линія по Уралу и Ую. Насколько безопасно чувствовало себя населеніе отъ тѣхъ и другихъ враговъ, видно изъ того, что около средины вѣка и мѣстность на сѣверъ отъ Уя, между этой рѣкой и Міясомъ, начинаетъ быстро заселяться. Такимъ образомъ, къ срединѣ XVIII вѣка населеніе проникло до крайнихъ восточныхъ предѣловъ европейской Россіи.

Вторая половина XVIII вѣка была еще богаче послѣдствіями для исторіи русской колонизаціи, чѣмъ первая. Правительство продолжало видѣть въ колонизаціи лучшее средство для борьбы съ степью. Съ построеніемъ Украинской линіи 1730 года русское населеніе придвинулось къ самой границѣ, за которой кончалась черноземная земледѣльческая полоса и начиналась степь. Вмѣстѣ съ тѣмъ истощился и колонизаціонный матеріалъ—малорусскій и великорусскій. Но въ виду ослабленія Крыма и вызванныхъ этимъ ослабленіемъ политическихъ плановъ и стратегическихъ соображеній, правительство продолжало искусственно развивать дальнѣйшую колонизацію въ степь. Запаса вольныхъ колонистовъ болѣе не хватало для такого быстраго заселенія юга, какого хотѣло правительство. Поэтому оно обратилось къ заграничному переселенческому матеріалу,—и прежде всего къ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ—южнымъ славянамъ.

Собственно говоря, еще при Петрѣ начались попытки выманить турецкихъ и австрійскихъ славянъ въ южную степь. Въ серединѣ вѣка славяне являются массами. Въ 1750-хъ годахъ на флангахъ Украинской линіи выстраиваются сербскія военныя поселенія. За южной границей Кіевской губерніи селится полкъ Хорвата и возникаетъ поселеніе т. наз. Новой Сербіи. Южнѣе Новой Сербіи появляется вскорѣ новый слободской полкъ. Такимъ образомъ, колонисты размѣщаются уже среди запорожскихъ земель, отнимаемыхъ теперь у старыхъ владѣльцевъ. На восточномъ флангѣ Украинской линіи, на Лугани и Бахмутѣ, поселяются полки Шевича и Прерадовича—Славяно-сербія. Съ этой стороны тоже отодвигаются запорожскія поселенія, а часть ихъ входитъ въ составъ новыхъ полковъ. Помимо славянъ, правительство открываетъ доступъ въ новыя поселенія раскольникамъ и бѣглымъ; тотъ и другой элементъ скоро начинаютъ составлять преобладающую часть населе-

нія. Черезъ десять лѣтъ послѣ поселенія Хорвата (1764) Украинская линія оказывается настолько закрытой новыми поселеніями, что теряетъ свое стратегическое значеніе и упраздняется вовсе. Еще черезъ шесть лѣтъ, во время турецкой войны, является новая (5-я) «Днѣпровская» линія по границѣ теперешной Екатеринославской губерніи съ Таврической. Такимъ образомъ, русскія укрѣпленія подошли вплотную къ нагайской степи. По Кайнарджійскому миру установляется граница, которая и на правомъ берегу Днѣпра доводитъ русскія владѣнія до нагайцевъ. Мы видѣли, что въ сущности уже договоры 1740—42 года включили запорожскія владѣнія въ предѣлы Россіи. Но укрѣпленія, созданныя тогда на границѣ, были разрушены безслѣдно ко времени турецкихъ войнъ. Фактически довести свою власть до этихъ предѣловъ русское правительство въ то время не имѣло еще возможности. Мы видѣли, что только въ 50-хъ годахъ, съ помощью славянскихъ колонистовъ, оно начинаетъ налагать свои руки на владѣнія запорожскихъ казаковъ. Теперь, немедленно послѣ Кайнарджійскаго мира, запорожскія земли окончательно присоединяются къ русской территоріи и самая сѣчь формально прекращаетъ свое существованіе. Больше 50 тысячъ стараго запорожскаго населенія становятся такимъ образомъ жителями русской Новороссіи. На земли, оставшіяся незанятыми, правительство въ тотъ же годъ открываетъ доступъ грекамъ и армянамъ изъ Крыма. Въ четыре года тѣхъ и другихъ переселилось до 30.000 человѣкъ. Наконецъ, въ 80-хъ годахъ правительство обращается къ иностраннымъ колонистамъ-сектантамъ и отводитъ подъ ихъ поселенія болѣе 500 тысячъ десятинъ въ предѣлахъ Новороссійскаго края. Такія же усиленныя мѣры принимаются для заселенія нагайской степи, присоединенной вмѣстѣ съ Крымомъ въ 1783 году. Но заселеніе русскими Таврической губерніи, также какъ и Черноморскаго прибрежья между Бугомъ и Днѣстромъ, пріобрѣтеннаго по Ясскому миру, относится уже къ XIX столѣтію. За то колонизація Новороссійскаго края уже въ прошломъ вѣкѣ достигла значительныхъ результатовъ. До 1750 годовъ на заселенной тогда сѣверной окраинѣ Новороссіи можно насчитать до 20 тысячъ русскаго населенія. Немного больше этого количества (до 27 тысячъ) жило въ то время въ предѣлахъ запорожскихъ земель. Всего, слѣдовательно, было въ Новороссіи середины XVIII вѣка едва-ли больше 50 тысячъ человѣкъ населенія. Въ 1790-хъ годахъ это количество болѣе чѣмъ удесятерилось: несмотря на двѣ турецкія войны, которыя обѣ коснулись Новороссіи и дорого ей стоили, въ ней насчитывалось жителей

болѣе полумилліона *). Такимъ образомъ, за какія-нибудь 40 лѣтъ выросъ Новороссійскій край.

Въ то же самое время русская колонизація становится твердой ногой на Кавказѣ. Въ 1777—99 годахъ устраивается укрѣпленная «Кавказская» линія на Кубани и Терекѣ. Для обороны линіи, кромѣ истари жившихъ здѣсь терскихъ и гребенскихъ казаковъ, переселены были нѣсколько казацкихъ полковъ съ Дона и съ Волги. Этимъ средствомъ правительство достигало сразу двухъ цѣлей: оно освобождалось отъ безпокойныхъ элементовъ въ мѣстностяхъ, ставшихъ безопасными въ военномъ отношеніи, и пріобрѣтало прочную точку опоры для дѣйствій противъ кавказскихъ горцевъ. Попытки проникнуть за Терекъ оставались, однако, неудачными вплоть до нашего столѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и колонизація не могла двинуться въ прошломъ вѣкѣ дальше Терека и Кубани.

Заселеніе нижняго Поволжья также значительно подвинулось впередъ во вторую половину прошлаго вѣка. Здѣсь, какъ и на югѣ, правительство употребило въ дѣло искусственныя колонизаціонныя средства. Въ самый годъ вступленія на престолъ, Екатерина II манифестомъ пригласила иностранцевъ и бѣжавшихъ за-границу раскольниковъ селиться въ Поволжьи, южнѣе Самары. На призывъ откликнулось значительное количество нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся по теченію Волги, и раскольниковъ, основавшихъ свои скиты на Иргизѣ. На югъ отъ Иргиза все пространство Самарской губерніи осталось пустыннымъ, несмотря на то, что по теперешней южной границѣ губерніи устроена была правительствомъ для охраны населенія отъ киргизовъ и калмыковъ кордонная линія. Такимъ же пустыннымъ оставалось и пространство между Дономъ и Волгой на югъ отъ Царицына. Только въ нашемъ столѣтіи всѣ эти мѣстности получили сколько-нибудь значительное населеніе. Обширные южные уѣзды Самарской губерніи (Николаевскій и Новоузенскій), а также Царевскій уѣздъ Астраханской губерніи оффиціально открыты только въ 1836 году.

Мы разсмотрѣли теперь, въ самыхъ общихъ чертахъ, численность, составъ и размѣщеніе русскаго населенія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ историческій процессъ, проходящій черезъ всю русскую исторію, оказался и до сихъ поръ недокончennымъ. Въ составѣ населенія далеко не завершился вѣковой процессъ сліянія различныхъ эногрaфическихъ элементовъ и образованія новыхъ

*) Напомню, что количество жителей трехъ новороссійскихъ губерній доходитъ уже до 5 милліоновъ, т. е. въ 10 разъ больше, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ.

разновидностей русскаго племени. Въ размѣщеніи населенія прекратилось дѣйствіе историческихъ причинъ, оттѣснившихъ русское населеніе на сѣверъ и державшихъ его въ этомъ положеніи втеченіе цѣлой тысячи лѣтъ. Въ 200—300 лѣтъ результатъ дѣйствія этихъ причинъ, конечно, не могъ вполнѣ изгладиться, и населеніе не успѣло еще разселиться по Россіи сообразно естественнымъ богатствамъ ея различныхъ мѣстностей. Но съ каждымъ годомъ процессъ разрушенія послѣдствій, созданныхъ исторіей, быстро идетъ впередъ. Настоящее все болѣе стремится оторваться отъ прошлаго, а вмѣстѣ съ этимъ и «завѣты исторіи» все болѣе теряютъ надъ нами свою фатальную силу.

Свѣдѣнія о сѣверныхъ монастыряхъ сгруппированы по Исторіи Россійской Іерархіи и по *Ратшину*. Полное собраніе историч. свѣдѣній о монастыряхъ. М. 1852. Общаго очерка колонизаціи Россіи до сихъ поръ не существуетъ въ литературѣ. Въ наиболѣе доступномъ видѣ читатель можетъ найти матеріалы для такого очерка въ статьяхъ Географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи *П. Семенова*, Спб., 1863—1885 г., 5 томовъ; въ предисловіяхъ къ губернскимъ «Спискамъ населенныхъ мѣстъ Росс. имперіи», составл. и издаваем. центральн. статистич. комитетомъ (съ 1861 г.): нѣкоторыя изъ этихъ предисловій («общія свѣдѣнія о губерніи») очень обстоятельны и обширны; въ «Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба», также по губерніямъ (такъ наз. 4-е изданіе, матеріалы для котораго собирались съ 1857 года). Изъ спеціальныхъ изслѣдованій наиболѣе послужили для составленія очерка и карты слѣдующія: *Д. Багалѣй*. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Москов. государства. М. 1887, и *его же* Матеріалы для исторіи колонизаціи и т. д. 2 тома, Харьковъ, 1886—90. *И. Н. Миклашевскій*. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка (Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, ч. I). М. 1894. *Д. И. Эварницкій*. Вольности запорожскихъ казаковъ, историко-топогр. очеркъ. Спб. 1890. *Скальковскій*. Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края. 1731 — 1823. Одесса, 1836—38, 2 части, и *его же* Исторія Новой Сѣчи (2-е и 3-е изданія). *Неретятковичъ*. Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. М. 1887 и *его же* Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка, Одесса, 1882. *Өирсовъ*. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства (въ Запискахъ Казан. Универ. 1870). *Витевскій*. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. 3 выпуска. Казань, 1789—91 и *его же* И. И. Неплюевъ, біограф.-истор. очеркъ. Каз. 1891.

Очеркъ второй. Экономическій бытъ.

I.

Натуральное и денежное хозяйство. — Характеръ натуральнаго хозяйства древней Руси.—Эксплуатація зоологическихъ богатствъ.—Истощеніе центра и перенссеніе зоологической эксплуатаціи на окраины. — Медленность перехода къ земледѣльческой культурѣ.—Экстенсивныя системы древне-русскаго земледѣлія. — Постепенное истощеніе почвы въ центрѣ и на окраинахъ.— Причины замедленія перехода къ интенсивнымъ системамъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на Кузнецкомъ мосту, на самомъ бойкомъ мѣстѣ, стоялъ большой барскій домъ. Передъ домомъ оставался незастроеннымъ просторный дворъ, по обѣ стороны котораго, также какъ и позади барскаго дома, тянулись многочисленныя барскія службы: людскія, поварня, конюшни и сараи, кладовыя и амбары. Богатый владѣлецъ дома мало однако же приносилъ дохода московскимъ лавкамъ и магазинамъ, такъ какъ все у него было свое, а не покупное: провизія привозилась ему цѣлыми обозами изъ крѣпостныхъ деревень, прислуга была тоже своя, крѣпостная, и въ составъ ея входили не только лакеи и горничныя, но и кучера, и повара, и даже музыканты и парикмахеръ. Если бы какимъ-нибудь чудомъ вся Москва исчезла съ своего мѣста, и перестала бы существовать вся Россія, кромѣ крѣпостныхъ деревень владѣльца, то въ барскомъ домѣ на Кузнецкомъ мосту обычная жизнь хозяина съ многочисленными гостями могла бы продолжать свое теченіе, какъ будто нигдѣ ничего не измѣнилось.

Не знаю хорошенько, что именно находится теперь на мѣстѣ стараго барскаго дома; вѣроятно, какой-нибудь грандіозный ма-

газинъ, многоэтажная гостинница или банкирская контора. Но что̀ бы тамъ ни находилось теперь, можно навѣрное сказать, что теперешній хозяинъ, будь это собственникъ дома или содержатель магазина и гостинницы, или квартирантъ въ послѣдней,—уже не могутъ раздѣлять того философскаго равнодушія, съ какимъ имѣлъ возможность созерцать окружающее ихъ предшественникъ, владѣлецъ крѣпостныхъ деревень. Дѣло въ томъ, что никто изъ нихъ не можетъ быть сытъ предметами своего имущества,—зданіями, сукнами, лампами и т. д.; всѣмъ имъ приходится, чтобы существовать и пользоваться достаткомъ, обращать свой товаръ въ деньги и деньги опять въ товаръ и такъ далѣе до безконечности: другими словами, всѣ они зависятъ отъ покупателя, и всѣ ихъ предпріятія разсчитаны на болѣе или менѣе быстрый обмѣнъ.

Эта перемѣна въ центрѣ Москвы представляетъ намъ въ миніатюрѣ то, что случилось на протяженіи, главнымъ образомъ, нашего вѣка, во всей Россіи, а за много вѣковъ раньше и въ западной Европѣ. Вездѣ экономическая жизнь народовъ начиналась съ такъ-называемаго натуральнаго хозяйства, то-есть такого, которое производитъ свои продукты для самого себя и само всѣ ихъ потребляетъ. Но въ Западной Европѣ уже при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, съ XIV вѣка началось распаденіе этого натуральнаго хозяйства, и совершилась мало-помалу замѣна его хозяйствомъ мѣновымъ, при которомъ каждый производитель создаетъ не все для себя нужное, а выбираетъ какую-нибудь одну спеціальность, нужную для всѣхъ, и продукты своей работы, конечно, уже болѣе совершенные,—обмѣниваетъ на нужные для себя продукты работы другихъ спеціалистовъ. Это хозяйство называется еще и денежнымъ, такъ какъ деньги служатъ необходимымъ орудіемъ общаго обмѣна, такъ сказать, общимъ знаменателемъ цѣнности всѣхъ отдѣльныхъ спеціальныхъ работъ, очень трудно сравнимыхъ безъ этого вспомогательнаго средства. Впрочемъ, когда обмѣнъ правильно и прочно устанавливается, тогда это вспомогательное средство постепенно становится излишнимъ: точнѣе говоря, излишнимъ становится всякій разъ мѣнять обмѣниваемые продукты на наличный драгоцѣнный металлъ,—оказывается достаточнымъ опредѣлить ту цифру металла, какую имѣетъ право получить за свой продуктъ владѣлецъ этого продукта, и дать ему документъ, который бы обезпечивалъ ему полученіе этого количества металла. Такимъ образомъ, деньги постепенно замѣняются денежными знаками, равноцѣнность кото-

рыхъ съ настоящими деньгами обезпечивается довѣріемъ къ тѣмъ учрежденіямъ или лицамъ, которыя даютъ эти знаки.

Всѣ перечисленныя явленія, свойственныя мѣновому хозяйству, получаютъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ дальше идетъ экономическій ростъ страны; раздѣленіе труда становится все болѣе и болѣе дробнымъ; сложность и быстрота обмѣна все болѣе увеличивается; въ результатѣ общественное довѣріе или кредитъ все болѣе выростаетъ, и все болѣе расширяются примѣненія кредита къ различнымъ явленіямъ экономической жизни.

Предъидущій очеркъ долженъ былъ уже подготовить читателя къ тому, что въ исторической жизни Россіи всѣ эти явленія, сопровождающія экономическій ростъ страны, онъ встрѣтитъ гораздо менѣе развитыми и весьма запоздалыми сравнительно съ Западной Европой. Обмѣнъ является, конечно, на самыхъ низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія; но, въ общемъ, все наше экономическое прошлое есть время господства не мѣноваго, а натуральнаго хозяйства; въ классѣ землевладѣльческомъ только освобожденіе крестьянъ вызвало окончательный переходъ къ мѣновому хозяйству, а въ классѣ крестьянскомъ натуральное хозяйство процвѣтало бы и до нашего времени, если бы необходимость добыть деньги для уплаты податей не заставляла крестьянина выносить свои продукты и свой личный трудъ на рынокъ.

Но характеризовать экономическую жизнь Россіи преобладаніемъ натуральнаго хозяйства—далеко еще недостаточно. Натуральное хозяйство можетъ быть разное, а въ нашемъ примѣрѣ помѣщичьяго дома на Кузнецкомъ мосту мы имѣли дѣло съ высоко развитымъ и весьма сложнымъ типомъ натуральнаго хозяйства. Если мы углубимся въ русское прошлое, мы встрѣтимъ тамъ несравненно болѣе элементарные типы.

По свойству человѣческой природы люди не склонны затрачивать на поддержаніе своего существованія больше труда, чѣмъ это безусловно необходимо. Только возрастающее несоотвѣтствіе между потребностями людей и запасами природы заставляетъ людей увеличить количество работы. Такое несоотвѣтствіе можетъ произойти или отъ увеличенія потребностей, или отъ уменьшенія запасовъ. Именно увеличеніемъ потребностей, происходящимъ отъ возростанія числа жителей страны, мы и объясняли раньше необходимость усиливать трудъ, предполагая при этомъ, что количество запасовъ природы остается одно и то же. Но дѣло въ томъ, что и запасы природы не остаются одинаковыми, а параллельно съ увеличеніемъ населенія уменьшаются. Занявши страну съ непочатыми естественными богатствами, населеніе начинаетъ

съ того, наиболѣе легкаго средства,—что расхищаетъ эти даровыя или требующія наименьшаго приложенія труда богатства природы. При этомъ прежде всего пускаются въ оборотъ и постепенно истребляются зоологическія богатства края, животное населеніе лѣсовъ и водъ. Затѣмъ подвергаются истощенію ботаническія и почвенныя богатства. Наконецъ, очередь доходитъ до ископаемыхъ минералогическихъ средствъ страны. Всѣ эти природные рессурсы были тронуты въ Западной Европѣ и частью даже истощены еще въ доисторическомъ прошломъ. У насъ процессъ постепеннаго расхищенія ихъ составляетъ основной фонъ нашей прошлой экономической жизни и проходитъ красной нитью черезъ все наше экономическое развитіе вплоть до настоящаго времени. Чѣмъ долѣе занимало населеніе извѣстную мѣстность, тѣмъ истощеніе природныхъ богатствъ должно было наступить въ ней раньше. Время, когда, напримѣръ, жители Кіевской области занимались звѣроловствомъ, уже древнѣйшему нашему лѣтописцу XI вѣка представлялось отдаленнымъ преданіемъ. На русскомъ сѣверѣ природныя зоологическія богатства сохранялись дольше. Правда, для того, чтобы найти въ Поволжьи самыя рѣдкія и цѣнныя пушныя породы, вродѣ черныхъ соболей или чернобурыхъ лисицъ, намъ пришлось бы восходить къ первымъ вѣкамъ нашего государства, ко временамъ арабской торговли IX—XI вѣка. Но въ томъ же центральномъ Поволжьи въ XIV—XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ достаточно слѣдовъ, показывающихъ, что зоологическія богатства края продолжали служить основой экономической жизни. Въ старинныхъ грамотахъ постоянно попадаются цѣлыя селенія, спеціальностью которыхъ была эксплуатація этихъ зоологическихъ богатствъ: селенія *бобровниковъ*, *бортниковъ*, *рыболововъ*. На пустынныхъ тогда рѣчкахъ Московской и сосѣднихъ губерній въ большомъ еще количествѣ водились бобры. На мѣстахъ, богатыхъ бобрами, гдѣ-нибудь по Вожѣ или по Клязьмѣ, цѣлыми десятками садились деревни «бобровниковъ», распредѣлявшихъ между собою эти «бобровые гоны». Въ лѣсахъ Московской губерніи уже въ началѣ XV вѣка, по свидѣтельству Герберштейна, не было иныхъ пушныхъ звѣрей, кромѣ зайцевъ; горностая и куницу можно было найти тогда не ближе Волги. Но въ этихъ центральныхъ лѣсахъ, все еще обширныхъ, въ изобиліи водилась дикая пчела, сама себѣ создававшая въ дуплахъ деревьевъ естественные ульи. Рядъ новыхъ поселковъ «бортниковъ» раздѣлилъ между собою эти борти (дуплистыя деревья съ медомъ) на «бортныя ухожья»; медъ и воскъ были однимъ изъ самыхъ распространенныхъ продуктовъ старинной русской добывающей промышленности.

Наконецъ, по всему теченію Волги и ея большихъ притоковъ, насколько этотъ бассейнъ былъ заселенъ, существовалъ цѣлый рядъ «рыбныхъ слободъ», населенныхъ «рыболовами».

Легко замѣтить, однако же, что бобры, медъ, воскъ, и даже рыба, если она добывается въ большомъ количествѣ, не могли же потребляться въ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ добывались,— что, слѣдовательно, самое существованіе такихъ поселеній какъ бы противорѣчитъ господству натуральнаго хозяйства. Это было бы такъ, конечно, если бы всѣ эти промышленники были свободными людьми и работали на себя. Но въ дѣйствительности всѣ они были слугами мѣстной власти: князья-владѣльцы и, можетъ быть, нѣкоторые крупные собственники давно уже разобрали между собою всѣ эти «бобровые гоны», «бортныя ухожья», «рыбные ѣзы» (затворы), словомъ, всѣ лакомые куски тогдашней народной экономіи. Продукты этихъ промысловъ всѣ, или почти всѣ, потреблялись въ княжескомъ хозяйствѣ. На поддержаніе же собственнаго существованія эти слуги княжескаго дворца должны были имѣть собственную небольшую запашку.

Къ XVII-му вѣку, однако же, упоминаніе о поселеніяхъ бобровниковъ, бортниковъ, становится все рѣже; новые поселки этого характера совсѣмъ перестали возникать въ московскомъ центрѣ. Дѣло въ томъ, что въ теченіи XVI вѣка и къ XVII-му вѣку зоологическія богатства центральной московской Россіи окончательно истощились. Владѣльцы старыхъ бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ ловель и бортнаго лѣса расчищали теперь лѣсъ подъ пашню, ставили новые починки, и старыя зоолого-экономическія поселенія превращались въ «пашенныя села». Но, разставшись съ этой ступенью экономическаго развитія въ центрѣ, русское населеніе далеко не разставалось съ ней окончательно. Обратившись въ центрѣ къ занятіямъ по преимуществу земледѣльческимъ, оно перенесло теперь свою эксплоатацію зоологическихъ богатствъ на непочатыя окраины. Вслѣдъ за пушнымъ звѣремъ русскій звѣропромышленникъ пошелъ въ Сибирь; бортничество сохранилось у юго-восточныхъ инородцевъ (мордва, чуваши), и на всемъ вновь заселяемомъ юго-востокѣ начался новый періодъ зоолого-промышленной эксплоатаціи. Мы знаемъ изъ предъидущаго очерка, что колонизація юго-востока была вызвана политическими причинами: необходимостью борьбы съ кочевниками; но теперь мы можемъ прибавить и новую, внутреннюю, причину передвиженія населенія на новыя земли. Дѣло въ томъ, что эти новыя земли представляли непочатый край природныхъ богатствъ въ то самое время, когда богатства центра замѣтно оскудѣли. Конечно, эта большая

легкость жизни на свѣжей окраинѣ объясняетъ ту необычайную быстроту, съ которой приливалъ народный потокъ на эту окраину, какъ только она становилась сколько-нибудь безопасной отъ набѣговъ. Эти же обстоятельства заставляютъ предположить, что за вторую половину XVI вѣка, когда началась колонизація юго-востока, русское населеніе должно было значительно увеличиться; по крайней мѣрѣ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ открытіе новыхъ земель и ихъ заселеніе вело за собою усиленное размноженіе народонаселенія.

Во всякомъ случаѣ, та же быстрота заселенія новыхъ окраинъ была причиной того, что періодъ эксплоатаціи зоологическихъ богатствъ продолжался здѣсь сравнительно недолго, и полоса этой эксплуатаціи быстро отодвигалась все далѣе и далѣе на югъ. Въ серединѣ XVI вѣка югъ Кіевской губерніи, вся Полтавская, почти вся Курская и Воронежская—представляютъ такую полосу бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловель: вездѣ тутъ звѣря бьютъ, бобровъ и рыбу ловятъ. Къ серединѣ XVII вѣка эти мѣстности уже заселены земледѣльческимъ населеніемъ, и полоса звѣропромышленныхъ угодій, такъ-называемыхъ «юртовъ», отодвигается на югъ—за Бѣлгородскую линію. Въ 1622-мъ году все теченіе Донца со всѣми притоками занято такими угодьями: вся средина Харьковской губерніи состоитъ изъ семи «юртовъ», которые эксплуатируютъ бѣлгородскіе служилые люди. Съ середины вѣка, однако, и сюда, какъ мы знаемъ, приходятъ новые колонисты и занимаютъ, съ согласія правительства, старые «юрты»,— не безъ предварительной борьбы съ ихъ старыми владѣльцами. Мы видѣли уже, что правительство пользовалость колонизаціей юга для своихъ военныхъ цѣлей: оно превращало поселенцевъ въ служилыхъ людей и поручало имъ оборону границы. Уже эта раздача «юртовъ» въ помѣстья, вмѣсто пашни, служилымъ людямъ сокращаетъ періодъ эксплуатаціи зоологическихъ богатствъ края; но того же самаго сокращенія правительство добивается и прямо, заставляя всячески новопоселенныхъ служилыхъ людей заняться хлѣбопашествомъ и стараясь повсюду завести собственную казенную запашку. Правительство при этомъ преслѣдовало собственные интересы: значительная часть жалованья служилымъ людямъ платилась въ XVII вѣкѣ натурой—хлѣбомъ: отправляя въ новый край отряды служилыхъ людей, правительство должно было посылать имъ обозы хлѣба до тѣхъ поръ, пока не было или не хватало казеннаго и владѣльческаго хлѣба на мѣстѣ.

Вотъ почему правительство спѣшило здѣсь, какъ и въ Сибири, завести поскорѣе запашки на мѣстѣ. Но это удавалось ему

далеко не сразу. Изъ отведеннаго правительствомъ участка только самая небольшая часть разрабатывалась подъ пашню, а остальная оставалась «дикимъ полемъ», или продолжала эксплуатироваться, какъ угодье. Въ Воронежѣ, напримѣръ, въ 1615 году каждый владѣлецъ пахалъ только по $1^1/_2$ десятины (въ каждомъ полѣ, считая пашню «наѣздомъ»), а «дикаго» (то-есть, не распаханнаго) поля было у каждаго по 25 десятинъ. Въ Осколѣ (1615 г.) распахано на каждаго менѣе десятины, а дикаго поля приходится по 30 десятинъ. По стольку же имѣли и бѣлгородскіе служилые люди; но пашня въ этомъ числѣ почти вовсе отсутствовала: «за пашню» имъ было дано въ помѣстье «1 островокъ, 7 юртовъ съ озерки и съ упалыми (то-есть, впадающими) рѣчками и съ бортными ухожьи и съ рыбными и съ звѣриными ловлями», разбросанными на разстояніи десятковъ верстъ отъ Бѣлгорода. Только постепенно въ теченіе XVII-го вѣка угодья и дикое поле разрабатывались подъ пашню.

Къ XVIII вѣку оставалось, однако, все еще много мѣста для звѣропромышленной и рыболовческой эксплуатаціи. Полный просторъ для такой эксплуатаціи представляли Екатеринославская губернія и нижнее Поволжье, тогда еще вовсе незаселенныя. Затѣмъ, два казачьихъ войска: Запорожская сѣчь на юго-западѣ и донское казачество на юго-востокѣ, на весь вѣкъ сохранили характеръ огромныхъ рыболовныхъ и звѣропромышленныхъ артелей. До самаго своего уничтоженія въ 1775 г., большая часть «войска запорожскаго низового» ежегодно весною собиралась и бросала между своими куренями «лясы» (жребіи) на рѣчки. Затѣмъ, ватаги промышленниковъ отправлялись въ тѣ мѣста, которыя доставались ихъ куренямъ по жребію и оставались тамъ на все лѣто. Для защиты промышленниковъ отъ возможныхъ нападеній посылались каждое лѣто особыя команды куренныхъ казаковъ, получавшія за это на свою долю первые десятки наловленной рыбы. Пахали въ Запорожьѣ мало; въ составъ царскаго жалованья, посылавшагося запорожцамъ, входили мука и крупа. Въ 1755 г. кошевой просилъ у императрицы Елизаветы прибавки хлѣбнаго жалованья и мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что «войско запорожское низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ». Не забудемъ, что это говорилось про мѣстности, принадлежащія къ наиболѣе плодороднымъ во всей Россіи. То же самое преобладаніе промышленной эксплуатаціи и отсутствіе хлѣбопашества мы видимъ въ области Донского войска. Еще въ 1690 г. войсковой кругъ посылаетъ въ казацкіе городки по Хопру и Медвѣдицѣ грамоту,

въ которой прямо запрещается пахать землю и сѣять хлѣбъ, а «если станутъ пахать, и того бить до смерти и грабить». Въ этомъ оригинальномъ распоряженіи выразился инстинктивный протестъ казачества противъ надвигавшейся изъ Москвы болѣе интенсивной культуры. Защищая формы своего стараго экономическаго быта, донское войско этимъ самымъ какъ бы защищало свое право на обширные пустыри, которые въ концѣ XVII вѣка начало у него отнимать московское правительство и вольные колонисты. Величайшей измѣной со стороны своихъ былъ, съ этой точки зрѣнія, именно переходъ отъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ края къ земледѣлію.

Такимъ образомъ, и донскому казачеству приходилось посылать изъ Москвы «хлѣбное жалованье»: и здѣсь средства къ жизни добывались промышленной эксплуатаціей «юртовъ», подѣленныхъ тутъ разъ навсегда между «станицами»; каждый въ угодьи своей станицы имѣлъ право «всякіе промыслы чинить», «запоръ запирать» (на рѣкахъ для рыбной ловли), «звѣря бить», «рыбу ловить» и т. д. Только уже въ нашемъ вѣкѣ эти богатѣйшія области Россіи сдѣлались въ свою очередь земледѣльческими. И опять, исчезнувши здѣсь, разработка зоологическихъ богатствъ была перенесена на дальнѣйшую окраину: артельное производство рыболовнаго промысла всѣмъ войскомъ сохранилось до нашихъ дней у войска уральскаго; хлѣбопашество появилось, правда, и въ этомъ краѣ, но лишь въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка и до сихъ поръ еще стоитъ на низкой степени развитія.

Въ итогѣ, къ нашему общему наблюденію, что̀ экономическое прошлое Россіи представляется временемъ господства натуральнаго хозяйства, мы можемъ теперь прибавить еще тотъ выводъ, что натуральное хозяйство древней Россіи было наименѣе интенсивнымъ, т.-е. требовало наименьшаго напряженія труда, что оно было, напротивъ, въ высшей степени экстенсивнымъ, довольствовалось потребленіемъ даровыхъ продуктовъ природы, истощило эти продукты въ центрѣ только къ концу XVI в., чѣмъ далѣе на югъ (и востокъ) тѣмъ позднѣе, а на нѣкоторыхъ окраинахъ не вполнѣ истощило и понынѣ. Только истративъ зоологическія богатства страны, населеніе сдѣлалось окончательно земледѣльческимъ, т.-е. перешло къ трудовому добыванію своихъ пищевыхъ продуктовъ.

Но и въ этой области, въ области земледѣльческой культуры, русское населеніе ограничивалось до сихъ поръ наименьшей затратой труда, и употреблявшіяся имъ системы земледѣлія суть наиболѣе экстенсивныя. Даровыя силы природы и здѣсь прежде

всего пускались въ оборотъ и расходовались безвозвратно, и только истощеніе почвы заставляло населеніе обратиться къ менѣе хищническому хозяйству. На всемъ русскомъ крайнемъ сѣверѣ мы не можемъ, впрочемъ, прослѣдить этого процесса, такъ какъ развитіе земледѣлія, по мѣстнымъ условіямъ края, не пошло тамъ до сихъ поръ дальше первыхъ шаговъ (подсѣчная система). Съ тѣхъ поръ, какъ Герберштейнъ отмѣтилъ тамъ «рѣдкость или почти совершенное отсутствіе хлѣбнаго потребленія», общее количество запашки, конечно, должно было увеличиться; но и до сихъ поръ площадь пашни и луга составляетъ въ Архангельской губерніи только 0,2%, въ Вологодской—3,4%, въ Олонецкой—3,8% общей площади, $^{8}/_{10}$ или $^{9}/_{10}$ которой покрыты лѣсами. Прежде, какъ и теперь, старая Новгородская область, даже включая самый Новгородъ, не могла прокармливаться собственнымъ хлѣбомъ и если не замѣняла хлѣба «рыбной и звѣриной пищей», по словамъ того же Герберштейна, то должна была питаться привознымъ хлѣбомъ Поволжья.

Другое дѣло въ центральномъ междурѣчьи. Здѣсь періодъ наиболѣе экстенсивнаго земледѣлія проходитъ раньше, чѣмъ начинаются показанія нашихъ источниковъ. По нашимъ, самымъ древнѣйшимъ свѣдѣніямъ, мы встрѣчаемъ уже здѣсь обычныя и въ наше время три поля: озимое, засѣваемое обыкновенно рожью, яровое, засѣваемое большею частью овсомъ, и паръ. Даже удобреніе пашни навозомъ встрѣчается уже въ извѣстіяхъ конца XV вѣка и начала XVI в., какъ явленіе вполнѣ обычное. Этотъ фактъ показываетъ намъ, что уже въ это время почва московскаго центра до нѣкоторой степени истощилась. Но далѣе на востокъ, во Владимірской, Нижегородской и Рязанской областяхъ, въ началѣ того же XVI в., почва оказывается гораздо свѣжѣе: по свидѣтельству Герберштейна, она превышала плодородіе Московской области и давала часто 20, а иногда и 30 зеренъ на одно зерно посѣва пшеницы; въ Рязанской области даже еще больше. Правда, необходимо вспомнить при этомъ, что Московская область расположена на суглинкѣ, тогда какъ въ Рязанской и Нижегородской области Московское государство захватывало единственный тогда въ его составѣ уголокъ хорошаго чернозема. Но, чтобы давать урожай, указываемый Герберштейномъ, этотъ черноземъ долженъ былъ быть неистощеннымъ. Тотъ же черноземъ въ наше время даетъ, самое большее, урожай самъ-пятъ пшеницы. Если вѣрить показаніямъ Герберштейна, плодородіе почвы за $3^{1}/_{2}$ вѣка уменьшилось, стало быть, въ четыре раза *).

*) О такихъ же урожаяхъ самъ-20—30 вспоминаютъ старожилы и относительно степного чернозема въ первую половину нашего вѣка. Но нужно

Съ середины XVI вѣка русское хозяйство впервые передвинулось на полосу чернозема. Правительство, руководившее колонизаціей, при первомъ же заселеніи вводило здѣсь повсюду московское трехполье. Однако же и въ самомъ центрѣ трехпольная система не успѣла еще въ то время вытѣснить болѣе экстенсивныхъ культуръ. Огромное количество земель, записанныхъ въ правительственныя описи подъ названіемъ «перелога» или «пашни, поросшей лѣсомъ», свидѣтельствуетъ о томъ, что наряду съ трехпольемъ повсюду продолжала еще существовать переложная и подсѣчная система земледѣлія. Даже въ срединѣ XVII вѣка, въ такомъ раціональномъ по тому времени хозяйствѣ, какимъ было хозяйство Б. И. Морозова, и притомъ не только въ нижегородскихъ его имѣніяхъ, но подъ самой Москвой (въ Звенигородскомъ у.) шла ежегодная расчистка и сожиганіе лѣса подъ новую пашню. Но тутъ, надо прибавить, дѣло шло уже объ эксплуатаціи оставшихся неудобныхъ участковъ: лѣсъ сѣкли, «выбирая низкія мѣста», и приказчикъ Морозова сохранилъ намъ одну сценку, живо рисующую характеръ этой эксплуатаціи. «Сѣкли пустошь», докладываетъ онъ какъ разъ изъ подмосковнаго села; «пришло болото и въ немъ вода въ иномъ мѣстѣ выше колѣна, и бочаги — вода по поясъ; какъ кустъ станутъ сѣчь, такъ вода и забрызжетъ; а рабочіе говорятъ: мы-де нанялись не болото сѣчь и не въ водѣ; вотъ заработаемъ харчъ, да и пойдемъ».

На вновь колонизуемомъ юго востокѣ не было никакой надобности такъ выгадывать и тѣсниться. Если московское правительство и заводило здѣсь прямо трехполье на казенной запашкѣ, то это было скорѣе всего просто по старой привычкѣ. По обычаю, и надѣлы, отводившіеся служилымъ людямъ, дѣлились на три поля. Но мы видѣли, что новые колонисты вообще неохотно занимались земледѣліемъ на окраинѣ, предпочитая эксплуатировать непочатыя еще зоологическія богатства края. Естественно, что, поскольку они все-таки принимались за соху, они выбирали болѣе экстенсивную систему земледѣлія. Занявъ участокъ нетронутаго никѣмъ «дикаго» поля, они распахивали его «наѣздомъ» и возвращались къ нему нѣсколько лѣтъ подрядъ, до полнаго истощенія,

---

сказать, что вообще преданія о высокихъ урожаяхъ стараго времени не подтверждаются собранными до сихъ поръ, правда, весьма немногочисленными данными. Въ XVII вѣкѣ, можетъ быть, вслѣдствіе дурной обработки, урожаи были значительно ниже теперешнихъ. Казенная запашка въ Елецкомъ у. давала 19 лѣтъ подрядъ самъ-2,2 урожай ржи и самъ-1,5 урожай овса. Урожаи самъ-4 были большою рѣдкостью, а самъ-5 извѣстны только въ вотчинахъ Б. И. Морозова.

чтобы не поднимать новой цѣлины. Затѣмъ, истощенный участокъ на новый рядъ лѣтъ забрасывался, обращался въ перелогъ, или даже снова порасталъ лѣсомъ. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что эта «переложная» система преобладала надъ трехпольной на окраинѣ XVII-го вѣка. Въ XVIII вѣкѣ, вслѣдъ за продвиженіемъ окраины на югъ, туда же продвинулась за нею и переложная система, опять-таки въ сообществѣ съ трехпольной. Оффиціально землевладѣльцы Харьковской, Воронежской, Оренбургской губ. отвѣчаютъ въ срединѣ XVIII вѣка на запросъ Вольнаго Экономическаго Общества, что у нихъ господствуетъ трехполье; но тутъ же оказывается, что они сплошь и рядомъ, «вмѣсто тѣхъ десятинъ, которыя кажутся имъ неплодоносными, поднимаютъ залогъ, т.-е. вспахиваютъ новую землю, а старую, покидая, запущаютъ, которая черезъ нѣсколько лѣтъ сама отъ себя утучняется». По наблюденіямъ нашихъ агрономовъ, въ этихъ мѣстностяхъ до самаго послѣдняго времени продолжала существовать улучшенная залежная система; въ своемъ же примитивномъ видѣ она опять передвинулась въ XIX вѣкѣ южнѣе, на новую окраину.

Какъ видимъ, постепенное истощеніе почвы идетъ полосами, слѣдуя за направленіемъ русской колонизаціи. Послѣдней ступенью въ этомъ длинномъ процессѣ расхищенія природныхъ богатствъ почвы было истощеніе—уже въ нашемъ вѣкѣ и почти въ наше время—новороссійскаго степного чернозема. Если вѣрить воспоминаніямъ старожиловъ, этотъ черноземъ еще въ первой половинѣ нашего вѣка, давалъ баснословные урожаи. Но съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался предметомъ лихорадочной спекуляціи. Подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на пшеницу и удешевленія провоза хлѣба къ южнымъ портамъ (по вновь построеннымъ желѣзнымъ дорогамъ), хозяева спѣшили увеличить количество посѣвовъ пшеницы въ ущербъ качеству обработки земли подъ посѣвы; притомъ, отъ земли, плохо вспаханной и взбороненной, они требовали нѣсколько лѣтъ подрядъ урожая все той же пшеницы. Другими словами, они примѣнили къ этому случаю привычные имъ пріемы переложнаго хозяйства, но безъ періодическаго отдыха пашни. Въ результатѣ получилось, конечно, быстрое истощеніе почвы, заростаніе ея негодными травами и рядъ неурожаевъ. Въ то же время цѣны хлѣба и преимущественно пшеницы, непрерывно возраставшія до средины 70-хъ годовъ, съ этого времени стали такъ же непрерывно падать. Американская пшеница перегнала русскую на англійскомъ и французскомъ рынкахъ, и русское хлѣбное производство, составляющее болѣе половины русскаго вывоза, очутилось передъ кризисомъ. Такимъ образомъ и здѣсь наступилъ, наконецъ, моментъ

когда, истративъ даровыя силы природы, населеніе должно будетъ возмѣстить ихъ усиленнымъ трудомъ. Въ центральныхъ мѣстностяхъ, какъ мы видѣли, этотъ моментъ долженъ былъ наступить гораздо раньше; но пока оставались въ европейской Россіи незанятыя земли и продолжался процессъ колонизаціи, это истощеніе природныхъ богатствъ повело за собою лишь пріостановку роста населенія въ центрѣ. Переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія съ правильнымъ сѣвооборотомъ, съ лучшимъ скотомъ и орудіями, съ искусственнымъ удобреніемъ и орошеніемъ,—словомъ, съ большей затратой капитала въ земледѣліе,—задерживался также и общимъ строемъ крѣпостного хозяйства. Но съ тѣхъ поръ, какъ крестьянское освобожденіе положило конецъ господству натуральнаго хозяйства, улучшеніе культуры стало очередной задачей нашего земледѣлія. Если оно все еще задерживалось до сихъ поръ, то это лишь благодаря послѣдствіямъ того самаго соціальнаго переворота, который сдѣлалъ его окончательно необходимымъ. Къ этимъ послѣдствіямъ мы еще вернемся; но въ нѣсколькихъ словахъ нелишне будетъ напомнить о нихъ теперь же, поскольку они могли замедлять развитіе земледѣльческой культуры. На владѣльческихъ земляхъ это развитіе было отсрочено кризисомъ помѣщичьяго хозяйства, сопровождавшимся ускореннымъ переходомъ изъ рукъ въ руки дворянской земельной собственности. Появленіе на рынкѣ новаго товара, земли, повело на первыхъ порахъ къ коммерческимъ спекуляціямъ на этотъ товаръ и къ самой хищнической эксплуатаціи купленныхъ имѣній новыми собственниками. Въ послѣдніе годы передъ реформой средняя цѣна десятины въ европейской Россіи была 15½ р. Въ 60-хъ годахъ она уже поднялась до 28 руб., въ 70-хъ—равнялась 45 руб., а въ 80-хъ—достигла 70 руб. Конечно, такой быстрый ростъ цѣнъ на землю объясняется не одною спекуляціей; напротивъ, самая спекуляція до нѣкоторой степени вызывалась возрастаніемъ цѣнъ. Стоимость земли, помимо общаго оживленія внутренняго рынка, поднималась сперва вслѣдствіе повышенія цѣнъ на хлѣбъ подъ вліяніемъ международнаго рынка, а потомъ вслѣдствіе усиленнаго спроса на землю со стороны крестьянъ. Положеніе крестьянъ послѣ освобожденія объяснятъ всего лучше, почему и усидѣвшіе на своихъ земляхъ хозяева не спѣшили заняться улучшеніемъ земледѣльческой культуры. Рабочій трудъ крестьянъ такъ дешево цѣнится, что владѣльцы предпочитаютъ не замѣнять его машинами. Съ другой стороны, потребность крестьянъ въ землѣ такъ велика, что они готовы дать землевладѣльцу больше, чѣмъ онъ самъ можетъ выручить, хозяйничая на своей землѣ: они уступаютъ ему

не только то, что онъ могъ бы получить въ качествѣ прибыли и процента на свой капиталъ, но и часть того, что ему пришлось бы заплатить имъ въ качествѣ заработной платы, если бы онъ нанялъ ихъ въ батраки. Такимъ образомъ, весьма значительная часть владѣльцевъ предпочитаетъ отдавать землю въ аренду крестьянамъ. Крестьяне же, конечно, не имѣютъ ни возможности, ни желанія производить какія-либо улучшенія на арендованномъ участкѣ, и всего чаще доводятъ его до полнаго истощенія, за которымъ должно послѣдовать паденіе арендной платы. Такимъ образомъ и этимъ путемъ, какъ всякимъ другимъ, мы приходимъ къ тому же неизбѣжному исходу: къ необходимости ввести болѣе интенсивныя культуры. За послѣднее десятилѣтіе накопилось не мало фактовъ, показывающихъ, что на этотъ путь вступило не только владѣльческое, но даже и крестьянское хозяйство.

Разработка экономической исторіи Россіи едва началась въ наше время и не успѣла дать значительныхъ результатовъ. Основная мысль этого отдѣла (постепенное истощеніе природныхъ богатствъ Россіи) развивается въ статьяхъ *А. П. Щапова*: Историко-географическое распредѣленіе русскаго населенія въ «Русскомъ Словѣ», 1864, №№ 8—10; 1865, №№ 6 — 9. Отрывочныя данныя относительно промышленной эксплуатаціи юго-востока можно найти въ сочиненіяхъ по исторіи колонизаціи (см. выше).—См. также: *П. А. Соколовскаго.* Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб., 1878. Для очерка сельскохозяйственной исторіи послужили: *И. Н. Миклашевскій.* Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. М., 1894.—*И. Е. Забѣлинъ.* Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ («Вѣстн. Европы», 1871, 1 и 2); *имъ же* изданныя «Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя въ имѣніи Морозова» («Временникъ Общества Исторіи и Древностей», кн. VII).—*Н. Н. Оглоблинъ.* Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и нач. XVIII вѣка. («Описаніе докум. и бумагъ моск. архива Мин. Юстиціи», кн. IV). — *Ал. Бѣлевскій.* Общинное землевладѣніе и землепользованіе, въ «Юрид. Вѣстникѣ», 1888, сентябрь.—*А. Ѳ. Фортунатовъ.* Сельскохозяйственная статистика европейской Россіи. М., 1893 и *его же.* Урожаи ржи въ европейской Россіи. М. 1893.—*Н. Карышева.* Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Дерптъ, 1892 г.—*Кн. Васильчиковъ.* Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Спб. 1881.—*А. Ермоловъ.* Организація полеваго хозяйства, т. I-й.—Свѣдѣнія о цѣнахъ на земли, проданныя съ публ. торга 1854—1859 гг. Спб. 1859.—*Matthaei.* Die wirthschaftlichen Hülfsquellen Russlands. Dresden, 1883—4.

II.

Пропорція городского населенія Россіи и ея возрастаніе.—Роль домашней промышленности.—Происхожденіе фабричной промышленности; отношеніе къ ней государства въ послѣдніе два вѣка—Причины устойчивости кустарной промышленности въ Россіи.—Измѣненія во внутреннемъ строѣ ея.

Самымъ наглядным признакомъ развитія экономической жизни страны служитъ сосредоточеніе ея населенія въ городскихъ центрахъ. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе потребности населенія, чѣмъ болѣе у него покупательныхъ средствъ, тѣмъ многочисленнѣе становится и классъ производителей и посредниковъ, удовлетворяющихъ этимъ потребностямъ,—другими словами, тѣмъ болѣе возрастаетъ торгово-промышленный классъ, составляющій главную часть городского населенія, и тѣмъ болѣе, вмѣстѣ съ этимъ, развиваются высшія сферы экономической жизни: промышленность, торговля и кредитъ. Въ наиболѣе передовыхъ въ этомъ отношеніи странахъ Европы населеніе быстро переходитъ отъ сельскихъ занятій къ городскимъ. Во Франціи въ срединѣ этого вѣка четверть всего населенія жила въ городахъ (25%); теперь земледѣліемъ занимается менѣе половины жителей (48%). Въ Германіи тоже только 42% остались при земледѣльческой культурѣ, а въ промышленной Саксоніи это число падаетъ до 20%. Въ Англіи уже въ срединѣ столѣтія число горожанъ не только сравнялось, но и превысило число сельскихъ жителей (50,8%). Подобныя пропорціи городского населенія давно уже превосходятъ тотъ размѣръ, который необходимъ, чтобъ удовлетворить внутреннему потребленію страны; производительность главныхъ промышленныхъ центровъ Западной Европы давно уже разсчитываетъ на покупателей не на одномъ только своемъ національномъ, но также и на всемірномъ рынкѣ; въ свою очередь и продукты земледѣлія они должны прикупать у другихъ народовъ. Разъ переїдены такимъ образомъ границы внутренняго обмѣна, дальнѣйшему расширенію производительности почти нѣтъ предѣловъ, пока обезпеченъ сбытъ продуктовъ на международномъ рынкѣ.

Въ Россіи этотъ признакъ экономическаго развитія—количество городского населенія—даетъ очень невыгодныя показанія, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (второй столбецъ означаетъ процентное отношеніе городского населенія ко всему населенію страны; третій столбецъ—абсолютныя цифры городского населенія).

1724	3%	328 тысячъ.
1782	3,1	802 »
1796	4,1	1.301 »
1812	4,4	1.653 »
1835	5,8	3.025 »
1851	7,8	3.482 »
1878	9,2	6.091 »
1890	12,8	13.948 »

Въ годъ смерти Петра, слѣдовательно, изъ каждыхъ 100 человѣкъ каселенія только 3 человѣка жили въ городѣ: остальные 97 составляли сельское населеніе. Къ концу XVIII вѣка, несмотря на увеличеніе городского населенія въ 5 разъ, эта пропорція измѣнилась очень незначительно: на 4 человѣка горожанъ приходилось 96 сельскихъ жителей. Съ тѣхъ поръ пропорція городского населенія увеличилась втрое (и вчетверо, если считать со времени Петра): вмѣсто 4% и 3% теперь живетъ въ городахъ 12,8% всего населенія *). Но и эта пропорція принадлежитъ къ наименѣе выгоднымъ въ Европѣ: только Швеція можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ Россіей.

Приведенныхъ пропорцій городского населенія, однако, далеко недостаточно для характеристики развитія русской промышленности. Онѣ показываютъ только, что промышленность не успѣла переселиться окончательно въ городъ, что раздѣленіе труда между добывающимъ и обрабатывающимъ классомъ не пошло, слѣдовательно, далеко, и что мы должны искать началъ русской промышленности внѣ русскаго города. Когда мы вернемся къ исторіи городского сословія, мы увидимъ, чѣмъ былъ первоначально этотъ городъ; но и теперь, разъ мы уже характеризовали экономическую жизнь старой Россіи, какъ періодъ натуральнаго хозяйства, изъ этой самой характеристики мы можемъ вывести, что занятіе промышленностью носило въ древней Руси вполнѣ домашній характеръ, т. е. сосредоточивалось внѣ города: всякая крестьянская

*) Абсолютная цифра городского населенія увеличилась въ XIX вѣкѣ въ 8 разъ, а со времени Петра въ 40 разъ слишкомъ. Припомнимъ, что все населеніе за тотъ же промежутокъ возросло въ 9 разъ.

семья сама ткала для себя холстъ изъ собственнаго льна, сама дѣлала свою домашнюю утварь, даже орудія, и покупала только весьма немногое. Въ этомъ своемъ видѣ домашняя промышленность существовала всегда и вездѣ, и повсюду она постепенно вытѣснялась по мѣрѣ развитія мѣнового хозяйства: въ Западной Европѣ раньше, у насъ позже. Но мы должны остановиться нѣсколько на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія той же домашней промышленности. И въ Западной Европѣ, и у насъ съ самыхъ давнихъ поръ домашняя промышленность стала работать не только для внутренняго потребленія семьи, а и для сбыта: тамъ и здѣсь появились мѣстныя спеціальныя производства, выполняемыя домашнимъ способомъ, по возможности, изъ своего матеріала и съ помощью доморощенныхъ орудій. Но судьба этихъ зародышей промышленности у насъ и въ Западной Европѣ была разная. Въ Европѣ быстрый ростъ промышленной жизни, быстрое развитіе техническихъ приспособленій скоро повели къ расширенію размѣровъ этихъ производствъ, къ увеличенію затратъ на матеріалъ и орудія; тѣмъ и другимъ скоро овладѣли лица, способныя производить эти затраты, владѣющія капиталами; капиталистъ сперва продолжаетъ давать работы на домъ, а потомъ соединяетъ работниковъ въ одномъ помѣщеніи и все болѣе замѣняетъ ихъ ручной трудъ, требовавшій личнаго искусства, машинной работой.

Такъ, домашняя форма промышленности превратилась на Западѣ въ капиталистическія формы мануфактуры и фабрики. У насъ же домашняя промышленность до сихъ поръ уцѣлѣла въ своихъ старинныхъ формахъ: суздальскіе богомазы, павловскіе замочники, вологодскіе и устюжскіе мастера по черни и т. д. продолжаютъ работать, какъ работали въ XVII вѣкѣ, и все тѣ же владимирскіе офени разносятъ ихъ издѣлія по всей православной Руси. Наша мануфактура и фабрика не развилась органически, изъ домашняго производства, подъ вліяніемъ роста внутреннихъ потребностей населенія; она создана была поздно правительствомъ, руководившимся при этомъ какъ своими практическими нуждами (напр., въ сукнахъ для арміи), такъ и теоретическими соображеніями о необходимости развитія національной промышленности. И эту теорію и соотвѣтствовавшія ей мѣры правительство Петра заимствовало у господствовавшей тогда на Западѣ политико-экономической школы меркантилистовъ. Старинные русскіе кустари при этомъ были забыты, и новая форма производства перенесена съ Запада готовою. Въ странѣ безъ капиталовъ, безъ рабочихъ, безъ предпринимателей и безъ покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами и могла привиться благодаря продол-

жительному и усиленному покровительству. Рабочіе даны были фабрикантамъ даровые, въ лицѣ приписанныхъ къ заводамъ крѣпостныхъ; покупатели даны были обязательные, путемъ предоставленія монополіи и путемъ устраненія съ рынка однородныхъ иностранныхъ продуктовъ, облагавшихся тяжелыми ввозными пошлинами. Однако же, русская промышленность далеко не сразу воспользовалась предоставленными ей преимуществами. На первыхъ порахъ покровительственный тарифъ не столько поощрилъ промышленность, сколько стѣснилъ торговлю: первая еще не успѣла почувствовать его выгодъ, тогда какъ послѣдняя испытывала очень реальныя неудобства. Такимъ образомъ, первый нашъ охранительный тарифъ (1724 года) къ общему удовольствію замѣненъ былъ вскорѣ гораздо болѣе льготнымъ тарифомъ 1731 года. Какіе скудные плоды принесли первыя усилія создать путемъ покровительства національную промышленность, видно изъ результатовъ правительственнаго «освидѣтельствованія» фабрикъ въ 1730-хъ годахъ. Многіе фабриканты оказались при этой повѣркѣ «подложными»: они держали фабрики и заводы только для вида, чтобы пользоваться привилегіями, предоставленными мануфактуристамъ. Сенатъ «отрѣшилъ», было, этихъ «недѣйствительныхъ» фабрикантовъ, но кабинетъ рѣшилъ оставить за ними ихъ права и «обнадежить» продолженіемъ покровительства, если они захотятъ превратиться въ «дѣйствительныхъ». Это обстоятельство объясняетъ почему въ спискѣ 300 важнѣйшихъ фабрикъ, существовавшихъ въ 1780 году, мы находимъ, только 22 уцѣлѣвшихъ отъ петровскаго времени; между тѣмъ, общее количество фабрикъ и заводовъ, открытыхъ при Петрѣ, доходило до сотни *). Двѣ трети фабрикъ 1780 года, почти 200 изъ трехсотъ, возникли въ промежутокъ отъ Петра до Екатерины II (включая 1762 годъ). Помимо усиленнаго покровительства отдѣльнымъ предпринимателямъ, это возрастаніе объясняется перемѣной въ тарифѣ 1731 года. По соображеніямъ болѣе финансовымъ, чѣмъ покровительственнымъ, на привозные товары была наложена новая 13% пошлина, долженствовавшая замѣнить собой уничтоженныя въ 1753 году внутреннія таможенныя пошлины. Благодаря этой прибавкѣ, значительно сократился ввозъ въ Россію заграничныхъ тканей (бумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ) и галантерейныхъ товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась потребность въ русскихъ издѣліяхъ этого рода. Изъ 211 фабрикъ, удовлетворявшихъ этому

*) Мы насчитали по Кириллову около 100 частныхъ фабрикъ и около 42 желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ.

спросу въ 1780 году, только 17 возникло при Петрѣ, и 149—отъ Петра до Екатерины II.

Съ воцаренiемъ Екатерины II русская промышленность вступила въ новый фазисъ развитія. Екатерина покончила съ системой личныхъ монополій и очень послѣдовательно проводила систему свободной внутренней конкурренціи. Правительство перестало смотрѣть на занятія фабрикой, какъ на своего рода службу, и, закрывая въ 1780 году Мануфактуръ-коллегію, Екатерина открыто заявила объ этой перемѣнѣ правительственной точки зрѣнія. «Установленіе Мануфактуръ-коллегіи», говорилось въ указѣ, «имѣло начало свое въ такое еще время, когда къ распространенію полезныхъ рукодѣлій и фабрикъ недовольнымъ побужденіемъ казался собственный каждаго въ томъ прибытокъ, но старанія правительства простирались и на изъятія всякихъ предубѣжденій». Теперь напротивъ, «всѣмъ подданнымъ нашимъ въ заведеніяхъ становъ и рукодѣлій столь безпредѣльная дана отъ насъ свобода, что не стѣсняются уже они ни частнымъ испрошеніемъ на то дозволенія, ни надзираніемъ за дѣломъ рукъ ихъ, гдѣ собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе». На этомъ основаніи Екатерина «подтверждаетъ», «чтобы принадлежащія частнымъ людямъ собственно фабрики и мануфактуры не инако разумѣемы были, какъ собственное имѣніе, которымъ каждый можетъ свободно распоряжаться, не требуя никакого дозволенія отъ начальства».

Этотъ характерный указъ отмѣчаетъ тотъ моментъ, когда для развитія русской фабричной промышленности перестало быть нужнымъ правительственное *понужденіе*. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта промышленность тогда же перестала нуждаться и въ правительственной *поддержкѣ*. Первый изъ тарифовъ Екатерины (1766), правда, нѣсколько понизилъ ввозныя пошлины; но слѣдующими двумя (1782 и 1797) ввозъ опять былъ затрудненъ; всѣми тремя одинаково поощрялся привозъ иностраннаго сырья, нужнаго для русскихъ фабрикъ, и задерживался привозъ иностранныхъ фабрикатовъ, которые могли конкуррировать съ продуктами отечественной промышленности. Огражденная отъ иностраннаго соперничества и предоставленная внутренней конкурренціи, русская промышленность быстро двинулась впередъ: явилось значительное количество мелкихъ фабричныхъ предпріятій, успѣшно соперничавшихъ съ болѣе крупными и сбивавшихъ цѣну продуктовъ. При вступленіи Екатерины на престолъ въ Россіи было около 500 фабрикъ; въ годъ ея смерти ихъ уже насчитывалось 2.000.

Дальнѣйшій ростъ количества фабрикъ и наемныхъ рабочихъ въ нашемъ вѣкѣ виденъ будетъ изъ слѣдующей таблицы:

	Фабрикъ.	Рабочихъ
1804	2.423	95.202
1825	5.261	210.568
1850	9.843	517.679
1887	25.865	866.238 *)

За все это время покровительство государства не только не ослабѣло, но, напротивъ, достигло своего апогея. «Либеральный», фритредерскій тарифъ 1819 года, ограничившій число запрещенныхъ товаровъ для ввоза пятью, для вывоза тремя, былъ единственнымъ исключеніемъ. Совпавши съ общей перемѣной политики имп. Александра, а также и съ экономическими послѣдствіями континтальной системы, сократившей спросъ на русское сырье, этотъ тарифъ не просуществовалъ и трехъ лѣтъ. «Продукты имперіи не находятъ болѣе рынковъ за-границей, мануфактуры ея крайне подавлены, монета быстро утекаетъ въ отдаленныя страны, солиднѣйшіе торговые дома находятся въ опасности; сельское хозяйство и торговля, также какъ и фабричная промышленность стоятъ на краю банкротства»: такъ изображалъ положеніе дѣла правительственный циркуляръ, и выводилъ отсюда то заключеніе, что «Россія вынуждена оставить систему независимой торговли» **). Въ 1822 году изданъ былъ запретительный тарифъ графа Канкрина, дѣйствовавшій, съ нѣкоторыми измѣненіями, до средины нашего столѣтія. Этотъ тарифъ впервые создалъ наиболѣе значительную въ Россіи, и наиболѣе нуждавшуюся всегда въ правительственной опекѣ, хлопчатобумажную промышленность. Это былъ первый опытъ русскихъ предпринимателей съ машиннымъ производствомъ въ широкихъ размѣрахъ. Онъ быстро повелъ за собою

*) Сверхъ того, мелкихъ заводовъ, производящихъ менѣе чѣмъ на 1.000 р. 54.468 съ 91.681 рабочимъ. Число рабочихъ въ текстѣ ниже дѣйствительности, такъ какъ изъ обложенныхъ акцизомъ отраслей промышленности нѣтъ данныхъ (въ Сборникѣ Центр. Стат. Комитета) о рабочихъ на винокуренныхъ, пивоваренныхъ и табачныхъ заводахъ и фабрикахъ. Общая цифра рабочихъ въ Россіи исчисляется почти въ $1^1/_2$ милліона.

**) Въ одномъ, тоже оффиціальномъ, документѣ мы находимъ такую характеристику послѣдствій тарифа 1819 года: «хотя многіе капиталисты понесли убытки, строенія ихъ опустѣли и многія заведенія ослабли, но зато навыкъ и искусство, пріобрѣтенное на нихъ, не только не погибло въ народѣ но, напротивъ, болѣе распространилось. Смышленные мастеровые, оставивъ упадшія фабрики, водворили промышленность по селеніямъ, устроивъ собственныя мастерскія и увеличивъ оныя своими домашними силами». Такъ смотрѣли на дѣло, очевидно, народники двадцатыхъ годовъ.

и тѣ послѣдствія, которыя свойственны европейскому индустріализму, вскормленному тою же хлопчатобумажной промышленностью: перепроизводство и кризисы. Уже въ 30-хъ годахъ фабриканты должны были не разъ считаться съ паденіемъ цѣнъ и затрудненіемъ сбыта. Въ 1839 году ихъ спасло введеніе серебрянаго рубля; въ 1841 они выхлопотали себѣ возвышеніе запретительной пошлины въ полтора раза. Съ помощью такихъ сильныхъ средствъ хлопчатобумажная промышленность продолжала процвѣтать. Представители русскаго капитала заботились, однако, не столько о развитіи и улучшеніи производства, сколько объ удержаніи за собой баснословнаго дохода, обезпеченнаго имъ запретительнымъ тарифомъ. Уже въ 30-хъ годахъ правительство собиралось принять противъ этого мѣры и грозило производителямъ допущеніемъ конкурренціи. Наконецъ, тарифъ 1850 года рѣшительно покончилъ съ господствомъ запретительной системы Канкрина и ограничилъ доходы фабрикантовъ половиной прежняго (15% вмѣсто 30%). Правительство снова, хотя и нерѣшительно, начинало склоняться къ свободной торговлѣ; тарифъ 1857 года пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше тарифа 1850 г. Одного ожиданія такого поворота было достаточно, чтобы русскіе предприниматели сократили свои обороты; а послѣдовавшее затѣмъ освобожденіе крестьянъ, поднявшее цѣну на трудъ, и хлопковый кризисъ, вызванный американской войной, привели къ закрытію многихъ фабрикъ и къ сокращенію числа рабочихъ въ другихъ. Всего этого было достаточно, чтобы остановить дальнѣйшее развитіе фритредерскихъ тенденцій. Фабриканты были приглашены участвовать въ пересмотрѣ тарифа; въ результатѣ этого пересмотра изданъ былъ новый, умѣренно-покровительственный, тарифъ 1869 года. Предприниматели добивались, однако, большаго: они хотѣли, чтобы высота пошлины на ввозные товары не зависѣла отъ колебаній русскаго рубля, т. е. не понижалась съ пониженіемъ его курса. Интересъ казны, получавшей пошлину, въ этомъ случаѣ совпадалъ съ интересами промышленниковъ: такимъ образомъ, въ 1876 году, въ ожиданіи войны и связанныхъ съ нею финансовыхъ затрудненій, рѣшено было взимать таможенныя пошлины золотомъ. При тогдашнемъ курсѣ кредитнаго рубля, это повышало размѣры пошлины на цѣлую треть сравнительно съ тарифомъ 1869 года; а при дальнѣйшемъ паденіи курса повышеніе становилось еще значительнѣе. Золотая пошлина возвращала, такимъ образомъ, русской промышленности то положеніе, котораго лишили ее тарифы 50-хъ годовъ; естественно, что она вызвала новое оживленіе промышленности, увеличеніе количества фабрикъ

и расширеніе ихъ оборотовъ. Достаточно вспомнить, однако, что оживленіе это поддерживалось усиленными выпусками бумажекъ, чтобы увидѣть, какъ оно было непрочно. Неурожай 1880 года снова грозилъ финансовымъ кризисомъ казначейству и экономическимъ кризисомъ—промышленности: и снова исходъ, благопріятный для обоихъ, былъ найденъ въ повышеніи пошлинъ (на 10% въ 1881 году). Наконецъ, въ 1885 г. и вторично въ 1890 г. состоялось новое огульное повышеніе пошлинъ (на 20%).

Такимъ образомъ, до самаго послѣдняго времени русская фабричная промышленность не вышла изъ-подъ правительственной опеки. Значитъ ли это, что она дѣйствительно еще не можетъ, или же только, что она не хочетъ обходиться безъ поддержки со стороны государства? Есть ли такое положеніе только временное,—и тогда, скоро ли оно кончится,—или же постоянное, и тогда стоитъ ли вообще поддерживать индустріализмъ въ Россіи? Эти вопросы ставились и возбуждали нескончаемые споры, по крайней мѣрѣ, втеченіе цѣлаго столѣтія. Жизнь шла своимъ чередомъ и существенно видоизмѣняла всѣ данныя для ихъ разрѣшенія. Вызванная къ жизни государственными потребностями и правительственными теоріями, русская фабрика уже ко времени Екатерины II стала отвѣчать дѣйствительнымъ потребностямъ русскаго населенія. Но тутъ какъ разъ начался исполинскій ростъ европейскаго машиннаго производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ обострилась борьба за сбытъ продуктовъ этого производства на международномъ рынкѣ. Захваченная врасплохъ, русская промышленность поспѣшно оградила себя высокимъ барьеромъ, за которымъ ей жилось еще лучше, чѣмъ прежде, и по прежнему не нужно было думать о завтрашнемъ днѣ. Съ тѣхъ поръ, однако, русскій экономическій бытъ успѣлъ также совершенно преобразиться. Мѣновое хозяйство послѣ крестьянской реформы могло торжествовать окончательную побѣду надъ натуральнымъ. Съ каждымъ годомъ Россія все болѣе укрѣплялась на новой ступени экономической жизни, на которой индустріализмъ являлся необходимымъ продуктомъ *внутренняго* развитія. Облегченіе обмѣна и увеличеніе внутренняго потребленія, умноженіе капиталовъ и широкое развитіе кредита должны были постепенно приблизить русскую промышленность къ тому нормальному положенію, въ которомъ находится европейская. Вмѣстѣ съ тѣмъ и права ея на особое попеченіе со стороны государства должны были сильно уменьшиться.

При этихъ условіяхъ, декретировать отмѣну русскаго капитализма или предсказывать ему естественную смерть—было бы уже нѣсколько поздно. Факты, подбираемые въ доказательство этого утвержденія, могутъ доказать только, что русскій капитализмъ

все еще переживаетъ переходное время, и что ему, во всякомъ случаѣ, очень далеко до западно-европейскаго, Изъ этихъ фактовъ мы остановимся здѣсь только на одномъ, самомъ крупномъ: на русской кустарной промышленности.

Дѣло въ томъ, что на полтора милліона, самое большее, фабричыхъ рабочихъ—въ Россіи существуетъ до сихъ поръ никакъ не менѣе четырехъ милліоновъ крестьянъ, занимающихся обрабатывающей промышленностью у себя въ деревнѣ, и въ то же время не бросающихъ земледѣлія. Это—тотъ самый классъ, изъ котораго выросла, какъ мы говорили, европейская фабрика, и который нисколько не участвовалъ (вѣрнѣе сказать, очень мало участвовалъ) въ созданіи русской. Вмѣсто того, чтобы быть поглощеннымъ фабрикой, этотъ классъ не только продолжаетъ существовать, но даже увеличивается въ числѣ, овладѣваетъ новыми отраслями занятій, успѣшно соперничаетъ съ фабрикой, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ее побиваетъ. Чѣмъ же объяснить такое видимое противорѣчіе факту развитія капитализма?

Изслѣдователи давно указали тѣ причины, которыми объясняется живучесть и способность къ развитію нашей кустарной промышленности. Помимо слабости экономическаго развитія и незначительности капиталовъ, которыми обусловливается существованіе домашней промышленности въ извѣстный періодъ во всѣхъ странахъ, въ нашемъ отечествѣ существуютъ особыя причины, заставляющія значительную часть земледѣльческаго населенія заниматься домашней промышленностью. Причины эти двоякія: климатическія и финансовыя. По свойству нашего климата русское земледѣліе поставлено въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ западное. Чѣмъ далѣе къ востоку на одной и той же географической широтѣ, тѣмъ лѣто позднѣе начинается и ранѣе кончается. Уменьшеніе продолжительности лѣта вознаграждается, правда, его большей знойностью, такъ что одни и тѣ же земледѣльческія растенія вызрѣваютъ на востокѣ скорѣе, чѣмъ на западѣ. Но это ведетъ къ тому неудобству, что приходится на короткомъ промежуткѣ времени напрягать гораздо больше рабочей силы: въ 4 мѣсяца нужно бываетъ сдѣлать тѣ же земледѣльческія работы, которыя на западѣ можно разложить на семь: въ результатѣ то же дѣло, которое тамъ можетъ быть сдѣлано четырьмя рабочими, у насъ требуетъ семерыхъ. Зато въ остальные 8 мѣсяцевъ не приходится дѣлать никакого дѣла, относящагося къ земледѣлію, и рабочій трудъ можетъ быть употребленъ на другое занятіе. Эта возможность вести наряду съ земледѣліемъ другія занятія становится необходимостью въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ,

гдѣ земледѣліе мало даетъ дохода и не покрываетъ обязательныхъ расходовъ крестьянскаго хозяйства (т. е. прежде всего податей). Позднѣе мы увидимъ, что въ такомъ положеніи находится вся центральная полоса Россіи; вотъ почему домашняя промышленность и отхожіе промыслы наряду съ земледѣліемъ стали здѣсь уже съ давнихъ поръ необходимымъ вспомогательнымъ рессурсомъ крестьянина. Крестьянинъ-ярославецъ уже передъ крестьянскимъ освобожденіемъ изъ каждаго заработаннаго имъ рубля только 37 копеекъ получалъ собственно съ земледѣлія, остальными 63 копейками онъ былъ обязанъ промысламъ; а въ приволжскихъ мѣстностяхъ эта доля дохода, получавшаяся съ промысла, доходила до 88 копеекъ, и только 12 коп. оставалось на долю земледѣлія. И притомъ, чтобы заработать эти 63—88 копѣекъ, крестьянинъ вовсе не долженъ былъ идти въ городъ. Какъ разъ въ центральныхъ губерніяхъ было въ то время всего 6% городского населенія, тогда какъ въ земледѣльческой черноземной полосѣ число горожанъ доходило до 8½%; слѣдовательно, центральная промышленность оставалась по преимуществу сельской. Эта промышленность могла существовать и соперничать съ фабричной (и даже съ городскими ремесленниками), именно благодаря своей первобытной простотѣ, при которой отъ производителя не требовалось никакихъ почти предварительныхъ затратъ капитала на помѣщеніе, орудія и матеріалъ. Это обстоятельство, а также и то, что кустарныя издѣлія такого промышленника были для него не единственнымъ средствомъ существованія, а только вспомогательнымъ заработкомъ, занимавшимъ его досугъ, все равно пропадавшій даромъ,— эти обстоятельства и давали ему возможность продавать свои произведенія по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Вотъ почему не только удержалась, но даже продолжала развиваться въ Россіи такая, повидимому, архаичная форма промышленности, какъ кустарное производство.

Если, однако, ближе всмотрѣться въ дѣло, то окажется, что архаичность вовсе не есть неизмѣнный спутникъ кустарныхъ промысловъ. Прежде всего, далеко не всѣ отрасли кустарнаго пропзводства есть остатокъ отдаленной старины. Весьма многія возникли не раньше нашего столѣтія, какъ продуктъ общаго промышленнаго оживленія вѣка. Затѣмъ, примитивный характеръ кустарной техники большею частью держится только спросомъ на издѣлія привычнаго типа; слѣдуя измѣненіямъ спроса, кустарныя издѣлія могутъ достигать высокаго техническаго совершенства и снова возвращаться къ первобытной грубости работы. Наконецъ, что самое главное, домашняя форма промышленности цѣлымъ рядомъ

неуловимыхъ переходовъ можетъ приближаться къ капиталистической, и даже переходить въ нее. Кустари не участвовали, конечно, въ созданіи петровской фабрики; но процессъ превращенія мелкихъ заведеній въ крупныя совершается на всякомъ шагу и во всякое время. Точно также, какъ на западѣ, этотъ процессъ происходитъ двумя различными путями: путемъ непосредственнаго разрыва кустарей съ земледѣліемъ и превращенія ихъ въ фабричныхъ рабочихъ, и—еще чаще—замаскированнымъ путемъ раздачи работы на домъ. Одинъ изслѣдователь еще въ началѣ 80-хъ годовъ разсчитывалъ, что 86,5% кустарныхъ издѣлій Московской губерніи и 96% двухъ уѣздовъ Владимірской находятся въ рукахъ крупныхъ предпринимателей. Такимъ образомъ, будущему кустарной промышленности угрожаетъ въ настоящее время не столько фабричная конкурренція и развитіе машинной техники, сколько капитализація мелкихъ предпріятій. Несомнѣнно, существуетъ въ кустарной промышленности стремленіе предупредить этотъ исходъ путемъ добровольной кооперації; но до сихъ поръ попытки кооперації встрѣчались не особенно часто и удавались еще рѣже. Во всякомъ случаѣ, и кооперативное, и капиталистическое «обобществленіе» кустарнаго труда одинаково ведетъ къ ослабленію связи его съ земледѣльческимъ трудомъ, составляющей сущность кустарной промышленности.

Наиболѣе полнымъ сводомъ данныхъ по исторіи русской промышленности остается сочиненіе *А. Семенова.* Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія по 1858 годъ. Спб. 1859 г., три части. Изъ многочисленныхъ сводовъ оффиціальнаго статистическаго матеріала для нашего очерка послужили: *Кириллова*, Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства, М. 1831 г., 2 тома. *Hermann.* Statistische Schilderung von Russland. Ptsbg. 1790. *Schnitzler.* Essai d'une statistique générale de l'empire de Russie. Paris. 1829 г. (и его же Empire des Tsars). *Пелчинскій.* О состояніи промышленныхъ силъ Россіи (1822—1832). Спб. 1833. *Reden.* Das Kaiserthum Russland. Berl. 1843. Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. Спб. 1863 г. т. II-й. Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи, т. II-й. Спб. 1883 г. Сборникъ свѣдѣній по Россіи 1890 г., изд. Центр. Стат. Комитета. См. также отдѣлъ «Финансовые дѣятели въ XIX столѣтіи» въ сочиненіи: «Наши государственные и общественные дѣятели». Спб. 1890 г. О домашней промышленности см. замѣчанія *Haxthausen'a* въ 1 томѣ его Etudes, Hanovre, 1847 г. *А. Корсакъ.* О формахъ промышленности. М. 1861 г. Современное состояніе кустарной промышленности, во многомъ уясняющее ея исторію см. у *В. В.* Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886 г.; его же. Артель въ мелкомъ промыслѣ. Спб, 1895 г. и *Н. Езерскаго.* Кустарная промышленность и ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ. М. 1894 г.

III.

Пути сообщенія.—Сухопутныя дороги, шоссе, желѣзныя дороги, рѣки и каналы.—Общій характеръ развитія русскихъ путей сообщенія.—Развитіе почтовыхъ сношеній.—Внутренняя торговля.—Цѣны за провозъ товаровъ.—Медленность товарнаго обращенія. — Караванный и ярмарочный характеръ торговли.—Изолированность мѣстныхъ рынковъ и разнообразіе мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ, какъ наиболѣе характерный признакъ этой изолированности. — Внѣшняя торговля.—Ея пассивный характеръ.—Роль иностранцевъ во внѣшней торговлѣ Новгорода и Москвы.—Успѣхи и стремленія русскаго купечества со второй половины XVII в.— Медленность въ развитіи судостроенія и торговыхъ компаній. — Увеличеніе размѣровъ вывоза и ввоза съ конца XVII в.—Дѣйствіе охранительныхъ и либеральныхъ тарифовъ. — Процентное отношеніе между главными предметами вывоза и ввоза.—Отношеніе внѣшней торговли къ внутренней.—Исторія денегъ и цѣнъ.—Кредитныя деньги (мѣдныя и бумажныя).—Частный кредитъ.—Высота процента и прибыли.—Правительственныя попытки дешеваго кредита. — Положеніе кредита въ первой половинѣ XIX вѣка и быстрое развитіе его во второй половинѣ. —Двѣ стороны въ характеристикѣ экономическаго развитія Россіи.

Экономическое развитіе страны тѣсно связано съ улучшеніемъ ея путей сообщенія. Чѣмъ безопаснѣе, легче и быстрѣе становятся сношенія между людьми, тѣмъ большее число людей соединяется между собою общими экономическими интересами. Улучшенные пути сообщенія раздвигаютъ предѣлы рынка и увеличиваютъ количество покупателей; этимъ они даютъ возможность расширить размѣры производства товаровъ, раздробить это производство на спеціальныя отрасли и распредѣлить его между производителями такъ, чтобы каждый продуктъ производился при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, т. е. возможно дешевле. И наоборотъ, усиленіе обмѣна и увеличеніе производства создаетъ потребность въ хорошихъ путяхъ сообщенія: чѣмъ больше производится и перемѣщается въ странѣ товаровъ, тѣмъ выгоднѣе становится

затратить часть капитала на постройку дорогъ, удешевляющихъ доставку этихъ товаровъ и открывающихъ имъ доступъ къ отдаленному потребителю. Посмотримъ же, имѣя въ виду эту взаимную связь, о какой степени промышленнаго развитія свидѣтельствуютъ пути сообщенія древней Россіи.

Можно сказать съ увѣренностью, что на всемъ протяженіи своей исторіи, до самаго послѣдняго времени, Россія не знала искусственныхъ путей сообщенія. О непроходимости русскихъ сухопутныхъ дорогъ единогласно свидѣтельствуютъ иностранные путешественники XVI и XVII столѣтія. Административная нужда заставила Петра Великаго выстроить «перспективную дорогу» между обѣими столицами; но и эта дорога, укрѣпленная въ топкихъ мѣстахъ фашинникомъ и бревенчатой настилкой, безпрестанно портившаяся и чинившаяся на протяженіи всего XVIII вѣка, едва ли была бы причислена, по теперешней терминологіи, къ «искусственнымъ» дорожнымъ сооруженіямъ. Шведскія дороги Балтійскаго края оставались втеченіе всего прошлаго столѣтія недосягаемымъ образцомъ, которому правительство тщетно приказывало подражать; и еще Екатеринѣ II пришлось распорядиться, чтобы рядомъ съ искусственнымъ полотномъ дороги оставлялись по сторонамъ широкія полосы грунта, на которыя можно было бы сворачивать съ непроходимой казенной дороги, не рискуя свалиться въ канаву. Только при Александрѣ I, въ 1816 г., начинается постройка шоссейныхъ дорогъ, и только къ 1830-му году была окончена первая изъ нихъ, между Москвой и Петербургомъ. Какъ недалеко ушло съ тѣхъ поръ построеніе шоссейныхъ дорогъ, видно изъ того, что тридцать лѣтъ спустя, въ шестидесятыхъ годахъ, въ Россіи считалось всего около 8.000 верстъ шоссейнаго пути *); въ слѣдующее же тридцатилѣтіе шоссейныя сооруженія развивались еще медленнѣе, такъ что теперь (1893) общая длина поднялась только до $11^1/_2$ тыс. верстъ. Это—втрое меньше длины большихъ шоссейныхъ дорогъ маленькой Англіи и слишкомъ въ 20 разъ меньше количества французскихъ шоссе,—если брать абсолютныя цифры. Если же взять отношеніе этихъ цифръ къ величинѣ страны, то въ Россіи шоссейныхъ дорогъ окажется въ сотни разъ меньше западной Европы. Правда, такая задержка въ устройствѣ шоссейныхъ путей совпадаетъ съ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ русской желѣзнодорожной сѣти. Первая русская желѣзная дорога (1838) послѣдо-

*) Въ томъ числѣ 6.000 верстъ приходилось на большую дорогу отъ Петербурга до Иркутска черезъ Москву и 1.000 верстъ отъ Петербурга до австрійской границы черезъ Варшаву.

вала очень скоро за первымъ русскимъ шоссе (1830); черезъ тридцать лѣтъ (1867) длина желѣзнодорожнаго пути составляла уже болѣе половины длины шоссейныхъ сообщеній (4.700 верстъ), а въ слѣдующее неполное тридцатилѣтіе (1894) она увеличилась еще въ $6^1/_2$ разъ (до 30 тыс. верстъ или $33^1/_2$ тыс. километровъ) и стала почти втрое превосходить длину нашихъ шоссе. Съ этой послѣдней цифрой желѣзныхъ дорогъ Россія приближается къ Англіи (32,7 тыс. кил.) и Франціи (39,5 тыс. кил.); но она еще далеко отстаетъ отъ нихъ, если принять въ разсчетъ ея пространство. На тысячу квадр. километровъ приходится у насъ всего 6 километровъ желѣзнодорожнаго пути, а во Франціи 74, въ Англіи 104, т. е. въ 12 и 17 разъ больше. Втеченіе года русскими желѣзными дорогами пользуются изъ каждой сотни жителей 44 человѣка, тогда какъ во Франціи и въ Германіи всякій житель, среднимъ числомъ, по 6—7 разъ проѣдетъ по желѣзной дорогѣ, а въ Англіи даже по 21 разу, т. е. пассажирское движеніе тамъ въ 15—50 разъ сильнѣе, чѣмъ въ Россіи. То же можно сказать и о движеніи грузовъ.

Подобныя же наблюденія можно сдѣлать и относительно водяныхъ путей,—главныхъ средствъ сообщенія древней Россіи. Изъ 100 тыс. верстъ общей длины нашихъ рѣкъ, около трети (34 т.) судоходны и такое же количество удобно для сплава. Это самая большая длина во всей Европѣ, но сравнительно съ пространствомъ Россіи и она превращается въ самую малую: 35 верстъ на 100 кв. миль, тогда какъ въ Германіи эта цифра доходитъ до 119 в., во Франціи до 135 в., въ Великобританіи до 145 вер. на 100 кв. миль. Приведенныя цифры станутъ еще знаменательнѣе, если прибавимъ, что очень значительная часть европейскихъ водяныхъ путей создана искусственно. Соединительные и обходные каналы составляютъ $16^0/_0$ общей длины водяныхъ путей въ Германіи, $35^0/_0$ во Франціи и $69^0/_0$ въ Англіи. Въ Россіи эта цифра едва доходитъ до $1^0/_0$, хотя строеніе искусственныхъ водяныхъ путей началось у насъ гораздо раньше шоссе и желѣзныхъ дорогъ,—еще съ Петра Великаго. Къ началу шоссейныхъ сооруженій наша система каналовъ была уже готова въ общихъ чертахъ, но съ тѣхъ поръ она уже не развивалась дальше. Здѣсь повторилось то же, что мы видѣли съ развитіемъ шоссейныхъ дорогъ: постройка шоссе, повидимому, такъ же затормозила устройство каналовъ, какъ она сама была заторможена возникновеніемъ желѣзнодорожной сѣти. Новый способъ сообщенія не столько пополнялъ, сколько прямо замѣнялъ старый: проведенныя между тѣми же самыми главнѣйшими административными и торговыми центрами,

желѣзныя дороги лишили значенія параллельныя съ ними шоссе и отвлекли отъ рѣкъ значительную часть ихъ грузовъ. Такимъ образомъ, получилось скопленіе искусственныхъ сообщеній на главныхъ путяхъ, при полномъ почти отсутствіи ихъ на второстепенныхъ: вмѣсто того, чтобы взаимно пересѣкаться, у насъ значительная часть разнородныхъ искусственныхъ путей совпала. Только въ послѣднеее время вопросъ о соединительныхъ и подъѣздныхъ путяхъ сталъ, наконецъ, на очередь.

Пародируя извѣстное изреченіе, можно было бы сказать, что всякая страна имѣетъ такія сообщенія, какія она заслуживаетъ имѣть,—если бы только состояніе путей сообщенія опредѣлялось исключительно экономическимъ развитіемъ данной страны или ея отдѣльныхъ частей. Въ дѣйствительности, въ удобныхъ и правильныхъ сообщеніяхъ раньше населенія Россіи нуждалось ея правительство, а затѣмъ иностранные торговцы. Задолго до устройства искусственныхъ путей, правительство старалось себѣ обезпе чить возможность административныхъ сношеній со всѣми частями управляемой страны путемъ устройства казенныхъ «ямовъ». Первое устройство правильныхъ почтовыхъ сообщеній современно объединенію Руси и относится къ концу XV столѣтія. Два вѣка спустя въ распоряженіи правительства находилось до 200 почтовыхъ станцій, распредѣленныхъ между девятью ямскими дорогами, сообщавшимися со всѣми окраинами государства. Ко вступленію Екатерины II это число возросло до 574, а въ почтовомъ дорожникѣ 1829 года показано уже до 3.240 станцій. Въ допетровское время, однако, ямскія учрежденія служили исключительно потребностямъ государства. Регулярныхъ сношеній не было, и правительство пользовалось ямщиками лишь по мѣрѣ того, какъ въ этомъ являлась надобность. Частныя лица вовсе не могли пользоваться казенными «ямами». На просьбы объ этомъ англійскихъ купцовъ XVI вѣка московское правительство, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отвѣтило отказомъ. Только вѣкъ спустя, при Алексѣѣ Михайловичѣ (1663), иностраннымъ торговцамъ удалось, наконецъ, добиться устройства правильныхъ почтовыхъ сношеній съ заграницей (черезъ Ригу и Вильну) и съ единственнымъ торговымъ портомъ того времени, Архангельскомъ. Но для этого они должны были сами сдѣлаться предпринимателями новаго дѣла и вести его совершенно независимо отъ Ямского приказа, подъ наблюденіемъ тогдашняго министерства иностранныхъ дѣлъ (Посольскаго приказа). Петръ взялъ, наконецъ, русскую почту изъ рукъ иностранцевъ-предпринимателей въ руки государства; но только при Екатеринѣ II различіе между казенной и купеческой почтой

уничтожилось окончательно. Какъ быстро развивались почтовыя сношенія въ нынѣшнемъ вѣкѣ, можно судить изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1825 году одно письмо приходилось почти на 10 жителей; въ 1856 г. уже только одно на двухъ, а въ 1888 г. на каждаго жителя приходилось почти по 3 письма. Конечно, и эта послѣдняя цифра покажется незначительной, если сопоставимъ ее съ размѣрами корреспонденціи на Западѣ. Во Франціи на каждаго жителя приходится по 18 писемъ, въ Германіи по 33, въ Англіи по 53.

При отсутствіи искусственныхъ путей сообщенія до начала нынѣшняго столѣтія и правильныхъ почтовыхъ сношеній до второй половины XVII в., при извѣстномъ уже намъ низкомъ уровнѣ экономическаго развитія Россіи,—чѣмъ была древняя русская торговля? Затрудненія по перевозкѣ товаровъ она умѣла побѣждать, пользуясь лѣтомъ рѣчными путями, а зимою — санной дорогой. Характерно для тогдашняго состоянія Россіи, что оба эти способа транспорта стоили, повидимому, приблизительно одинаково, или даже сухопутная перевозка обходилась дешевле водяной. Зимняя дорога отъ Москвы до Вологды составляла нѣсколько болѣе четверти протяженія главнаго торговаго пути XVII вѣка—отъ Москвы до Архангельска (около 400 верстъ изъ 1.500). Изъ Вологды русскіе товары доставлялись обыкновенно уже водой на архангельскую ярмарку; и изъ Архангельска заграничные товары еще до замерзанія рѣкъ успѣвали добраться до Вологды, откуда они доставлялись въ Москву по новому зимнему пути. Обычная цѣна за провозъ съ пуда отъ Москвы до Архангельска была во второй половинѣ XVII вѣка (1674)—19 коп. Изъ этой суммы менѣе четверти (4 коп.) платилось за зимній провозъ отъ Москвы до Вологды, а остальныя три четверти цѣны (15 коп.) стоила доставка водой отъ Вологды до Архангельска. На версту зимней дороги это составитъ около $^1/_{100}$ коп., а на версту рѣчного пути около $^1/_{70}$ коп. Принимая въ разсчетъ, что каждая копѣйка того времени равнялась по своей покупательной силѣ семнадцати теперешнимъ, мы можемъ приравнять эти цѣны, приблизительно, $^1/_6$—$^1/_4$ нашихъ копѣекъ. Между тѣми же нормами ($^1/_{100}$—$^1/_{70}$ тогдашнихъ коп.) колебалась провозная плата за пудъ съ версты по другой большой торговой дорогѣ на Новгородъ *).

*) Съ саней, вмѣщавшихъ обыкновенно около 30 пудовъ, это составитъ $^3/_{10}$—$^3/_7$ коп. съ версты. Казенные прогоны по указу 1627 г. равнялись $^3/_{20}$ к. съ подводы и версты, т. е. были въ 2 — 3 раза меньше. На наши деньги это составитъ около 5—7 коп. торговой платы и около $2^1/_2$ коп. ка-

Сравнительно съ теперешней стоимостью гужеваго провоза (около $^1/_{10}$ коп.), эти цѣны раза въ два выше, а сравнительно съ провозомъ по желѣзной дорогѣ—онѣ дороже въ 8—20 разъ. Какъ видимъ, провозъ товаровъ не удешевился сколько-нибудь значительно до самой постройки желѣзныхъ дорогъ, и не въ этой дороговизнѣ заключалось главное затрудненіе древне-русской торговли. Гораздо важнѣе была невозможность постояннаго и быстраго обращенія товаровъ, связанная какъ съ состояніемъ путей сообщенія, такъ и съ общимъ уровнемъ экономическаго развитія страны. Провезти товаръ по лѣтней дорогѣ стоило, по крайней мѣрѣ, вчетверо дороже зимняго провоза; такимъ образомъ, вся сухопутная перевозка останавливалась лѣтомъ. Обмѣнъ товаровъ между внутреннимъ и внѣшнимъ рынкомъ совершался одинъ разъ въ годъ, и этотъ однократный оборотъ производился на протяженіи полугода для иностранныхъ купцовъ и цѣлаго года для русскихъ. Періодичность и медленность товарнаго оборота создала въ Россіи тѣ же формы торговли, которыя вообще свойственны примитивному экономическому быту. Передвиженіе товаровъ въ странѣ приняло форму *караваннаго* транспорта, наиболѣе приспособленнаго къ недостаточной безопасности русскихъ дорогъ и къ періодической массовой перевозкѣ товаровъ. Необходимость скоплять товары въ извѣстное время года въ извѣстномъ мѣстѣ создала періодическіе съѣзды купцовъ и покупателей, а это придало торговлѣ *ярмарочный* характеръ. Наконецъ, неустойчивость и непостоянство торговыхъ связей заставили торговцевъ смотрѣть на каждую отдѣльную сдѣлку, какъ на первую и послѣднюю въ своемъ родѣ, и этимъ опредѣлили низкій уровень сословной нравственности, вошедшій въ пословицу и у иностранныхъ, и у своихъ наблюдателей. Всѣ эти явленія, конечно, начинаютъ теперь исчезать съ уничтоженіемъ породившихъ ихъ условій. Караваны и ярмарки теряютъ свой смыслъ съ появленіемъ дешеваго, быстраго и регулярнаго пароваго транспорта; поэтому, несмотря на общее оживленіе промышленной жизни, ярмарочные обороты или стоятъ въ послѣднее время на одной точкѣ, или, съ начала прошлаго десятилѣтія, начинаютъ довольно быстро уменьшаться. Осѣдлая торговля развивается повсюду на счетъ ярмарочной; мѣстные рынки теряютъ свою замкнутость и сливаются мало-по-малу въ одинъ общій рынокъ, подчиняющійся общимъ условіямъ русской и даже всемірной промышленной жизни. Лучшимъ признакомъ та-

---

зенной. Послѣдняя цифра совершенно соотвѣтствуетъ среднимъ прогонамъ «Почтоваго Дорожника» 1850 года.

кого объединенія рынка является установленіе однообразныхъ цѣнъ на товары, которые до того подчинялись разнообразнымъ условіямъ производства и сбыта на мѣстныхъ, болѣе или менѣе ограниченныхъ рынкахъ. У насъ, въ Россіи, движеніе хлѣбныхъ цѣнъ—вотъ тотъ пульсъ, который всего нагляднѣе можетъ свидѣтельствовать, насколько быстро совершается кровообращеніе въ русскомъ экономическомъ организмѣ. Громоздкій и капризный товаръ, хлѣбъ, только при болѣе или менѣе совершенномъ объединеніи рынка, можетъ быстро приспособляться къ колебаніямъ рыночной цѣны. Поэтому, изолированность мѣстныхъ рынковъ скорѣе всего отзовется разнообразіемъ мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ. Въ XVI и XVII вв. разница *въ 4—6 разъ* между мѣстными цѣнами ржи составляла самое обычное явленіе; иногда даже въ сосѣднихъ мѣстностяхъ (напр. Москва и Кашира или Суздаль; Новгородъ и Олонецкая губ.) цѣны разнились втрое. Въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка цѣна четверти ржи колебалась между 30 к. (Ливны, Пронскъ и Алатырь) и 2 р. 24 к. (Псковъ); средними же цѣнами для юго-востока были около 50 к., а для сѣверо-запада около 1 р. 50 к. за четверть. Другими словами: при средней разницѣ *въ три раза*, въ отдѣльныхъ случаяхъ хлѣбныя цѣны колебались до $7^1/_2$ разъ. Еще сто лѣтъ спустя (1847—1853), низшая средняя цѣна четверти (въ Оренб. г.) была 1 р., а высшая (въ Петерб. г.) 5 р. 50 к., т. е. въ $5^1/_2$ разъ больше; но между юго-востокомъ и сѣверо-западомъ Россіи вообще—разница въ цѣнѣ ржи была уже не болѣе, чѣмъ *вдвое*. Въ степной полосѣ рожь стоила 2 р. за четверть, а въ сѣверной полосѣ около 4 р.; центральная полоса занимала промежуточное положеніе съ цѣнами $2^1/_2$—$3^1/_2$ р. Наконецъ, въ 1881—87 гг. въ тѣхъ же мѣстностяхъ цѣны ржи были: въ степной полосѣ 64 к. за пудъ, на сѣверѣ—около рубля, въ центральныхъ губерніяхъ—отъ 74 до 90 коп. за пудъ. Другими словами: теперь цѣны разнятся не болѣе, какъ въ *полтора раза*; и даже разница между самой высокой цѣной (Петерб. 1 р. 22 к. за пудъ) и самой низкой (Уфим. 50 к.) составляетъ менѣе $2^1/_2$. Русскій хлѣбный рынокъ очень быстро приспособляется теперь къ колебаніямъ хлѣбныхъ цѣнъ на всемірномъ рынкѣ, но ему далеко еще до того, чтобы, подобно Америкѣ, регулировать эти цѣны самостоятельно. Вынужденная продажа хлѣба производителями по низкимъ осеннимъ цѣнамъ и вынужденная покупка его по высокимъ весеннимъ — составляетъ первое препятствіе для участія Россіи въ созданіи международныхъ цѣнъ; но главная причина пассивной роли Россіи на международномъ рынкѣ заключается, конечно, въ общихъ

условіяхъ русской экономической жизни, вызывающихъ и только-что упомянутую покупку и продажу.

Изолированность мѣстныхъ рынковъ, караванный характеръ перевозки товаровъ и ярмарочный характеръ ихъ продажи и покупки—таковы, слѣдовательно, типическія черты старинной внутренней торговли Россіи. Мы уже знаемъ, что всѣ эти черты свидѣтельствуютъ о слабости обмѣна и незначительности оборотовъ внутренней торговли. Естественно, что, чѣмъ дальше мы углубляемся въ историческое прошлое Россіи, тѣмъ болѣе эта внутренняя торговля отодвигается на второй планъ, и тѣмъ замѣтнѣе преобладаетъ надъ нею торговля внѣшняя. Этотъ видъ торговли не зависитъ отъ размѣровъ потребностей данной страны, а только отъ размѣра потребностей другихъ народовъ, ищущихъ въ этой странѣ своего удовлетворенія. Вокругъ Россіи во все время ея историческаго существованія всегда были на-лицо народности съ болѣе развитыми потребностями, чѣмъ она сама. Очевидно, и торговля съ этими народностями должна была существовать, но только эта торговля носила не активный, а чисто пассивный характеръ. Другими словами, иностранные потребители нуждались въ русскихъ товарахъ, а не русскіе въ иностранныхъ: поэтому, вывозъ русскихъ товаровъ долженъ былъ преобладать надъ ввозомъ заграничныхъ, и самое веденіе торговли должно было находиться въ рукахъ иностранныхъ посредниковъ. Этими чертами и отличается внѣшняя торговля древней Россіи.

Торговые интересы привели иностранныхъ промышленниковъ и авантюристовъ на рѣчные пути внутренней Россіи, положивъ такимъ образомъ начало русской государственности. На успѣхахъ внѣшней торговли основывался и кратковременный блескъ кіевскаго юга, обѣднѣвшаго и потерявшаго политическій вѣсъ вмѣстѣ съ разстройствомъ этой торговли. Какую важную роль играли въ кіевской торговлѣ иностранные купцы,—объ этомъ, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, мы можемъ только догадываться. Зато роль иноземныхъ посредниковъ въ новгородской торговлѣ является уже совершенно ясной. «Готскій» и «нѣмецкій» дворы, основанные въ XII вѣкѣ купечествомъ Готланда и Любека, а въ XIV вѣкѣ соединившіеся въ вѣдомствѣ городскаго ганзейскаго союза,—на нѣсколько столѣтій монополизировали всю русскую торговлю, шедшую черезъ Новгородъ. Попытка новгородцевъ создать русскую компанію «заморскихъ гостей» не повела къ устройству своего собственнаго коммерческаго флота, и поѣздки отдѣльныхъ купцовъ за море на чужихъ корабляхъ или даже отдача своего товара на комиссію—остались разрозненными попытками частныхъ предпри-

нимателей. Новогородцамъ пришлось удовольствоваться ролью посредниковъ-монополистовъ между скупщиками товаровъ на сѣверѣ и юго-востокѣ Россіи и ганзейской конторой. Освободиться отъ владычества ганзейцевъ русской внѣшней торговлѣ удалось только тогда, когда на помощь явились иностранные конкурренты Ганзы и своими силами пробили себѣ непосредственный доступъ къ русскимъ товарамъ. Въ XV и началѣ XVI в. это были шведскіе купцы и лифляндскіе города, отвлекшіе движеніе товаровъ на сѣверъ и на югъ отъ обычнаго пути ганзейской торговли. Слѣдомъ за ними явились въ Россію и представители главныхъ промышленныхъ націй новой Европы, товарами которыхъ торговала до сихъ поръ Ганза: англичане и голландцы. Англичане имѣли для этого особыя причины, такъ какъ въ своемъ главномъ привозномъ товарѣ, сукнахъ, Ганза оказывала предпочтеніе нидерландской промышленности передъ англійской. Въ поискахъ сѣверо-восточнаго пути въ Индію нѣсколько англійскихъ кораблей попали въ Бѣлое море (1553): съ этихъ поръ завязались прямыя сношенія ихъ съ Россіей черезъ Архангельскъ. Голландцы, появившіеся въ Архангельскѣ послѣ англичанъ, нашли позицію уже занятой, получили меньше льготъ и часто должны были прибѣгать къ посредничеству англичанъ при покупкѣ русскихъ товаровъ. Русское купечество было застигнуто врасплохъ этимъ переворотомъ. Если въ Новгородѣ ему удавалось удержать въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ, посредничество въ оптовой торговлѣ русскими товарами, то въ Москвѣ оно рисковало одно время утратить и эту роль. Несравненно болѣе сплоченная, чѣмъ лѣтніе и зимніе постояльцы новгородскаго нѣмецкаго двора,—англійская компанія тотчасъ принялась за постройку своихъ конторъ въ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктахъ и разослала повсюду агентовъ, которые входили въ прямыя сношенія съ мелкими скупщиками и давали имъ за ихъ товары дороже, чѣмъ русскіе оптовые торговцы. Точно такъ же дѣйствовали и голландцы. Конечно, со стороны высшаго русскаго купечества скоро послышались жалобы, что иностранцы «оголодили» русскую землю. Въ серединѣ XVII вѣка правительство уступило, наконецъ, требованіямъ «гостей», въ услугахъ и капиталахъ которыхъ оно нуждалось для цѣлей финансоваго управленія. Иностранцы потеряли большую часть своихъ льготъ; англичане лишены были права торговать безпошлинно. По замѣчанію шведа Кильбургера (1674), «гости» стали «неограниченно управлять торговлей во всемъ государствѣ». Они хотѣли сдѣлаться исключительными посредниками между иностранными торговцами и русскими производителями и потребителями. До второй половины

XVIII в. русское законодательство ограничивало права иностранцевъ — оптовой торговлей. Стремленія до-петровскаго купечества простирались, однако, и дальше. Оно мечтало о томъ, чтобы вовсе выпроводить иностранцевъ изъ внутреннихъ городовъ Россіи, уничтожить ихъ консуловъ и агентовъ, «загородить накрѣпко дыру», продѣланную ими въ нашу землю въ видѣ извѣстной намъ коммерческой почты, — словомъ, добиться того, чтобы «какъ наши русскіе люди о ихъ товарахъ не знаютъ, такъ бы и они о нашихъ товарахъ не знали». Только объ одномъ не мечтало и въ это время русское купечество: объ активномъ вмѣшательствѣ во внѣшнюю торговлю,—о томъ, чтобы противопоставить знанію знаніе и искусству искусство, вмѣсто того, чтобы бороться на почвѣ взаимнаго невѣдѣнія. «Мнѣ кажется,—пишетъ Кильбургеръ,—что Господь Богъ, по неисповѣдимымъ причинамъ, скрываетъ еще это отъ понятія русскихъ и не показываетъ имъ выгодъ, которыя имѣетъ земля ихъ для заведенія (внѣшней) торговли». Съ помощью иностранцевъ Петръ, наконецъ, понялъ то, «что понималъ и разумѣлъ цѣлый свѣтъ» во время Кильбургера; но, несмотря на всѣ усилія, и ему не удалось опередить промышленное развитіе Россіи. Только казна вела при немъ активную торговлю за границей, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ. Торговыя компаніи, къ составленію которыхъ Петръ тщетно старался «приневолить» русское купечество, начали возникать только въ пятидесятыхъ годахъ XVIII вѣка и то не для западной, а для юго-восточной торговли, въ которой иностранцы до сихъ поръ не успѣли сдѣлаться опасными конкуррентами. Скоро оказалось, впрочемъ, что эти компаніи только злоупотребляли своимъ привилегированнымъ положеніемъ; лишенные своихъ монополій Екатериной II, они тотчасъ потеряли всякое значеніе. Только основанная въ концѣ вѣка россійско-американская компанія пользовалась прочнымъ успѣхомъ въ отдаленномъ районѣ своихъ операцій. Не повезло и русскому судостроенію. Несмотря на всѣ субсидіи, преміи и сбавки пошлинъ, оно развивалось очень туго до самаго послѣдняго времени. Еще въ 1879 году изъ каждаго рубля, полученнаго судохозяевами за привозъ и отвозъ товаровъ въ Россію, на долю русскихъ владѣльцевъ судовъ доставалось только семь копѣекъ: остальныя 93 к. получали иностранцы, и въ томъ числѣ англичане больше полтинника (54). При всѣхъ этихъ условіяхъ, торговымъ консуламъ Россіи заграницей, появившимся со времени Петра, долго нечего было дѣлать. Въ договорахъ съ торговыми державами Россія выговаривала, правда, одинаковыя льготы для обѣихъ сторонъ, но съ русской стороны этими льготами некому было пользоваться.

Со времени Петра, однако же, положеніе внѣшней торговли успѣло сильно измѣниться. Блестящая перспектива торговли на четырехъ моряхъ, нарисованная Кильбургеромъ, сдѣлалась дѣйствительностью. Къ Бѣлому и Каспійскому морямъ Петръ присоединилъ Балтійское, Екатерина II—Черное. Вмѣстѣ съ промежуточной между ними сухопутной границей оба эти моря подѣлили почти на три равныя части весь русскій привозъ и отпускъ по европейской границѣ. Чрезвычайно выросли, наконецъ, размѣры торговли. На этомъ возрастаніи мы теперь и должны остановиться.

Въ 1654—77 гг. въ единственномъ русскомъ портѣ, Архангельскѣ, обращалось товаровъ ежегодно не менѣе, чѣмъ на 750 тыс. тогдашнихъ рублей, судя по тому, что казна собирала съ нихъ, среднимъ числомъ, по 75 тыс. руб. въ годъ, а высшая пошлина была 10% . На Петровскія деньги это составитъ вдвое больше, т.-е. до 1½ милліона ежегоднаго оборота. При Петрѣ оборотъ Архангельской ярмарки доходилъ уже до 3 милліоновъ,.но благодаря переводу торговли въ Петербургъ, упалъ послѣ Петра до 300 тысячъ. Зато въ Петербургѣ оборотъ достигъ до 4 милліоновъ. Слѣдующія цифры покажутъ, какую роль игралъ въ этомъ увеличеніи ввозъ и вывозъ (въ тысячахъ рублей).

	1717—1719.		1726.	
	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ.	Ввозъ.
Архангельскъ	2.334	597	285	36
Петербургъ	269	218	2.403	1.550
Итого . .	2.613	815	2.688	1.586
Рига	—	—	1.550	540

Какъ видимъ, русскій отпускъ не возросъ на первыхъ порахъ, а только перемѣнилъ направленіе: на тѣ же 2.600 тыс. рублей вывозилось изъ Россіи товаровъ, но прежде 89% ихъ шло къ Бѣлому морю, а теперь то же количество направилось къ устью Невы. Зато иностранныхъ товаровъ стало привозиться въ Петербургъ на вдвое большую сумму. Наконецъ, кромѣ Архангельска и Петербурга, присоединился третій портъ, Рига, съ 1½ милл. вывоза и ½ милл. ввоза, несмотря на удары, нанесенные его торговлѣ войной. Такимъ путемъ общій итогъ внѣшней торговли въ 1726 г. превышалъ 4 милл. по вывозу и 2 милл. по ввозу. Къ серединѣ XVIII вѣка (1749) эти цифры выросли до 6,9 милл, и 5,7 милл. Какъ видимъ, ввозъ продолжалъ догонять вывозъ: первый увеличился въ 2,8 разъ, а второй только въ 1,7 раза. Можно было предвидѣть, что скоро Россія будетъ отпускать меньше, чѣмъ получать изъ-за-границы. Но извѣстные намъ таможенные тарифы положили конецъ этому возрастанію ввоза и сохранили торговый

балансъ въ пользу Россіи, заставивъ русскихъ потребителей отказаться отъ иностранныхъ товаровъ и удовольствоваться туземными. За вторую половину XVIII в. нашъ вывозъ и ввозъ возрастали по пятилѣтіямъ (начиная съ 1754—1758 и кончая 1799—1804) слѣдующимъ образомъ (среднія цифры ежегоднаго оборота въ милліонахъ рублей) *).

Вывозъ. . . 8 — 11 — 12 — 16 — 19 — 21 — 26 — 36 — 57 — 68
Ввозъ . . . 7 — 8 — 10 — 12 — 13 — 17 — 19 — 30 — 39 — 50.

Въ какой степени искусственно поддерживался перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ, показалъ фритредерскій тарифъ 1819 года. Въ 1820 и 1821 гг. вывозъ былъ 62 и 56 милл., а ввозъ поднялся до 69 и 58 милл. Запретительный тарифъ 1822 г. возстановилъ опять перевѣсъ вывоза. За время его дѣйствія ежегодные обороты внѣшней торговли развивались по пятилѣтіямъ (отъ 1824—1828 до 1844—1848) слѣдующимъ образомъ:

Вывозъ. . . . 56 — 65 — 69 — 84 — 101 **)
Ввозъ. . . . . 50 — 52 — 64 — 76 — 84.

Дѣйствіе либеральныхъ тарифовъ 50-хъ и 60-хъ годовъ и строго-охранительныхъ—70-хъ и 80-хъ видно будетъ изъ слѣдующаго ряда цифръ (отъ 1851—1855 до 1886—1890, въ металл. рубляхъ):

Вывозъ . . . 81 — 141 — 140 — 192 — 303 — 345 — 346 — 380
Ввозъ . . . . 74 — 120 — 121 — 212 — 364 — 326 — 304 — 224.

Какъ видимъ, тарифы 50-хъ и 60 годовъ привели къ преобладанію ввоза въ десятилѣтіе 1866—1875 гг. Затѣмъ, съ возвращеніемъ къ покровительственной системѣ, началось съ 70-хъ годовъ быстрое усиленіе вывоза и столь же быстрое паденіе ввоза.

Для дополненія характеристики русской торговли, намъ остается познакомиться съ главными предметами нашего ввоза и вывоза. Изъ общаго характера нашей экономической исторіи можно уже заключить, что предметомъ вывоза изъ Россіи были, главнымъ образомъ, ея сырые продукты. Какіе это были продукты и въ какой послѣдовательности они пріобрѣтали первенствующее значеніе въ торговлѣ, легко угадать, припомнивъ, въ какомъ порядкѣ развивалась эксплуатація природныхъ богатствъ Россіи. Пушной

*) При оцѣнкѣ этихъ цифръ, особенно трехъ послѣднихъ паръ, необходимо имѣть въ виду, что курсъ рубля во второй половинѣ XVIII вѣка падалъ. Въ 1754 г. рубль равнялся 51 голландскому штиверу, а за десять слѣдующихъ пятилѣтій средній курсъ его былъ: 45, 44, 45, 41, 42, 38, 34, 27, 28 и 28 голл. штив. О причинахъ этого паденія курса см. ниже.

**) Въ 1847 г. былъ чрезвычайный отпускъ хлѣба благодаря неурожаю въ Европѣ.

товаръ, медъ и воскъ были одной изъ главныхъ статей отпуска со времени арабовъ и норманновъ до времени Ганзы, съ тою только разницей, что дорогіе сорта мѣховъ замѣтно отступили на второй планъ уже въ XV вѣкѣ, и ганзейцы вывозили, главнымъ образомъ, заячьи и бѣличьи шкурки. Воскъ сдѣлался въ то время главной статьей вывоза, а за нимъ выступали уже продукты земледѣлія. Первыми въ ряду этихъ продуктовъ выдвинулись, однако же, не пищевыя, а техническія растенія: не хлѣбъ, а ленъ и пенька, какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ видѣ холста и канатовъ. Развитію хлѣбной торговли, занявшей первое мѣсто въ нашемъ столѣтіи, мѣшали въ прошломъ вѣкѣ безпрестанныя запрещенія правительства и плохіе пути сообщенія. Вмѣстѣ съ названными статьями и другіе сырые продукты русской природы имѣли и удержали въ вывозной торговлѣ важную роль: лѣсные продукты—строевой лѣсъ, смола, деготь; продукты скотоводства—щетина и сало, а также шерсть; наконецъ, продукты горнодѣлія—желѣзо. Какую важную роль играло сырье, какъ предметъ питанія и технической обработки, въ отпускной торговлѣ двухъ послѣднихъ вѣковъ, видно изъ слѣдующей таблицы: цифры показываютъ здѣсь процентное отношеніе между пищевыми продуктами, матеріалами для промышленной обработки, готовыми издѣліями и всѣми другими предметами отпуска.

	Жизн. припасы.	Матер. для обраб.	Издѣлія.	Проч. товары
1726	1½	43	52	3
1749	½	50	40	8½
1778—1780	8	63	20	9
1802—1804	20	66	10	4
1851—1853	36	58	2½	3
1893	56	38	4	2.

Какъ видимъ, жизненные припасы играютъ все болѣе и болѣе значительную роль въ нашемъ отпускѣ; вывозъ русскихъ техническихъ матеріаловъ начинаетъ терять въ значеніи съ середины нашего вѣка; наконецъ, потребность въ русскихъ издѣліяхъ (преимущественно льняныхъ и пеньковыхъ) на заграничномъ рынкѣ быстро уменьшается уже къ концу прошлаго вѣка, и едва замѣтно поднимается въ наше время.

Взамѣнъ нашего сырья ввозная торговля могла бы снабжать Россію продуктами своей обработывающей промышленности. Но мы знаемъ, что до Петра спросъ на эти продукты былъ довольно незначителенъ, а послѣ Петра его задерживали искусственными мѣрами: русскій потребитель былъ отданъ въ распоряженіе фабриканта, какъ до Петра онъ находился въ распоряженіи русскаго оптоваго торговца. Въ интересахъ торговаго баланса и развитія

внутренней промышленности, ввозъ иностранныхъ издѣлій насильственно сокращался, а изъ допущенныхъ къ ввозу предметовъ все болѣе и болѣе значительную роль играли матеріалы, нужные для той же промышленности. Прилагаемая таблица ввоза пояснитъ этотъ выводъ цыфрами (въ процентныхъ отношеніяхъ):

	Жизн. припасы.	Матер. для обраб.	Издѣлія.	Проч. товары.
1726	21	27	51	1
1749	25	22	44	8
1778—1780	30	19	44	7
1802—1804	40	23	32	5
1851—1853	30	50	16	4
1893	17	62	21	—

Изъ жизненныхъ припасовъ только рыба (преим. сельди) принадлежала къ предметамъ первой необходимости; кромѣ нея, ввозились преимущественно вина и колоніальные товары. Вмѣсто готовыхъ издѣлій, преобладавшихъ среди предметовъ ввоза въ прошломъ столѣтіи, въ нынѣшнемъ безусловный перевѣсъ получили матеріалы, необходимые для русскаго производства.

Сравнивая статьи русскаго привоза и отпуска, мы убѣждаемся, что русская промышленность работаетъ почти исключительно для внутренняго потребленія. Можно спорить о томъ, много или мало переплачиваетъ русскій потребитель для поддержки русскаго фабриканта; слѣдуетъ ли предпочесть національную или интернаціональную систему обмѣна и производства; удовлетворяетъ ли національная промышленность внутреннему спросу, или опережаетъ, или даже сокращаетъ его. Рѣшать эти вопросы мы не можемъ въ предѣлахъ «Очерковъ». Но, какъ бы мы ни рѣшали ихъ, несомнѣненъ самъ по себѣ одинъ основной фактъ. За два послѣдніе вѣка внутреннее потребленіе и обмѣнъ возрасли въ огромной степени. Ихъ ростъ именно и сдѣлалъ возможнымъ и развитіе промышленности, и расширеніе оборотовъ внѣшней торговли, и, вообще, весь подъемъ русской промышленной жизни. Внѣшняя торговля, по мѣрѣ этого внутренняго развитія, должна была играть все менѣе и менѣе значительную роль въ общемъ оборотѣ народнаго хозяйства. Когда въ 1753 году уничтожены были Елизаветой внутреннія пошлины, оказалось, что казна собирала ихъ, среднимъ числомъ, по 900 тыс. рублей въ годъ. Такъ какъ внутреннія сдѣлки купли-продажи облагались 5% пошлиной, то общая цѣна всѣхъ товаровъ, обращавшихся на ярмаркахъ и во всѣхъ городахъ Россіи въ срединѣ XVIII вѣка, составляла около 18 милліоновъ. Въ то же время размѣры внѣшней торговли доходили до 12,6 милліоновъ, Эти 12,6 входили, необходимо, въ составъ 18 милл. внутренней торговли, такъ какъ каждый привозный и вывозный

товаръ кончаетъ или начинаетъ тѣмъ, что побываетъ въ народномъ оборотѣ. Стало быть, внѣшняя торговля составляла въ срединѣ XVIII вѣка $^{7}/_{10}$ всего обращенія товаровъ въ странѣ. Въ наше время стоимость привоза и отпуска равняется, приблизительно, милліарду изъ четырехъ милліардовъ общаго оборота народнаго хозяйства, т. е. внѣшняя торговля составляетъ уже не болѣе $^{1}/_{4}$ внутренней. Конечно, оба разсчета гадательны: въ обоихъ внутреннее обращеніе оцѣнено, навѣрное, гораздо ниже дѣйствительности. Но именно потому, что ошибка въ обоихъ случаяхъ однородна, эти цифры могутъ все-таки дать правильное понятіе о томъ, какъ сильно уменьшилось сравнительное значеніе внѣшней торговли въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Какъ ни быстро расширялись ея обороты, развитіе внутренняго обмѣна шло, очевидно, еще быстрѣе.

Отъ исторіи внѣшней торговли мы можемъ прямо перейти къ исторіи денегъ и цѣнъ въ Россіи; и въ этой области мы найдемъ все тѣ же знакомыя намъ черты русскаго экономическаго развитія. Въ странѣ безъ рудниковъ,—а въ Россіи добываніе серебра началось только при Петрѣ, добываніе же золота только съ середины прошлаго вѣка,—въ такой странѣ единственнымъ драгоцѣннымъ металломъ долженъ быть тотъ, который получается путемъ внѣшней торговли. При недостаткѣ металла наша торговля, и внутренняя и внѣшняя, до самаго конца XVII вѣка сохраняла мѣновой характеръ: оптовые торговцы платили и кредитовали другъ другу товарами. Во внутреннемъ обмѣнѣ очень долго ходили мѣха, и еще во время Петра мы встрѣчаемъ въ русскихъ захолустьяхъ въ полномъ ходу различные денежные суррогаты. Но та же слабость экономическаго развитія помогла и накопленію въ Россіи драгоцѣнныхъ металловъ. Мы видѣли, что русскій вывозъ постоянно превышалъ ввозъ. Такимъ образомъ, въ международномъ обмѣнѣ Россія всегда была въ барышѣ: она больше продавала, чѣмъ покупала, больше получала, чѣмъ платила и, стало быть, получаемыя за этотъ излишекъ вывоза чистыя деньги постоянно оставались внутри страны.

Возрастаніе въ странѣ количества металла имѣетъ самую тѣсную связь съ исторіей монеты и цѣнъ. Драгоцѣнный металлъ, какъ и всякій другой товаръ, дешевѣетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается его количество. Это удешевленіе денегъ выражается въ постепенномъ вздорожаніи цѣнъ всѣхъ остальныхъ товаровъ. Явленіе это одинаково свойственно всѣмъ странамъ; но въ Россіи вздорожаніе цѣнъ и удешевленіе денегъ совершалось втеченіе трехъ послѣднихъ столѣтій съ такой необычайной быстротой, ко-

торой экономическая исторія Запада не можетъ противопоставить ничего подобнаго. Это и понятно: такъ какъ за этотъ короткій промежутокъ трехъ-четырехъ столѣтій Россія совершила процессъ, растянувшійся болѣе чѣмъ на тысячу лѣтъ на Западѣ. Отъ самыхъ примитивныхъ формъ экономической жизни она перешла къ самымъ сложнымъ явленіямъ современнаго денежнаго хозяйства. Четыре вѣка тому назадъ деньги были слишкомъ дорогимъ и рѣдкимъ товаромъ въ Россіи сравнительно съ Западной Европой: вотъ почему съ тѣхъ поръ цѣнность денегъ успѣла упасть и всѣ товары—вздорожать слишкомъ во сто разъ. За тотъ же промежутокъ времени въ Англіи деньги успѣли подешевѣть не болѣе, какъ въ пять разъ; и даже если мы возьмемъ вдвое большій промежутокъ,—со времени Вильгельма Завоевателя,—то и тамъ мы найдемъ цѣны только разъ въ двадцать ниже теперешнихъ.

Въ московскомъ государствѣ XVI вѣка можно было купить цѣлую избу за 30 или 50 копѣекъ, корову за три четвертака и лошадь за рубль; сани со всѣмъ приборомъ стоили не больше гривенника, а за копѣйку можно было нанять на цѣлый день работника. Одинъ русскій ученый заключилъ изъ этого, что въ московскомъ государствѣ жилось необыкновенно дешево. На самомъ дѣлѣ это значитъ, что деньги были чрезвычайно дороги, то-есть, имѣли гораздо болѣе покупной силы, чѣмъ теперь. Чтобы опредѣлить покупную силу денегъ, надо сравнить цѣны одного какого-нибудь товара въ разное время, но преимущественно такого, который самъ не терялъ и не измѣнялъ внутренней цѣны. Строго говоря, такихъ товаровъ нѣтъ, но есть товары, болѣе или менѣе подходящіе. Менѣе всего подходятъ для этой цѣли колоніальные привозные товары, такъ какъ, подобно самимъ деньгамъ, они съ теченіемъ времени быстро дешевѣли,—особенно у насъ въ Россіи. Удобнѣе всего взять для сравненія хлѣбъ,—товаръ, наиболѣе необходимый для существованія и составлявшій долгое время главную пищу населенія. Въ XV-мъ вѣкѣ на 1 рубль можно было купить столько хлѣба, сколько на 130 руб. теперешнихъ. Въ первую половину XVI вѣка цѣна хлѣба была въ 83 раза ниже теперешней, а во вторую половину вѣка—уже только 74 — 60 разъ ниже. Такимъ образомъ, въ концѣ XVI вѣка на рубль можно было купить вдвое меньше хлѣба, чѣмъ въ концѣ XV вѣка; слѣдовательно, за столѣтіе покупная сила рубля упала вдвое. За тотъ же промежутокъ времени Европа пережила цѣлый экономическій переворотъ, благодаря разработкѣ рудниковъ Новаго Свѣта. Цѣны на западѣ стали не вдвое, а раза въ четыре выше прежнихъ. Трудно сказать, было ли удешевленіе русскаго рубля въ

XVI вѣкѣ отдаленнымъ отголоскомъ этихъ европейскихъ событій, или же онъ зависѣло отъ внутреннихъ причинъ. Во всякомъ случаѣ, быстрое паденіе цѣны денегъ на европейскомъ рынкѣ могло подготовить то явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся на рубежѣ XVI и XVII столѣтій. Цѣны хлѣба поднялись въ началѣ XVII в. сразу въ пять разъ, и слѣдовательно во столько же разъ уменьшилась покупная сила рубля. Вмѣсто 60 нынѣшнихъ рублей, старинный рубль сталъ равняться всего 12-ти. Внѣшнимъ толчкомъ къ такому рѣзкому возвышенію цѣнъ было, конечно, страшное разореніе, произведенное смутнымъ временемъ; но этотъ толчокъ только помогъ ослабить старинную изолированность русскаго рынка и далъ ему случай приспособиться до нѣкоторой степени къ положенію европейскаго рынка. Вѣроятно, поэтому—результатъ оказался прочнѣе породившей его причины. Отъ разоренія, произведеннаго смутой, Россія скоро оправилась, а цѣна рубля поднялась съ 12 всего до 14 рублей теперешнихъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и до 17 къ концу столѣтія. Новое паденіе покупной цѣны рубля произошло при Петрѣ: рубль упалъ съ 17 до 9 теперешнихъ рублей. Пониженіе произошло, опять-таки, сразу и, несомнѣнно, вызвано было тѣмъ, что Петръ выпустилъ новую серебряную монету, вдвое легковѣснѣе старой. Съ тѣхъ поръ до середины XVIII вѣка рубль стоялъ на одинаковой высотѣ. Во вторую половину вѣка, послѣ новаго пониженія вѣса (мѣдной) монеты вдвое, цѣнность рубля снова начала падать, а послѣ 1788 года сразу понизилась до 5 руб. нынѣшнихъ. Объясненіе этого послѣдняго факта мы найдемъ въ томъ новомъ элементѣ, которымъ осложнилась наша денежная система въ XVIII вѣкѣ: въ неосторожномъ пользованіи государственнымъ кредитомъ.

Собственно говоря, уже Петръ Великій перешелъ отъ настоящихъ денегъ къ денежнымъ знакамъ, обращеніе которыхъ въ народѣ основывается на кредитѣ, на довѣріи къ государству. До Петра въ Россіи обращались исключительно настоящія деньги, сдѣланныя изъ драгоцѣннаго металла (серебра) и, стало быть, имѣвшія цѣну не только какъ деньги, но и какъ товаръ, Петръ замѣнилъ серебряную копѣйку мѣдной, заставивъ принимать ее по равной цѣнѣ съ серебряной копѣйкой, т.-е. сообщивъ ей принудительный курсъ. Разсчетъ правительства оправдался: курсъ мѣдныхъ копѣекъ не упалъ; но зато случилось то, что обыкновенно случается въ подобныхъ случаяхъ. При существованіи дешевыхъ мѣдныхъ денегъ, никому не выгодно было платить серебряными. Все серебро мало-по-малу исчезло изъ монетнаго обращенія, утекло въ чужія страны или было передѣлано въ вещи, и въ народномъ оборотѣ

осталась почти одна тяжеловѣсная мѣдь. При мелочныхъ расплатахъ это не представляло затрудненій, но въ крупныхъ оборотахъ расплачиваться мѣдной монетой было крайне неудобно. Необходимость облегчить обращеніе мѣдной монеты и была главной причиной, вызвавшей, по идеѣ Шувалова, первыя русскія кредитныя учрежденія (банки). Мѣдь должна была складываться въ банкахъ, а крупныя уплаты могли производиться простымъ переводомъ мѣди отъ одного предпринимателя къ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сама собой явилась мысль—замѣнить мѣдные знаки бумажными свидѣтельствами банка, которыя бы давали владѣльцу ассигновку на опредѣленную сумму мѣди. Правда, при Елизаветѣ Сенатъ нашелъ эту мысль «предосудительной» и «опасной», такъ какъ бумажки не имѣли и той «внутренней цѣны», которую все-таки имѣла мѣдь. Но мѣдныя деньги, все равно, были уже кредитными знаками: переходъ къ бумажкамъ былъ только другой формой кредита. При Екатеринѣ II переходъ этотъ совершился. Правительство основало новые «ассигнаціонные» банки въ Москвѣ и Петербургѣ (1768); «ассигнаціи» этихъ банковъ должны были замѣнить въ обращеніи мѣдную монету. Милліонъ рублей капитала былъ положенъ въ запасъ банковъ, и на ту же цѣну выпущено кредитныхъ билетовъ (не ниже 25-рублеваго достоинства). Нововведеніе, такъ хорошо обставленное, понравилось публикѣ; требованія на ассигнаціи были такъ велики, что скоро понадобились новые выпуски, такъ какъ обмѣнъ ассигнацій на металлъ былъ всегда обезпеченъ, и бумажный рубль ходилъ почти въ равной цѣнѣ съ металлическимъ. Но такой способъ создавать деньги изъ ничего, путемъ выпуска новыхъ запасовъ бумажекъ, былъ слишкомъ соблазнителенъ. Когда въ началѣ второй турецкой войны (1787) понадобились усиленные расходы, правительство стало выпускать ассигнаціи, уже не соображаясь съ размѣннымъ запасомъ металла въ банкахъ, и впервые выпустило въ обращеніе билеты 10-ти и 5-ти-рублеваго достоинства. Въ результатѣ, ассигнаціи распространились въ болѣе широкихъ кругахъ публики, но цѣна ихъ начала быстро падать. Въ концѣ царствованія Екатерины за рубль ассигнаціями давали только 68 коп.; передъ войной 1812 г. уже только 50 коп., а послѣ войны (въ связи съ новымъ уменьшеніемъ вѣса мѣдной монеты въ $1^1/_2$ раза) только 25 коп. и даже 20 (1815). Въ виду такого паденія ассигнацій, самъ собой явился независимый отъ нихъ счетъ на «рубли серебромъ». Въ 1839 г. этотъ счетъ сдѣланъ былъ оффиціальнымъ: правительство ввело теперешній «рубль серебромъ» равный 3 р. 50 к. ассигнаціями. Въ 1843 г ассигнаціи были обмѣнены на новые кредитные би-

леты, безпрепятственно обмѣнивавшіеся на серебро. Извѣстно, однако, что и съ «серебрянымъ рублемъ» повторилась та же исторія: размѣнъ на серебро прекращенъ былъ со времени крымской войны, и въ результатѣ произошло новое паденіе курса. Такова, въ общихъ чертахъ, судьба нашего государственнаго кредита.

Намъ остается теперь познакомиться съ положеніемъ частнаго кредита въ Россіи. Изъ всѣхъ явленій экономической жизни, этотъ видъ кредита развивается у насъ послѣднимъ: это и совершенно естественно, такъ какъ вообще частный кредитъ есть самый деликатный продуктъ высокаго экономическаго развитія. Отдать свой капиталъ въ чужія руки было въ древней Руси слишкомъ рискованно, да и некому, такъ какъ слишкомъ мало было промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій. Естественно, что капиталъ принималъ чаще всего форму клада: владѣлецъ предпочиталъ беречь его въ сундукѣ или даже зарыть его въ землю для лучшей сохранности. Поэтому, когда въ капиталѣ являлась надобность, не легко было найти человѣка, который бы согласился ссудить его: и отдавая свои деньги въ оборотъ, капиталистъ бралъ за рискъ чрезвычайно высокій процентъ. Въ древней Руси за ссуду обыкновенно платилось 20%. Правда, монастыри,—эти банкиры древней Россіи,—уже въ началѣ XVI в. ссужали деньги за половинный ростъ—10%. Но мы имѣемъ свѣдѣнія, что старинный двадцати-процентный ростъ былъ очень употребителенъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. При Александрѣ I частный кредитъ сплошь и рядомъ обходился въ 10% годовыхъ, тогда какъ въ Европѣ охотно довольствовались въ это время половиннымъ размѣромъ. Если такъ много нужно было заплатить, чтобы получить капиталъ въ ссуду, то употребить его въ промышленное предпріятіе могъ побудить только еще гораздо большій барышъ. Прибыль съ предпріятія должна была быть значительно выше процента съ капитала. Крупные фабриканты увѣряли еще въ 40-хъ годахъ извѣстнаго путешественника Гакстгаузена, что при 12% за ссуду, прибыль должна быть не меньше 30—35%, чтобы предпріятіе считалось доходнымъ.

Мы знаемъ, что такая высота прибыли была обезпечена русскимъ предпринимателямъ правительствомъ съ помощью таможенныхъ тарифовъ. Правительство первое позаботилось и о томъ, чтобы дать имъ дешевый кредитъ, раньше чѣмъ сама жизнь создала условія такого кредита. За отсутствіемъ кредитныхъ учрежденій, выдача ссудъ была поручена на первыхъ порахъ монетному учрежденію: монетная контора съ 1733 года начала выдавать ссуды подъ залогъ золота и серебра съ платежомъ 8%. Въ 1754 году

правительство сдѣлало первую попытку организовать спеціальныя кредитныя учрежденія для долгосрочнаго земельнаго и краткосрочнаго коммерческаго кредита. Первой цѣли должны были служить два дворянскіе банка въ Москвѣ и Петербургѣ, а второй—купеческій банкъ для торгующихъ при Петербургскомъ портѣ. Ссуды выдавались изъ 6% подъ залогъ имѣній, домовъ и фабрикъ. Такимъ образомъ, опредѣлились двѣ главныя задачи, которыя съ тѣхъ поръ неизмѣнно преслѣдовались правительственными кредитными учрежденіями: «поощреніе промышленности и поддержаніе дворянскаго достоянія» (слова гр. Канкрина). Дѣла всѣхъ этихъ банковъ шли, однако же, очень плохо до самаго уничтоженія ихъ и преобразованія въ «государственный заемный банкъ» въ 1786 году. Въ 1817 г. заемный банкъ былъ вновь преобразованъ, и въ то же время открытъ опять особый «коммерческій банкъ». Съ этихъ поръ мы получаемъ возможность слѣдить за оборотами обоихъ банковъ и можемъ составить себѣ понятіе о состояніи русскаго кредита въ первой половинѣ столѣтія. Мы видѣли, что русскіе капиталы упорно прятались отъ промышленнаго употребленія; только высокій доходъ могъ преодолѣть страхъ передъ рискомъ и принудить владѣльца отдать свои деньги въ оборотъ. Но отдать деньги въ государственное учрежденіе казалось совершенно безопаснымъ; притомъ же, онѣ не только были тамъ цѣлѣе, чѣмъ дома, а еще и давали владѣльцу безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны хотя бы небольшой процентъ. Для заграничныхъ капиталовъ этотъ процентъ, выдаваемый русскимъ банкомъ, оказывался даже больше, чѣмъ можно было получить въ то время за границей. Вотъ почему приливъ капиталовъ въ банки, и въ томъ числѣ иностранныхъ, оказался очень значительнымъ: количество частныхъ вкладовъ въ заемномъ и коммерческомъ банкахъ поднялось въ теченіе 1817—1857 гг. съ 23 милліоновъ до 300. Но охотниковъ воспользоваться для промышленныхъ цѣлей скопившимися капиталами было далеко не такъ много. Учетъ векселей пошелъ-было бойко въ первые 4 года, но тотчасъ же обнаружились злоупотребленія; правительство принуждено было принять строгія мѣры противъ неблагонадежныхъ векселей, и размѣры операціи до самой середины 40-хъ годовъ колебались около той же цифры (11 мил.), съ которой начались въ 1818 году; съ тѣхъ поръ эта цифра стала возрастать, но къ серединѣ вѣка учетъ векселей составлялъ не болѣе 4—5% всѣхъ оборотовъ заемнаго банка. А между тѣмъ банкъ учитывалъ по 8—6½% вмѣсто 15—12% учета у частныхъ банкировъ. Еще меньшихъ размѣровъ (2½% оборотовъ) достигъ учетъ товаровъ, непрерывно падавшій съ 1817 года. Такимъ обра-

зомъ, «операціи, преимущественно направленныя на оживленіе торговыхъ оборотовъ и фабричной дѣятельности», развивались крайне вяло. Важную услугу оказала торговлѣ возможность перевода денегъ черезъ коммерческій банкъ; но размѣры этой операціи тоже не возрастали замѣтно, колеблясь между 20—40 милліонами. Очевидно, и въ этомъ случаѣ банкъ удовлетворялъ только существующему спросу, не создавая новаго. Съ этими деньгами банкъ, конечно, не могъ предпринимать никакихъ оборотовъ; но и вкладовъ, отданныхъ въ процентное обращеніе, ему некуда было дѣвать. За неимѣніемъ другого дѣла, банкъ занимался операціями съ разными процентными бумагами, но это не могло дать помѣщенія его капиталамъ. Между тѣмъ, вкладчикамъ банкъ долженъ былъ платить узаконенные 5 процентовъ. Чтобы обезпечить ихъ банку, правительство съ 1825 г. распорядилось передавать капиталы коммерческаго банка въ заемный, который долженъ былъ раздавать ихъ въ видѣ ссудъ желающимъ за 6% и платить 5½% коммерческому банку. Но и въ заемномъ банкѣ было такъ же трудно обезпечить помѣщеніе капиталамъ вкладчиковъ. Спросъ на ссуды былъ и здѣсь настолько малъ, что его не хватало даже для помѣщенія денегъ собственныхъ вкладчиковъ заемнаго банка. За 1820—1857 гг. число ссудъ, выданныхъ подъ залогъ имѣній, фабрикъ и домовъ, поднялось съ 10 до 50 мил., а количество вкладовъ увеличилось за тотъ же промежутокъ времени съ 23 мил. до 62-хъ. Такимъ образомъ, деньги коммерческаго банка оказывались безусловно лишними. Чтобы задержать приливъ вкладовъ и увеличить спросъ на ссуды, банки съ 1830 года стали платить вкладчикамъ 4%, вмѣсто 5%, и выдавать ссуды за 5%, вмѣсто 6%. Но это ничуть не измѣнило положенія дѣла, и правительство, наконецъ, нашло помѣщеніе для коммерческихъ капиталовъ въ своемъ собственномъ казначействѣ. За недостаткомъ частныхъ требованій, свободные капиталы были употреблены «на разныя общественныя предпріятія и казенныя надобности». Въ моментъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій, въ 1860 году, казна была должна заемному банку 250 милліоновъ, т.-е. въ ея распоряженіи находилось почти ⅘ всѣхъ вкладовъ заемнаго банка (318 мил.).

За то въ этотъ самый моментъ въ положеніи русскаго кредита наступила рѣшительная перемѣна. Первые признаки этой перемѣны сказались въ 1857 году, когда правительство снова понизило процентъ—по вкладамъ до 3% и по ссудамъ до 4%. На этотъ разъ цѣль пониженія была достигнута: вклады быстро начали отливать и искать себѣ другого помѣщенія. Спеціальный комитетъ, назначенный для обсужденія вопроса, рѣшилъ понизить еще

процентъ—до 2%, ликвидировать существовавшіе тогда государственные банки и предоставить организацію кредита частнымъ предпринимателямъ. Съ этихъ поръ мы присутствуемъ при необычайномъ ростѣ кредитныхъ учрежденій. Независимо отъ вновь учрежденнаго Государственнаго банка, съ 60-хъ годовъ начали быстро возникать акціонерныя и общественныя кредитныя предпріятія. Изъ 10-ти дѣйствующихъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ 2 основаны въ 1862 году, остальные въ 1871—1873 гг. Изъ 39-ти коммерческихъ банковъ 7 учреждены въ 1864—1870 гг. и 21 въ 1871—1873 гг. Изъ 248 городскихъ общественныхъ банковъ до 1857 г. существовало всего 21; въ 1862 г. ихъ было 40, а къ началу 1873 г. насчитывалось уже 222. Къ тому же времени дѣйствовала уже половина нынѣ существующихъ обществъ взаимнаго кредита (52 изъ 108). Наконецъ, число сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыя начали устраиваться по образцу Шульце-Деличевскихъ съ 1866 года, дошло черезъ 20 лѣтъ до 712. Надо прибавить, что въ началѣ 80-хъ годовъ количество всѣхъ этихъ учрежденій было еще больше, чѣмъ теперь: многія изъ нихъ закрылись, не переживъ періода акціонерной горячки *).

Какъ видимъ, въ исторіи кредита мы наталкиваемся опять на то же явленіе, съ которымъ не разъ встрѣчались въ другихъ областяхъ русской экономической жизни. Послѣ крайне медленнаго роста въ теченіе вѣковъ, экономическое развитіе Россіи сразу двигается впередъ со второй половины нашего вѣка съ такой быстротой, которая не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ прошломъ. Полное измѣненіе всѣхъ условій экономическаго быта ведетъ русскую жизнь къ еще болѣе рѣшительному разрыву со всѣмъ ея прошлымъ, чѣмъ мы могли это предположить, слѣдя за перемѣнами въ количествѣ населенія и въ его разселеніи на территоріи Россіи. Но здѣсь, какъ и тамъ, мы постоянно отмѣчали и обратную сторону дѣла. Отставъ отъ своего прошлаго, Россія далеко еще не пристала къ европейскому настоящему. Въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ экономической жизни мы могли наблюдать то огромное разстояніе, которое отдѣляетъ Россію отъ наиболѣе развитыхъ странъ Европы. И, подводя теперь итогъ всему сказанному, мы опять должны напомнить, что весь этотъ грандіозный ростъ нашего промышленнаго развитія до сихъ поръ покоится на фундаментѣ, отчасти слишкомъ элементарномъ, отчасти слишкомъ искусственномъ. Русская промышленность сдѣлала колоссальные успѣхи,—

*) Въ 1883 г. насчитывалось 15 земельныхъ банковъ, 34 коммерческихъ, 306 общественныхъ, 115 взаимнаго кредита и 756 ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

но государство все еще не рѣшается предоставить ее ея собственнымъ силамъ. Русская торговля чрезвычайно расширила свои обороты; но подавляющій процентъ нашего вывоза продолжаетъ состоять изъ сырья, и въ томъ числѣ хлѣбъ составляетъ болѣе половины всей суммы. Русская желѣзнодорожная сѣть быстро достигла значительныхъ размѣровъ, но, во-первыхъ, изъ каждаго рубля, затраченнаго на желѣзныя дороги, частные предприниматели внесли только 8 коп., а остальныя 92 коп. доплатило правительство; а во-вторыхъ, главный доходъ доставляютъ желѣзнымъ дорогамъ хлѣбные грузы и сельскіе рабочіе. Обращеніе капиталовъ въ странѣ значительно усилилось, но большая часть этихъ капиталовъ употребляется для того, чтобы обернуться съ русскимъ урожаемъ: каждую осень деньги отливаютъ изъ банковъ въ провинцію, и потребность въ денежныхъ знакахъ усиливается настолько, что правительство къ этому времени дѣлаетъ усиленные выпуски новыхъ бумажныхъ денегъ. Сдѣлавъ свое дѣло, т.-е. купивъ и продавъ хлѣбъ, деньги снова возвращаются въ правительственныя и частныя кассы.

Всѣ эти признаки слабаго промышленнаго развитія такъ же ярки, какъ и тѣ черты, которыми харакеризуется быстрый промышленный ростъ Россіи. Естественно, что оба ряда противоположныхъ признаковъ повели къ двумъ противоположнымъ пониманіямъ общаго хода русской экономической жизни. Тѣ, кто обращалъ преимущественное вниманіе на *процессъ* экономическаго роста, не могли не отмѣтить полнаго сходства этого процесса съ тѣмъ, который прошла когда-то и Западная Европа. Напротивъ, тѣ, которые останавливались, главнымъ образомъ, на *результатахъ* этого процесса, не могли не быть поражены совершеннымъ своеобразіемъ этихъ результатовъ, слишкомъ мало похожихъ на тѣ, которыхъ достигла теперь Западная Европа. Съ нашей точки зрѣнія обѣ стороны спорятъ о разныхъ вещахъ, и обѣ могли бы быть правы, если бы не примѣшивали своихъ принципіальныхъ разногласій къ спору о наличности данныхъ фактовъ. Но такъ какъ весь споръ ведется именно изъ-за принципіальныхъ разногласій, а фактическое изученіе экономической исторіи до сихъ поръ играло въ немъ сравнительно второстепенную роль,—то мы и не будемъ входить здѣсь въ разборъ этого спора; онъ еще послужитъ предметомъ нашей бесѣды совсѣмъ въ другомъ отдѣлѣ этихъ «Очерковъ».

Пособіями для этого отдѣла послужили, кромѣ названныхъ раньше, слѣдующіе общіе статистическіе очерки: Военно-статистическій сборникъ, вып. IV, Россія. Спб. 1871 г. Фабрично-заводская промышленность и торговля Рос-

сіи. Изд. Д-та Торговли и Мануфактуръ (по поводу выставки въ Чикаго). Спб. 1893.—*Д. Моревъ.* Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи. Изд. 4-е, Спб. 1894. Изъ спеціальныхъ изслѣдованій: *Бржозовскій.* Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части (въ Юридическомъ сборникѣ Мейера, Казань, 1855); *Ганъ*, о почтахъ въ Россіи (въ Сборникѣ стат. свѣд. о Рос., изд. стат. отд. Имп. Р. Геогр. О., книжка II, Спб. 1854). — *А. С. Лаппо-Данилевскій.* Поверстная и указная книга Ямскаго приказа, Спб. 1890. — *В. Ключевскій.* Русскій рубль XVI—XVIII въ его отношеніи къ нынѣшнему (въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1884, I и отдѣльно).—*А. Егуновъ.* О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. М. 1855.—*Бережковъ.* О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Спб. 1879 г. (въ Зап. Истор.-фил. факульт. Спб. унив.). — *А. Никитскій.* Исторія экономическаго быта великаго Новгорода, Чтенія Общ. Ист. и Др. 1893, I—II).—*Костомаровъ.* Очеркъ торговли Моск. госуд. въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862.—*Кильбургеръ.* Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какимъ образомъ оная производилась черезъ всю Руссію въ 1674 году, перев. Языкова. Спб. 1820.—*Ф. Г. Вирстъ.* Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею Россійской имперіи, перев. И. Степанова, Спб. 1807.—*Заблоцкій.* Сравнительное обозрѣніе внѣшней торговли Россіи за послѣднія 25 лѣтъ (1824—1848) въ Сб. стат. свѣдѣній о Россіи, кн. I, Спб. 1851.—*Небольсинъ.* Стат. обозрѣніе внѣшней торговли Россіи. Спб. 1850. 2 части.—*В. Гольдманъ.* Русскія бумажныя деньги. Спб. 1867.—*Е. Ламанскій.* Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 годъ и *его же* Статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій съ 1817 г. до настоящаго времени (обѣ статьи въ Сб. статистич. свѣдѣній о Россіи, кн. II, Спб. 1854).—*И. Кауфманъ.* Статистика русскихъ банковъ. Спб. 1872 (ч. 1-я). Статьи о «банкахъ» и «желѣзныхъ дорогахъ» въ Энциклопедич. словарѣ Арсеньева и Петрушевскаго.

Очеркъ третій. Государственный строй. (Войско, финансы, учрежденія).

I.

Отношеніе между государственнымъ и соціальнымъ строемъ у насъ и на западѣ.—Причины ранняго усиленія государства въ Россіи.—Военный характеръ Московскаго государства. — Связь между военными потребностями и возвышеніемъ военныхъ налоговъ въ 1490-хъ, 1550-хъ, 1620-хъ, 1680-хъ и 1700—20-хъ годахъ. — Военныя нужды и расходы послѣ Петра.—Пропорціональное значеніе военныхъ расходовъ въ бюджетѣ. — Другія государственныя потребности и соотвѣтствующія имъ статьи расходовъ. — Содержаніе двора. — Финансы и государственное хозяйство. — Незначительность расхода на выполненіе высшихъ государственныхъ задачъ.

Предъидущіе очерки познакомили насъ съ матеріаломъ, изъ котораго созидалось зданіе русской общественности. Теперь отъ матеріала намъ предстоитъ перейти къ самой постройкѣ. Стиль общественныхъ формъ, также какъ и архитектурныхъ, находится въ самой тѣсной зависимости отъ качества матеріала, употребленнаго въ дѣло. Зная первобытность основъ русской экономической жизни, мы уже не будемъ ожидать какой-либо сложности и законченности отъ русской общественной организаціи.

Прямымъ послѣдствіемъ примитивности нашего стариннаго экономическаго строя является тотъ порядокъ, въ которомъ намъ придется вести дальнѣйшее изложеніе. Изучая культуру любого западно-европейскаго государства, мы должны были бы отъ экономическаго строя перейти сперва къ соціальной структурѣ, а затѣмъ уже къ государственной организаціи. Относительно Россіи удобнѣе будетъ принять обратный порядокъ, т.-е. съ развитіемъ государственности познакомиться раньше, чѣмъ съ развитіемъ соціальнаго строя.

Дѣло въ томъ, что у насъ государство имѣло огромное вліяніе на общественную организацію, тогда какъ на Западѣ обществен-

ная организація обусловила государственный строй. Европейское общество строилось, такъ сказать, извнутри, органически, отъ низшихъ этажей къ высшимъ. Фундаментъ этой исторической постройки,—крестьянство,—сложился въ главныхъ чертахъ уже во время народныхъ переселеній VI—VIII столѣтія. Затѣмъ, на этомъ фундаментѣ надстроенъ былъ въ средніе вѣка второй этажъ—европейской феодальной аристократіи, сильной своимъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Наконецъ, только къ новому времени, путемъ упорной борьбы съ этимъ вторымъ общественнымъ слоемъ, путемъ отдѣльныхъ мелкихъ побѣдъ надъ правами и привилегіями частныхъ лицъ, сословій, провинцій, выдвинулось сильное государство, постепенно и медленно расширявшее предѣлы своего вѣдѣнія. У насъ историческій процессъ шелъ какъ разъ обратнымъ порядкомъ,—сверху внизъ. Если оставимъ въ сторонѣ Кіевскую Русь, у которой были совсѣмъ другія условія историческаго развитія,—въ сѣверо-восточной Руси представитель государственной власти, князь былъ чуть ли не первымъ осѣдлымъ жителемъ государства. Вокругъ него все находилось въ движеніи, все населеніе приходило и уходило, не связывая себя съ государемъ-владѣльцемъ земли ничѣмъ, кромѣ чисто личнаго и срочнаго уговора. Среди этого «жидкаго элемента» нашей исторіи, какъ любилъ выражаться историкъ Соловьевъ, мало-по-малу выдѣляется небольшой кругъ личныхъ помощниковъ князя, его «вольныхъ слугъ», все еще могущихъ при случаѣ и уйти къ сосѣднему князю. Когда одинъ изъ князей, московскій, поглощаетъ остальныхъ, вольные слуги переходятъ къ нему на службу; кругъ этихъ «слугъ» княжескихъ расширяется, и русское служилое сословіе пріобрѣтаетъ постоянную осѣдлость. Но и послѣ того, какъ кристаллизовался этотъ второй слой русскаго общества, фундаментъ подъ нимъ продолжаетъ колебаться; вольное крестьянство все еще бродитъ съ одной земли на другую, продолжая оставаться «жидкимъ элементомъ» русской исторіи. Только благодаря усиленнымъ совмѣстнымъ стараніямъ правительства и землевладѣльцевъ удается, наконецъ, привести и этотъ элементъ въ твердое, въ «крѣпостное» состояніе. Такимъ образомъ, у насъ государственная власть закрѣпляетъ подъ собой землевладѣльцевъ,—землевладѣльцы закрѣпляютъ подъ собой земледѣльцевъ. Этотъ-то способъ постройки надолго сохранилъ за верхомъ русскаго общества, за правительственной властью, руководящую роль въ процессѣ историческаго домостроительства. Русскому государству не только не приходилось бороться съ правами и привилегіями частныхъ лицъ и общественныхъ группъ, но оно само, какъ еще увидимъ, старалось вызвать эти общественныя

группы къ существованію и дѣятельности, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться этой дѣятельностью для своихъ собственныхъ цѣлей. Только въ самое послѣднее время русскія общественныя группы стали проявлять признаки внутренней жизни и обнаруживать склонность къ самодѣятельности, и въ то же время стало слабѣть довѣріе къ нимъ центральной власти.

Почему же все это такъ вышло? Половину отвѣта мы можемъ почерпнуть изъ сказаннаго раньше. Русское государство оказалось сильнѣе общества потому, что развитіе матеріальныхъ интересовъ не успѣло еще сплотить общество въ прочныя общественныя группы, какія давно сложились на Западѣ подъ вліяніемъ ожесточенной экономической борьбы.

Но это только половина отвѣта. Низкій уровень экономическаго развитія достаточно объясняетъ слабость сословныхъ элементовъ древней Руси. Но самъ по себѣ онъ не можетъ объяснить намъ, почему надъ сословными элементами, раньше, чѣмъ они успѣли развиться, сложилось сильное государство. Это государство было, конечно, тоже продуктомъ той же экономической неразвитости, замѣной несуществовавшихъ элементовъ соціальной организаціи: но зачѣмъ понадобилась эта замѣна, при какихъ условіяхъ экономически неразвитая страна могла почувствовать потребность въ сильной общественной организаціи? Этихъ условій мы должны, очевидно, искать *внѣ* органическаго, внутренняго роста общественной жизни. Русская государственная организація сложилась раньше, чѣмъ могъ ее создать процессъ этого внутренняго роста самъ по себѣ. Она была вызвана къ жизни *внѣшними* потребностями, насущными и неотложными: потребностями самозащиты и самосохраненія. Матеріальныя средства государства, его экономическое развитіе такъ и остались незначительными; но государственныя потребности росли внѣ всякой пропорціи съ этими матеріальными средствами. Надо было защищать собственное существованіе: слѣдовательно, надо было найти для этого средства. Для *этого* надо было даже ихъ вызвать, создать, если ихъ не оказывалось на лицо; для этого приходилось, хотя бы искусственно, развивать общественную самодѣятельность. Такимъ образомъ, благодаря настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ и создалось всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ; вслѣдствіе самой этой скудости оно должно было напрягать всѣ силы своего населенія; а чтобы распоряжаться всѣми силами его, оно и должно было сдѣлаться всемогущимъ. Несомнѣнно, стало быть, что сильное русское государство было продуктомъ экономической неразвитости, но столь же несомнѣнно, что продуктъ

этотъ могъ получиться только при наличности нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій, существенно повліявшихъ на народную жизнь.

Что же это были за неотложныя надобности, заставившія сосредоточить всю власть и всѣ матеріальныя средства сѣверо-восточной Руси въ рукахъ великаго князя московскаго? Для отвѣта надобно только вспомнить историческія обстоятельства того времени, когда сформировалась эта московская диктатура, т.-е. XIV—XV вѣковъ. Золотая орда, мирно уживавшаяся прежде, во времена своего могущества, съ своими данниками—русскими князьями, рѣшительно разлагалась съ половины XIV в.; на ея мѣстѣ возникали самостоятельные татарскіе улусы: крымскій, нагайскій, казанскій. Слишкомъ слабые, чтобы удержать Русь въ прежней зависимости и заставить ее платить прежнюю дань, которая платилась въ Золотую Орду, эти новыя ханства были, однако, достаточно сильны, чтобы постоянно тревожить Русь своими набѣгами, опустошать, грабить и брать въ плѣнъ русское населеніе, подвергать опасности казну, а иногда даже и личность московскаго князя. Въ то же время съ запада надвигался все ближе и ближе литовскій сосѣдъ, захватывавшій одно за другимъ бывшія русскія княжества и подошедшій, наконецъ, въ XV в. къ самой теперешней Московской губерніи (со стороны Смоленской и Калужской).

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, Москва становится съ конца XV вѣка настоящимъ военнымъ станомъ, главнымъ штабомъ арміи, опирающейся на русскій сѣверъ и дѣйствующей на три фланга—на югъ, на востокъ и на западъ. Московскіе князья поневолѣ отвлекаются отъ своихъ хозяйственныхъ заботъ и принимаются за устройство военнаго дѣла. Въ области внутренняго управленія ихъ интересы все болѣе и болѣе сводятся къ добыванію средствъ, необходимыхъ для содержанія войска. Войско и финансы,—вотъ два главные предмета,—или, скорѣе, двѣ разныя стороны одного и того же предмета,—всецѣло поглощающіе съ этихъ поръ вниманіе московскаго правительства. Съ конца XV вѣка до времени Петра Россія пять разъ переживаетъ коренную ломку во всемъ строѣ своего государственнаго управленія: въ 1490-хъ, 1550-хъ, 1620-хъ, 1680-хъ и 1700—1720-хъ годахъ. И всякій разъ въ основѣ ломки лежитъ необходимость финансоваго переустройства; а необходимость финансоваго переустройства вызывается, въ свою очередь, новыми, болѣе дорогими, чѣмъ прежде, улучшеніями въ техникѣ военнаго дѣла.

Позднѣе, при характеристикѣ русскихъ учрежденій, мы вернемся ко всѣмъ этимъ важнымъ моментамъ русской административной исторіи. Въ ближайшемъ отдѣлѣ мы познакомимся и съ

существенными реформами въ области финансовой организаціи, произведенными въ каждый изъ перечисленныхъ моментовъ. Но на основной причинѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ въ административномъ и финансовомъ устройствѣ мы должны остановиться теперь же. Причиной этой служила, какъ мы уже сказали, необходимость въ періодическихъ усовершенствованіяхъ военной техники; а ближайшимъ послѣдствіемъ, вытекавшимъ изъ этой причины, было періодическое назначеніе новыхъ спеціально-военныхъ податей, становившихся все выше и тяжелѣе для народа съ каждой новой реформой.

Уже съ самаго начала систематической борьбы съ сосѣдями, со времени Ивана III, къ прежнимъ «вольнымъ слугамъ» или дѣтямъ боярскимъ, составлявшимъ старинный «дворъ» московскаго князя, прибавляются такіе же отряды изъ присоединенныхъ городовъ. Всѣ сколько-нибудь зажиточные мѣстные землевладѣльцы-вотчинники вербуются въ составъ «дѣтей боярскихъ». Казна начинаетъ усиленно раздавать казенныя земли подъ условіемъ службы (въ помѣстья), не стѣсняясь въ выборѣ «помѣщиковъ», давая землю даже холопамъ. Навербованный такимъ образомъ запасъ составляетъ дворянскую конницу—главную часть арміи древней Руси; отъ времени до времени запасъ этотъ провѣряютъ, составляютъ списки служилыхъ «дѣтей боярскихъ», помѣщиковъ и вотчинниковъ, и все строже начинаютъ опредѣлять ихъ служилыя обязанности. Но одной конницы недостаточно; въ войнахъ на западной границѣ москвичи давно уже встрѣчаются съ отрядами пѣхоты, вооруженной послѣдней европейской новинкой,—огнестрѣльнымъ оружіемъ. И вотъ на службѣ московскаго князя является небольшой отрядъ «пищальниковъ», переименовываемыхъ съ середины XVI в. въ «стрѣльцы». Этотъ отрядъ обходится уже значительно дороже дворянской конницы. Дворяне и дѣти боярскіе служатъ съ своихъ земель; небольшія денежныя приплаты они получаютъ только въ случаѣ дѣйствительной службы, т.-е. въ нѣсколько лѣтъ разъ. Напротивъ, наемной пѣхотѣ, спеціалистамъ ружейной стрѣльбы, приходится платить постоянное, ежегодное жалованье. Такимъ образомъ, военной службы натурой оказывается недостаточно; правительству становятся нужными деньги.

Съ конца XV вѣка, кромѣ старинной «дани» и переводившейся иногда на деньги ямской повинности, правительство не брало съ плательщиковъ никакихъ постоянныхъ прямыхъ налоговъ. Съ увеличеніемъ войска значительнымъ отрядомъ пѣхоты, безъ постоянныхъ налоговъ обойтись было уже нельзя. Правительство Ивана IV создаетъ въ срединѣ XVI вѣка цѣлый рядъ спеціальныхъ военныхъ

податей. На содержаніе «пищальниковъ» начинаютъ взиматься «пищальныя деньги»; на изготовленіе пороха для ружей—«емчужныя» (селитряныя). Вмѣстѣ съ тѣмъ назначается особый налогъ на «городовое» и на «засѣчное дѣло», т.-е. на постройку укрѣпленій и засѣкъ (наваленнаго лѣса) на южной границѣ. Наконецъ, издержки на выкупъ изъ плѣна русскихъ, ежегодно становившихся жертвой татарскихъ набѣговъ, начинаютъ разлагаться на жителей и становятся постояннымъ налогомъ подъ названіемъ «полоняничныхъ денегъ». Таковы подати Ивана IV, прямо или косвенно связанныя съ войной. Мы скоро увидимъ, какими административно-финансовыми перемѣнами сопровождалось ихъ введеніе.

Въ XVII вѣкѣ содержаніе войска становится еще дороже, чѣмъ въ XVI в. Уже въ концѣ XVI вѣка правительство начинаетъ выписывать изъ-за границы отряды тѣлохранителей. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ иностранные офицеры и солдаты нанимаются уже цѣлыми полками; начинается обученіе и русской пѣхоты и конницы иноземному строю. Старые военные налоги становятся и сами по себѣ недостаточными, а съ обезцѣненіемъ денегъ въ смутное время ихъ доходность падаетъ еще въ пять разъ (см. стр. 105). Поэтому, тотчасъ по окончаніи смуты правительство, не уничтожая старыхъ налоговъ, создаетъ рядомъ съ ними новые, несравненно болѣе тяжелые. Старую ямскую подать населеніе платило въ размѣрѣ 10 руб. съ податной единицы («сохи», см. стр. 132). Теперь рядомъ съ этой «малой» ямской вводится другая, такъ называемая «большая» ямская подать, доходившая до 800 руб. съ той же единицы, т.-е. въ 80 разъ большая. Рядомъ съ старыми «пищальными деньгами» возникаютъ новыя,—«стрѣлецкія», составлявшія въ разные годы отъ 90 до 240 руб. съ сохи, а во второй половинѣ XVII вѣка поднявшіяся до 700—800 руб. Наконецъ, при каждой экстренной военной нуждѣ казна начинаетъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ военнымъ налогамъ, не прекращающимся до самаго Петра.

Съ помощью всѣхъ этихъ средствъ,—къ которымъ надо еще прибавить принудительные займы у подданныхъ и порчу монеты въ особенно критическихъ обстоятельствахъ,—правительству удается сводить кое-какъ концы съ концами. Но во второй половинѣ XVII вѣка условія военной борьбы снова измѣняются. По мѣрѣ военныхъ успѣховъ, границы Россіи далеко раздвигаются на западъ, югъ и востокъ отъ Московской губерніи. Москва уже не можетъ болѣе оставаться главной военной квартирой, какою она была, пока война велась въ сосѣднихъ губерніяхъ. Помѣщиковъ и вотчинниковъ срединной Россіи приходится теперь посылать

ежегодно далеко отъ ихъ родины, отъ «замосковныхъ» городовъ центральнаго междурѣчья, куда-нибудь въ Кіевъ или въ Курскую губернію. И для нихъ, и для правительства это оказывается одинаково неудобнымъ. Въ то же время и техническіе успѣхи военнаго дѣла въ Европѣ далеко оставляютъ позади эту архаическую конницу дворянъ и дѣтей боярскихъ. Правительство, поэтому, одновременно рѣшается перенести свои военные штабы изъ Москвы на новыя окраины, и на этихъ окраинахъ, на мѣстѣ, сформировываетъ новые военные полки изъ жителей городовъ и уѣздовъ, приписанныхъ къ каждому изъ такихъ мѣстныхъ штабовъ. Полки эти, призванные замѣнить старую дворянскую конницу, обучаются уже по новымъ правиламъ «драгунской и рейтарской» службы. Послѣ выучки новобранцы распускаются по домамъ, но при первой надобности собираются подъ знамена въ заранѣе указанные каждому города, ближайшіе къ его мѣсту жительства. Въ городахъ, служащихъ мѣстомъ сбора, на этотъ случай поселяются на постоянное житье офицеры изъ иностранцевъ. На такихъ же основаніяхъ переформировывается и пѣхота: «стрѣльцовъ» постепенно вытѣсняютъ къ концу вѣка обученные иноземному строю «солдатскіе полки».

Съ замѣной старинной конницы дѣтей боярскихъ и стрѣлецкой пѣхоты новой конницей драгуновъ и рейтаровъ и солдатской пѣхотой, расходъ на содержаніе войска увеличился втрое. Въ началѣ XVII вѣка правительство врядъ ли тратило ежегодно, среднимъ числомъ, болѣе 250 тысячъ на армію ($3^1/_2$ милліона на наши деньги). Къ концу вѣка (1680) этотъ расходъ можно смѣло считать въ 750 тысячъ рублей ($12^3/_4$ милліона на наши деньги). Въ то время это была цѣлая половина бюджета. Къ какимъ перемѣнамъ въ области финансовой администраціи повело такое увеличеніе расхода, мы увидимъ впослѣдствіи.

Новый періодъ быстраго роста военныхъ расходовъ начался при Петрѣ Великомъ. Раздѣлавшись окончательно со стрѣльцами, онъ съ самаго начала XVIII в. призвалъ подъ ружье мѣстные полки, сообщилъ имъ внѣшній видъ и строй регулярной европейской арміи и продержалъ ихъ въ походахъ до самаго конца своего царствованія. Постоянно передвигаемые и комплектуемые новыми наборами, петровскіе полки скоро потеряли характеръ мѣстныхъ ополченій, какими были полки XVII вѣка, набиравшіеся, обучавшіеся и управлявшіеся мѣстными штабами. Русская армія окончательно выдѣлилась въ особую, ничѣмъ не связанную съ землей общественную группу, содержаніе которой легло новой тяжелой обязанностью на мирныхъ обывателей. Пока длилась вой-

на, Петръ покрывалъ добавочные расходы на войско новыми чрезвычайными налогами, значительная часть которыхъ превратилась скоро въ ежегодные сборы. По окончаніи войны рѣшено было не распускать арміи по домамъ, а расквартировать ее по всей Россіи, разложивъ расходы по ея содержанію на жителей въ формѣ новаго налога. Расквартировка, правда, не удалась ни Петру, ни его ближайшимъ преемникамъ; но новый налогъ былъ введенъ и замѣнилъ всѣ старые прямые налоги, размѣры которыхъ онъ превосходилъ въ $2^1/_2$ раза.

Другой, совсѣмъ новой статьей военнаго расхода сдѣлалось при Петрѣ содержаніе флота, обходившееся къ концу его царствованія около 12 милліоновъ на наши деньги. Если присоединить къ этому слишкомъ 40 милліоновъ издержекъ на армію, то весь военный бюджетъ Петра опредѣлится въ 53 милліона нынѣшнихъ рублей. Сравнительно съ 13 милліонами бюджета 1680 г.— это было вчетверо больше. Если въ бюджетѣ 1680 г. военный расходъ составлялъ половину общей суммы, то при Петрѣ на армію и флотъ тратилось уже отъ $^4/_5$ до $^2/_3$ всего бюджета. Какое огромное вліяніе имѣли военные расходы Петра на реформу всѣхъ русскихъ учрежденій, мы узнаемъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ.

Послѣ Петра Великаго государственная и финансовая организація Россіи была уже настолько развита, что экстренныя военныя нужды не могли застать правительство до такой степени врасплохъ, какъ это постоянно случалось до тѣхъ поръ. Поэтому, и вліяніе военныхъ потребностей на весь ходъ правительственной дѣятельности не проявляется болѣе такъ рѣзко, какъ это было въ московскій періодъ нашей исторіи. Каждый новый значительный расходъ уже не ведетъ, какъ прежде, къ преобразованію всего государственнаго строя. Но, хотя и болѣе замаскированныя въ своемъ вліяніи, военныя нужды не перестаютъ тяготѣть надъ русскимъ бюджетомъ и составлять первѣйшую государственную потребность. Переставъ бороться за простое самосохраненіе, русское правительство XVIII в. не перестаетъ преслѣдовать задачи, непосредственно вытекавшія изъ политики XV—XVI столѣтія. Съ другой стороны, оно не сразу осваивается съ положеніемъ Россіи, какъ европейской державы: партійный разсчетъ, а иногда и увлеченіе идеей побуждаютъ его, особенно на первыхъ порахъ, гораздо чаще возвышать свой голосъ въ Европѣ, чѣмъ это требуется прямыми русскими интересами. Оба эти обстоятельства вовлекаютъ Россію XVIII и XIX в. въ цѣлый рядъ войнъ, постоянно поддерживающихъ и усиливающихъ напряженіе ея военныхъ силъ и расходовъ. При Екатеринѣ II, съ раздѣлами Польши и

присоединеніемъ Черноморья, старыя цѣли русской политики были, наконецъ, достигнуты. Но завоевательный характеръ русской политики и послѣ того не измѣнился, несмотря на болѣе или менѣе сильную примѣсь идеологіи. Участіе Россіи въ войнахъ Наполеоновскаго времени было далеко не безкорыстно, и присоединеніе Финляндіи, Польши и Бессарабіи вовсе не было навязано намъ насильно. По отношенію къ турецкимъ владѣніямъ объединительныя стремленія Россіи не были, однако, удовлетворены и пріобрѣтеніями Александра I; со времени императора Николая открылся знаменитый «восточный вопросъ», до сихъ поръ остающійся вѣчной угрозой европейскому миру. Къ этому присоединилось быстрое наступательное движеніе Россіи въ передней Азіи. Такимъ образомъ, потребность въ увеличеніи военныхъ силъ не ослаблялась ни на минуту и послѣ Петра Великаго. Количество войска, доходившее ко времени его смерти до 200 тысячъ, ко времени второй турецкой войны (1787—1791) достигло 400 тыс.; оно еще разъ удвоилось (до 800 тысячъ) въ періодъ войнъ Александра I съ Наполеономъ (1806—1812) и снова удвоилось (до 1.600.000) во время крымской кампаніи (1854—1855). Съ тѣхъ поръ оно еще увеличилось въ $1^1/_2$ раза и составляетъ теперь (въ военное время) $2^1/_2$ милліона человѣкъ, въ 12 разъ больше, чѣмъ во время Петра Великаго.

Естественно, что содержаніе арміи и флота продолжаетъ при этихъ условіяхъ быть главной статьей, требующей наибольшихъ денежныхъ жертвъ со стороны населенія. Изъ прилагаемой таблицы можно видѣть, какъ сильно возрастали военныя издержки государства. Правда, несмотря на огромное увеличеніе абсолютныхъ цифръ военнаго расхода, пропорціональное значеніе его въ государственномъ бюджетѣ постепенно уменьшается, какъ показываетъ наглядно наша діаграмма.

Во вторую половину прошлаго вѣка содержаніе арміи и флота составляло 45—50% всего расхода, въ первой половинѣ нынѣшняго 43 — 42%, а въ послѣднее пятидесятилѣтіе эта пропорція спускается до одной трети всѣхъ государственныхъ тратъ (34—31%). Но и такое пропорціональное уменьшеніе есть болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Дѣло въ томъ, что, начиная съ Петра и кончая нашимъ временемъ, не было почти ни одной войны, расходъ на которую могъ бы быть покрытъ изъ однихъ текущихъ государственныхъ доходовъ; и всегда приходилось изыскивать для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ какія-нибудь чрезвычайныя средства. Европейскія правительства съ давнихъ поръ прибѣгали въ такихъ случаяхъ къ займамъ: уже во время Петра

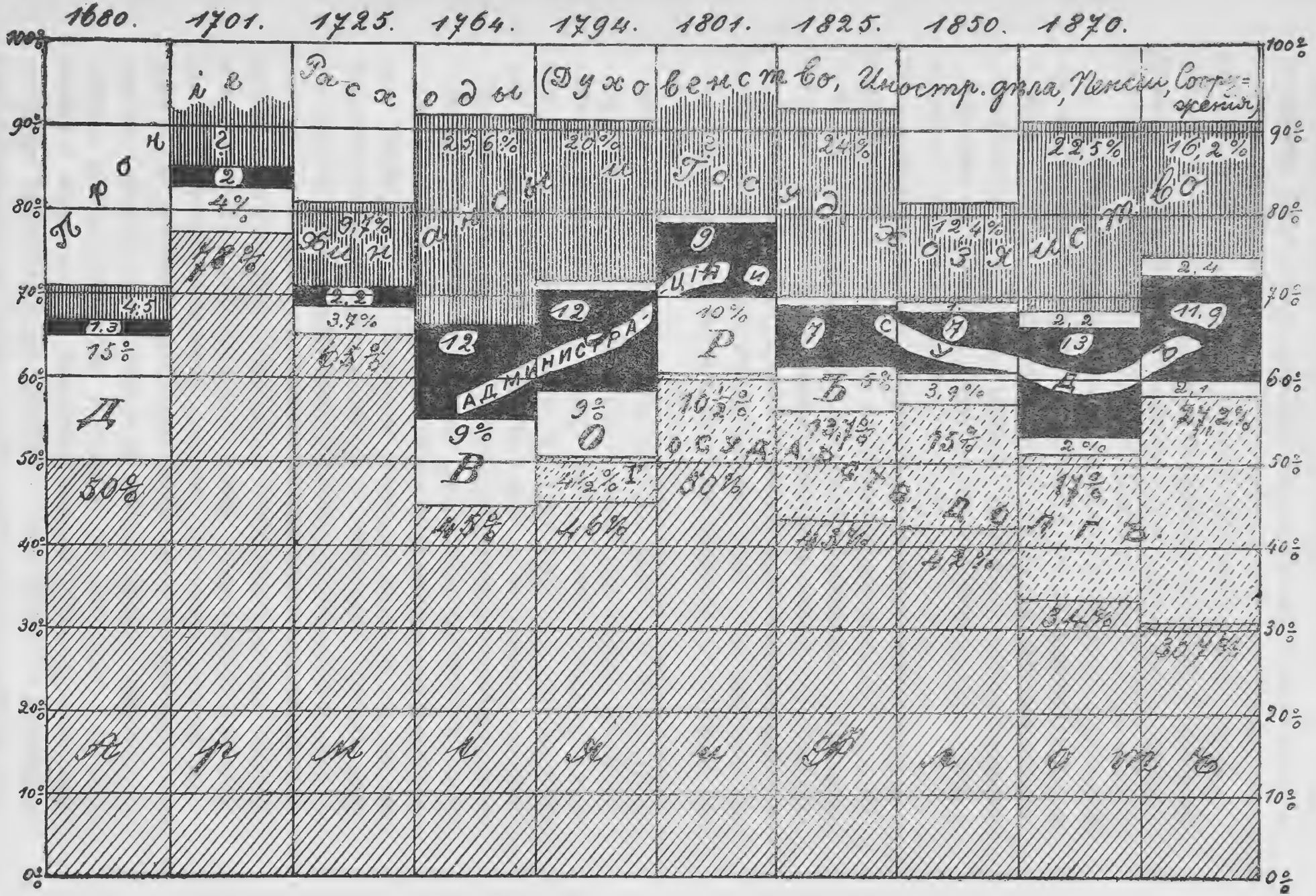

1680.
1701.
1725.
1764.
1794.
1801.
1825.
1850.
1870.
100%
90%
80%
70%
60%
50%
40%
30%
20%
10%
0%
Дворянство
Расходы
(Духовенство, Иностр. дела, Пенсии, Сооружения,
Гос. долг
Администрация
Судебная часть
Флот
Почта
Армия
Двор
Пенсии
Сооружения
Дворянство
Расходы
Духовенство
Гос. долг
Администрация
Судебная часть
Флот
Армия
Почта
Двор
Пенсии
Сооружения
Дворянство
Расходы
Духовенство
Гос. долг
Администрация
Судебная часть
Флот
Армия
Почта
Двор
Пенсии
Сооружения
Дворянство
Расходы
Духовенство
Гос. долг
Администрация
Судебная часть
Флот
Армия
Почта
Двор
Пенсии
Сооружения
Дворянство
Расходы
Духовенство
Гос. долг
Администрация
Судебная часть
Флот
Армия
Почта
Двор
Пенсии
Сооружения
Дворянство
Расходы
Духовенство
Гос. долг
Администрация
Судебная часть
Флот
Армия
Почта
Двор
Пенсии
Сооружения
Дворянство
Расходы
Духовенство
Гос. долг
Администрация
Судебная часть
Флот
Армия
Почта
Двор
Пенсии
Сооружения
Дворянство
Расходы
Духовенство
Гос. долг
Администрация
Судебная часть
Флот
Армия
Почта
Двор
Пенсии
Сооружения
2
4%
2
4,5
7,3
15%
50%
9,7%
2,2
3,7%
45%
25,6%
12
12
9%
9%
45%
20%
9%
4½%
45%
9
10%
10½%
80%
24%
12,4%
7%
5%
12½%
45%
3,9%
15%
42%
22,5%
2,2
13
2 %
14%
34%
16,2%
2,4
11,9
2,4
34,2%
30%

Таблица главныхъ статей государственнаго расхода по бюджетамъ 1680—1892 г.

(Въ милліонахъ металлическихъ рублей; кредитные и ассигнаціонные рубли переведены на серебряные по курсу соотв. года: *1794* — 1 р. асс. = 71 к., *1801*—70 к., *1825*—27 к., *1850*—1 р. кред.—98,8 к., *1870*—77 к., *1892*—66 к. Покупная или рыночная стоимость прежняго рубля сравнительно съ нынѣшнимъ не принята во вниманіе. Знаки вопроса поставлены тамъ, гдѣ мы не могли выдѣлить соотв. части расхода изъ общихъ итоговъ).

	Общій итогъ.	Армія и флотъ.	Госуд. долгъ.	Дворъ.	Финансы и гос. хоз.	Администрація и судъ.	Народное образов.
1680 г. . .	1,5	ок. 0,75 (50%)	— —	0,22 (15%)	0,067 (4,5%)	0,02 (1,3%)	— —
1701 » . .	2,5	1,96 (78%)	— —	0,11 (4%)	, ?	0,05 (2%)	0,004 (0,14%)
1725 » . .	9,1	5,97 (65%)	— —	0,33 (3,7%)	089 (9,7%)	0,20 (2,2%)	0,027 (0,3%)
1764 » . .	19,4	8,72 (45%)	— —	1,67 (9%)	4,96 (25,6%)	2,31 (12%)	0,029 (0,15%)
1794 » . .	49,1	22,65 (46%)	2,03 (4,5%)	4,27 (9%)	9,80 (20%)	5,63 (12%)	0,629 (1,28%)
1801 » . .	64,2	32,35 (50%)	6,74 (10,5%)	5,53 (10%)	?	6,11 (9%)	0,739 (1,15%)
1825 » . .	111,6	48,44 (43%)	15,32 (13,7%)	5,48 (5%)	ок. 27 (24%)	(1838) ок. 10 (7%)	0,522 (0,45%)
1850 » . .	284,5	119,50 (42%)	42,16 (15%)	ок. 10,75 (3,9%)	ок. 35,4 (12,4%		2,765 (1%)
1870 » . .	376,5	129,44 (34%)	63,28 (17%)	6,88 (2%)	84,59 (22,5%	49,22 (13%)	8,150 (2,2%)
1892 » . .	603,1	186,81 (30,7%)	165,66 (27,2%)	12,88 (2,1%)	98,92 (16,2%)	72,13 (11,9%)	14,352 (2,4%)

Англія вошла въ такіе долги, что одни проценты по этимъ долгамъ равнялись всему расходу на войско и флотъ; долгъ Франціи превышалъ уже тогда въ 18 разъ ея годовые доходы, а долгъ Австріи въ срединѣ XVIII в. былъ въ $3^1/_2$ раза больше годового дохода. Россія, при всемъ желаніи, не могла занимать, такъ какъ никто ей не вѣрилъ въ долгъ; даже послѣ Петра, при Елизаветѣ, попытка сдѣлать заемъ у иностранцевъ кончилась совершенной неудачей. Оставалось прибѣгнуть къ принудительному внутреннему кредиту въ извѣстной уже намъ формѣ—въ формѣ порчи денегъ или замѣны ихъ кредитными знаками. Петръ для шведской войны перечеканилъ монету, убавивъ на половину ея вѣсъ; Екатерина для турецкихъ войнъ выпустила ассигнаціи; Александръ для наполеоновскихъ войнъ продолжалъ увеличивать ихъ количество; то же было сдѣлано для крымской войны съ кредитными бумажками, введенными Канкринымъ. Но такое средство было небезопасно: мы знаемъ, что оно всякій разъ вело къ обезцѣненію денегъ, къ паденію ихъ курса *). Поэтому-то, какъ только русское правительство стало пользоваться иностраннымъ кредитомъ, при Екатеринѣ II, оно тотчасъ же перешло къ системѣ займовъ. Займами покрыты издержки на войны императоровъ Николая и Александра II; посредствомъ займовъ правительство не разъ старалось выкупить и кредитныя бумажки, съ помощью которыхъ были покрыты издержки предъидущихъ войнъ; такимъ образомъ, внутренній безпроцентный долгъ правительства передъ страной превращался во внѣшній процентный долгъ съ постепеннымъ погашеніемъ. Правда, въ моментъ полученія денегъ, занятыхъ для этой цѣли, всегда оказывалась на лицо какая-нибудь очередная, еще болѣе настоятельная государственная нужда. Такимъ образомъ, деньги, полученныя для выкупа бумажекъ и для погашенія старыхъ долговъ, употреблялись на новыя потребности; или выкупленныя уже бумажки не уничтожались, какъ было предположено, а снова пускались въ оборотъ. Однимъ словомъ, прямая цѣль государственныхъ займовъ, большею частью, оказывалась не достигнутой. Какъ бы то ни было, прямо или косвенно, русскій государственный долгъ, размѣры котораго составляютъ въ настоящее время 4 милліарда металлическихъ рублей и въ нѣсколько разъ превышаютъ ежегодный доходъ государства, этотъ долгъ былъ сдѣланъ почти исключительно на покрытіе военныхъ расходовъ или на уплату занятыхъ на эти расходы денегъ. Исключеніе составляютъ только займы на постройку желѣзныхъ дорогъ и на

*) См. выше, стр. 105—107.

выкупъ крестьянскихъ повинностей при освобожденіи отъ крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, и издержки по уплатѣ процентовъ за государственный долгъ должны быть, въ сущности, на $^3/_4$ относимы къ расходамъ на военныя нужды государства. Эти издержки съ 1794 года быстро растутъ и пропорціонально, и абсолютно. Принимая ихъ въ соображеніе, мы найдемъ, что военный расходъ государства со времени Петра постоянно составлялъ не менѣе половины, а часто доходилъ и до $^3/_5$ всего государственнаго расхода (см. косую и пунктирную штриховку на діаграммѣ).

Итакъ, потребность въ военной силѣ,—самая основная, но и самая элементарная государственная потребность,—была съ самаго начала и осталась до нашего времени главнѣйшей потребностью государства. Послѣ обороны государства, сохраненіе внутренняго порядка является наиболѣе насущной задачей государственной власти. Намъ еще предстоитъ узнать впослѣдствіи, какъ выросла система русскихъ правительственныхъ учрежденій, призванныхъ удовлетворять этой потребности правильнаго управленія; но и теперь, при разсмотрѣніи главныхъ статей государственныхъ расходовъ Россіи, мы не можемъ не замѣтить, что эта государственная задача долго оставалась для русскаго правительстка на второмъ планѣ. Прежде всего, въ ряду расходовъ на содержаніе управленія слѣдуетъ выдѣлить содержаніе самого двора (см. бѣлые отрѣзки діаграммы). Дворцовое управленіе, какъ увидимъ, въ древнѣйшее время сливалось съ государственнымъ; остатокъ этой старины, когда «дворецъ» государевъ совпадалъ съ государственнымъ правительствомъ, мы видимъ въ значительномъ процентѣ расхода на дворъ (15%) въ до-петровскомъ бюджетѣ. Несомнѣнно, что если бы мы имѣли цифры бюджета московскаго государства до 1680 г., по нимъ пропорція расхода на содержаніе двора оказалась бы еще значительнѣе. При Петрѣ, крайне бережливомъ на личные расходы, дворцовыя потребности сильно сокращаются, составляя только до 4% общаго расхода. Наконецъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, при слабомъ возрастаніи абсолютныхъ цифръ, пропорціональное значеніе дворцоваго расхода быстро уменьшается, падая съ 5% до 2%.

Помимо содержанія двора, правительственная власть изъ всѣхъ другихъ отраслей управленія наиболѣе интересовалась той, которая связана была съ добываніемъ денегъ и взиманіемъ податей—финансовымъ управленіемъ (см. прямую штриховку діаграммы). Расходы по взиманію податей и по собственному хозяйству казны составляли, послѣ военныхъ расходовъ, наиболѣе значительную часть бюджета. Уже послѣ мѣропріятій Петра, о которыхъ будетъ рѣчь послѣ, эти расходы составляли до $^1/_{10}$ части бюджета; а со

времени Екатерины II до нашего времени они колебались между $^{1}/_{4}$ и $^{1}/_{8}$. Если присоединить ихъ къ расходамъ на военныя нужды и на уплату процентовъ по государственному долгу, то общая сумма этихъ расходовъ составитъ отъ $^{7}/_{10}$ до $^{8}/_{10}$ бюджета двухъ послѣднихъ столѣтій.

Разсмотрѣвъ перечисленныя выше рубрики расхода, мы въ сущности познакомились съ главными задачами, которыя ставило себѣ старое русское правительство. Войско и финансы—вотъ что составляло предметъ главнаго правительственнаго вниманія. На эти предметы расходовалась большая часть государственныхъ средствъ; на все остальное оставалось, слѣдовательно, около $^{3}/_{10}$ или $^{2}/_{10}$ бюджета. И изъ этого числа надо было еще покрыть обязательные расходы на общественныя постройки, на пенсіи, на иностранныя дѣла, на содержаніе духовенства. На управленіе въ собственномъ смыслѣ, на судъ, на народное образованіе (см. черные и надъ ними бѣлые отрѣзки діаграммы)—оставалась послѣ всего этого, сравнительно, очень незначительная доля. Мы не будемъ, впрочемъ, останавливаться на этихъ сторонахъ государственной жизни, такъ какъ намъ придется вернуться къ нимъ впослѣдствіи. Здѣсь мы упомянули о нихъ, только чтобъ очертить общіе предѣлы дѣятельности русской государственной власти и охарактеризовать то пропорціональное значеніе, какое имѣли въ ея глазахъ разныя стороны этой дѣятельности,—насколько это значеніе отразилось на цифрахъ бюджета. Познакомившись съ общимъ размѣромъ и съ значеніемъ главныхъ видовъ государственныхъ потребностей, мы выполнили половину задачи этого очерка. Въ чемъ нуждалось государство — это мы теперь знаемъ; намъ остается узнать, какими способами оно удовлетворяло своимъ нуждамъ.

Этотъ очеркъ составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи работъ автора: Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб. 1892, и Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб. 1892. Данныя о бюджетахъ позднѣйшаго времени заимствованы изъ «Сборника Русскаго Историческаго Общества», томы 5, 6, 28, 45 (Финансовые документы времени Екатерины II, изданные *А. Куломзинымъ*, съ его предисловіями); Исторіи царствованія имп. Александра I, *Богдановича*; сочиненія *Reden'a*: Russlands Kraft-Elemente und Einflussmittel. Frankf. a. M. 1854, и *Бліоха*, Финансы Россіи XIX столѣтія. Спб. 1882. Общій очеркъ исторіи русскаго бюджета читатель найдетъ въ книгѣ *В. А. Лебедева*. Финансовое право. Спб. 1893, т. I, вып. III.

II.

Характеръ древнѣйшей финансовой системы.—Исторія прямого обложенія.—Русскій раскладочный механизмъ.—Его происхожденіе.—Древнѣйшая «соха» и ея преобразованіе въ срединѣ XVI столѣтія.—Перемѣны въ сошномъ обложеніи въ XVII в. и ихъ причины.—Введеніе подворнаго обложенія.—Переходъ къ подушному обложенію и его судьба. — Современное состояніе прямого обложенія.—Виды промысловаго налога въ древней Россіи. — Попытки процентнаго обложенія въ XVII и XVIII вѣкахъ. — Первые шаги къ подоходному обложенію. — Роль косвенныхъ налоговъ въ исторіи бюджета.—Регаліи, государственныя имущества и пошлины. — Тяжесть обложенія и ея вліяніе на поиски населеніемъ побочныхъ источниковъ дохода.

Въ сущности говоря, и развитіе русскихъ учрежденій, и организація русскихъ сословій, — все это было отвѣтомъ на быстро возраставшія военныя и финансовыя потребности русскаго правительства. Въ этомъ смыслѣ, выбранная нами точка зрѣнія останется для насъ руководящей на всемъ протяженіи этого и слѣдующаго очерка. Но здѣсь мы займемся прежде всего разборомъ лишь той части услугъ, которую государство получало отъ населенія въ формѣ денежныхъ платежей. Надо сказать, что въ общей суммѣ услугъ, требовавшихся государствомъ, денежные взносы составляли только одно изъ слагаемыхъ, и, вѣроятно, вовсе не самое значительное. Бѣдная экономически страна долгое время только и могла служить государству натурой, а не деньгами. Съ своихъ дворцовыхъ имѣній, съ оброчныхъ земель и черныхъ волостей князь-государь получалъ свои доходы хлѣбомъ, медомъ, рыбой и всякой живностью. Его чиновники содержались натуральными приношеніями жителей и вплоть до середины XVI в. получали свои «кормы» непосредственно отъ населенія, среди котораго находились или которымъ призваны были управлять. Военныхъ слугъ князя также должно было содержать населеніе отведенныхъ имъ въ пользованіе участковъ; и содержаніе, по крайней мѣрѣ, по мысли правительства, должно было идти имъ натурой. «Въ самомъ дѣлѣ», говоритъ одинъ документъ средины XVI вѣка, «какъ можно хотѣть денегъ отъ земледѣльцевъ? Они не создаютъ денегъ, а до-

бываютъ хлѣбъ; поэтому и слѣдуетъ у нихъ брать долю изъ хлѣба а съ лѣсовъ—звѣрей и медъ, а съ рѣкъ—бобровъ и рыбу; если же лѣсъ будетъ сожженъ подъ пашню, то медовый и звѣриный оброкъ надо ужъ отмѣнить, такъ какъ съ пашни они будутъ платить хлѣбомъ. А если кому изъ землевладѣльцевъ понадобятся деньги, онъ можетъ свои излишки продать горожанамъ, нуждающимся въ хлѣбѣ. Тогда у него будетъ денегъ, сколько ему нужно, и ни одинъ крестьянинъ не будетъ слезенъ и мученъ за недоимки». Мы видимъ, что уплата податей натурой была уже только идеаломъ въ срединѣ XVI вѣка; но по характеру идеала мы можемъ судить, каковы были въ современной ему дѣйствительности платежныя силы русскаго крестьянскаго населенія.

Государству деньги понадобились еще раньше и въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ его слугамъ. Уже татарамъ надо было платить дань деньгами, а потомъ и своимъ солдатамъ пришлось давать денежныя приплаты, хотя до самаго Петра правительство продолжало уплачивать имъ часть жалованья хлѣбомъ и солью. Старинныхъ доходовъ, пошлинъ съ суда, съ провоза и продажи товаровъ, не могло хватить на покрытіе новыхъ нуждъ, и мы видѣли, что правительство нашло исходъ въ назначеніи цѣлаго ряда военныхъ налоговъ. Вездѣ въ Европѣ прямые налоги возникли тогда, когда явилась нужда въ постоянной военной силѣ. Но въ Россіи постоянная прямая подать появилась раньше, чѣмъ создалось сословіе постоянныхъ плательщиковъ. Созданіе такого сословія и привлеченіе къ нему все новыхъ и новыхъ элементовъ и было на Руси за-разъ и цѣлью, и послѣдствіемъ назначенія новыхъ военныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, постоянная прямая подать сдѣлалась у насъ организующей силой, сплотившей «жидкіе элементы» русской общественности. Въ этомъ смыслѣ, исторія прямого обложенія въ Россіи заслуживаетъ особеннаго вниманія при изученіи русскаго общественнаго строя.

Всѣмъ извѣстно, какъ раскладываются обыкновенно подати между крестьянами русской деревни. Въ деревнѣ рѣдко кто, кромѣ должностныхъ лицъ, знаетъ, какія именно подати онъ платитъ. Всѣ денежные платежи крестьянъ, безъ различія, идутъ ли они въ казну, или въ земство, или на содержаніе сельскихъ властей, будутъ ли это *подати* въ собственномъ смыслѣ, или, напр., выкупные платежи, т. е. уплата ссуды, данной крестьянамъ казной при ихъ освобожденіи, — всѣ эти платежи всей деревни складываются въ одну общую сумму. Затѣмъ, міръ дѣлитъ крестьянскую землю на доли и раздаетъ эти доли отдѣльнымъ домохозяевамъ. На такое же количество долей дѣлится и общая сумма платежей,

такъ что на каждый участокъ земли приходится одинаковая доля подати, а затѣмъ, каждый домохозяинъ платитъ столько долей подати, сколько онъ получилъ участковъ земли («тяголъ» или «душъ»).

Представимъ себѣ при этомъ, что пахать землю выгодно, т. е. что доходъ отъ обработки участка превыситъ лежащіе на участкѣ платежи. Конечно, каждый крестьянинъ при этомъ условіи будетъ хлопотать о томъ, чтобы получить отъ міра какъ можно больше участковъ на свою долю. Въ этомъ случаѣ несомнѣнно, будетъ происходить между членами общины борьба за мірскую землю. Но представимъ себѣ, наоборотъ, что подобной борьбы вовсе не происходитъ, что крестьяне-общинники не только равнодушны къ полученію своихъ долей, но даже тяготятся ими и стремятся свести ихъ къ наименьшей величинѣ. Чѣмъ мы должны будемъ объяснить такое явленіе? Весьма вѣроятнымъ будетъ предположить, что въ этомъ случаѣ обработка земли не считается выгодной, т. е. или что платить за нее приходится больше, чѣмъ съ нея получать, или что есть возможность обработывать земельные участки, менѣе отягченные налогомъ. Объ эти причины существовали и оказывали свое дѣйствіе въ финансовой исторіи Россіи.

Повидимому, всего естественнѣе въ такомъ случаѣ вовсе бросить невыгодное занятіе, уйти совсѣмъ изъ міра и покинуть обложенную платежами землю. Такъ и поступало крестьянство древней Россіи, пользовавшееся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы «разбрестись врознь» или тайкомъ перебраться на другой, нетяглый участокъ. Но со всякимъ покинувшимъ землю хозяиномъ у казны становилось однимъ плательщикомъ меньше, и, естественно, нуждаясь съ давнихъ поръ въ деньгахъ и людяхъ, государство должно было постараться предупредить тѣ убытки, которые могли произойти для него отъ ухода земледѣльца съ тяглаго участка. Въ этомъ-то отношеніи только-что описанная организація распредѣленія податей и оказывала вѣковыя услуги московскому правительству. При существованіи такой организаціи правительство считалось уже не съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ, а съ цѣлымъ податнымъ союзомъ ихъ; весь союзъ ручался за каждаго отдѣльнаго члена и обязывался принять на себя его обязанности въ случаѣ его ухода. Такимъ образомъ податная связь принимала принудительный характеръ. Разъ войдя въ тяглую организацію, каждый членъ связывалъ себя навсегда съ общиной и могъ уйти изъ нея не иначе, какъ получивъ разрѣшеніе міра, требовавшаго, обыкновенно, въ прежнія времена, чтобы уходящій представилъ вмѣсто себя замѣстителя. Легко замѣтить, что подобная податная организація представляетъ собою совершенный

контрастъ съ финансовымъ устройствомъ болѣе развитыхъ странъ. Если правительство отказывается само опредѣлить долю участія каждаго въ государственныхъ тягостяхъ, очевидно, оно признаетъ этимъ свое безсиліе въ самой важной для него области управленія; если оно прибѣгаетъ къ круговой порукѣ, какъ къ средству закрѣпить за собой плательщиковъ, очевидно, оно не надѣется удержать этихъ плательщиковъ на мѣстѣ собственными силами или вліяніемъ ихъ личнаго интереса; очевидно, оно требуетъ отъ нихъ больше, чѣмъ они въ силахъ дать. И такъ, смыслъ тяглой организаціи русскаго населенія сводится къ тѣмъ же характернымъ чертамъ, какія мы отмѣтили вообще относительно русской общественной организаціи: она есть соединенный результатъ экономической неразвитости Россіи и непропорціональнаго развитія ея государственныхъ потребностей.

Уже изъ этого наблюденія мы можемъ заключить, что описанная тяглая организація есть одинъ изъ самыхъ характерныхъ продуктовъ русской исторической жизни. Когда же и какъ создалась эта тяглая организація, всѣмъ намъ извѣстная изъ современной жизни Россіи? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, такъ какъ мы уже застаемъ тяглую организацію готовой, едва только становится вообще возможнымъ слѣдить за ней по сохранившимся документамъ. Однако же, есть возможность предположить, что организація эта, если не возникла, то приняла свою, извѣстную намъ, форму именно тогда, когда неразвитой экономически странѣ пришлось принести первую непосильную для нея матеріальную жертву.

Это была наложенная татарами «дань». Существовала «дань» князьямъ и въ до-татарское время; но насколько она отличалась отъ той правильной и постоянной подати, которую заставили платить себѣ татары, это видно изъ того, что для взиманія татарской «дани» потребовалось вновь привести въ извѣстность количество плательщиковъ. Два раза въ XIII в. татары производили общія переписи и поставили платежное населеніе подъ надзоръ собственныхъ чиновниковъ. Когда же въ XIV вѣкѣ сборъ татарской дани перешелъ въ руки князей,—князья унаслѣдовали и введенную татарами финансовую администрацію. Теперь уже самому русскому правительству приходилось собирать подати для татаръ въ опредѣленномъ и значительномъ количествѣ и отвѣчать передъ ордой за правильное поступленіе сбора. При тогдашней элементарности всего государственнаго и общественнаго строя единственнымъ средствомъ обезпечить податную исправность плательщиковъ было—возложить на нихъ самихъ отвѣтственность за уплату

чужеземной дани. Въ это-то время, вѣроятно, плательщики и были связаны правительствомъ въ податныя или тяглыя группы. Отъ времени до времени владѣнія каждаго князя объѣзжалъ въ XIV—XV вѣкахъ княжескій писецъ; въ каждой отдѣльной мѣстности онъ составлялъ «книгу», по которой платилась дань и которая поэтому называлась въ древности «данской» (потомъ «писцовой») книгой. Переписанное населеніе организовалось въ податныя «сотни», каждою изъ которыхъ завѣдывалъ мѣстный начальникъ, «сотникъ». Записанные въ книги плательщики составляли сословіе «письменныхъ» или «тяглыхъ» людей, которыхъ строго запрещалось принимать въ другіе союзы, кромѣ той сотни, къ которой они «тянули въ дань». «Данщикъ», разъѣзжавшій по волостямъ вмѣстѣ съ «писцомъ», занимался сборомъ дани, а кстати и другихъ доходовъ князя.

И такъ, вотъ когда создалась по всей вѣроятности русская тяглая организація. Въ видѣ тяглыхъ сотенъ, она явилась какъ послѣдствіе первой настоятельной нужды княжескихъ правительствъ,—необходимости уплачивать татарскую дань. Но разъ создавшись, эта организація послужила могущественнымъ финансовымъ орудіемъ для собственныхъ цѣлей государства, быстро расширявшихся со времени освобожденія отъ татарской зависимости.

При этомъ быстромъ развитіи государственныхъ задачъ, какъ мы уже видѣли, одинъ за другимъ возникали и отмѣнялись цѣлый рядъ новыхъ налоговъ, преимущественно военныхъ. Размѣры ихъ постоянно росли; способъ назначенія ихъ много разъ мѣнялся. Но при всѣхъ этихъ перемѣнахъ одна черта оставалась незыблемой съ XIV и по нашъ вѣкъ: это—раскладка правительственныхъ налоговъ самими плательщиками, членами тяглой общины. Зная эту неизмѣнность, это постоянство, съ какимъ сохранялась основная податная ячейка, мы теперь уже не будемъ смущаться перемѣнами въ названіи налоговъ,—въ томъ, съ чего или съ кого хотѣло взять налогъ правительство. Какъ бы эти налоги ни назывались, какой бы предметъ обложенія ни имѣла въ виду казна,—мы уже будемъ знать, что разъ взиманіе налога попадетъ въ руки тяглой общины и ея представителей, все равно, всякій налогъ сольется въ общую сумму и превратится въ налогъ съ тягла, съ земельной доли, доставшейся (отъ общества или по наслѣдству, покупкѣ и т. п.) каждому домохозяину.

На этомъ однообразномъ фонѣ общинной раскладки совершалось, однако, нѣкоторое движеніе въ податной исторіи,—движеніе, которое имѣетъ свой смыслъ и свой интересъ. Та же нужда въ деньгахъ, которая заставила правительство возложить отвѣтствен-

ность за уплату податей на тяглыя группы, вызвала рядъ попытокъ увеличить казенный доходъ. Правительство дѣйствовало при этомъ двоякимъ путемъ: путемъ перемѣны въ *порядкѣ обложенія* плательщиковъ податями и путемъ *увеличенія размѣровъ и количества* самыхъ податей. Старый татарскій порядокъ обложенія состоялъ въ томъ, что податью облагалось земледѣльческое орудіе, «соха», приравнивавшаяся двумъ-тремъ коннымъ работникамъ Каждая соха платила по 5 коп., или, по крайней мѣрѣ, 5 руб. на наши деньги. Усилившееся московское княжество употребляло, кажется, какъ единицу обложенія, «соху» въ нѣсколько разъ больше размѣромъ, въ 32 рабочихъ: понятно, что здѣсь слово «соха» уже утратило свой буквальный смыслъ. Впрочемъ, въ каждой самостоятельной области Россіи существовали свои податныя единицы, и только со времени объединенія Руси при Иванѣ III, т. е. съ конца XV столѣтія, московскіе порядки, финансовые, какъ и всякіе другіе, начали распространяться на вновь присоединенныя области. Во всякомъ случаѣ, картина податного обложенія Россіи оставалась очень пестрой вплоть до того времени, когда въ развитіи прямой подати наступилъ новый періодъ, съ назначеніемъ ряда новыхъ военныхъ налоговъ при Иванѣ IV (стр. 117—118). Въ 1550 году, прежде чѣмъ вводить эти новые налоги, правительство Ивана IV установило въ Россіи новую податную единицу, долженствовавшую обезпечить бо́льшую правильность и равномѣрность обложенія. Названіе сохранено было старое («соха»), но оно получило теперь новый смыслъ. Податная «соха» приравнена была опредѣленному количеству распаханной земли,—обыкновенно, по 400 десятинъ (или 800 «четвертей» посѣва *) въ каждомъ изъ трехъ полей. При этомъ, не безъ вліянія византійскихъ порядковъ, обращено было впервые вниманіе и на качество земли: съ десятины хорошей («доброй») земли платилось столько же налоговъ, сколько съ $1^1/_4$ десятины «средней» земли или съ $1^1/_2$ десят. «худой». Другими словами въ сохѣ земли второго разряда считалось уже не 400, а 500 десятинъ, а третьяго разряда—600 дес. въ каждомъ полѣ. Кромѣ того, впервые были сдѣланы льготы цѣлымъ разрядамъ плательщиковъ. Служилые люди, уже платившіе государству личной службой, уплачивали съ нормальной сохи въ 400 дес. такую же цифру налога, какую монастыри и крестьяне, не подчиненные владѣльцамъ (т. назыв. «черные»), платили съ сохи въ уменьшенномъ размѣрѣ — въ 300

*) На десятинѣ сѣялись двѣ «четверти»; надо прибавить, что четверть была тогда (XVI в.) вдвое меньше теперешней.

десятинъ. Для приведенія въ извѣстность количества новыхъ платежныхъ единицъ, во всемъ государствѣ предпринята была перепись и измѣреніе податныхъ земель по единообразнымъ пріемамъ. Перепись эта продолжалась въ теченіе всего царствованія Ивана IV. Такимъ образомъ при Иванѣ IV обложеніе по сохамъ получило ту окончательную форму, которую оно сохранило до самаго своего уничтоженія черезъ $1^1/_4$ столѣтія, въ 1680 г.

До 1680 года дожили, однако, одни только обломки сошной системы обложенія. Уже въ теченіе первой половины XVII вѣка эта система была существенно измѣнена въ интересахъ привилегированнаго сословія и совершенно отмѣнена по отношенію къ цѣлому ряду податей. Еще въ 1550-хъ годахъ, какъ мы только-что видѣли, служилое сословіе получило нѣкоторое облегченіе въ платежѣ податей. Но это облегченіе было совершенно ничтожно сравнительно съ тѣмъ, какое сдѣлано было служилымъ людямъ при финансовыхъ реформахъ начала XVII вѣка. До этого времени, крестьянинъ служилаго человѣка, какъ и крестьянинъ, жившій на своей или государственной землѣ («черный»), платили одинаково съ каждой четверти распаханной (или, какъ тогда говорили, «живущей») пашни. Но теперь на земляхъ служилыхъ людей «живущая четверть» пашни была превращена въ гораздо болѣе льготную платежную единицу. Названіе осталось прежнее; но подъ «живущей четвертью» стали разумѣть не реальную четверть распаханной земли, а нѣкоторое количество крестьянскихъ дворовъ, изъ которыхъ каждый, конечно, пахалъ не одну четверть, а нѣсколько. Въ 1630—1631 годахъ служилые люди выхлопотали себѣ у правительства разрѣшеніе считать въ живущей четверти отъ 10 до 16 крестьянскихъ дворовъ *). Если предположимъ даже, что каждый дворъ пахалъ не болѣе 4 четвертей (2 десятинъ въ одномъ полѣ), то и тогда въ одной «живущей четверти» будетъ 40—64 *дѣйствительныхъ* четвертей распаханной пашни. Стало быть, съ 40—64 четвертей служилый человѣкъ платилъ столько же налога, сколько черный крестьянинъ съ одной четверти. Припомнимъ теперь (стр. 118), что въ началѣ XVII в. введены были новыя тяжелыя подати, въ десятки разъ превышавшія подати XVI в., и мы поймемъ, какой смыслъ имѣло введеніе именно въ это время «живущей четверти». Служилый человѣкъ былъ въ десятки разъ облегченъ сравнительно съ черносошнымъ крестьяниномъ какъ разъ тогда, когда послѣдній сталъ платить въ десятки разъ больше.

*) Именно 10 крестьянскихъ дворовъ въ центральныхъ уѣздахъ и 16 на разоренныхъ смутой окраинахъ.

Такимъ образомъ, вся тяжесть новаго обложенія пала на однѣ черныя сохи. Тягло и военная служба были окончательно распредѣлены между различными общественными группами. Русскій служилый центръ и югъ несъ военную повинность на государство, а русскій черносошный сѣверъ уплачивалъ необходимыя военныя издержки.

На дѣлѣ, однако же, это распредѣленіе далеко не было такъ равномѣрно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Тотъ, кто несъ военную службу, былъ облегченъ въ уплатѣ податей; но тотъ, кто платилъ подати, вовсе не былъ освобожденъ отъ воинской повинности. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше воинская повинность перелагалась всею своею тяжестью на низшіе классы. Русская дворянская конница, какъ мы знаемъ, уже отживала свой вѣкъ въ то время, когда дворянство добилось податныхъ привилегій. Центръ тяжести въ войскѣ переходилъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ рейтарамъ и драгунамъ въ конницѣ, къ солдатамъ—въ пѣхотѣ; къ новой регулярной выучкѣ иноземному строю привлекались, главнымъ образомъ, служилые люди низшихъ разрядовъ и рекруты изъ податныхъ сословій. При этихъ условіяхъ податныя льготы живущей четверти теряли свой смыслъ. Правительство, очевидно, приняло это во вниманіе; при постепенномъ увеличеніи размѣровъ податей, въ теченіе XVII вѣка, оно подняло платежи служилыхъ земель въ большее число разъ, чѣмъ платежи черносошныхъ крестьянъ. Такъ, стрѣлецкая подать съ служилыхъ земель увеличена была въ 36 разъ, тогда какъ на черносошныхъ земляхъ, поднявши ту же подать въ 8—9 разъ, правительство должно было убѣдиться, что населеніе не въ состояніи платить такого оклада. Такимъ образомъ подготовлялась почва для перехода къ болѣе равномѣрному обложенію. Форма такого обложенія была также найдена уже въ первой половинѣ XVII вѣка.

Дѣло въ томъ, что ростъ податей вызвалъ со стороны плательщиковъ массовые побѣги и развилъ цѣлую систему укрывательства отъ сошнаго тягла. Множество тяглыхъ участковъ пустовало и общинѣ приходилось расплачиваться за опустѣвшіе жеребьи ея сочленовъ. Правительству не было дѣла до убыли запашки; оно требовало податей за все количество пашни, записанное въ писцовыя книги; а чтобы не принимать во вниманіе перемѣнъ, происшедшихъ въ размѣрахъ распаханной площади, оно не составляло новыхъ писцовыхъ книгъ и до самаго конца вѣка взимало подати по книгамъ, составленнымъ въ первую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича. Пустыя земли продолжали

такимъ образомъ считаться населенными; а вновь распаханныхъ участковъ правительство также не упускало, такъ какъ мѣстный воевода долженъ былъ всѣ такіе участки записывать и облагать податью. Плательщикамъ было, такимъ образомъ, крайне невыгодно вносить подати по писцовымъ книгамъ, и они неоднократно просили правительство взимать налоги только съ наличныхъ, дѣйствительно населенныхъ *дворовъ*. Но были причины, по которымъ и для правительства взиманіе податей съ сохи и живущей четверти было не всегда выгодно. Если разбѣжавшіеся съ тяглой земли плательщики заставляли общину платить за себя «навальное сошное письмо», за то они сами совершенно ускользали отъ податей и жили «въ избыли»; къ нимъ примыкали и всѣ тѣ разряды населенія, которые, оставаясь на мѣстѣ, находили способъ уклониться отъ разработки тяглаго участка. Съ точки зрѣнія правительства—это была чистая потеря для казны. Если нельзя было притянуть эти разряды населенія къ платежу податей, оставаясь въ рамкахъ старой сошной системы, то надо было привлечь ихъ какимъ-нибудь другимъ способомъ. Петли старой податной сѣти оказались слишкомъ широкими; плательщики въ нихъ слишкомъ свободно проскальзывали. Если такъ,—нужно было сдѣлать ихъ помельче, взять такую единицу обложенія, которая бы вплотную обхватила платежное населеніе, которая бы поставила, такъ сказать, лицомъ къ лицу каждаго плательщика съ правительствомъ. И въ этомъ отношеніи дворъ являлся болѣе подходящей податной единицей. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній правительство и переходитъ къ подворному обложенію. Въ началѣ правленія царя Алексѣя (1646—1648 гг) и вторично въ началѣ правленія Ѳедора (1678—1680 гг.) правительство составляетъ по всему государству новаго типа описанія — дворовые списки, или такъ-называемыя «переписныя книги». Надежды плательщиковъ, однако, не сбываются. По дворовымъ спискамъ правительство начинаетъ сбирать сперва (еще при Михаилѣ) только тѣ *новыя* подати, къ которымъ постепенно заставляютъ его прибѣгать военныя нужды XVII вѣка. Старыя подати оно не сразу рѣшается перевести съ сохи на дворъ, такъ какъ при этомъ, очевидно, пришлось бы сложить всѣ тѣ излишніе платежи, которые населенію приходилось нести за опустѣлую пашню. Такимъ образомъ правительство соединяетъ выгоды старой системы обложенія съ выгодами новой, а на долю плательщиковъ остаются отъ той и другой однѣ невыгоды.

Положеніе дѣлъ мѣняется въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія. Новыя военныя нужды требуютъ въ это время новыхъ жертвъ со стороны населенія; подати оказывается необходимымъ опять

увеличить. Но черносошное населеніе уже и безъ того платитъ сверхъ силъ, такъ что всякая новая прибавка ведетъ только къ увеличенію недоимокъ. Напротивъ, населеніе служилыхъ земель, несмотря на увеличеніе его платежей въ теченіе XVII вѣка, все еще продолжаетъ пользоваться льготами, которыя не оправдываются больше никакой нуждой государства въ услугахъ стараго служилаго сословія. При этихъ условіяхъ общая податная реформа становится необходимой и лучшимъ средствомъ для нея является окончательное переложеніе всѣхъ податей съ сохи и живущей четверти на дворъ.

Въ 1679—1681 гг. реформа была осуществлена. Остатки налоговъ XVI вѣка (пищальныя, данныя, засѣчныя и т. д.), за исключеніемъ полоняничной подати, были окончательно отмѣнены. Налоги XVII вѣка, въ одной общей суммѣ, переведены на дворъ и сошное обложеніе упразднено. Въ городахъ взимался теперь подворный налогъ въ размѣрѣ отъ 80 коп. до 2 руб.; этотъ же налогъ, сохранившій названіе стрѣлецкой подати, платился и крестьянами сѣверныхъ черныхъ волостей. Владѣльческія земли остальныхъ уѣздовъ платили деньгами только ямскую подать, слитую съ полоняничной: служилыя по 5 коп. съ двора, а духовныя—по 10 коп. Но, вмѣсто стрѣлецкой подати, они платили хлѣбомъ: служилыя земли по $^{3}/_{16}$ четверти съ двора, дворцовыя по $^{5}/_{16}$ и духовныя по $^{7}/_{16}$ четверти. Такъ какъ четверть хлѣба стоила въ это время отъ четвертака до трехъ четвертаковъ, то переведенный на деньги платежъ служилаго двора составлялъ отъ 5 до 14 к., дворцоваго отъ 8 до 23 коп. и духовнаго отъ 11 до 33 коп. Съ прибавкой ямскихъ и полоняничныхъ это составляло для служилаго двора 10—19 коп., для духовнаго—21—43 коп. Разница съ прямыми платежами черныхъ сохъ, какъ видимъ, сохранилась и послѣ реформы 1681 года и даже была довольно значительна; но, все же, сравнительно съ только-что покинутой системой это былъ шагъ къ болѣе равномѣрному обложенію.

Несравненно дальше по тому же пути пошла финансовая реформа Петра Великаго. И она, какъ мы видѣли, вызвана была новымъ ростомъ военныхъ расходовъ. Вызванная одинаковой причиной, эта реформа осуществлена была аналогичнымъ способомъ съ предыдущей реформой 1681 года. Правительство снова перемѣнило форму обложенія, увеличило его размѣры и разложило новую подать на возможно большее количество плательщиковъ. Обложеніе дворовъ успѣло оказаться столь же неудобнымъ, какъ и обложеніе сохъ: населеніе теперь бѣжало изъ тяглаго двора, какъ прежде оно бѣжало съ тяглаго участка пашни; найдены были и

новые обходы: такъ, напр., населеніе скучивалось въ тяглыхъ дворахъ, чтобы платить съ возможно бо́льшаго количества лицъ то же количество подати; изъ нѣсколькихъ дворовъ населеніе даже нарочно переводилось въ одинъ дворъ въ случаяхъ правительственной переписи. Итакъ, значительная часть населенія опять оказывалась въ «избылыхъ». Правительство дѣлаетъ новую попытку уловить плательщика, какъ скрывающагося въ тягломъ дворѣ, такъ и бѣжавшаго изъ этого двора. Налогъ съ двора переносится прямо на каждую отдѣльную душу мужескаго пола. Всѣ теперь должны быть равны передъ новымъ «подушнымъ» окладомъ: платитъ его и холопъ, никогда не платившій государству, и мелкій служилый человѣкъ—однодворецъ, услуги котораго стали теперь ненадобны правительству. Но зато никто не платитъ больше, чѣмъ другой: со всѣхъ разрядовъ податнаго населенія взимаются тѣ же 80 коп. съ души. Петръ, правда, облагаетъ черносошныхъ крестьянъ и посадскихъ людей еще дополнительными 40 копѣйками; но это уже не остатокъ старой тяжести прямого обложенія этихъ классовъ: это просто послѣдствіе того принципа, проводимаго Петромъ, что населеніе, не принадлежащее никакому владѣльцу, принадлежитъ государству, и государство можетъ взимать съ него такой же «оброкъ», какой владѣльческіе крестьяне платятъ своему хозяину. Добавочная подать и получаетъ названіе «оброчной».

Установивъ подушную систему обложенія, правительство, повидимому, подошло довольно близко къ той цѣли, которая составляетъ задачу всякаго финансоваго управленія: оно стало лицомъ къ лицу съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ. Но это было только повидимому; въ дѣйствительности состояніе русскихъ учрежденій не давало еще никакой возможности установить прямыя отношенія между правительствомъ и подданными. Чтобы удержать постоянную связь между правительственными сборщиками подати и каждой записанной въ ревизію душой, надо было устроить постоянное наблюденіе за колебаніями числа душъ, выбываніемъ старыхъ и прибываніемъ новыхъ. Шведскіе порядки финансоваго управленія, послужившіе образцомъ для совѣтниковъ Петра, и устраивали такое наблюденіе. Мало того, шведское устройство добивалось большаго; каждый годъ провѣрялся тамъ не только наличный составъ плательщиковъ, но и всѣ перемѣны въ ихъ хозяйственной жизни: пожаръ, скотскій падежъ, неурожай—все это вызывало немедленное облегченіе податныхъ тягостей. При такомъ порядкѣ, естественно, можно было допустить, чтобы каждый плательщикъ отвѣчалъ самъ за себя. Напротивъ, при скудныхъ средствахъ русскаго управленія такое точное и постоянное наблю-

деніе за плательщиками было совершенно невозможно; оно было возможно только для самихъ плательщиковъ. Правительство не только не могло слѣдить за перемѣной въ хозяйственной силѣ каждой крестьянской семьи, но оно не могло даже услѣдить за измѣненіями въ ея количественномъ составѣ. Пока совершалась перепись, новыя души нарождались, старыя успѣвали умереть и, такимъ образомъ, правительство никогда не могло узнать дѣйствительной цифры плательщиковъ: цифра эта была фиктивной уже въ моментъ ея полученія и, понятно, становилась еще фиктивнѣе, по мѣрѣ отдаленія времени переписи. Между тѣмъ, эти переписи возобновлялись въ прошломъ вѣкѣ только въ двадцать лѣтъ разъ. Такимъ образомъ, поневолѣ, по недостатку средствъ контроля, взиманіе податей на мѣстѣ продолжалось по старому. Крестьянская община дѣлила землю на души; но эти души не имѣли ничего общаго съ живыми душами человѣческими: это просто были (какъ и прежде при подворномъ *) и посошномъ обложеніи) единицы земли, обложенныя единицей налога и разбиравшіяся наличнымъ населеніемъ деревни, смотря по хозяйственнымъ силамъ каждаго.

Введеніе подушной было высшей точкой развитія нашей прямой подати. Въ 1680 г., въ годъ окончательнаго введенія подворной подати, количество прямыхъ податей доходило до 8,4 милліона на наши деньги; въ 1724 г. оно увеличилось до 42,6, т.-е. въ 5 разъ. Въ 1680 г. прямые налоги составляли не болѣе $^1/_3$ всего дохода; въ 1724 г. они значительно превышали $^1/_2$. Со времени Петра и до самаго послѣдняго времени эта петровская организація прямыхъ налоговъ не дѣлала никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Увеличивалось, вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества населенія, и количество подушной и оброчной подати, возвышался ея размѣръ; изъ одинаковаго для всей имперіи размѣръ оброчной подати былъ сдѣланъ пропорціональнымъ доходности земледѣлія въ разныхъ частяхъ Россіи; но самая единица обложенія, — ревизская душа, осталась прежней вплоть до отмѣны подушной подати въ 1887 году. За все это время, несмотря на ростъ абсолютныхъ цифръ, пропорціональное значеніе подушной подати, въ бюджетѣ не переставало падать. Съ половины она упала до трети всего дохода къ началу нашего вѣка, и ниже четверти къ срединѣ его; теперь, включая даже выкупные платежи помѣщичьихъ и государ-

*) Подворный налогъ XVII вѣка тоже сливался обыкновенно въ одну общую сумму со всего количества дворовъ данной группы плательщиковъ, и затѣмъ распредѣлялся между дворами пропорціонально платежной силѣ каждаго.

ственныхъ крестьянъ, общая цифра прямыхъ податей приближается уже къ десятой части всего бюджета. Если не считать очень скромной по размѣрамъ поземельной подати, введенной въ 1875 году *), то надо будетъ признать, что подушная подать не замѣнена никакой новой. (Выкупные платежи не есть подать, а уплата долга). Такимъ образомъ, въ настоящее время система прямыхъ налоговъ находится въ состояніи полнаго разрушенія и далеко отстаетъ отъ другихъ источниковъ государственнаго дохода. Весьма вѣроятно, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ эта система будетъ перестроена вновь и что при этомъ правительство будетъ преслѣдовать ту же цѣль, которой оно тщетно добивалось въ концѣ XVII в. и въ первой четверти XVIII вѣка,— вступить въ болѣе непосредственную связь съ каждымъ плательщикомъ, вычислить для этого точнѣе его доходъ и поставить размѣръ подати въ зависимость отъ размѣра этого дохода и его колебаній.

По отношенію къ нѣкоторымъ видамъ подати правительство, впрочемъ, вступило въ непосредственную связь съ плательщиками уже въ далекомъ прошломъ. Плательщиковъ земледѣльческаго класса естественно было облагать цѣлыми обществами въ «свалъ», такъ какъ и земледѣльческій доходъ, приблизительно, равномѣренъ и мало измѣнчивъ. Другое дѣло съ классомъ капиталистовъ и предпринимателей: ихъ дохода нельзя ввести въ общія рамки, нельзя считать одинаковымъ для всѣхъ или постояннымъ и неизмѣннымъ для каждаго. Здѣсь, стало быть, правительству выгоднѣе имѣть дѣло съ каждымъ предпринимателемъ и постараться обложить каждаго отдѣльно, пропорціонально его доходамъ. Древнѣйшей формой такого отдѣльнаго обложенія каждаго предпринимателя былъ оброкъ, который правительство брало за торговое помѣщеніе (лавочный оброкъ), считавшееся собственностью казны и отдававшееся въ наемъ чаще всего правительственными чиновниками.

Съ древнѣйшихъ временъ правительство считало также своей собственностью всѣ мѣстности, пригодныя для промышленной эксплоатаціи, напримѣръ, рыбныя ловли, бортные лѣса и т. д. Эти казенныя угодья также сдавались на оброкъ (отсюда выраженіе «оброчныя статьи»), который, стало быть, былъ въ этомъ случаѣ на половину — доходомъ съ государственныхъ имуществъ, но на половину и налогомъ съ промысла. Что касается обложенія капи-

*) Въ половинѣ губерній она составляетъ всего 1/4—5 коп. съ десятины и въ другой половинѣ—5—15 коп. Между тѣмъ, всѣ платежи съ десятины составляютъ въ первой половинѣ 18 коп.—1 руб. 50 коп., а во второй 1 руб. 50 коп.—2 руб. 50 коп.

таловъ пропорціонально доходу, и такія попытки дѣлались уже въ XVII вѣкѣ, но такъ какъ для этого надо было точно знать капиталъ и доходы каждаго, то попытки эти постоянно наталкивались на сопротивленіе, и въ концѣ концовъ, большая часть этихъ процентныхъ сборовъ, такъ-называемыхъ «пятыхъ», «десятыхъ», «пятнадцатыхъ», «двадцатыхъ» и т. п. денегъ (т.-е. $20^0/_0$, $10^0/_0$, $6^2/_3{}^0/_0$, $5^0/_0$) сбиралась не по спеціальной оцѣнкѣ капитала и дохода, а обыкновенными пріемами тяглой раскладки. Другими словами, подоходное обложеніе не удерживало своего подоходнаго характера и превращалось, подобно разсмотрѣннымъ выше земельнымъ, подворнымъ и подушнымъ податямъ, въ обложеніе раскладочное (репартиціонное).

Не ранѣе Екатерины II удалось, наконецъ, обложить торгово-промышленный классъ особымъ налогомъ, падавшимъ лично на каждаго плательщика и сколько-нибудь похожимъ на подоходное обложеніе. Вмѣсто подушной подати, сливавшей купечество, къ большой для него обидѣ, съ другими податными сословіями, Екатерина установила гильдейскую подать въ размѣрѣ $1^0/_0$ съ объявленнаго по совѣсти капитала. Увеличенная къ 1812 году до $4^3/_4{}^0/_0$, эта подать просуществовала до 1824 года; но она не обезпечивала ни всеобщности, ни равномѣрности обложенія торговли и промысловъ, такъ какъ мѣщане и посадскіе были изъ нея изъяты, а среди гильдейскаго купечества объявляемыя суммы капитала могли вовсе не соотвѣтствовать дѣйствительнымъ. Когда же, съ увеличеніемъ тяжести гильдейскаго сбора, значительная часть купечества стала переписываться въ мѣщане или отыскивать другія лазейки, чтобы избѣжать платежа подати, правительство преобразовало процентный сборъ въ неизмѣнный окладъ, уплачивавшійся при полученіи свидѣтельства на право торговли. Идея о процентномъ сборѣ, однако, не заглохла вовсе и снова возродилась при обсужденіи общей податной реформы шестидесятыхъ годовъ. Предположено было постоянный патентный сборъ соединить съ подоходнымъ обложеніемъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, принимая за основаніе при оцѣнкѣ дохода—для *торговыхъ* предпріятій плату за помѣщеніе, а для *фабричныхъ и заводскихъ*—количество рабочихъ. Однако же Положеніе 1863 года осуществило только первую часть предположеній, т. е., въ сущности, удержало, съ нѣкоторыми измѣненіями, старую систему. Только въ 1885 году сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ къ обложенію доходности торговопромышленныхъ предпріятій. Правда, первоначальный проектъ Бунге, предполагавшій обложить всѣ предпріятія въ размѣрѣ 3% ихъ чистой прибыли, и на этотъ разъ вызвалъ возраженія со сто-

Государственные доходы Россіи (1680—1892 г.)

Годы:	Прямые:		Косвенные.	Регаліи.	Госуд. имущ.	Пошлины.	Другія суммы.	ВСЕГО.
	Подворные и подушные.	Промысловые.						
1680	0,494(33,7%)	0,073(5%)	0,650(44,4%)	0,040(2,7%)	0,073(5%)	0,033(2,3%)	0,100(6,8%)	1,464
1701	0,584(11,3%)	0,065(7,2%)	1,196(40,4%)	0,791(26,8%)	0,065(2,2%)	6,118(4%)	0,135(4,6%)	2,955
1724	4,731(53,5%)	0,255(3%)	2,791(32,7%)	0,233(2,7%)	0,219(2,6%)	0,150(1,88%)	1,47(2,7%	8,526
1764	9,121(47%)	0,152(0,8%)	8,182(42,2%)	0,158(0,8%)	0,152(0,8%)	0,015(0,08%)	1,624(8%)	19,408
1794	[1]5,859(39,6%)	0,486(1,2%)	19,014(47,3%)	1,627(4%)	0,604(1,5%)	?	2,528(6,3%)	
1825	32,604(29%)	5,363(4,7%)	52,596(46,5%)	4,457(39%)	2,712(24%)	6,108(5,4%)	9,204(8,1%)	113,044
1850	46,770(23,7%)	3,789(1,9%)	103,325(51,6%)	14,039(7,1%)	5,409(2,7%)	13,628(6,8%)	13,006(6,5%)	199,958
1870	74,858(22,6%)	8,384(2,5%)	152,419(45,9%)	15,347(9,9%)	[3]4,332(10,3%)	12,550(3,8%)	33,770(10%)	331,956
1892	79,628(12,4%)	31,536(4,9%)	313,415(48,9%)	24,775(3,8%)	95,196(14,8%)	43,919(6,8%)	51,827(8,8%)	640,296

См. таблицу расходовъ и замѣчанія къ ней въ концѣ предъидущаго отдѣла.

роны купечества и государственнаго совѣта. Сущность возраженій сводилась къ трудности вычислить чистый доходъ и къ несправедливости—обложить только одинъ классъ и одинъ видъ дохода—подоходнымъ налогомъ. Но относительно наиболѣе крупныхъ предпріятій, публикующихъ отчеты, трехпроцентный налогъ съ чистой прибыли былъ тогда же принятъ, а съ 1893 года превращенъ въ пятипроцентный. Въ то же самое время другія гильдейскія предпріятія были обложены по губерніямъ круглыми суммами, которыя уже разверстывались на мѣстѣ между отдѣльными плательщиками, и потому получили названіе «раскладочнаго» налога. Тотъ же раскладочный сборъ былъ распространенъ въ 1889 году и на негильдейскія предпріятія. По разсчету предполагаемой прибыли гильдейскія предпріятія платили въ 1891 году почти $2^0/_0$, негильдейскія $1^3/_4{}^0/_0$ съ своего чистаго дохода. Наконецъ, и предпріятія, обложенныя акцизомъ, привлечены съ 1893 г. къ платежу раскладочнаго налога. Такимъ образомъ, подоходное обложеніе, хотя еще далеко не въ совершенной формѣ, охватило постепенно всю область торговопромышленной дѣятельности; что ему не суждено ограничиться одною этой областью, показываетъ утвержденный въ 1893 году квартирный налогъ. Въ общемъ итогѣ нашихъ прямыхъ поступленій уже теперь налоги на торговлю и промышленность составляютъ около половины. Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ другими формами подоходнаго обложенія имъ суждено расти въ ближайшемъ будущемъ.

Мы остановились такъ долго на исторіи русскихъ прямыхъ налоговъ, потому что для ихъ взиманія правительство должно было создать и поддерживать принудительную тяглую организацію, съигравшую огромную роль въ русской общественной жизни. На этой организаціи податной раскладки мы могли наглядно видѣть, какъ правительственная нужда являлась въ Россіи сильнѣйшимъ рычагомъ общественной организаціи. Мы имѣли также случай видѣть, какъ финансовыя и военныя потребности правительства обусловливали его сословную политику. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы познакомимся подробнѣе съ плодами этого воздѣйствія.

Прямые налоги требовали для своего взиманія сложнаго механизма, устройство и поддержаніе котораго требовало отъ правительства большихъ хлопотъ и постояннаго надзора. Гораздо охотнѣе русское правительство (какъ, впрочемъ, и всѣ другія) прибѣгало къ другого рода налогамъ, которые плательщикъ уплачивалъ не прямо, а косвенно, не въ видѣ подати, а въ видѣ прибавки къ цѣнѣ покупаемаго имъ товара. Противъ этихъ, такъ-называемыхъ, косвенныхъ налоговъ (налоговъ на предметы потребленія) всегда

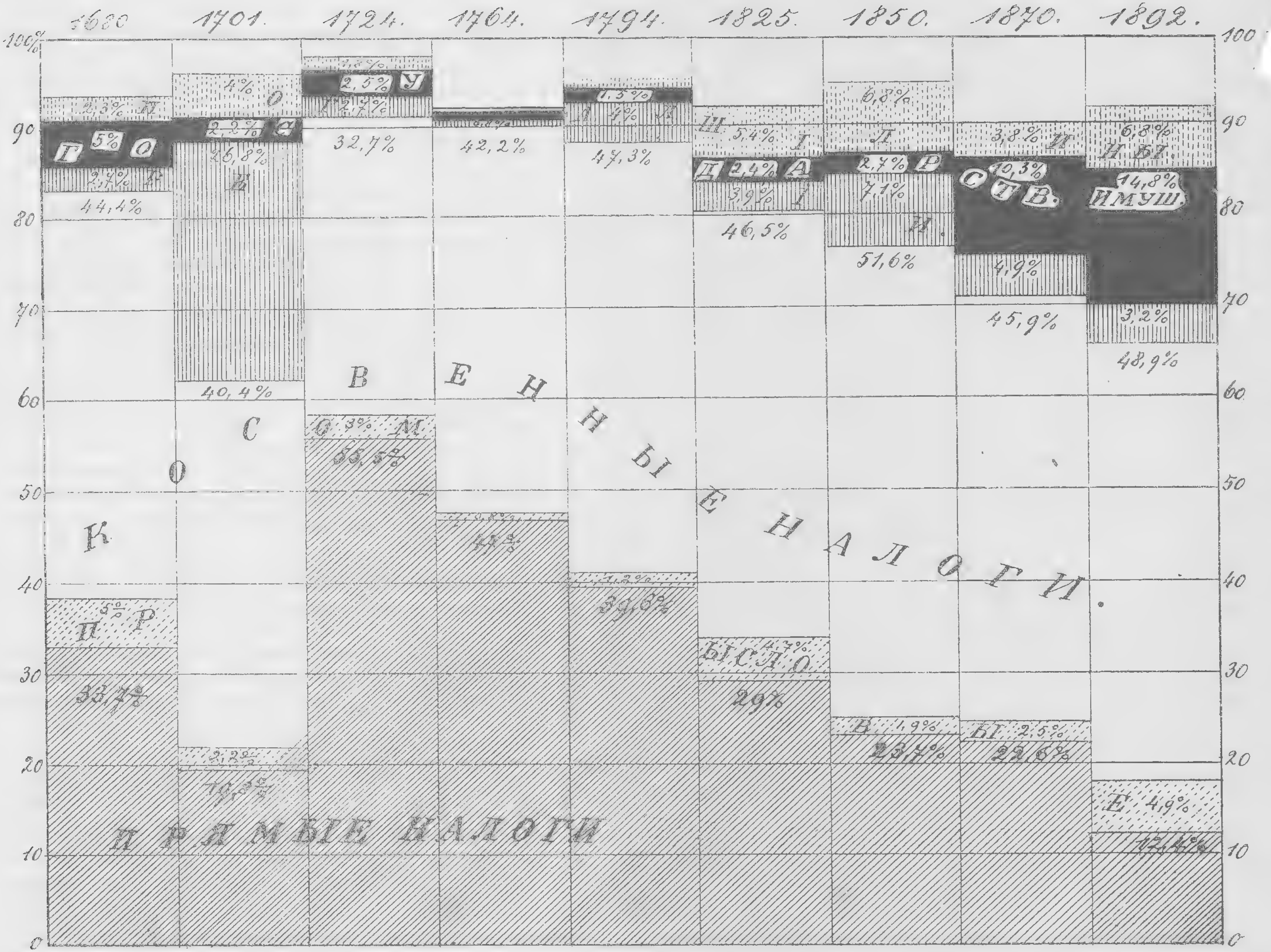
говорилось, что взиманіе ихъ ведетъ къ несправедливости, такъ какъ они падаютъ преимущественно на низшіе классы. Въ самомъ дѣлѣ, богатый не можетъ съѣсть соли или выпить вина во столько разъ больше бѣднаго, во сколько онъ богаче: онъ покупаетъ тоже количество необходимыхъ для него продуктовъ, какъ послѣдній, и, слѣдовательно, уплачиваетъ косвеннаго налога пропорціонально гораздо менѣе. Но эти возраженія не заставили правительство отказаться отъ взиманія косвенныхъ налоговъ, такъ какъ, при всемъ вредѣ для народа, выгоды этихъ налоговъ для казны были слишкомъ ощутительны и трудно замѣнимы. Косвенные налоги давали, во-первыхъ, огромныя суммы и, во-вторыхъ, суммы эти вносились большинствомъ плательщиковъ незамѣтно для нихъ самихъ и во всякомъ случаѣ не вызывали такого недовольства, какое могла бы вызвать одинаковая съ ними по размѣрамъ прямая подать. У насъ, въ Россіи, казна не ограничивалась, однако, тѣмъ, что облагала сборомъ главнѣйшіе предметы потребленія; отъ времени до времени она брала на себя самое изготовленіе этихъ предметовъ, или, по крайней мѣрѣ, сама занималась ихъ продажей. Въ этомъ случаѣ косвенный налогъ получаетъ характеръ государственной монополіи или регаліи. Такъ какъ, однако же, правительство постоянно колебалось между системой собственнаго приготовленія и продажи и системой обложенія частныхъ предпринимателей, то мы не будемъ относить обложеніе одного и того же продукта одинъ разъ къ регаліямъ, другой разъ къ косвеннымъ налогамъ, а прямо отнесемъ къ послѣднимъ.

Главнѣйшими составными частями косвеннаго налога были съ давняго времени таможенные сборы и питейный доходъ; при Петрѣ къ этому присоединилась соль, освобожденная отъ налога только въ 1880 г.; при Николаѣ прибавились еще налоги на табакъ, на свеклосахарное производство; въ прошедшее царствованіе—на керосинъ и спички. За исключеніемъ полувѣка со времени введенія подушной подати — доходъ со всѣхъ этихъ акцизныхъ и таможенныхъ сборовъ постоянно составлялъ главную часть бюджета. Взиманіе косвенныхъ налоговъ представляетъ для насъ тотъ интересъ, что здѣсь мы опять можемъ убѣдиться, какъ недостаточны были въ старой Руси собственные финансовые органы правительства. Отдавъ взиманіе прямыхъ податей на круговую отвѣтственность сельскихъ и посадскихъ общинъ, московское правительство отдало сборъ косвенныхъ налоговъ на такую же отвѣтственность высшаго слоя городского сословія. Но такъ какъ эта повинность горожанъ тѣсно связана съ происхожденіемъ городского самоуправленія, то мы и отложимъ бесѣду о ней до соотвѣтственнаго отдѣла нашихъ «Очерковъ» (См. Оч. IV, отд. II).

Остальные источники государственныхъ доходовъ играли въ русскомъ бюджетѣ сравнительно второстепенную роль. Мы перечислимъ ихъ здѣсь только для полноты обзора.

Изъ государственныхъ регалій (т. е. исключительныхъ правъ государства) раньше другихъ сдѣлалась предметомъ дохода—чеканка монеты. Перечеканивая иностранную монету въ свою, правительство пускало ее по нѣсколько высшей цѣнѣ и имѣло отсюда постоянную небольшую прибыль. Но Петръ, какъ мы знаемъ злоупотребилъ этомъ правомъ, пустивъ въ оборотъ по старой цѣнѣ вдвое худшую монету; отсюда происходитъ исключительно высокая цифра 1701 г., по которой доходъ съ монетной операціи превышалъ $^1/_4$ всего бюджета. Со времени Петра присоединяется къ монетной регаліи доходъ отъ почтовой регаліи, вскорѣ послѣ Петра еще доходъ съ горной регаліи, т. е. доходъ съ разработки казенныхъ рудниковъ и пошлина съ частныхъ, съ Николая—доходъ съ телеграфной регаліи. Съ развитіемъ сообщеній почтовый и телеграфный доходы быстро растутъ и составляютъ теперь $^9/_{10}$ всѣхъ регальныхъ поступленій; горный доходъ со времени крымской войны, напротивъ, падаетъ, а монетный сводится къ совершенно ничтожной цифрѣ. Свои обширныя государственныя имущества московское государство эксплуатировало только однимъ способомъ: отдачей на оброкъ—оброчныхъ статей. Теперь оброчныя статьи составляютъ только $^1/_8$ дохода съ государственныхъ имуществъ; на первое мѣсто выдвинулся доходъ съ желѣзныхъ дорогъ и лѣсовъ. Наконецъ, пошлины (гербовыя, крѣпостныя, судебныя и т. д.) составляли всегда незначительную часть государственнаго дохода.

Послѣ этого бѣглаго перечисленія намъ остается отвѣтить на одинъ вопросъ: какъ тяжело ложился и ложится доходъ русскаго государства на населеніе? Абсолютныя цифры денегъ, платимыхъ государству населеніемъ, кажутся не особенно значительными. За 200 лѣтъ, отъ 1680 по 1880 г., общая сумма доходовъ государства разъ въ 30 увеличилась, а съ 1725 г.—удесятерилась. Но мы видѣли раньше, что за то же время количество населенія увеличилось въ 9 разъ; стало быть, принимая въ разсчетъ это увеличеніе населенія (и измѣненіе цѣны денегъ), теперешнее населеніе разъ въ пять платитъ больше, чѣмъ въ до-петровское время, и немногимъ болѣе (сравнительно съ 1891 г. по разсчету бумажнаго рубля—раза въ $1^1/_2$), чѣмъ въ концѣ его царствованія. На наши деньги это выйдетъ около 1 руб. 56 коп. съ человѣка въ 1680 г. (если считать 16 мил. населенія и 25 мил. дохода), около 5 р. 77 коп. въ 1724 г. (считая 13 мил. и 75 мил. дохода) и около



1701.
1724.
1764.
1794.
1825.
1850.
1870.
1892.
100%
90
80
70
60
50
40
30
20
10
0
44,4%
40,4%
32,7%
42,2%
47,3%
46,5%
51,6%
45,9%
48,9%
26,8%
7,1%
4,9%
3,2%
10,3%
14,8%
6,8%
5,4%
3,8%
2,5%
2,7%
2,4%
3,9%
4%
2,2%
5%
2,3%
29%
23,7%
22,6%
12,4%
4,9%
1,9%
2,5%
К О С В Е Н Н Ы Е Н А Л О Г И.
ПРЯМЫЕ НАЛОГИ
ИМУЩ.

8 руб. теперь (считая 120 милл. и около милліарда бумажн. руб. дохода).

Обложеніе большей части европейскихъ странъ значительно тяжеле, а наиболѣе передовыя изъ нихъ (особенно Франція и Англія) заставляютъ свое населеніе платить государству въ $2^1/_2$—3 раза больше, чѣмъ Россія. Но тяжесть обложенія измѣряется не только этими абсолютными цифрами, а также и способностью населенія платить эти суммы.

Какъ напряжены были платежныя силы населенія за все время государственнаго роста Россіи, это видно уже изъ того, что правительству пришлось прибѣгнуть къ описанной выше принудительной организаціи плательщиковъ. О томъ же свидѣтельствуетъ въ высшей степени важный фактъ, который можно было предполагать и ранѣе, но который, съ цифрами въ рукахъ, обнаруженъ только статистиками нашего времени. Оказывается, что въ доброй половинѣ Россіи главная часть населенія, земледѣльческая, платила въ казну больше, чѣмъ сама получала отъ своего главнаго занятія—земледѣлія; такимъ образомъ излишекъ, необходимый для казны,—этой части населенія приходилось заработывать на сторонѣ, посторонними занятіями. Въ такомъ положеніи находился весь нашъ нечерноземный сѣверъ. Ранѣе мы говорили, что земледѣліе давно не составляетъ исключительнаго и даже главнаго занятія здѣшняго населенія, что въ значительной степени оно кормится здѣсь домашней или фабричной промышленностью. Мы видѣли въ этомъ естественный результатъ истощенія природныхъ богатствъ и увеличенія народонаселенія,—слѣдовательно, представляли себѣ переходъ къ промышленности естественнымъ послѣдствіемъ внутренняго экономическаго развитія. Такова и была, конечно, главная, основная причина этого явленія. Но теперь мы имѣемъ возможность оцѣнить силу другой причины,—необходимости платить государственные налоги,—которая должна была дѣйствовать въ томъ же направленіи и, слѣдовательно, въ немалой степени участвовала въ произведеніи того же результата. И здѣсь, слѣдовательно, въ этомъ, повидимому, чисто экономическомъ явленіи, мы встрѣчаемся съ воздѣйствіемъ на общественную жизнь государства. Припомнимъ, какую значительную роль играло государство въ развитіи русской фабричной промышленности. Объясняя и защищая усиленныя мѣры покровительства этой промышленности, многіе государственные дѣятели, писатели и представители власти указывали пользу этого покровительства какъ разъ въ томъ, что такимъ образомъ умножается число людей, имѣющихъ заработокъ помимо земледѣлія, и увеличиваются, слѣдовательно,

платежныя силы русскаго населенія. Возможность увеличить, прямо или косвенно, доходы казны всегда оставалась задней мыслью русскаго протекціонизма. Покровительствуя національной промышленности, правительство постоянно надѣялось усилить этимъ путемъ налогоспособность плательщиковъ. Такимъ образомъ, нашъ протекціонизмъ послужилъ самымъ естественнымъ переходомъ отъ исключительныхъ заботъ правительства о казенномъ интересѣ—къ заботамъ о развитіи народнаго хозяйства. Онъ былъ первой,—весьма, конечно, элементарной—формой, въ которой проявилась государственная забота о «пользѣ общаго блага и пожиткѣ подданныхъ» *), какъ о чемъ-то особомъ отъ «государственной прибыли». Забота эта началась съ тѣхъ поръ, какъ явился на Руси первый проблескъ мысли о солидарности интересовъ государственнаго и народнаго хозяйства. Правда, на первый разъ интересы народнаго хозяйства поняты были слишкомъ узко и отожествлены съ интересами торгово-промышленнаго сословія. Но въ тогдашнее время и трудно было замѣтить несоотвѣтствіе этихъ сословныхъ интересовъ съ «пользою общаго блага». Основной принципъ, во всякомъ случаѣ, тогда уже былъ формулированъ правильно. «Худой тотъ сборъ»,—такъ выразилъ этотъ принципъ Посошковъ,—«аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ»; «понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, но то самое царственное богатство, ежели бы *весь народъ* богатъ былъ»; «крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное».

Суровость условій нашей исторической жизни мѣшала осуществленію золотыхъ словъ Посошкова много времени спустя послѣ того, какъ идея, заключенная въ нихъ, сдѣлалась достояніемъ правительственныхъ и общественныхъ сферъ. Привести эту идею въ согласіе съ жизнью—и до сихъ поръ составляетъ задачу будущаго.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, см. для этого отдѣла Военно-статистическій сборникъ, вып. IV. Россія. Спб. 1871. *Рудченко*, Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи. Спб. 1893 (изд. департамента торговли и мануфактуръ). *Янжулъ*, Основныя начала финансовой науки. Спб. 1890. Объ общинной раскладкѣ податей см. статьи *В. Трирогова*, собранныя въ его книгѣ: Община и подать. Спб. 1882 г.

---

*) Выраженіе петровскихъ жалованныхъ грамотъ 1716—1717 гг. на заведеніе первыхъ фабрикъ.

III.

Связь развитія русскихъ государственныхъ учрежденій съ военными и финансовыми нуждами.—Дворцовые и государственные элементы въ управленіи великихъ княжествъ древней Руси.—Механическое наростаніе учрежденій съ конца XV в. по средину XVI в.—Финансовый характеръ административной реформы Ивана IV.—Новые наросты; территоріальный характеръ центральнаго управленія. — Сліяніе финансовыхъ вѣдомствъ и расчлененіе военныхъ втеченіе XVII в.—Завершеніе обоихъ процессовъ во время Петра.—Развитіе областнаго устройства и разрушеніе центральнаго, какъ ихъ результатъ.—Первая систематическая реформа государственныхъ учрежденій: ея неудача.—Общій итогъ развитія государственныхъ учрежденій до Екатерины II.—Вторая систематическая реформа областныхъ учрежденій (при Екатеринѣ) и центральныхъ (при Александрѣ I).

Первые два отдѣла этого очерка показали намъ, до какой степени вопросы самоохраненія поглощали все вниманіе древняго русскаго государства, и какъ мало заботы оно могло удѣлить всѣмъ остальнымъ государственнымъ задачамъ. Естественно ожидать, что и вся государственная организація древней Руси развивалась подъ непосредственнымъ давленіемъ тѣхъ же насущныхъ потребностей, о которыхъ шла рѣчь до сихъ поръ,—подъ вліяніемъ быстро возраставшей нужды въ войскѣ и въ деньгахъ. Мы отмѣтили до сихъ поръ въ жизни московскаго государства нѣсколько моментовъ усиленной военной нужды, сопровождавшейся важными финансовыми реформами, именно:

1) *1490-е годы:* «Дворъ государевъ» осложняется «дѣтьми боярскими», навербованными «изъ городовъ». Введеніе ямской подати; финансовая перепись земель, присоединенныхъ къ Москвѣ, и введеніе въ нихъ однообразной московской финансовой единицы—московской сохи.

2) *1550-е годы:* реформируется пѣхота, вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ («стрѣльцы»), и устраивается правильная оборона юга съ помощью «засѣкъ». Введеніе «пищальныхъ», «засѣч-

ныхъ», «емчужныхъ», «на городовое дѣло» и «полоняничныхъ» денегъ. Реформа сошнаго обложенія (нормировка размѣровъ «сохи», различеніе качества земли и разрядовъ плательщиковъ) и первая генеральная перепись.

3) *1620-е годы*: войска набираются вновь, пѣхота выписывается изъ-за границы, вводится иноземный строй. Введеніе «большихъ ямскихъ» и «стрѣлецкой» подати. Составленіе новыхъ писцовыхъ книгъ и нормировка размѣровъ «живущей четверти».

4) *1660—1680-е годы*: Организуются мѣстные полки и пограничные штабы. «Драгуны, рейтары и солдаты» вытѣсняютъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. Развитіе подворнаго обложенія; отмѣна старыхъ податей; поразрядный городской налогъ.

5) *1700—1720-е годы*: среди непрерывныхъ походовъ создается регулярная армія и флотъ. Экстренные подати и сборы; введеніе подушной подати.

Намъ предстоитъ теперь увидѣть, что каждая изъ этихъ военно-финансовыхъ перемѣнъ сопровождалась реорганизаціей государственныхъ учрежденій, и что главной цѣлью этой реорганизаціи было удовлетвореніе все той же нужды въ деньгахъ и въ войскѣ.

Русскія учрежденія развились очень поздно и изъ очень простой и первобытной ячейки. До самаго конца XV вѣка государственное управленіе Россіи почти совершенно сливалось съ дворцовымъ хозяйствомъ. Древнѣйшими учрежденіями русскаго князя были его кладовая (казна), погребъ, кухня, конюшня, псарня и птичій дворъ; казначеи и дворецкіе, чашники, стольники, конюшіе, псари и сокольники были его чиновниками. Въ его селахъ, волостяхъ и городахъ сидѣли назначенные имъ «приказчики»; извѣстные намъ финансовые чиновники, «данщики» и «писцы», объѣзжали по временамъ княжескія земли. Все управленіе сводилось къ государеву дворцу. Нѣкоторые изслѣдователи заключили изъ этого, что древнѣйшее устройство русскаго княжества носило совершенно частный, не государственный характеръ: князь былъ просто хозяинъ своей вотчины. На дѣлѣ, дворцовое управленіе древняго княжества такъ же неудобно называть частнымъ, какъ и государственнымъ: въ немъ одинаково смѣшивались какъ тотъ, такъ и другой элементы. Князь судилъ, сбиралъ подати, велъ войну и сношенія съ сосѣдями, конечно, не какъ частный хозяинъ; его слуги, съ помощью которыхъ онъ все это дѣлалъ, были не только приказчиками въ большомъ хозяйствѣ, но настоящими государственными чиновниками; и въ составѣ княжескихъ учрежденій очень рано стали выдѣляться учрежденія съ чисто

государственнымъ характеромъ. Финансы, войско и дипломатическія сношенія съ давнихъ поръ завѣдывались «дворцовыми», «разрядными» и «посольскими» дьяками, которымъ эти дѣла были спеціально «приказаны». Постепенно эти «приказы» (т. е. порученія) отвердились въ постоянныя учрежденія: дворецъ, разрядъ и посольскій приказъ (къ срединѣ XVI вѣка),

Описанное государственное устройство было, приблизительно, одинаково во всѣхъ великихъ княженіяхъ древней Руси. Когда одно изъ этихъ княженій, Московское, поглотило остальныя, естественно, что государственное устройство объединенной Руси должно было осложниться. На первыхъ порахъ, однако же, осложненіе это было чисто внѣшнее, совершенно механическое. Присоединяя какую-нибудь значительную область, Новгородъ, Тверь или Рязань—правительство Ивана III и Василія III переводило въ Москву центральныя учрежденія этихъ областей: ихъ «дворцы» и «разряды». Такимъ образомъ, рядомъ съ Московскимъ «дворцомъ», для отличія получившимъ названіе «Большого», явились «Тверской» и «Рязанскій»; такимъ же образомъ Новгородскій «разрядъ» долженъ былъ стать рядомъ съ Московскимъ разрядомъ. Въ присоединенную область посылается «намѣстникъ»: власть, дѣйствовавшая очень самостоятельно и почти независимо отъ Москвы. Такое механическое наростаніе учрежденій продолжалось со времени первыхъ крупныхъ пріобрѣтеній Москвы вплоть до Ивана IV. Ко времени Ивана IV вся система русскихъ учрежденій должна была представлять очень пестрое зрѣлище. Она походила на жилое помѣщеніе, которое давно уже стало тѣснымъ для хозяина, но которое хозяинъ не хотѣлъ ломать, ограничиваясь всевозможными пристройками къ старому корпусу.

Правительство Ивана IV рѣшило, наконецъ, снести этотъ старый корпусъ со всѣми пристройками и на мѣстѣ ихъ построило новое зданіе, болѣе помѣстительное и болѣе систематически расположенное. Прежде всего Иванъ IV впервые отдѣлилъ управленіе государственное отъ дворцоваго: таковъ былъ смыслъ введенія имъ опричнины. На дворцовыя нужды, на «государевъ обиходъ» было отдѣлено до 40 городовъ, волостей и селъ, которые и составили основной фондъ дворцовыхъ земель. Вѣдать ими продолжалъ по старому «Большой дворецъ». Всѣ же другія мѣстности государства образовали «земщину», и доходъ съ нихъ поступалъ въ особую государственную казну, отдѣлившуюся съ этихъ поръ отъ дворцовой подъ названіемъ «Большого Прихода». Такъ какъ вѣдомство Большого Прихода распространялось, за исключеніемъ дворцовыхъ земель, на всю старую территорію государства, то

одному учрежденію справляться съ такимъ огромнымъ вѣдомствомъ было трудно. Для большей правильности управленія, вѣдомство это было раздѣлено на четыре «четверти», и каждая отдана въ завѣдованіе одному изъ самыхъ главныхъ «дьяковъ», по нашему, статсъ-секретарей государства. Къ каждой четверти были приписаны извѣстные города, такъ что территорія раздѣлилась на тѣ же четверти, получившія названія отъ главныхъ городовъ—Владиміра, Устюга, Галича, Новгорода: Владимірская, Устюжская, Галичская и Новгородская четверть. Въ какой степени вся эта реорганизація была вызвана финансовыми потребностями, видно изъ того, что новыя учрежденія предназначались, главнымъ образомъ, для взиманія податей, и все устройство «четвертей» получило по преимуществу финансовый характеръ. Однако же не надо представлять себѣ, что четверти были какими-нибудь областями, вродѣ губерній или генералъ-губернаторствъ. Города, входившіе въ составъ извѣстной четверти, были набраны изъ всѣхъ концовъ Россіи и самымъ пестрымъ образомъ перемѣшивались съ городами, попавшими въ вѣдомство другихъ четвертей. Каждый городъ сносился прямо съ Москвой, такъ что на мѣстѣ въ области, никакого общаго управленія городами не существовало. Мы видимъ, значитъ, что это первое областное дѣленіе Россіи было совершенно искусственнымъ: правительство перетасовало города Россіи, какъ пришлось, почти безъ всякаго соображенія съ ихъ взаимной географической близостью или съ ихъ прежней исторической связью. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ развитія нашихъ учрежденій, мы наталкиваемся на огромную разницу съ западомъ. Тамъ каждая область была плотнымъ замкнутымъ цѣлымъ, связаннымъ особыми правами, которыми эти области долго не хотѣли поступиться государству. Наша исторія не выработала никакихъ прочныхъ мѣстныхъ связей, никакой мѣстной организаціи; немедленно по присоединеніи къ Москвѣ, присоединенныя области распадались на атомы, изъ которыхъ правительство могло лѣпить какія угодно тѣла. Но на первый разъ оно ограничилось тѣмъ, что каждый такой атомъ разъединило отъ сосѣднихъ и привязало административными нитями прямо къ центру.

Процессъ роста русскихъ учрежденій продолжался очень быстро и послѣ реформъ Ивана IV, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ, столь же быстрымъ ростомъ русской территоріи. Уже при самомъ раздѣленіи русской территоріи на четверти, не были введены въ составъ четвертей города только-что покоренныхъ царствъ—Казанскаго и Астраханскаго: по старому принципу, для завѣдыванія

ими, былъ образованъ новый «Казанскій дворецъ», бывшій заразъ и «разрядомъ», такъ какъ въ немъ вѣдались и финансы, и военная служба на вновь пріобрѣтенной окраинѣ. Когда были начаты завоеванія въ Сибири,—во все первое полустолѣтіе этихъ завоеваній и Сибирь присоединялась къ вѣдомству Казанскаго дворца, пока, наконецъ, въ 1637 году не былъ образованъ особый Сибирскій приказъ.

Затѣмъ и на югѣ, за Оку, русская территорія продолжала непрерывно расти: немедленно послѣ устройства четвертей—на югѣ появились новые города, уже не попавшіе въ «четверти». Эти города, построенные, большею частью, для военныхъ цѣлей, естественно, находились въ вѣдомствѣ тогдашняго военнаго министерства—«Разряднаго Приказа». Такимъ образомъ, государственное устройство очень скоро стало опять пестрымъ. Большой дворецъ, Устюжская, Галичская, Новгородская и Владимірская чети, Казанскій дворецъ, Сибирскій дворецъ, Разрядный приказъ,—каждое изъ этихъ учрежденій вѣдало особый округъ и при томъ вѣдало вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ: и собирало подати, и судило, и управляло, а гдѣ были военные люди, тамъ завѣдовало и военною службою. Такимъ образомъ, дѣла были распредѣлены между высшими учрежденіями Московскаго государства (Приказами) не по ихъ содержанію, а по принадлежности ихъ къ извѣстному городу: не систематически, а территоріально. Территоріальный характеръ центральныхъ учрежденій до нѣкоторой степени маскировалъ полное отсутствіе чего-либо похожаго на областное устройство.

Такое грубое распредѣленіе дѣлъ само по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что и задачи, которыя преслѣдовало правительственное управленіе, были крайне грубы и несложны. Мы могли въ этомъ убѣдиться, когда знакомились съ расходами Московскаго государства; къ тому же приводитъ теперь насъ и исторія московскихъ учрежденій. Управленіе въ собственномъ смыслѣ, то-есть, заботы объ общественномъ благоустройствѣ, стояли на второмъ планѣ; и еще въ большемъ забросѣ находился судъ: судилъ въ Московскомъ государствѣ всякій, кто управлялъ, такъ что судъ считался однимъ изъ второстепенныхъ придатковъ управленія; это смѣшеніе какъ нельзя лучше выразилось въ томъ, что самое слово «судья» значило тогда то же, что правитель или администраторъ. Главными цѣлями, какъ мы не разъ говорили, были для московскаго правительства добываніе денегъ и содержаніе войска. Деньги московское правительство XVII вѣка добывало преимущественно на сѣверѣ, отъ черносошныхъ, а войско содержало преимущественно на югѣ, на военной границѣ. Со-

образно съ этими цѣлями распредѣляется къ XVII вѣку и характеръ московскаго управленія между сѣверомъ и югомъ. На сѣверѣ (и въ центрѣ) задачей московскаго правительства становится—сосредоточить въ однѣхъ рукахъ какъ можно болѣе денегъ; поэтому и цѣлью управленія сѣверомъ дѣлается—слить денежные сборы «четвертей» въ одну общую кассу. Къ концу XVII вѣка цѣль эта достигается: «четверти» уничтожаются, а сборы ихъ (и прежде всего главнѣйшіе изъ этихъ сборовъ, таможенные и кабацкіе) сосредоточиваются въ центральномъ приказѣ «Большой Казны», настоящемъ министерствѣ финансовъ того времени. По отношенію къ югу цѣль правительства другая: правильное устройство военной обороны. Выше (стр. 118—19) мы уже имѣли случай замѣтить, что, по мѣрѣ удаленія границъ государства отъ Москвы, приходилось и штабы оборонительныхъ корпусовъ отодвигать къ новымъ границамъ. Во время войнъ Алексѣя Михаиловича намѣтились три главныхъ центра военной обороны границы: Новгородъ (со стороны шведовъ), Сѣвскъ (со стороны литовско-польскаго государства) и Бѣлгородъ (со стороны Крыма). Въ этихъ центрахъ правительство организуетъ постоянные военные корпуса, такъ называемые «полки» или «разряды». Чтобы не было затрудненій въ наборѣ рекрутъ для этихъ корпусовъ, къ каждому изъ этихъ городовъ приписывается значительное количество сосѣднихъ городовъ; а чтобы было на что содержать корпуса, всѣ доходы этихъ городовъ (а вмѣстѣ и все управленіе ими) отдаются въ распоряженіе военнаго начальства каждаго «разряда». Такимъ образомъ, формируются три обширныхъ военныхъ округа, также получающихъ имя «полковъ» или «разрядовъ»: новгородскій, сѣвскій и бѣлгородскій. Итакъ, въ то самое время, какъ на сѣверѣ и въ центрѣ разрушаются старые финансовые округа, «четверти», и сливаются въ одномъ центральномъ финансовомъ вѣдомствѣ, военное вѣдомство Разряднаго приказа, напротивъ, расчленяется: на южной и западной окраинахъ вновь появляются округа военные, гораздо тѣснѣе сплоченные и болѣе непрерывные географически, чѣмъ уничтоженные финансовые округа сѣвера.

Въ такомъ состояніи засталъ русскія учрежденія Петръ. Та нужда въ деньгахъ и войскѣ, которая вызывала административныя перемѣны въ XVII вѣкѣ,—во время Петра увеличилась въ огромныхъ размѣрахъ. Естественно, что и перемѣны въ управленіи, подобныя тѣмъ, которыя мы сейчасъ отмѣтили въ XVII в. (т.-е. разрушеніе финансовыхъ округовъ и образованіе военныхъ), въ петровское время стали совершаться ускореннымъ темпомъ. Финансовые округа и приказы, уцѣлѣвшіе къ его времени отъ XVII

вѣка, въ нѣсколько лѣтъ окончательно разрушились, такъ какъ Петръ мало-по-малу передалъ всѣ ихъ доходы въ руки новыхъ, имъ самимъ созданныхъ учрежденій: такимъ образомъ, старые государственные доходы направлены были на удовлетвореніе новыхъ очередныхъ потребностей.

Напротивъ, военные округа, сформировавшіеся во второй половинѣ XVII в., не только не разрушились, а окончательно окрѣпли и распространились на всю Россію. Петру было еще нужнѣе, чѣмъ Алексѣю и Ѳедору, сосредоточить сборы со всей Россіи прямо въ рукахъ своихъ генераловъ и адмираловъ, поближе къ мѣсту ихъ дѣйствій. Завоевываетъ онъ Прибалтійскій край, и весь сѣверо-западъ Россіи отдается въ полное распоряженіе главнокомандующаго Меньшикова. Ожидаетъ онъ нападенія Карла XII изъ-за Днѣпра, и немедленно формируются военныя квартиры въ Смоленскѣ и Кіевѣ; къ Кіеву приписываются и старые разряды: сѣвскій и половина бѣлгородскаго. Другая половина бѣлгородскаго съ Воронежемъ приписывается къ Азову, для построенія флота. Бунтъ поволжскихъ инородцевъ заставляетъ сформировать военную квартиру въ Казани и перенести туда, на мѣсто, управленіе стараго «Казанскаго дворца». Только центръ и сѣверъ остаются внѣ прямого завѣдыванія генераловъ; но для большаго единообразія Петръ и ихъ рѣшаетъ превратить въ военно-финансовые округа, съ обязательствомъ помогать южной Россіи. Такимъ образомъ, создается, впервые въ Россіи, правильное дѣленіе всего государства на области или, какъ называетъ ихъ Петръ, «губерніи» (С.-Петербургская или Ингерманландская, Смоленская, Кіевская, Азовская, Казанская, Московская, Архангелогородская и Сибирская).

Въ результатѣ устройства губерній (1708—1712 гг.) обнаружилась, однако, большая неожиданность. Раздѣливши управленіе и доходы съ различныхъ областей Россіи между своими генералами, Петръ этимъ самымъ въ корнѣ разрушилъ прежнее центральное управленіе—«приказы». Мы видѣли, что главной задачей большинства приказовъ было финансовое или военное управленіе территоріальными округами; теперь, когда военно-финансовое управленіе перешло къ губернаторамъ, приказы сами собою перестали существовать. Россія была теперь съ областями, но безъ центральнаго управленія; жалкіе обломки приказовъ слились съ управленіемъ Московской губерніи; старинная дума боярская уже не собиралась съ начала столѣтія; вмѣсто нея существовали съѣзды ближайшихъ помощниковъ Петра, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ, собиравшіеся, за его отлучками, все рѣже и рѣже. Уже для военно-финансовыхъ порученій пришлось создать

въ центрѣ болѣе постоянное учрежденіе, которое Петръ украсилъ громкимъ именемъ «сената». За полнымъ отсутствіемъ другихъ центральныхъ органовъ, сенатъ не могъ остаться простымъ исполнителемъ порученій государя и скоро сдѣлался высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Но въ этомъ своемъ качествѣ, сенатъ одинъ не могъ управиться со всѣми дѣлами, не могъ замѣнить цѣлой системы центральныхъ учрежденій. Поэтому, на дѣлѣ пробѣлъ въ государственномъ строѣ оставался незаполненнымъ: новые губернаторы хозяйничали въ своихъ губерніяхъ совершенно безконтрольно, и управленіе Россіей потеряло всякое единство. Пока Петръ лихорадочно занимался борьбой съ Карломъ XII-мъ и Турціей и безпрерывно переѣзжалъ изъ конца въ конецъ своего обширнаго государства, появляясь въ Москвѣ лишь на нѣсколько недѣль каждый годъ (обыкновенно къ новому году), онъ не могъ, конечно, замѣчать неудобствъ новаго государственнаго устройства. Но когда самое трудное время прошло, когда Петръ окончательно рѣшилъ поселиться на одномъ (и притомъ, новомъ) мѣстѣ, то очень скоро онъ долженъ былъ почувствовать необходимость новыхъ, правильно организованныхъ, центральныхъ учрежденій. Откуда было ихъ взять? Во всей Европѣ одна страна славилась тогда своими правительственными учрежденіями, устроенными въ духѣ неограниченной монархической власти: это—Швеція. Въ другихъ странахъ государственный строй носилъ болѣе или менѣе ясные слѣды средневѣкового феодализма. Естественно, что Швеція и сдѣлалась образцомъ для подражанія: по шведскому образцу рѣшено было устроить въ центрѣ государства «коллегіи», а въ области ввести «провинціи» съ правильнымъ устройствомъ финансовой, административной и судебной власти, съ значительнымъ служебнымъ персоналомъ Казалось, впервые русская область придетъ въ нѣкоторый порядокъ, русская власть станетъ лицомъ къ лицу съ подданнымъ и перестанетъ нуждаться въ посредникахъ, судъ будетъ выдѣленъ изъ управленія и порученъ будетъ самостоятельнымъ отдѣльнымъ учрежденіямъ. Но всѣ эти благія намѣренія наткнулись на одно непреодолимое препятствіе. По шведскимъ порядкамъ управленіе одной Лифляндіей обошлось бы государству дороже, чѣмъ стоило прежде управленіе всей Россіей. Примитивное управленіе Московскаго государства, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло то незамѣнимое для казны достоинство, что обходилось чрезвычайно дешево. Напротивъ, образцовыя шведскія учрежденія оказались для бѣдной страны, отягощенной сверхъ силъ высокими налогами, черезчуръ дороги. Поэтому, уже при самомъ введеніи ихъ, пришлось сдѣлать въ нихъ

такія значительныя упрощенія, что они потеряли въ сущности всю свою цѣну. Въ своемъ испорченномъ видѣ они не стоили и того, что приходилось на нихъ расходовать. Поэтому, немедленно послѣ смерти Петра, правительство сочло за лучшее почти вовсе отмѣнить ихъ и вернуть областныя учрежденія почти къ допетровской простотѣ. Воеводы и воеводская канцелярія для провинціи, губернаторъ и губернская канцелярія для губерній — вотъ все, или почти все, что осталось отъ всѣхъ этихъ рентмейстеровъ, камериpовъ, ландрихтеровъ и другихъ чиновниковъ шведской системы. Такимъ образомъ, первая попытка правильной бюрократической организаціи областнаго управленія кончилась неудачей. За то уцѣлѣла другая сторона заимствованныхъ учрежденій—шведскія коллегіи. Собственно,—такъ, какъ онѣ были введены, и въ нихъ ничего не оставалось шведскаго. Но въ нихъ дорога была самая простая и основная идея — систематическаго распредѣленія дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Послѣ хаотической системы приказнаго управленія какія бы то ни было, только-бы систематически соподчиненныя, центральныя учрежденія казались истиннымъ совершенствомъ. Сохранился и сенатъ, хотя по шведскому порядку при коллегіяхъ въ немъ не было никакой надобности; и на практикѣ въ теченіе всего XVIII в. сенатъ никакъ не могъ точно установить своего положенія между высшей государственной властью и коллегіями. По отношенію къ высшей государственной власти, сенатъ могъ имѣть только значеніе *исполнительнаго* органа; но высшая власть не могла обойтись безъ всякихъ учрежденій при проявленіи своихъ высшихъ учредительныхъ и законодательныхъ правъ. Такія учрежденія, съ *учредительнымъ* и *законодательнымъ* характеромъ, постоянно возникали возлѣ верховной власти (верховный совѣтъ, кабинетъ и т. д.), и постоянно становились фактически выше сената, а формально — ихъ отношеніе часто оставалось неопредѣленнымъ. По отношенію къ коллегіямъ, съ другой стороны, сенатъ имѣлъ характеръ наблюдательнаго органа; но важнѣйшія изъ коллегій прямо были поставлены наравнѣ съ нимъ и не подчинялись ему (военная, адмиралтейская, иностранная); а по отношенію къ другимъ, сенатъ не имѣлъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ правильно осуществить свой контроль.

Мы прослѣдили, такимъ образомъ, связь между главнѣйшими нуждами государства и постепеннымъ развитіемъ государственнаго строя до Екатерины II. Механическому объединенію областей и ихъ военныхъ отрядовъ соотвѣтствуетъ механическое наростаніе военныхъ и финансовыхъ учрежденій въ центрѣ, при полномъ отсутствіи

связи между центромъ и областями. Затѣмъ, съ финансовыми и военными реформами Ивана Грознаго связана первая попытка систематизаціи государственнаго управленія; цѣль этой систематизаціи исключительно финансовая. Связь области съ центромъ устанавливается, но устанавливается не путемъ устройства административныхъ инстанцій, а путемъ непосредственнаго управленія областью изъ центра. Далѣе происходитъ военная колонизація юга и совершается втеченіе XVII вѣка дифференціація финансоваго и военнаго управленій. Первое требуетъ объединенія доходовъ, второе—разъединенія власти. Объединеніе финансоваго управленія ведетъ къ постепенному разрушенію старыхъ центральныхъ учрежденій; разъединеніе военной власти полагаетъ начало новому областному дѣленію. Войны Петра доводятъ оба процесса до крайнихъ результатовъ: *всѣ* центральныя учрежденія разрушаются, и финансовое управленіе дробится между начальниками округовъ, сформированныхъ для военныхъ цѣлей. Наконецъ, на пустомъ мѣстѣ производится первая попытка систематической реформы центральнаго управленія; но, въ виду невозможности создать соотвѣтственную сѣть областныхъ учрежденій, эта попытка оказывается мало дѣйствительной. Чего же достигалъ этотъ тяжелый механизмъ, такъ медленно совершенствовавшійся и развивавшійся такъ стихійно? Изъ отдѣла о финансовомъ управленіи мы уже знаемъ, что русскія государственныя учрежденія даже въ этой самой важной для нихъ отрасли управленія достигали немногаго. Они были не въ силахъ установить непосредственныя отношенія между государствомъ и каждымъ отдѣльнымъ подданнымъ; и, взамѣнъ такого прямого отношенія, они принуждены были довольствоваться круговой отвѣтственностью передъ государствомъ цѣлой общественной группы. Круговая отвѣтственность, какъ мы еще подробнѣе увидимъ впослѣдствіи, становится типичной формой связи между гражданиномъ и государственной властью. Отдѣльное лицо неуловимо для правительства, пока властямъ не удастся отдать это лицо «за крѣпкія поруки». Съ «поруки» и начинается всякое серьезное обращеніе власти къ подданному. Система поручительства употребляется всякій разъ, когда нужно связать отдѣльное лицо какимъ бы то ни было обязательствомъ относительно государства. И даже когда правительство хочетъ заставить весь народъ принять на себя передъ государствомъ какое-нибудь экстренное обязательство, оно не находитъ лучшаго средства, какъ связать его всенародной порукой въ лицѣ его представителей на «земскомъ соборѣ». Вотъ почему выборные люди земли русской не увлекаются своимъ званіемъ и смотрятъ

на него вовсе не какъ на свое право, а какъ на тяжелую обязанность.

Если въ предѣлахъ ближайшихъ своихъ задачъ московское правительство принуждено было прибѣгать къ такимъ сильнымъ средствамъ, чтобы восполнить недостатокъ правильной системы учрежденій и какъ-нибудь помочь собственному безсилію, то понятно, что въ отношеніяхъ подданныхъ между собой его регулирующее вліяніе сказывалось еще слабѣе. Какъ отразилось это на развитіи соціальнаго строя, мы еще увидимъ; теперь же необходимо коснуться дѣятельности допетровскаго государства въ области правосудія. Конечно, судъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ функціямъ государственной власти; но стоитъ напомнить нѣсколько элементарныхъ фактовъ, чтобы показать, что для московскаго государства эта функція постоянно оставалась на второмъ планѣ. Мы уже не будемъ повторять, что до самой имп. Екатерины II судебная власть не имѣла въ Россіи своихъ особыхъ органовъ и соединена была съ властью административной. Но если припомнить, что русское уголовное право кодифицировано было лишь настолько, насколько эта кодификація нужна была для правильнаго взиманія судебныхъ пошлинъ; что гражданское право кодифицировано было еще несовершеннѣе; что первая попытка кодифицировать русское государственное право была сдѣлана, болѣе или менѣе плохо, только въ Уложеніи царя Алексѣя, по иностраннымъ источникамъ; если прибавить къ этому, что и на основаніи такихъ неполныхъ и неточныхъ нормъ не легко было добиться правосудія, что правительство должно было, послѣ троекратной повѣстки, устраивать правильную осаду жилища, чтобы привести къ суду сколько-нибудь вліятельнаго обвиняемаго, что на судѣ этотъ обвиняемый имѣлъ множество темныхъ способовъ уклониться отъ отвѣтственности, что даже въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, какъ убійство, стороны часто предпочитали кончать дѣло миромъ, а власти смотрѣли на такую развязку сквозь пальцы;—если собрать всѣ эти и подобные признаки, то легко будетъ представить себѣ, въ какой атмосферѣ безправія и безнаказанности жилъ русскій обыватель XVII и части XVIII столѣтія.

Нельзя сказать, чтобы всѣ отмѣченныя черты сразу уничтожились со времени Екатерины II; но несомнѣнно, что съ ея царствованія въ русскомъ государственномъ и общественномъ правосознаніи начинаютъ обнаруживаться признаки поворота на новую дорогу. Прежде всего, русскія учрежденія при Екатеринѣ II подверглись новой систематической перестройкѣ.

Никогда еще условія реформы не благопріятствовали до такой

степени ея успѣху, какъ въ царствованіе этой императрицы. Развитіе экономической жизни, увеличеніе народонаселенія давали, наконецъ, обществу возможность выдержать болѣе сложныя, и слѣдовательно, болѣе дорогія учрежденія. Сознательное отношеніе къ дѣлу, содѣйствіе людей теоретически и практически подготовленныхъ къ разработкѣ реформы ставило и законодателя въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ когда-либо прежде. Отсутствіе ближайшихъ практическихъ побужденій позволяло приступить къ реформѣ обдуманно. Въ результатѣ губернскія учрежденія Екатерины II были одной изъ наиболѣе удачныхъ и оказались одной изъ наиболѣе прочныхъ русскихъ реформъ. При лучшихъ условіяхъ правительство Екатерины II пыталось осуществить тѣ же самыя задачи, отъ осуществленія которыхъ должно было отказаться правительство Петра и его преемниковъ. Задачи эти сводились, во-первыхъ, къ тому, чтобы приблизить управленіе къ управляемымъ; во-вторыхъ, чтобы отдѣлить судъ отъ управленія. Привычка управлять областью изъ центра, изъ приказа, была одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ стараго московскаго управленія. Съ Петра впервые явилось въ Россіи дѣленіе на области; но при скудости и малочисленности губернскихъ учрежденій завѣдованіе главнѣйшими отраслями областнаго управленія продолжало сосредоточиваться въ коллегіяхъ; многія стороны губернскаго механизма приводились въ движеніе прямо коллежскими чиновниками. При Екатеринѣ II, наконецъ, управленіе губерніей всецѣло стало принадлежать губерніи. Рядомъ съ правительственнымъ чиновникомъ стали въ новыхъ губернскихъ учрежденіяхъ выборные представители отъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ; такимъ образомъ, положено было начало идеѣ мѣстнаго самоуправленія, ничего не имѣющей общаго съ московской идеей — круговой отвѣтственности мѣстныхъ общественныхъ группъ. Не буду останавливаться на другой важной сторонѣ екатерининской реформы: на выдѣленіи, на этотъ разъ окончательно, суда отъ управленія и на устройствѣ, впервые въ Россіи, правильныхъ судебныхъ инстанцій, съ правильнымъ порядкомъ переноса дѣлъ изъ низшаго присутствія въ высшее. Со введеніемъ новыхъ губернскихъ порядковъ Екатерины II повторилось, однако, то же самое явленіе, какое мы видѣли при введеніи губернскихъ учрежденій Петра I. Какъ тогда, такъ и теперь, при Екатеринѣ II, сосредоточеніе правительственной власти въ губерніи повело къ разрушенію этой власти въ центральныхъ коллегіяхъ: коллегіи, прежде непосредственно управлявшія губерніей черезъ своихъ чиновниковъ, теперь сдѣлались ненужными, когда финансы, управленіе и судъ перешли

отъ коллежскихъ чиновниковъ къ губернскимъ палатамъ, правленіямъ и судебнымъ присутствіямъ. За исключеніемъ трехъ главныхъ, коллегіи вскорѣ и были уничтожены. Вслѣдствіе этого, опять появился пробѣлъ въ системѣ государственнаго устройства и опять долженъ былъ возникнуть вопросъ о реформѣ центральныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, губернская реформа Екатерины II по необходимости повела за собою центральную реформу Александра I.

Въ основу этой послѣдней реформы была положена Сперанскимъ идея раздѣленія властей: законодательной, исполнительной и судебной. Средоточіемъ судебной власти долженъ былъ быть сенатъ, уже составлявшій по судебному устройству Екатерины II правильную высшую судебную инстанцію. Исполнительная власть распредѣлялась между министерствами, которыми замѣнены были прежнія коллегіи: при замѣнѣ этой принято было въ разсчетъ, что главное достоинство исполнительныхъ органовъ власти состоитъ въ быстротѣ ихъ дѣйствія и въ отвѣтственности дѣйствующихъ лицъ. То и другое лучше достигается при единоличномъ управленіи министра, чѣмъ при совмѣстномъ управленіи нѣсколькихъ членовъ коллегіальнаго присутствія. Надо прибавить къ этому, что въ дѣйствительности «коллегіальность», т. е. равенство членовъ въ коллегіи, и прежде всегда была мертвой буквой; на дѣлѣ управляли болѣе или менѣе независимо отъ сочленовъ президенты коллегій. Наконецъ, что касается законодательной власти, по первоначальному проекту Сперанскаго предполагалось отдать эту власть государственной думѣ, составленной изъ выборныхъ отъ всей Россіи по способу, заимствованному Сперанскимъ изъ французской конституціи VIII-го года (1799). Но потомъ рѣшено было сдѣлать законодательнымъ органомъ государственный совѣтъ. Все же, и при такомъ ограниченномъ осуществленіи проекта, впервые появился въ Россіи постоянный органъ законодательной власти, и колебаніямъ въ устройствѣ высшихъ учрежденій, какія мы видѣли въ XVIII в., казалось, положенъ былъ конецъ.

«Совѣтъ учрежденъ», писалъ Сперанскій въ своемъ отчетѣ Государю, «чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ».

Дѣйствительно, учрежденіемъ государственнаго совѣта императоръ Александръ I оформилъ то различіе между «закономъ» и «указомъ», которое еще императрица Екатерина II стремилась про-

вести въ русское государственное право. «Подъ словомъ *законы*», говорилось въ ея Наказѣ, «разумѣются всѣ тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться»; «имя *указы* заключаетъ въ себѣ все то, что для какихъ-нибудь дѣлается приключеній (tout ce qui se fait pour tel ou tel cas) и что только есть случайное или на чью особу относящееся и можетъ со временемъ перемѣниться». «Но на практикѣ», замѣчаетъ проф. Романовичъ-Славатинскій, «различіе между закономъ и правительственнымъ постановленіемъ всегда обусловливается строемъ государства—отношеніемъ между властями законодательной и правительственной. Если между этими властями проведено строгое различіе, тогда законъ существенно разнится отъ правительственнаго постановленія. Таковы порядки континентальныхъ представительныхъ государствъ. Если же законодательная власть не строго отдѣляется отъ правительственной,—законъ смѣшивается съ правительственнымъ постановленіемъ».

Со времени образованія государственнаго совѣта, закономъ въ Россіи считается преимущественно постановленіе, проведенное черезъ совѣтъ. Если проектъ закона имѣетъ за себя только меньшинство въ государственномъ совѣтѣ, въ такомъ случаѣ онъ можетъ также сдѣлаться закономъ, но не въ формѣ «Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта», а въ формѣ «Именнаго указа». Уже при императорѣ Александрѣ I для цѣлаго ряда случаевъ установился порядокъ принятія законодательныхъ мѣръ и вовсе безъ участія государственнаго совѣта. «Въ послѣднихъ годахъ», замѣчаетъ въ 1826 г. статсъ-секретарь Балугьянскій, «комитетъ министровъ завладѣлъ всею законодательною властью», «министры подносили узаконенія прямо на утвержденіе государя о предметахъ, коихъ предварительное разсмотрѣніе принадлежало по существу своему въ государственный совѣтъ». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ законъ принималъ уже третью форму—«Высочайшаго повелѣнія». Форма эта освобождаетъ законопроектъ отъ тѣхъ формальностей, которыя долженъ пройти законъ въ собственномъ смыслѣ. «Высочайшее повелѣніе» можетъ быть дано не только письменно, но и устно; обязательность его не связана съ опубликованіемъ въ установленной для закона формѣ.

Необходимость прибѣгать къ дополнительнымъ органамъ законодательной власти отчасти объясняется самымъ устройствомъ государственнаго совѣта. «Государственный совѣтъ», замѣчаетъ авторъ извѣстной книги «Современная Россія», «образовался въ эпоху, когда требованія отъ законодательныхъ работъ были весьма незначительныя; тогда за цѣлое царствованіе не издавалось столько

законовъ, сколько теперь въ одинъ годъ... Между тѣмъ въ организаціи государственнаго совѣта почти никакихъ существенныхъ перемѣнъ со времени его основанія не произошло... Въ настоящее время разсмотрѣніе нѣсколькихъ неотложныхъ проектовъ законовъ и бюджета поглощаетъ большую часть сессіи и не оставляетъ времени на разсмотрѣніе другихъ важныхъ предположеній». Естественно, что при этомъ условіи, по замѣчанію того же автора, «комитетъ министровъ обратился въ учрежденіе, похожее на государственные совѣты въ другихъ странахъ: здѣсь по преимуществу разсматриваются второстепенные законодательные вопросы». Но и комитетомъ министровъ не ограничивается право изданія правительственныхъ постановленій, имѣющихъ законодательный характеръ. «Въ послѣднее время», говоритъ проф. Романовичъ-Славатинскій, «предѣлы административныхъ распоряженій, исходящихъ отъ министровъ, очень расширены: многія отдѣльныя законоположенія развиваются и пополняются министерскими циркулярами; новый университетскій уставъ 1884 г., напр., представляетъ собою только общія рамки университетской организаціи, содержаніе которыхъ пополняется циркулярами министра народнаго просвѣщенія такія же права предоставлены и другимъ министрамъ, въ особенности финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдствіе такого широкаго современнаго значенія циркулярной функціи министровъ, особенно важное и острое значеніе получаетъ вопросъ о законности министерскихъ циркуляровъ и предписаній». Такимъ образомъ, полное проведеніе различія, намѣченнаго Наказомъ, принадлежитъ еще будущему.

Не мало сдѣлано было со времени Екатерины и не мало остается еще сдѣлать и для развитія гражданскаго правосознанія въ русскомъ обществѣ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, Россія дождалась, наконецъ, 60 лѣтъ тому назадъ первой кодификаціи русскихъ законовъ, но какой кодификаціи? Связанный необозримымъ и самымъ пестрымъ наличнымъ матеріаломъ, знаменитый творецъ Свода Законовъ составилъ свой кодексъ изъ массы обрывковъ всевозможнаго историческаго происхожденія, туземнаго и иноземнаго, древняго и современнаго; ревностный сторонникъ раздѣленія властей безнадежно смѣшалъ при этомъ настоящіе законы съ административными распоряженіями и постановленіями по отдѣльнымъ случаямъ. Сперанскій, конечно, нисколько не виноватъ въ такомъ характерѣ Свода; по желанію императора Николая, онъ долженъ былъ ограничиться на первый разъ однимъ сопоставленіемъ существующихъ законовъ, безъ всякихъ измѣненій. Въ этомъ смыслѣ «Сводъ» являлся только предисловіемъ къ настоящему «уложенію»;

но этого уложенія не суждено, повидимому, дождаться и нашему вѣку. Каковъ бы онъ ни былъ, Сводъ Законовъ былъ огромнымъ шагомъ впередъ; но этотъ шагъ впередъ сдѣланъ былъ только самой незначительной частью русскаго общества. До самаго послѣдняго времени о существованіи Свода знала едва десятая часть населенія Россіи. Все русское крестьянство поневолѣ пользовалось двусмысленной привиллегіей—судиться и управляться по собственному праву: что̀ это за право, извѣстно немногимъ, но большинство убѣждено, что это право не то—и не должно быть тѣмъ, какимъ пользуются высшіе классы. Только на почвѣ такого убѣжденія возможны были тѣ законодательные эксперименты надъ личностью и собственностью крестьянъ, которые не прекратились еще и въ наше время. Передъ этимъ состояніемъ юридическаго правосознанія массы блѣднѣютъ тѣ слабые и медленные успѣхи въ развитіи чувства законности, которые успѣла сдѣлать привилегированная часть русскаго общества.

Мы не будемъ останавливаться на послѣднемъ періодѣ преобразованія русскихъ учрежденій, начало которому положено «эпохой великихъ реформъ» императора Александра II и который до сихъ поръ нельзя еще считать законченнымъ. Съ историческимъ прошлымъ нашихъ учрежденій этотъ періодъ связанъ только, какъ его полное отрицаніе—во имя требованій государственнаго искусства и во имя успѣховъ, сдѣланныхъ общественнымъ развитіемъ. Вопреки выраженію извѣстнаго адреса, поднесеннаго Александру II раскольниками, «старина наша» *не* «слышится въ новизнахъ» царя-реформатора; и это служитъ лучшимъ доказательствомъ соотвѣтствія новыхъ формъ новому духу — и вмѣстѣ ручательствомъ за ихъ развитіе въ будущемъ.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ предъидущихъ отдѣлахъ, см. курсы русскаго государственнаго права *Градовскаго* (Начала русскаго государственнаго права) и *Романовича-Славатинскаго* (Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи). Характеристику учрежденій удѣльнаго времени см. у *В. О. Ключевскаго*, Боярская дума древней Руси, гл. V. О характерѣ древнѣйшихъ московскихъ учрежденій см. *А. Лохвицкаго*, Губернія. Спб. 1865, и *Градовскаго*, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Спб. 1868. Значеніе земскихъ соборовъ, какъ способа всенароднаго поручительства, указано *В. О. Ключевскимъ*, въ статьяхъ «Составъ представительства на земскихъ соборахъ», «Русская Мысль» 1890, № 1; 1891, № 1; 1892, № 1. Общая характеристика губернской реформы Екатерины II и связь ея съ центральными реформами Александра I сдѣлана въ поучительной статьѣ *Ѳ. М. Дмитріева*, Сперанскій и его государственная дѣятельность. «Русскій Архивъ», 1868. См. также *М. А. Корфа*, Жизнь графа Сперанскаго. Спб. 1861, 2 тома. Записка Балугьянскаго напечатана въ Бумагахъ комитета 6 декабря

1826, изд. въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», т. 90-й. Любопытную характеристику современной дѣятельности высшихъ государственныхъ учрежденій читатель найдетъ въ «Современной Россіи» (*Скальковскаго*), т. I, 3-е изд. Спб. 1891. См. еще статьи «Государственный совѣтъ», «законъ», «Именной указъ» и «Высочайшее повелѣніе »въ Энциклоп. словарѣ *Арсеньева* и *Петрушевскаго*. Споръ объ отношеніи между закономъ и распоряженіемъ раздѣляетъ современныхъ русскихъ юристовъ, нѣкоторые изъ которыхъ стараются затушевать и въ теоріи разницу, изгладившуюся на практикѣ. Свѣдѣнія о кодификаціи Свода даны самимъ Сперанскимъ въ брошюрѣ «Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ», 1833; отзывъ о характерѣ этой кодификаціи см. въ Исторіи кодификаціи гражданскаго права, *С. В. Пахмана*, т. 2, Спб. 1876.

Очеркъ четвертый. Сословный строй.

I.

Роль дворянства въ исторіи Запада.—Недостатокъ экономической самостоятельности русскаго дворянства и его зависимость отъ службы.—Переходъ отъ вольной службы къ невольной.—Закрѣпощеніе служилаго сословія.—Судьбы русской высшей аристократіи.—Политика Грознаго и мѣстническая система.—Подготовка дворянскихъ привилегій въ XVII в. и ихъ развитіе въ XVIII в.—Новыя богатства высшей аристократіи.—Ихъ непрочность и развитіе дворянской задолженности.—Постепенная потеря привилегій.—Попытки ихъ возстановленія и вѣроятная судьба этихъ попытокъ.

Перейдя въ послѣднемъ очеркѣ къ изученію русской общественной организаціи, мы успѣли уже отмѣтить въ ней два составные элемента. Мы видѣли, что русское общество замыкалось сильной государственной властью сверху и опиралось на принудительную организацію общественныхъ группъ снизу. Самодержавная власть и населеніе, отданное самому себѣ на поруки, таковы двѣ историческія основы русской общественности, болѣе или менѣе несовершенно связанные системой посредствующихъ правительственныхъ органовъ. Такимъ образомъ, съ самаго возникновенія нашей общественной организаціи она была поставлена въ непосредственную связь и въ прямую зависимость отъ государственной власти. Это наблюденіе само по себѣ показываетъ, что у насъ между государствомъ и населеніемъ не успѣло сложиться никакого плотнаго непроницаемаго слоя, который бы отдѣлялъ одно отъ другого такъ, какъ это дѣлали общественныя и территоріальныя группы западной Европы. Теперь намъ предстоитъ развить то же наблюденіе въ приложеніи къ самому матеріалу, изъ котораго слагались наши общественныя группы.

Въ западной Европѣ между государствомъ и подданнымъ стоялъ феодалъ. Этотъ феодалъ такъ успѣшно отдѣлялъ верхъ и низъ европейскаго общества, что никакія прямыя сношенія между ними не были возможны. Всѣ права государя надъ подданными: право судить и наказывать, право брать подати и т. д., феодалъ присвоилъ себѣ; государству стоило большого труда и многолѣтнихъ усилій вернуть эти государственныя права, захва-

ченныя феодаломъ. Въ этой борьбѣ за власть феодалы защищали свое положеніе противъ правительства не въ одиночку, а плотной массой, заставившей государство пойти на уступки и дать боровшимся противъ него сословіямъ важныя политическія права.

По причинамъ, намъ уже отчасти извѣстнымъ, сословная жизнь Россіи сложилась совершенно иначе. Мы говорили уже о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя создали усиленный ростъ государственности (стр. 113—16): теперьмы увидимъ, какъ тѣ же самыя условія помѣшали свободному развитію сословной жизни Россіи. Прежде всего, остановимся на историческихъ судьбахъ русскаго землевладѣльческаго сословія—аристократіи и дворянства. Земледѣліе было въ Европѣ той силой, которая дала основу могуществу феодальной аристократіи. Опираясь на свои земельныя богатства, это сословіе могло чувствовать себя сильнымъ и независимымъ. И у насъ на Руси, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ владѣніе землей давало богатство, оно давало также силу и независимость высшему сословію: такъ было на русскомъ и польскомъ юго-западѣ. Но на сѣверо-востокѣ обстоятельства сложились иначе. При крайней первобытности экономическаго развитія, при рѣдкости и бродячемъ состояніи рабочаго населенія, при полномъ господствѣ натуральнаго хозяйства и невозможности сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, владѣніе землей, естественно, не давало значительнаго дохода землевладѣльцу. Поэтому высшее сословіе и не дорожило землей въ древней Руси; покидая свою «боярщину», свой вотчинный участокъ, русскій землевладѣлецъ искалъ болѣе выгоднаго занятія на сторонѣ, при князѣ. Такимъ образомъ, создалось сословіе «вольныхъ слугъ», не признававшихъ никакихъ политическихъ дѣленій удѣльной Руси и свободно странствовавшихъ изъ удѣла въ удѣлъ, отъ князя къ князю. Въ самомъ дѣлѣ, покидая свою «вотчину», землевладѣлецъ ничего не терялъ, а выигрывалъ очень многое. Въ своей вотчинѣ онъ никогда не былъ тѣмъ государемъ, судьей и правителемъ, какимъ былъ западный баронъ въ своей бароніи; чиновники мѣстнаго князя, его судьи, сборщики податей всегда безпрепятственно проникали въ предѣлы владѣній русскаго вотчинника. Тѣ ограниченныя выгоды, которыя онъ получалъ отъ владѣнія вотчиной, онъ все равно сохранялъ и въ томъ случаѣ, если даже уходилъ къ чужому князю, въ чужой удѣлъ: обыкновенно, въ договорахъ между собою, князья условливались не отнимать земель у такихъ «слугъ», переходившихъ отъ одного изъ нихъ къ другому. Но явившись на службу къ князю,—своему или чужому,—землевладѣлецъ могъ разсчитывать получить въ свое пользованіе хотя бы часть тѣхъ государствен-

ныхъ правъ, которыхъ онъ былъ лишенъ, какъ простой хозяинъ вотчины. Князь давалъ ему часть своихъ доходовъ, связанныхъ съ управленіемъ, судомъ и т. д. въ «*кормленіе*». Итакъ, тѣ права, которыми западный землевладѣлецъ пользовался, какъ самостоятельный хозяинъ, нашъ землевладѣлецъ могъ получить только какъ чиновникъ, на службѣ князя. Естественно, что при такихъ условіяхъ землевладѣльческое сословіе могло имѣть значеніе не какъ сословіе самостоятельное, а какъ «служилое». Поэтому-то, когда начало складываться и быстро расти Московское государство, не оказалось на лицо землевладѣльческаго класса, который могъ бы противустать государству, какъ самостоятельная сила,— съ которымъ надобно было бы считаться. Этотъ классъ послужилъ только неорганической массой, сырымъ матеріаломъ, который государство употребило для возведенія своей собственной постройки. Вольный хозяинъ, свободно покидавшій свою вотчину, со времени объединенія Руси не могъ уже, какъ прежде, выбирать между князьями; князь и государь всей Руси былъ теперь одинъ, и отношенія къ нему бывшаго «вольнаго» слуги быстро становятся подневольными. Московскому государю нужно войско и, какъ мы видѣли, онъ спѣшитъ записать на свою службу всѣхъ наличныхъ землевладѣльцевъ; не довольствуясь этимъ матеріаломъ— землевладѣльцевъ-*вотчинниковъ*,—онъ создаетъ себѣ новыхъ слугъ, раздавая имъ казенныя земли, но уже не въ полную собственность, не въ вотчину, а только въ ограниченное и временное пользованіе подъ условіемъ службы,—въ помѣстье. Въ промежутокъ времени отъ Ивана III до Ивана IV возникаетъ, такимъ образомъ, рядомъ съ прежнимъ вотчинникомъ, вольнымъ слугой, новый классъ—подневольныхъ, обязанныхъ службой «*помьщиковъ*». Ихъ служебныя обязанности со времени Ивана IV точно соразмѣряются съ величиной ихъ помѣстья и правительство строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы помѣстная земля «изъ службы не выходила». Какъ только умираетъ или перестаетъ быть годнымъ къ службѣ старый помѣщикъ, правительство тотчасъ отбираетъ у него помѣстье и передаетъ или взрослому сыну, или, если такого нѣтъ, кому-нибудь другому, способному къ службѣ; вдова и дочери получаютъ только небольшой клочекъ помѣстья, «въ прожитокъ», т. е. въ пенсію, вдова до смерти, а дочери до 15 лѣтъ. Только позднѣе, въ XVII в., правительство становится сговорчивѣе и соглашается «справлять» помѣстье за вторымъ мужемъ вдовы или за женихомъ дочери; только тогда же оно соглашается ждать, пока выростутъ малолѣтнія дѣти стараго помѣщика, и въ ожиданіи этого не «отписывать» его помѣстья «на государя». Всего характернѣе,

что, опредѣливши самымъ точнымъ и строгимъ образомъ обязанности служилаго человѣка, получившаго помѣстье, правительство начинаетъ затѣмъ распространять эти обязанности и на его старое свободное владѣніе, на вотчину; оно заставляетъ служилаго человѣка точно такъ же служить съ вотчины, какъ онъ служилъ съ помѣстья; и самое помѣстье дается служилому человѣку только тогда, когда у него нѣтъ вотчины или когда она слишкомъ мала. Такимъ образомъ, самое основное различіе вотчины отъ помѣстья, какъ свободной собственности отъ условной, къ XVII вѣку совершенно уничтожается: старый вольный слуга окончательно становится невольнымъ; его отношенія къ правительству становятся вполнѣ принудительными. Помѣщикъ и вотчинникъ прикрѣпляется къ государственной службѣ точно такъ же, какъ крестьянинъ прикрѣпляется къ податному тяглу. Прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу обезпечиваетъ, какъ мы видѣли, потребность государства въ деньгахъ; прикрѣпленіе служилаго человѣка къ службѣ обезпечиваетъ потребность въ войскѣ. Какъ крестьянину, такъ и помѣщику, въ серединѣ XVII вѣка, правительство окончательно запрещаетъ свободный выходъ изъ своего сословія въ другое; чтобы крестьянинъ не ушелъ изъ тяглой общины, членовъ общины правительство связываетъ круговой порукой; такая же порука требуется и отъ помѣщиковъ, записанныхъ въ службу по одному и тому же уѣзду, съ той только разницею, что здѣсь не всѣ помѣщики уѣзда ручаются другъ за друга, а, напр., за Иванова ручается Петровъ и Васильевъ, за Васильева—Ивановъ и Алексѣевъ, за Алексѣева—Петровъ и Ивановъ и т. д. Какъ крестьянская община, такъ и дворянское общество имѣетъ своихъ выборныхъ представителей, но не для того, чтобы осуществлять какія-нибудь права, а чтобы помогать правительству правильно распредѣлять лежащія на нихъ обязанности. Крестьянскій выборный староста разлагаетъ подати между членами тяглой общины; дворянскій выборный «окладчикъ» опредѣляетъ количество и качество военной службы, какую долженъ нести каждый изъ уѣздныхъ дворянъ.

Итакъ, въ удѣльной Руси не было зародышей для образованія дворянства, какъ привилегированнаго класса, и поэтому Московская Русь безъ малѣйшаго труда превратила вольнаго удѣльнаго землевладѣльца въ крѣпостного служилаго человѣка. Но въ удѣльной Руси былъ другой элементъ, болѣе пригодный для развитія аристократіи: это сами удѣльные князья, очутившіеся подъ властью великаго князя московскаго. Что сталось съ этимъ элементомъ послѣ объединенія Руси? Перейдя на службу Москвы, нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей долго сохраняли свои государственныя права

надъ старыми своими удѣлами; въ Москву они привезли свѣжія удѣльныя воспоминанія, и на нѣкоторое время московскій дворъ получилъ такой аристократическій отпечатокъ, какого онъ никогда не имѣлъ ни прежде, ни послѣ. Но ненадолго удалось Гедиминовичамъ и Рюриковичамъ оттѣснить старыхъ нетитулованныхъ слугъ московскихъ государей. Монархическая власть, въ лицѣ Іоанна Грознаго, начала систематическую борьбу противъ опаснаго для нея соціальнаго элемента; борьба эта велась съ неумолимой послѣдовательностью и закончилась быстро—совершеннымъ пораженіемъ и даже истребленіемъ титулованнаго боярства. Первымъ шагомъ въ этой борьбѣ было окончательное прикрѣпленіе князей къ московской службѣ и уничтоженіе послѣднихъ остатковъ свободнаго отъѣзда. «Ты затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердынѣ», жалуется Курбскій Грозному на него самого; «кто поѣдетъ изъ твоей земли въ чужую, того ты называешь измѣнникомъ, а если поймаютъ его на границѣ, то ты казнишь его разными смертями». Чтобы предупредить княжескіе отъѣзды, власть и здѣсь прибѣгла къ системѣ поручительства. Главные бояре связаны были огромными неустойками, которыя должны были уплатить въ случаѣ побѣга одного изъ членовъ высшей боярской аристократіи. Напримѣръ, за побѣгъ князя Серебрянаго имъ пришлось бы уплатить около $1^1/_2$ милл. рублей на наши деньги; за князя Мстиславскаго—около 1.200.000; побѣгъ одного изъ двухъ братьевъ Воротынскихъ стоилъ бы поручителямъ немногимъ меньше милліона, и болѣе полумилліона имъ пришлось бы внести за князя Бѣльскаго, за бояръ Шереметева и Яковлева. Заперевъ, такимъ образомъ, бояръ въ московскую ловушку, съ ними можно было уже не церемониться. Источникъ ихъ силы заключался въ томъ, что они сохраняли владѣтельныя права въ своихъ удѣлахъ и вотчинахъ. Слѣдовательно, второй шагъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы отобрать у нихъ эти старыя вотчины. До двадцати такихъ вотчинъ, отобранныхъ у князей, Грозный перечисляетъ въ своемъ завѣщаніи. Взамѣнъ наслѣдственныхъ владѣній—«княжатамъ» жаловались земли гдѣ-нибудь на противоположномъ краю Россіи, въ мѣстностяхъ, съ которыми они не были уже связаны никакими историческими воспоминаніями. Но и этой мѣной владѣній не ограничилась политика Грознаго. Третій и послѣдній шагъ этой политики заключался въ томъ, что царь прямо началъ «губить» знатнѣйшія фамиліи, губить не по личной прихоти и враждѣ, а изъ той же политики, и не отдѣльныхъ лицъ той или другой фамиліи, а по возможности всѣхъ представителей каждаго рода, — «всеродно»,

по выраженію Курбскаго. Такъ погибли Прозоровскіе и Ушатые, «понеже имѣли вотчины великія», и Воротынскій съ Одоевскимъ, потому что «тѣ княжата были еще на своихъ удѣлахъ, и веліи вотчины подъ собою имѣли». Немногіе уцѣлѣвшіе экземпляры старинныхъ фамилій—преемники Грознаго соглашались терпѣть, но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе представители этихъ фамилій не женились и не имѣли потомства. При такихъ условіяхъ произошло то, что никогда не могло бы случиться безъ политики Ивана IV: въ какіе-нибудь полвѣка безъ остатка вымерло большинство княжескихъ боярскихъ родовъ, которые сообщали блескъ московскому двору первой половины XVI столѣтія. На мѣсто Щенятевыхъ, Патрикѣевыхъ, Шуйскихъ, Мстиславскихъ являются въ Боярской Думѣ XVII столѣтія новые, не «родословные» люди, всецѣло созданные царской службой. Съ удивительной быстротой исчезаютъ и старыя удѣльныя имущества этой аристократіи; ни одно изъ крупныхъ богатствъ того времени не дожило до конца XVII вѣка. Если теперь въ рядахъ людей богатыхъ мы и встрѣчаемъ старыхъ Рюриковичей и Гедиминовичей или потомковъ старинныхъ московскихъ бояръ (напримѣръ, князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ, Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ и т. д.), то богатства ихъ пріобрѣтены были вновь ихъ позднѣйшими предками, не раньше XVIII столѣтія.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ своихъ преимуществъ высшая аристократія сохранила только одно: свое служебное положеніе при московскомъ дворѣ. Иногда говорятъ, однако же, что, по крайней мѣрѣ, служебныя права аристократіи уважались московскимъ правительствомъ, вникавшимъ въ ея взаимные счеты и принимавшимъ ихъ въ соображеніе при служебныхъ назначеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что фактически это далеко не всегда такъ бывало, — посмотримъ, что значили сами по себѣ эти взаимные счеты. Тутъ мы встрѣчаемся съ новымъ различіемъ между русской служилой аристократіей и независимой аристократіей западной Европы. Европейская аристократія въ основу своего понятія о дворянской сословной чести полагала идею дворянскаго равенства, перства. Въ Москвѣ служилая «честь» измѣрялась государевымъ жалованьемъ, различнымъ для всякаго, и вмѣсто понятія перства, поддерживавшаго корпоративный духъ и создававшаго цѣльность западной аристократіи,—выработалась своеобразная система мѣстничества. Всѣмъ извѣстно, что мѣстничество основывалось на родовыхъ счетахъ, возникавшихъ при назначеніяхъ на службу; члены одного рода не хотѣли служить подъ начальствомъ членовъ другого рода, если при прежнихъ назначеніяхъ они не бывали ниже

послѣднихъ. При такомъ общемъ представленіи о мѣстничествѣ легко понять дѣло такъ, что цѣлые роды спорили съ цѣлыми родами, считая себя выше ихъ;—что, стало быть, все родовое московское боярство располагалось по своему значенію при дворѣ въ извѣстнаго рода лѣстницу, ступенями которой были цѣлые роды, отъ высшаго къ низшему. При такомъ понятіи, мѣстничество, конечно, противополагается идеѣ перства, какъ система единицъ, изъ которыхъ ни одна не была равна другой, такой системѣ, въ которой всѣ единицы равны. Но каждая отдѣльная единица мѣстнической системы, отдѣльный родъ, все же представляла бы собою при этомъ аристократическій элементъ, знакомый и Западу. На дѣлѣ различіе съ Западомъ идетъ дальше. Рюриковичи и Гедиминовичи съѣхались въ Москву такъ быстро и въ такомъ количествѣ, что не было никакой возможности сообразить, какой родъ долженъ стать выше и какой ниже, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности ихъ права на вниманіе московскаго князя были не настолько различны, разница въ удѣльномъ вѣсѣ не такъ велика, чтобы каждый родъ могъ получить особое, по праву ему принадлежащее, положеніе. За отсутствіемъ этихъ внутреннихъ признаковъ сравнительнаго достоинства цѣлаго рода, каждому члену рода приходилось зорко слѣдить за внѣшними признаками своего личнаго положенія среди сослуживцевъ и цѣпко хвататься за отношеніе, разъ установившееся между нимъ и сослуживцами изъ другого рода. Если А и В были назначены на мѣста, равныя по достоинству, то разъ навсегда устанавливалось, что и сами они равны другъ другу; но это вовсе не означало, что равны и ихъ роды. Сынъ А считалъ себя уже ниже В, а отецъ А былъ выше В; все дѣло, стало быть, сводилось къ тому, чтобы установить личное отношеніе каждаго члена одного рода къ каждому члену другого и этимъ опредѣлить *личное* право каждаго на то или другое мѣсто. Какъ видимъ, родовые счеты были при всемъ этомъ не цѣлью, а только средствомъ; чтобы опредѣлить взаимное отношеніе двухъ спорящихъ лицъ, надо было высчитать ихъ отношеніе къ лицамъ, когда-нибудь прежде назначеннымъ на службу вмѣстѣ; надо было, какъ тогда выражались, узнать, «кто каковъ въ своемъ родѣ». Итакъ, оригинальную систему русскаго мѣстничества не надо представлять себѣ, какъ лѣстницу родовъ въ нисходящемъ порядкѣ по ихъ «родословности», а скорѣе какъ параллельный рядъ поколѣнныхъ росписей, съ помощью которыхъ высчитывалось служебное положеніе каждаго члена каждой росписи относительно всякаго другого (предполагая нѣкоторыхъ представителей каждой изъ этихъ росписей равными другъ другу).

При такомъ пониманіи, и послѣдній элементъ мѣстнической системы, который можно бы было считать аристократическимъ,—единство рода,—разрушается: родъ разлагается на свои отдѣльные атомы. Итакъ, и здѣсь, въ высшихъ слояхъ, служба, одна только служба опредѣляла положеніе нашей старинной аристократіи. Такимъ образомъ, московскіе государи не только спокойно могли признавать мѣстническія права своихъ «служилыхъ князей» и бояръ; мѣстническіе счеты становились даже въ ихъ рукахъ новымъ средствомъ самодержавной политики. Какъ мы только-что видѣли, эти счеты не объединяли, а напротивъ, раздѣляли аристократію, поступившую на московскую службу: взаимная борьба за «государево жалованье» дробила высшій классъ на отдѣльные атомы и лишала его послѣдней возможности объединиться. Недаромъ иностранные наблюдатели (Флетчеръ и Горсей) говорятъ намъ, что царь систематически сѣялъ вражду между знатью, и что между отдѣльными членами высшаго класса существовало взаимное недовѣріе. Мы не имѣемъ на этотъ разъ собственнаго признанія царя, но послѣ всего сказаннаго не трудно предположить, что Грозный царь сознательно пользовался знаменитымъ политическимъ правиломъ маккіавелизма: «разъедини и властвуй».

Мы разсмотрѣли теперь два періода въ исторіи русскаго дворянства и нашли, что въ оба періода значеніе дворянства основывалось на службѣ сперва вольной, потомъ невольной: ни въ тотъ, ни въ другой періодъ дворянство не было привилегированнымъ сословіемъ; во 2-й періодъ близко къ этому положенію было титулованное боярство; но оно не было проникнуто сословнымъ духомъ, не составляло цѣлаго, заботилось только о личныхъ выгодахъ службы и притомъ скоро лишилось своего стараго «родословнаго» ядра, вымершаго безъ остатка или захудавшаго и уцѣлѣвшаго лишь въ младшихъ линіяхъ. Одновременно съ распаденіемъ боярства въ томъ же 2-мъ періодѣ создалась однако же на болѣе широкомъ фундаментѣ компактная масса рядового провинціальнаго дворянства. Этому нижнему слою суждено было въ третьемъ періодѣ сдѣлаться настоящимъ привилегированнымъ сословіемъ. Какъ ни странно, это привиллегированное положеніе подготовлено было для провинціальнаго дворянства XVIII вѣка самыми условіями его прикрѣпощенія въ XVII вѣкѣ. Мы только что видѣли, какъ правительство распространяло *служебныя обязанности* дворянства съ помѣстій на вотчины. Эта мѣра оказалась въ результатѣ обоюдоострой, такъ какъ дворяне, въ то же время и съ помощью того же правительства, распространили свои *владѣльческія права* въ обратномъ направленіи—съ вотчинъ на

помѣстья. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ правительство обезпечило себѣ дворянскую службу одинаково съ помѣстій и вотчинъ, оно могло уже спокойно смотрѣть на то, какъ помѣстья постепенно высвобождались изъ подъ прежнихъ ограничительныхъ тисковъ, какъ они начинали удерживаться за родомъ въ женской и въ боковой линіяхъ, переходить по наслѣдству и т. д. Такимъ образомъ, XVII вѣкъ подготовилъ совершившееся въ XVIII вѣкѣ сліяніе разныхъ родовъ дворянскаго землевладѣнія въ одну категорію недвижимыхъ имуществъ, владѣемыхъ на правѣ полной собственности.

Другая сторона дѣла, точно также подготовившая привилегированное положеніе дворянства въ XVIII вѣкѣ, была еще важнѣе. Дворянское землевладѣніе выиграло не только въ юридическомъ отношеніи: оно выиграло также и по отношенію къ экономическому положенію дворянской собственности. Мы говорили, что земля сама по себѣ мало цѣнилась въ древней Руси; главную цѣнность составлялъ прилагавшійся къ землѣ рабочій трудъ. Возложивши на служилое сословіе обязательную службу, правительство должно было дать ему за это нѣкоторую экономическую обезпеченность; для этой цѣли оно, какъ мы видѣли, чрезвычайно облегчило податныя тягости дворянскихъ земель; для того же, когда потребность въ рабочихъ рукахъ стала особенно сильно чувствоваться дворянствомъ, правительство закрѣпило за нимъ эти рабочія руки.

Итакъ, двѣ главныя основы, сообщившія сословную силу дворянству XVIII вѣка, сложились въ XVII в.: основа юридическая, полнота дворянской собственности на землю, и основа экономическая—даровой трудъ крѣпостного крестьянства. Фундаментъ дворянскихъ привилегій былъ, такимъ образомъ, заложенъ; недоставало сословной организаціи, которая дала бы дворянству сознаніе единства сословныхъ интересовъ.

XVIII вѣкъ далъ дворянству и эти недостававшіе ему элементы сословности. Обязательная служба, проходившаяся богатѣйшими дворянами въ петербургской гвардіи, роль этой гвардіи въ политическихъ событіяхъ времени, въ рядѣ дворцовыхъ переворотовъ, воспитали въ дворянствѣ сословный духъ и сознаніе своей силы; а затѣмъ и результаты этого сознанія не замедлили сказаться. Дворянство сохранило за собою пріобрѣтенныя права, но освободилось отъ обязанностей: служба перестала быть обязательной: «благородное россійское шляхетство» перестало быть служилымъ сословіемъ: къ своимъ прежнимъ правамъ оно присоединило при Екатеринѣ II сословную организацію и получило пер-

венствующую роль въ областномъ управленіи. Впервые въ сословной жизни Россіи явилось нѣчто похожее на западъ: привилегированное сословіе.

Вмѣстѣ съ этимъ усиленіемъ цѣлаго сословія выиграла чрезвычайно передовая часть его: цѣлая масса крупныхъ богатствъ составилась путемъ пожалованія населенныхъ имѣній. При императрицѣ Екатеринѣ II роздано было около 800.000 душъ обоего пола, т. е. ежегодно переходило во владѣніе дворянъ, среднимъ числомъ, по 23.400 душъ; при императорѣ Павлѣ эта ежегодная цыфра поднялась до 120.000 душъ обоего пола, а всего было роздано около 530.000 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, вторая половина прошлаго вѣка была золотымъ вѣкомъ въ исторіи русскаго дворянства. Но весь этотъ блескъ оказался въ высшей степени непроченъ. Крупныя состоянія на Руси наживались чрезвычайно быстро и случайно, но также быстро и проживались, благодаря расточительности владѣльцевъ. Большіе капиталы поддерживаются и растутъ только тамъ, гдѣ существуетъ быстрое денежное обращеніе и значительное экономическое развитіе, т. е. какъ разъ при томъ условіи, котораго у насъ не существовало. Безумная роскошь петербургскихъ богачей и полные сундуки золота и драгоцѣнностей, удивлявшіе иностранцевъ въ ихъ кладовыхъ, лучше, чѣмъ что-либо другое, доказывали бѣдность Россіи; капиталъ некуда было приложить при тогдашнемъ ея состояніи. Земледѣльческое хозяйство, главная основа дворянской силы, велось безъ всякаго приложенія капитала, съ помощью дарового труда. При оцѣнкѣ дворянскихъ имуществъ земли обыкновенно вовсе не считали, какъ особой цѣнности; стоимость имѣнія опредѣлялась количествомъ душъ. Въ теченіе вѣка цѣна крѣпостной души значительно поднялась: въ началѣ XVIII столѣтія нужно было заплатить за душу 90 рублей на наши деньги, въ серединѣ до 270 рублей, а въ концѣ до 500 рублей. Повидимому, такое вздорожаніе рабочаго труда должно было бы свидѣтельствовать о значительномъ подъемѣ промышленной жизни; но въ этомъ подъемѣ личная дѣятельность помѣщика не играла никакой роли: онъ только воспользовался этимъ результатомъ для увеличенія личнаго комфорта *). Даровой доходъ въ такой степени избаловалъ русское дворянство, что когда, во второй половинѣ XVIII вѣка, явились кредитныя учрежденія, выдававшія ссуды

*) Притомъ вздорожаніе имѣній парализовалось ихъ раздѣломъ между наслѣдниками. Только въ исключительныхъ случаяхъ цѣлость крупныхъ имѣній сохранялась въ рядѣ поколѣній (какъ, напримѣръ, въ родѣ Шереметевыхъ, Строгоновыхъ, Юсуповыхъ).

подъ залогъ имѣнія, помѣщикъ бросился занимать. При правильномъ ходѣ экономической жизни займы подъ залогъ недвижимаго имущества служатъ обыкновенно или для того, чтобы ввести необходимыя улучшенія, или для того, чтобы расширить хозяйство новыми покупками; наше дворянство занимало для собственнаго удовольствія, для потребностей личнаго комфорта. Этимъ займамъ и суждено было, въ концѣ концовъ, погубить дворянское землевладѣніе. Ко времени крестьянскаго освобожденія изъ 11 милліоновъ крѣпостныхъ душъ м. п. 7 милліоновъ находилось въ залогѣ, то-есть, $65^1/_2{}^0/_0$ всего количества. Получивши отъ правительства при освобожденіи крестьянъ выкупныя деньги за уступленную крестьянамъ землю, помѣщикъ имѣлъ возможность расплатиться со старыми долгами и начать хозяйство при новыхъ условіяхъ, съ вольнонаемнымъ трудомъ; впервые дворянство очутилось въ положеніи обыкновеннаго предпринимателя на одинаковыхъ условіяхъ конкурренціи со всѣми остальными сословіями. Несмотря на усиленное покровительство государства, на удешевленный кредитъ, на всевозможныя льготы и отсрочки по уплатѣ долговъ,—дворянство этой конкурренціи не выдержало. Задолженность дворянскаго землевладѣнія возрастала послѣ крестьянскаго освобожденія съ ужасающей быстротой Въ 1870 году, когда существовало только 2 земельныхъ банка, число заложенныхъ имѣній немногимъ превышало тысячу; въ 1875 г., послѣ открытія 11 новыхъ земельныхъ банковъ, было заложено уже до 11 тысячъ имѣній, а теперь (1892), послѣ открытія дворянскаго банка (1886)—уже около 87 тыс. имѣній, представляющихъ въ совокупности болѣе $^2/_5$ (41%) всей площади частновладѣльческихъ (не однихъ дворянскихъ) земель. Продажа дворянскихъ имѣній за долгъ и по частнымъ сдѣлкамъ также шла чрезвычайно быстро. Передъ крестьянскимъ освобожденіемъ дворяне владѣли 105 милліонами десятинъ. За надѣленіемъ вышедшихъ на волю крестьянъ у помѣщиковъ осталось около 78 милліоновъ десятинъ; къ 1892 году изъ этого количества уцѣлѣло въ рукахъ дворянъ (по свѣдѣніямъ Дворянскаго банка) уже только 57 милліоновъ десятинъ. Другими словами, за 30 лѣтъ дворянство потеряло цѣлую четверть своихъ земель ($25^1/_2{}^0/_0$). По отдѣльнымъ мѣстностямъ убыль дворянскихъ земель была еще больше, доходя мѣстами до $2^0/_0$ ежегодно (Тверская, Московская, С.-Петербургская губерніи).

Итакъ, вся исторія русскаго дворянства распадается на четыре періода. Въ первомъ періодѣ, продолжавшемся до конца XV вѣка, дворяне были вольными слугами; во второмъ, въ теченіе XVI—XVII в.в. они сдѣлались невольными слугами и были прикрѣп-

лены къ своему занятію; въ XVIII в. они были раскрѣплены, но сохранили за собою даровой трудъ и сдѣлались привилегированнымъ сословіемъ, Наконецъ, въ послѣдній періодъ, наступившій послѣ отнятія даровога крестьянскаго труда, русское дворянство походило на человѣка, не привыкшаго къ труду и къ правильной хозяйственной дѣятельности; оно нуждалось въ покровительствѣ и опекѣ, которыя и были даны ему въ видѣ дешеваго кредита; но при отсутствіи хозяйственныхъ привычекъ, дешевый кредитъ привелъ и приводитъ только къ скорѣйшей ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія. Потерявши свою главную опору—въ землевладѣніи—дворянство въ то же самое время постепенно лишалось и другихъ своихъ прежнихъ привилегій — не какими-нибудь законодательными распоряженіями, а просто естественнымъ ходомъ вещей. Въ губерніи и уѣздѣ дѣятельность дворянскихъ собраній была отодвинута на второй планъ дѣятельностью земства; свобода отъ военной службы потеряла смыслъ при введеніи всеобщей воинской повинности; свобода отъ податей—теряетъ смыслъ при переходѣ государства отъ сословныхъ податей къ подоходнымъ и уже теперь не распространяется съ лица на дворянскую землю; право судиться сословнымъ судомъ «равныхъ» также потеряло значеніе со времени судебной реформы. Правда, въ послѣднее время существуетъ стремленіе удержать, что можно, изъ дворянскихъ привилегій: закрыть доступъ въ дворянство, такъ широко раскрытый чиновничеству со времени Петра, прекратить закономъ дробленіе дворянскихъ имѣній, отъ котораго разрушались постоянно самыя крупныя богатства нашего дворянства и котораго не могъ остановить даже знаменитый законъ Петра о единонаслѣдіи, отмѣненный Анной; уравновѣсить силу дворянства съ силой другихъ сословій въ земствѣ, сдѣлать дворянина вотчиннымъ судьей и непосредственнымъ начальникомъ надъ крестьянской волостью и т. д.

Но едва ли не поздно поспѣли всѣ эти мѣры для поддержанія сословнаго положенія дворянства. Та же причина, которая способствовала разрушенію самаго фундамента дворянскихъ привилегій, необходимо помѣшаетъ и успѣху палліативныхъ мѣръ въ пользу этого сословія. Въ нашемъ дворянствѣ не было чувства сословнаго единства. При отсутствіи этого корпоративнаго духа никогда, нигдѣ привилегіи дворянскаго сословія не возникали такъ быстро, не существовали такъ недолго и не разрушались такъ полно, какъ у насъ. Несмотря на усилія правительства внушить сословію «благородный шляхетскій духъ», дворянство было и осталось, по остроумному выраженію Кошелева, «тѣстомъ, изъ кото-

раго государство пекло себѣ чиновника», — а духъ вѣка и ходъ русскаго просвѣщенія создали русскую интеллигенцію и русское общественное мнѣніе.

Блестящую характеристику сословной исторіи русскаго дворянства см. у *Leroy-Beaulieu*, L'empire des Tsars, т. I. О прикрѣпленіи дворянства къ службѣ см. *Градовскаго*, Исторію мѣстнаго управленія. О перемѣнахъ въ составѣ боярства см. *В. О. Ключевскаго*, Боярская дума, гл. IX—X. О политикѣ Грознаго относительно боярства, см. у *С. М. Середонина*, Сочиненіе Джильса Флетчера, какъ историч. источникъ. Спб. 1891. О земельныхъ богатствахъ русской аристократіи см. *Е. П. Карновича*, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, 2 изд. 1885. Лучшимъ анализомъ мѣстнической теоріи остается статья *Д. Валуева* въ Синбирскомъ сборникѣ 1844 г. Какъ примѣнялась эта теорія на практикѣ и какъ относилось къ мѣстничеству правительство, видно изъ книги *А. И. Маркевича* «Исторія мѣстничества» въ Моск. госуд. Одесса. 1888 г. Очеркъ развитія дворянскихъ привилегій см. у *Романовича-Славатинскаго*, Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права, Спб. 1870. Развитіе «задолженности частнаго землевладѣнія въ Россіи» изложено г. *Е. И. Жигачевымъ* въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ, «Русская Мысль», 1892, № 11.

II.

Роль западнаго города въ жизни Европы.—Происхожденіе и характеръ русскихъ городскихъ поселеній. — Москва. — Численность и населенность городовъ.—Процессъ обособленія городского сословія.—Обособленіе городского тягла и доступность его для другихъ сословій.—Прикрѣпленіе къ городскому тяглу торгово-промышленнаго класса и юридическое выдѣленіе городского сословія.—Особый характеръ тягла «гостей»: «вѣрная служба».—Происхожденіе городского самоуправленія изъ «вѣрной службы». — Раскрѣпленіе городского сословія и новое смѣшеніе его съ другими.—Третье сословіе будущаго.

Переходимъ теперь къ исторіи городского сословія въ Россіи: можетъ быть, въ немъ мы найдемъ тѣ задатки сословной самостоятельности, которыхъ не находили въ исторіи дворянскаго сословія?

Въ остальной Европѣ развитіе города было послѣдствіемъ внутренняго развитія экономической и промышленной жизни европейскаго общества. Городъ выдѣлился изъ общаго фона средневѣковаго феодализма тогда, когда торгово-промышленное сословіе почувствовало въ себѣ достаточно силы, чтобы противостать своимъ феодальнымъ господамъ. Для борьбы съ своими противниками, городъ организовался въ корпорацію, которая съ теченіемъ времени все расширялась и впускала въ свою среду все болѣе низкіе слои городского населенія. Внутри себя, въ отношеніяхъ между своими членами, городской союзъ выработалъ начало свободы: всякій примыкавшій къ корпораціи членъ получалъ свободу и сотни средневѣковыхъ городскихъ хартій ввели у себя то общее правило, что самый «городской воздухъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ».

Развившись, такимъ образомъ, позднѣе средневѣковаго дворянства, въ XI—XIII вѣкахъ, городское сословіе, однако, приняло вмѣстѣ съ нимъ участіе въ выработкѣ европейскаго государственнаго строя. Благодаря именно городскому, буржуазному элементу средневѣковая феодальная монархія усвоила себѣ понятія и пріемы, выработанные практикой городской общественной жизни. Итакъ, раннему развитію городскаго самоуправленія Европа въ значительной степени обязана формами своей государственной жизни.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ европейской исторіи городская буржуазія сосредоточила въ себѣ и высшія формы экономическаго развитія,— развитіе капитала, и высшія формы культурной жизни — науку, искусство, общественность.

Обращаясь къ Россіи, и въ этомъ случаѣ встрѣтимъ полную противоположность европейской исторіи города и городского сословія. Русскій городъ, какъ мы уже могли замѣтить по медленному развитію русской торгово-промышленной жизни, не былъ естественнымъ продуктомъ внутренняго экономическаго развитія страны. За единичными исключеніями, русскій городъ возникалъ не изъ скопленія въ одномъ мѣстѣ населенія, занятаго промыслами и торговлей. Промыслы и торговля, какъ мы видѣли раньше, въ Россіи могли обходиться и безъ развитія городской жизни, потому что долго сливались съ сельскими занятіями. Раньше, чѣмъ городъ понадобился населенію, онъ понадобился правительству. Зачѣмъ онъ понадобился, показываетъ самое названіе «городъ». Это было мѣсто «огороженное», укрѣпленное, военный оборонительный пунктъ. Очень долго, до самаго XVIII в., за словомъ «городъ» сохранялось то значеніе, которое мы придаемъ слову «кремль», т.-е. подъ «городомъ», въ собственномъ смыслѣ, разумѣлся укрѣпленный, обведенный обыкновенно деревянной стѣной, центръ города. Въ этомъ центрѣ помѣщалось начальство: стояла воеводская изба, тюрьма для «колодниковъ», тутъ же помѣщались склады оборонительныхъ средствъ — пороха, свинца и другого казеннаго имущества. Въ «городѣ» жили приказные люди для управленія и ратные люди для обороны въ случаѣ «осады»; самые дворы обывателей, помѣщавшіеся въ городѣ, назывались «осадными», и пріобрѣтались въ городѣ на случай осады, въ остальное же время часто стояли пустыми. Настоящее, по нашему понятію, городское (т.-е. торгово-промышленное) населеніе жило внѣ «города», на «посадѣ», почему и называлось «посадскими» людьми. Посадъ выстраивался около города и чаще всего возникалъ послѣ города, а еще позже появлялось вокругъ посада третье кольцо: «слободы», куда стекались промышленные люди и ремесленники. Итакъ, русскій городъ былъ, прежде всего, правительственнымъ и военнымъ центромъ. Въ цѣлой половинѣ Россіи, на югъ отъ Оки, всѣ, безъ исключенія, города появляются на нашихъ глазахъ именно какъ такіе оборонительные пункты (стр. 54 сл.). Понятно, что и въ населеніи ихъ преобладаетъ служилый, военный элементъ. Чѣмъ ближе къ окраинѣ и чѣмъ, стало быть, моложе городъ, тѣмъ военнаго элемента въ немъ больше и тѣмъ меньше «посадскихъ». Напримѣръ, въ срединѣ XVII в. въ Серпуховѣ число посадскихъ соста-

вляетъ 74% всего населенія; въ Бѣлевѣ найдемъ уже 65%, а въ Курскѣ 43%; если же отъ Курска спустимся еще южнѣе, на только-что построенную «Бѣлгородскую черту» (стр. 56), тутъ ужъ изъ всѣхъ 24-хъ городовъ, большей частью только-что появившихся, посадскихъ людей найдемъ только въ пяти, и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ: 2%—6½% всего населенія. И сама Москва, единственный сколько-нибудь значительный городъ древней Россіи, не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Не смотря на обширное пространство, на которое растянулась наша старая столица, казавшаяся еще въ XVI столѣтіи англичанамъ не меньше тогдашняго Лондона, не смотря на то, что по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, впрочемъ, едва ли достовѣрнымъ, количество населенія въ ней было въ XVII вѣкѣ немногимъ меньше настоящаго времени (500, 600 тысячъ противъ 753 тысячъ), все же Москва была огромной царской усадьбой, значительная часть населенія которой такъ или иначе состояла въ связи съ дворцомъ, въ качествѣ свиты, гвардіи или дворни. Изъ 16 тысячъ слишкомъ дворовъ, насчитывавшихся въ Москвѣ по переписи 1701 года, на долю посадскихъ и ремесленниковъ не приходится и 7 тысячъ (44%), и тѣ состоятъ изъ населенія государевыхъ слободъ, работающихъ на дворецъ. Остальныя 9 тысячъ принадлежатъ духовенству (1½ тыс.) и правящему сословію. Относительно размѣровъ торговыхъ оборотовъ Москвы еще въ концѣ XVI в. одинъ иностранецъ замѣтилъ, что во всѣхъ лавкахъ любого изъ московскихъ рядовъ не найдется столько товаровъ, сколько въ одномъ венеціанскомъ магазинѣ. Достаточно взглянуть на рисунки московскихъ улицъ XVII в. съ деревянными избами, отдѣленными другъ отъ друга длинными заборами, безъ мостовыхъ, или еще хуже—съ тряскими мостовыми изъ бревенъ, съ базарной толкотнею и вонью на главныхъ площадяхъ, достаточно этихъ иллюстрацій къ Олеарію или Мейербергу, чтобы придти къ заключенію, что Москва, вопреки присутствію двора, оставалась огромныхъ размѣровъ деревней.

Съ теченіемъ времени, экономическая жизнь русскаго города, конечно, должна была развиться; но это развитіе не могло поспѣть за потребностями государственнаго управленія. Къ петровскому времени во всей Россіи насчитывалось немногимъ болѣе 250 городовъ, а когда Екатерина II стала вводить свои областныя учрежденія, понадобилось для управленія новыми ея уѣздами возвести въ рангъ города еще такое же количество. Какъ трудно было набрать необходимое количество селеній, заслуживавшихъ имя и положеніе уѣзднаго города, видно изъ того, что цѣлую сотню такихъ селеній, передѣланныхъ въ города, пришлось снова вы-

черкнуть изъ списка. Итакъ, государственная потребность въ городахъ, какъ средоточіяхъ управленія и военной обороны, съ древняго времени и до нашего столѣтія опережала естественное развитіе городской жизни. Городское населеніе приходилось создавать насильно. Естественно, такимъ образомъ, что и количество торгово-промышленнаго населенія въ поселеніяхъ, оффиціально называвшихся городами, было очень незначительно. Въ срединѣ нынѣшняго вѣка изъ тысячи русскихъ городовъ 878 имѣли меньше 10.000 жителей, и только 32 больше 20.000 жителей—и изъ нихъ только въ двухъ было больше 150.000 жителей. (Теперь больше 150.000 имѣютъ 7 городовъ, а больше 20.000 — 40 городовъ). При такихъ условіяхъ городское сословіе въ Россіи, очевидно, не могло представлять самостоятельнаго элемента сословной жизни. Не только оно не развилось самостоятельно или даже въ противорѣчіе центральной власти, но, напротивъ, даже самымъ выдѣленіемъ въ особую общественную группу и своимъ корпоративнымъ устройствомъ оно было цѣликомъ обязано правительству.

Безъ правительственныхъ хлопотъ, дѣйствительно, городская жизнь долго оставалась бы слитой съ сельской. Городское населеніе древней Руси XVI в. прямо дѣлилось на людей «торговыхъ» и людей «пашенныхъ». Пашенные люди города были совершенными крестьянами, но и вообще каждый обыватель города имѣлъ свою пашню и свой покосъ на городской землѣ. Первымъ побужденіемъ для правительства выдѣлить населеніе посада въ особую группу было побужденіе финансовое. Въ финансовой организаціи московскаго государства посадскіе міры составили такую же тяглую группу, какъ міры сельскіе. Точно также, какъ члены сельской общины, и члены городской общины были связаны другъ съ другомъ круговой порукой и сами разверстывали между собою всѣ подати съ помощью выборныхъ властей. Тутъ еще не было ничего, что отдѣляло бы городъ отъ деревни больше, чѣмъ каждая деревенская община отдѣлялась отъ своей сосѣдней. Переходъ изъ одной въ другую тяглую группу былъ одинаково затрудненъ фактически, вслѣдствіе нежеланія общины выпускать своихъ плательщиковъ; но юридически такой переходъ былъ одинаково возможенъ какъ изъ села въ село, такъ и изъ села въ городъ. Первое, что положило различіе между городомъ и деревней, это—перемѣна характера самаго тягла. Торгово-промышленное населеніе города могло, конечно, платить больше, чѣмъ чисто пашенные крестьяне. Поэтому правительство, бравшее крестьянскія подати первоначально съ земельнаго участка («сохи»), въ городѣ съ давнихъ поръ стало брать подати съ «двора». «Соха» была оставлена и для

городского обложенія, какъ высшая единица, но она состояла не изъ извѣстнаго количества «четвертей пашни», какъ въ деревнѣ, а изъ извѣстнаго количества дворовъ (чаще всего 80, 100, 120 дворовъ въ «сохѣ»: сравни 800, 1.000, 1.200 четвертей въ сохѣ сельской). Такимъ образомъ, городской дворъ приравнивался земельному участку въ 10 четвертей или 5 десятинъ, т. е. 15 десятинъ въ трехъ поляхъ. Это, въ сущности, было очень легкое обложеніе, не тяжеле деревенскаго. Но отдѣльные жители города, конечно, должны были получать больше съ своихъ промысловъ и торговли, чѣмъ получалъ крестьянинъ съ участка, и правительство очень рано старается этотъ излишекъ городского дохода тоже уловить въ податную сѣть. Лавки, какъ мы уже знаемъ (стр. 139), облагались особо и часто отдавались въ наемъ прямо правительственными чиновниками; это былъ, стало быть, налогъ на торговыя помѣщенія. Позднѣе, въ XVII вѣкѣ, правительство пыталось даже обложить городъ налогомъ съ дохода: именно къ городу относились всѣ процентные сборы, о которыхъ мы говорили прежде пятая, десятая, пятнадцатая деньга (стр. 140). Правда, правильное устройство подоходнаго налога не удалось, но все-таки городъ въ XVII вѣкѣ платилъ уже по особому окладу, болѣе тяжелому, чѣмъ деревня. Итакъ, разница въ характерѣ тягла и въ свойствѣ податей прежде всего отдѣлила формально городъ отъ деревни. Но это вовсе не значило, чтобъ и городское населеніе отдѣлилось вмѣстѣ съ тѣмъ отъ другихъ сословій. Правительство могло выдѣлить тяглую городскую землю; но городского человѣка прикрѣпить къ тяглой городской землѣ—до самаго XVII вѣка правительству не удавалось. Городское населеніе находилось въ такомъ же подвижномъ, бродячемъ состояніи, какъ и вся остальная Россія. Городской житель могъ уйти съ тяглаго участка, могъ перейти въ другой городъ или въ другое сословіе. Въ городскихъ переписяхъ XVI вѣка мы встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ: иногда въ самый короткій промежутокъ времени всѣ владѣльцы тяглыхъ городскихъ участковъ уходятъ, и составъ ихъ замѣняется совершенно новымъ. Множество оставленныхъ старыми владѣльцами участковъ въ городѣ, какъ и въ деревнѣ, пустуетъ, и городская община охотно уступаетъ ихъ всякому желающему, хотя бы онъ былъ и изъ другого сословія: служилымъ людямъ, монастырямъ и т. д. Такимъ образомъ, городское тягло оказывается вовсе не сословнымъ тягломъ, и составъ городского тягловаго общества представляется довольно пестрымъ. Члены другихъ сословій допускаются нести городское тягло; но рядомъ съ этимъ люди самыхъ разнообразныхъ сословій и профессій ухитряются

тутъ же въ городѣ жить и даже заниматься городскими промыслами, помимо всякаго тягла, не платя ничего государству. Особенно удобнымъ мѣстомъ для такого обхода городского тягла представляются подгородныя «слободы», имѣвшія уже совершенно земледѣльческій характеръ. Сюда охотно переселялся и торговый человѣкъ изъ города, и крестьянинъ изъ села, и даже служилый человѣкъ селилъ здѣсь своего приказчика—все для одной и той же цѣли—чтобы заниматься торговлею, не платя городскихъ податей. Такимъ образомъ, выдѣленіе городской тяглой земли нисколько не мѣшало городскому сословію перемѣшиваться съ другими и сохранять полную сословную безформенность. Истинно-городскіе, торгово-промышленные элементы оставались часто внѣ тягловаго союза; наоборотъ, въ тяглый союзъ входили рядомъ съ горожанами и служилые, и духовные владѣльцы. Отъ такого смѣшенія теряла прежде всего казна. Скоро наступили обстоятельства, которыя заставили ее принять противъ этого смѣшенія рѣшительныя мѣры. Мы видѣли прежде, какъ увеличились государственныя потребности въ XVII вѣкѣ и какія усилія должно было дѣлать правительство, чтобы увеличить въ уровень съ новыми нуждами и свои средства. Каждый членъ государства нуженъ былъ теперь на своемъ собственномъ мѣстѣ и не долженъ былъ занимать чужого. Закрѣпощая служилое сословіе на военную службу, правительство не могло требовать уже, чтобы то же сословіе несло городскія подати со своихъ «дворовъ». Оно, поэтому, сняло со служилыхъ «дворовъ» въ городѣ всѣ подати, «обѣлило» ихъ по выраженію того времени. Но съ тѣмъ большею строгостью оно должно было слѣдить теперь за тѣмъ, чтобы служилые люди не отбивали у «посадскихъ» промышленность и торговлю,—источникъ платежной силы послѣднихъ, и чтобы самое торгово-промышленное населеніе не ускользало отъ тягла. Связать для этого тягломъ надо было не землю, а прямо людей.

Съ этого и начинается второй періодъ исторіи городского сословія въ Россіи. Не городская земля, а все городское сословіе становится тяглымъ, и для того, точно такъ же какъ и другія сословія, прикрѣпощается къ своему занятію. Всю первую половину XVII вѣка издаются все болѣе и болѣе строгія распоряженія такого содержанія. Наконецъ, въ серединѣ вѣка эти мѣры сводятся въ одно цѣлое Уложеніемъ царя Алексѣя. Всѣ посадскіе люди прикрѣпляются къ тому мѣсту и занятію, гдѣ застали ихъ эти правительственныя мѣропріятія. Не только переходъ между городомъ и селомъ, но даже переходы посадскаго населенія изъ города въ городъ строго запрещаются.

Закрѣпленная, такимъ образомъ, на мѣстѣ посадская община очищается тщательно отъ постороннихъ элементовъ и получаетъ обратно свои собственные. Продавать на сторону, въ другія сословія, городскіе дворы и лавки строжайше запрещается. Всѣ такія имущества, принадлежащія лицамъ другихъ сословій, предписывается возвратить посадскимъ. Самихъ посадскихъ, ушедшихъ въ слободы или въ крестьяне, велѣно вернуть въ городское тягло; къ этому же тяглу приписать и всѣ слободы, занимающіяся торговлей и промысломъ безпошлинно. Какъ значительны были послѣдствія этихъ мѣръ, видно изъ того, что за три года послѣ изданія Уложенія, въ силу ихъ были возвращены въ посадское тягло до 10.000 дворовъ и 21.000 торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей. Такимъ образомъ, къ серединѣ XVII вѣка городское сословіе впервые въ Россіи выдѣлилось юридически изъ другихъ сословій. Но выдѣленіе это, какъ видимъ, совершилось насильственно, правительственными мѣрами, и сопровождалось закрѣпощеніемъ всего сословія на правительственную службу. Служба эта состояла въ отбываніи городского тягла; но по отношенію къ высшей части сословія она приняла иной и очень своеобразный характеръ.

Какъ ни слабо развиты были въ Россіи торговля и промышленность, все же у насъ было небольшое количество богатыхъ купцовъ, капиталистовъ. Можетъ быть, эта небольшая группа сплотилась тѣснѣе и была сильна своими капиталами? Дѣйствительно, такъ: но сплотило ее, опять-таки, само правительство и для своихъ правительственныхъ цѣлей; оно воспользовалось богатствами этой группы, чтобы наложить на нее особаго рода казенную службу. Группа богатѣйшаго купечества называлась «гостями». Какъ только провинціальный купецъ богатѣлъ, правительство сейчасъ же переводило его въ Москву и запрягало въ свою службу. Такимъ образомъ, въ провинціи не могло создаться богатаго и независимаго купечества. Въ Москвѣ же, служба, которую навязывали «гостямъ», была очень тяжела и отвѣтственна. Правительство «повѣряло» имъ сборъ важнѣйшихъ доходовъ государства, именно сборъ таможенныхъ и кабацкихъ пошлинъ; самая служба по сбору пошлинъ называлась «вѣрною» службою. Косвенный сборъ, конечно, никогда не могъ сбираться въ одинаковомъ количествѣ изъ года въ годъ; но правительству важно было имѣть опредѣленную цифру дохода. Для этого оно отмѣчало сборъ каждаго года, сравнивало цифры между собою и требовало, чтобы сборъ слѣдующихъ лѣтъ не былъ ниже высшаго изъ предыдущихъ сборовъ и, во всякомъ случаѣ, не ниже средняго. Въ про-

тивномъ случаѣ, о всякомъ недоборѣ производился строгій розыскъ и правительство грозило взыскать недоборъ на «вѣрныхъ сборщикахъ». Они отвѣчали за сборъ своимъ имуществомъ: для этого-то и понадобилось отдать сборы людямъ богатымъ. За свою службу «гости» получали нѣкоторыя преимущества, одинаковыя съ служилымъ сословіемъ.

Вѣрная служба лучше всего характеризуетъ зависимое положеніе городского сословія во второй періодъ его сословной жизни. Но еще характернѣе то, что и самое городское самоуправленіе, составляющее отличіе *третьяго* періода и характеризующее какъ бы добытую городскимъ сословіемъ самостоятельность,—вытекало изъ той же вѣрной службы. Дѣло въ томъ, что, поручивъ «гостямъ» взиманіе важнѣйшихъ сборовъ во всѣхъ городахъ государства, правительство этимъ самымъ уже передало имъ значительную долю управленія городами. Но управлялъ городомъ воевода, и вѣрные головы и цѣловальники приходили съ нимъ въ постоянныя столкновенія. Къ концу XVII в. правительство убѣдилось, что въ воеводѣ нѣтъ надобности для управленія городомъ, разъ въ городѣ есть уже таможенные и кабацкіе головы, а между тѣмъ содержать воеводу все-таки лишній расходъ: не разъ обнаруживалось, что воевода бралъ свое содержаніе и получалъ взятки прямо изъ денегъ, собранныхъ для казны. Поэтому, изъ простого финансоваго разсчета правительство рѣшило вовсе отмѣнить должность воеводы въ тѣхъ городахъ, гдѣ жило одно посадское населеніе, т.-е. на всемъ сѣверѣ; а въ тѣхъ городахъ, гдѣ жило, кромѣ посадскаго, и служилое сословіе,—ограничить значеніе воеводы завѣдованіемъ служилыми людьми. Вѣрные головы и цѣловальники должны были выбираться самимъ городомъ и находиться подъ завѣдованіемъ московскихъ гостей, куда они и должны были доставлять свои сборы. Случайно вышло, что въ то время, когда проводились эти мѣры, Петръ Великій вернулся изъ своего перваго путешествія по Европѣ. Онъ далъ старымъ должностямъ и учрежденіямъ новыя голландскія имена: головы стали называться «бурмистрами», а московское присутствіе гостей «Бурмистерской палатой», а потомъ «Ратушей». Сущность осталась та же. *Служба* высшаго разряда городского сословія по собиранію сборовъ сохранилась во всей неприкосновенности. Въ послѣдніе года своего царствованія Петръ сдѣлалъ, было, попытку отдѣлить казенные сборы отъ городского самоуправленія и поручить эти сборы особымъ правительственнымъ чиновникамъ; но попытка не удалась—чиновниковъ не хватило, а назначенные оказались не особенно искусными, и сборы вернулись въ болѣе привычныя руки город-

с кого самоуправленія, гдѣ и остались до самой Екатерины II. Само городское самоуправленіе и организація городского сословія были совершенно перестроены Петромъ и Екатериной II. Какъ сказано, въ этой новой сословной организаціи и состоитъ отличительный характеръ третьяго періода городской сословной жизни. Подобно третьему періоду въ исторіи дворянскаго сословія, это время должно было по идеѣ правительства представлять *раскрѣпощеніе* сословія. Правительство хотѣло дать сословію тѣ элементы самостоятельности, которыхъ не выработала русская исторія, и городское сословіе облечено было для этого въ формы средневѣковой европейской свободы, подѣлено на гильдіи и цехи. Городское корпоративное устройство въ Россіи въ гораздо большей степени, чѣмъ дворянское, оказалось мертвой формой. Городское сословіе одинаково съ крестьянскимъ платило подушный окладъ и несло воинскую повинность и уже поэтому не могло чувствовать себя привилегированнымъ. Вотъ почему при вновь открытой свободѣ перехода изъ сословія въ сословіе, разбогатѣвшій купецъ торопился всѣми средствами перейти въ дворянское сословіе. Такимъ образомъ, надежда Екатерины II на то, что ея учрежденія поведутъ къ созданію третьяго сословія, не осуществилась. Наше третье сословіе, подъ вліяніемъ быстраго промышленнаго и умственнаго движенія нашего времени, складывается, дѣйствительно, понемногу, но не на основѣ стараго городского сословія, не въ его предѣлахъ. Со времени крестьянскаго освобожденія, когда купецъ получилъ право пріобрѣтать въ деревнѣ земельную собственность, а дворянинъ очень часто терялъ эту собственность и навсегда переселялся въ городъ,—прежнія границы городского и землевладѣльческаго сословія совершенно смѣшались. Съ каждымъ днемъ и бытовой типъ стараго московскаго купца становится воспоминаніемъ прошлаго, и не очень далеко то время, когда мы или наши дѣти будемъ изучать этотъ типъ по комедіямъ Островскаго, какъ мы теперь изучаемъ по Фонъ-Визину типъ г-жи Простаковой. Третье сословіе нашего времени формируется изъ самыхъ различныхъ элементовъ русскаго прошлаго, и въ немъ намѣчаются тѣ силы, которыя создали культурную жизнь современной Европы: сила капитала и сила знанія.

Пособія: *Н. Чечулинъ*, Города Россіи въ XVI вѣкѣ, Спб. 1889 г. *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія. *И. Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ Россіи и *его-же* Статьи по исторіи русскаго права. *Д. Багалѣй*. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. госуд. *И. Е. Забѣлинъ*, Древности Москвы и ихъ изслѣдованія, въ «Вѣстн. Европы», 1867 г.

III.

Количественный и качественный составъ земледѣльческаго населенія Россіи и Европы.—Происхожденіе русской общины.—Сходство и различіе въ современномъ положеніи разныхъ элементовъ русскаго крестьянства.—Періоды въ исторіи помѣщичьихъ крестьянъ.—Прикрѣпленіе къ тяглу и къ служилому сословію.—Правительственныя и владѣльческія мѣры прикрѣпленія.—Фактическое прекращеніе свободнаго перехода крестьянъ и законодательное прекращеніе свободной конкурренціи хозяевъ за рабочія руки.—Внѣ-законное развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными и юридическія противорѣчія въ ихъ положеніи.—Замѣна государственнаго характера прикрѣпленія—частнымъ.—Стороны крѣпостнаго права, регламентированныя и оставшіяся безъ регламентаціи въ законодательствѣ.—Непрочность крѣпостнаго права и сравнительная возможность разныхъ способовъ освобожденія.—Сравнительная сила разныхъ мотивовъ освобожденія.—Роль дворянскихъ интересовъ при освобожденіи.—Исторія удѣльныхъ крестьянъ.—Особенности исторіи государственныхъ крестьянъ.—Частная собственность и введеніе общины у черносошныхъ и однодворцевъ.—Аграрная политика XVIII и XIX вѣка.—Вопросъ о будущемъ общины.

Переходя къ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи, мы опять должны прежде всего отмѣтить разницу въ той роли, которую это сословіе играло въ соціальной жизни Россіи и Европы. Разница эта обнаруживается уже при простомъ сопоставленіи цифръ. Земледѣльческій классъ европейской Россіи составляетъ 88%, или почти $^{9}/_{10}$, всего населенія. Между тѣмъ, въ Германіи и Франціи земледѣліемъ кормится вдвое меньшая часть населенія (42—41%); въ Англіи земледѣліе служитъ источникомъ существованія всего $^{1}/_{8}$ части жителей (12%). Все остальное населеніе живетъ на Западѣ промышленностью, торговлей или личными услугами—государству и частнымъ лицамъ. Не менѣе значительно и качественное различіе въ составѣ земледѣльческаго класса Россіи и Европы. Изъ всего количества лицъ, живущихъ на доходы отъ земледѣлія, въ Россіи всего полмилліона владѣетъ землей на

правѣ частной собственности (въ томъ числѣ больше половины—крестьяне). Этому полумилліону частныхъ собственниковъ принадлежитъ четвертая часть всей земельной площади Россіи (въ томъ числѣ дворянамъ отдѣльно—$^1/_5$ всей площади). Остальная многомилліонная масса состоитъ изъ земледѣльцевъ-общинниковъ,—коллективныхъ собственниковъ, пользующихся своей долей общинной земли и обрабатывающихъ свой участокъ своими руками. Во владѣніи крестьянскихъ общинъ находится треть всей площади (остальныя $^2/_5$—преимущественно покрытыя лѣсами—принадлежатъ казнѣ). Исторія западнаго землевладѣнія началась съ разрушенія тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ русское землевладѣніе. Въ самый древній періодъ этой исторіи коллективная собственность разложилась и уступила мѣсто частной, и тотчасъ же эта частная собственность начала ускользать изъ рукъ того сословія, которое обрабатывало землю. Въ результатѣ вѣковой соціальной борьбы въ трехъ главныхъ странахъ Западной Европы сложились три различные типа земельной собственности, одинаково далекія отъ типа, преобладающаго въ Россіи. Въ Великобританіи земля окончательно ушла изъ рукъ земледѣльческаго сословія; $^7/_{10}$ площади находится тамъ во владѣніи всего 10 тысячъ крупныхъ собственниковъ; преобладающимъ типомъ земледѣльца сдѣлался, такимъ образомъ, типъ зажиточнаго фермера,—арендатора чужой земли,—или его наемнаго рабочаго. Въ Германіи, напротивъ, тѣ же $^7/_{10}$ площади сохранились въ рукахъ крестьянства; но въ процессѣ борьбы за землю сложился преобладающій типъ крестьянства крупнаго, болѣе похожаго на нашихъ мелкихъ помѣщиковъ. Наконецъ, во Франціи крестьянство было слишкомъ слабо, чтобы вести активную соціальную борьбу; за то земля не ускользнула отъ него и не перешла въ руки однихъ только болѣе стойкихъ его представителей. Французскій крестьянинъ вышелъ изъ исторіи такимъ, какимъ сдѣлалъ его долговременный государственный и феодальный гнетъ: онъ вышелъ самостоятельнымъ работникомъ на мелкомъ участкѣ, который сталъ, рано или поздно, его полной собственностью.

Что же значитъ это сдѣланное нами сопоставленіе? Составляетъ ли особенная форма русскаго землевладѣнія наше неотъемлемое національное свойство, какъ думали одни, или она доказываетъ только, что мы еще стоимъ на той ступени развитія, съ которой давно уже сдвинулась Европа, — какъ думали другіе? Историческій анализъ одинаково разрушаетъ оба предположенія, показывая, что русская община не есть—ни такое неизмѣнное въ исторіи явленіе, какъ это предполагается сторонниками перваго

мнѣнія,—ни такое элементарное, примитивное и архаическое какъ это нужно предположить для доказательства втораго. Не только нѣтъ возможности вывести современную общину изъ какихъ-нибудь первобытныхъ общественныхъ формъ, но даже есть полная возможность показать ея позднее сравнительно происхожденіе и раскрыть создавшія ее причины. По существу своему, русская община есть принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія лежащихъ на ней платежей и повинностей и обезпечивающая себѣ эту исправность уравненіемъ повинностей съ платежными средствами каждаго члена. Какъ появилась такая принудительная организація, объ этомъ мы уже говорили; мы видѣли, что тяглая община была продуктомъ усиленныхъ государственныхъ нуждъ и русской экономической неразвитости (стр. 128 и сл.). Но такая *тяглая* община еще не есть непремѣнно *хозяйственная*, какою мы знаемъ общину нашего времени. Хозяйственное распоряженіе общинной землей—въ формѣ «свалки и навалки» участковъ и въ формѣ періодическихъ передѣловъ всей земли—не входитъ необходимо въ кругъ обязанностей тяглой общины. Съ податной точки зрѣнія, постоянное приспособленіе платежей къ платежнымъ силамъ семьи,—какое достигается этими перераспредѣленіями участковъ,—есть, конечно, самая совершенная форма «народнаго кадастра». Но тяглая община, *какъ таковая*, не могла еще идти такъ далеко въ податномъ уравненіи плательщиковъ. Ея цѣль заключалась не въ постоянномъ уравниваніи платежей съ постоянно мѣняющимися рабочими силами каждаго хозяйства,—а просто въ уравненіи тягла съ размѣромъ участка, предполагаемаго неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, старинная «мірская ровность» состояла не въ передачахъ и передѣлахъ участковъ, а только въ ихъ измѣреніи съ помощью веревки («вервленіи») и въ обложеніи ихъ тягломъ пропорціонально размѣрамъ. Сами участки могли при этомъ оставаться полной и неприкосновенной собственностью ихъ хозяевъ. Если община позволяла себѣ распоряжаться этими участками, то только въ томъ случаѣ, когда хозяева, «вотчичи» участковъ, бросали ихъ пустыми: въ такомъ случаѣ община поневолѣ должна была пріискать хотя бы временныхъ «жильцовъ» на опустѣвшіе участки, такъ какъ съ нихъ все-таки ей же приходилось платить всѣ подати и нести всѣ повинности. Впервые болѣе свободное распоряженіе крестьянскими участками — напоминающее современную общину—мы встрѣчаемъ на такихъ земляхъ, которыя крестьянамъ въ собственность не принадлежали,—т.-е. на земляхъ частныхъ вла-

дѣльцевъ. Распоряжается при этомъ не община, а прикащикъ частнаго владѣльца; если же распоряжается передѣломъ участковъ община, то это по спеціальному разрѣшенію или приказанію владѣльца. Такимъ образомъ, *хозяйственная* община нашего времени впервые появляется въ предѣлахъ частнаго—и притомъ болѣе или менѣе крупнаго—хозяйства: на земляхъ монастыря или князя. Уже въ XVI вѣкѣ свободное хозяйственное распоряженіе крестьянскими участками, повидимому, входитъ въ обычай на владѣльческихъ земляхъ срединной Россіи. Въ теченіе XVII и XVIII в. правительство старается распространить этотъ обычай и на свободное крестьянство русскихъ окраинъ. Сейчасъ мы увидимъ, что въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка это вполнѣ ему удается (стр. 207—211).

И такъ, русская община есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія. Это нисколько не мѣшаетъ ей отражать на себѣ примитивный характеръ экономическаго быта, среди котораго она возникла; но этотъ примитивный характеръ общины не долженъ вводить насъ въ заблужденіе: нѣтъ надобности искать родственныхъ ей формъ въ далекомъ прошломъ, когда недавнее настоящее представляло всѣ нужные элементы для возникновенія вновь этой формы и для распространенія ея на всѣ разнородные элементы, изъ которыхъ сложилось современное русское крестьянство. Только познакомившись съ тѣмъ, насколько различно сложилась предыдущая исторія этихъ разнородныхъ элементовъ, мы будемъ въ состояніи оцѣнить, какъ велика была ассимилирующая сила одинаковыхъ экономическихъ условій и одинаковой финансовой системы, сообщившая всѣмъ этимъ разнороднымъ частямъ сословія одинаковую соціально-экономическую структуру.

Въ наше время, дѣйствительно, все крестьянское сословіе Россіи представляетъ одно цѣлое. Все русское крестьянство выкупаетъ въ настоящее время свои надѣлы и выкупитъ ихъ окончательно въ свою собственность къ 1931 году. По окончаніи выкупа всѣ юридическіе слѣды прежнихъ различій въ положеніи разныхъ группъ крестьянства сгладятся совершенно и крестьянство окончательно сольется въ единое сословіе. Теперь же, прежде всего, разница самыхъ условій земельнаго выкупа напоминаетъ намъ о прошломъ. По условіямъ выкупа вся крестьянская масса дѣлится на три категоріи. Первая категорія это бывшіе *крѣпостные*, помѣщичьи крестьяне. Они перешли на выкупъ по положенію 19-го февраля 1861 г., но только съ 1883 года выкупъ сдѣланъ былъ для всѣхъ обязательнымъ. Эти крестьяне получили для разсчета съ помѣ-

щиками правительственную ссуду, за которую они вносятъ проценты съ погашеніемъ (такъ называемые «выкупные платежи») и, такимъ образомъ, уплатятъ ссуду въ 49 лѣтъ. Вторая категорія—*удѣльныхъ крестьянъ*—стала выкупать свои земли въ 1863 г., выкупъ сдѣланъ былъ для нихъ съ самаго начала обязательнымъ и производится не путемъ взноса новыхъ платежей, а путемъ обращенія прежнихъ платежей въ выкупные; въ 49 лѣтъ образуется изъ этихъ взносовъ капиталъ, который и будетъ соотвѣтствовать цѣнности отданной удѣльнымъ крестьянамъ земли. Наконецъ, третья категорія крестьянъ *государственныхъ*. Они хотя и остались на казенномъ оброкѣ, а земли ихъ въ казенной собственности, но уже въ 1865 г. эти земли были закрѣплены за ними особыми юридическими актами, такъ называемыми, «владѣнными записями», и дозволенъ былъ желающимъ выкупъ этихъ земель въ полную собственность. Такимъ правомъ пользовались, однако, немногіе, и черезъ двадцать лѣтъ (при первой послѣ 1866 г. переоброчкѣ «оброчной подати»)—въ 1886 г. выкупъ былъ сдѣланъ и для нихъ обязательнымъ; для этого оброчные платежи были обращены въ выкупные: взносъ ихъ въ 44 года долженъ образовать капиталъ, нужный для выкупа оброчной подати, которая затѣмъ и перестанетъ уплачиваться, такъ что крестьяне перестанутъ стоять относительно государства въ положеніи оброчниковъ, нанимателей государственной земли.

Разница этихъ трехъ категорій русскаго крестьянства повлекла за собою еще и другое различіе, въ степени обезпеченія ихъ земельной собственностью. У крестьянъ разныхъ категорій самые размѣры выкупаемыхъ участковъ оказались различными. Всего хуже пришлось въ этомъ отношеніи помѣщичьимъ крестьянамъ, такъ какъ владѣльцы ихъ большею частью имѣли интересъ продать крестьянамъ какъ можно меньше земли, а себѣ оставить какъ можно больше. Такимъ образомъ, почти $^3/_4$ помѣщичьихъ крестьянъ (73%) получили надѣлы отъ десятины и менѣе до 4-хъ дес. на душу. Между тѣмъ $^3/_4$ удѣльныхъ крестьянъ (74,9%) обезпечены надѣлами отъ 2 до 6 дес., а изъ государственныхъ большая часть (70,7%) получила отъ 4 до 10 десятинъ и больше (и 25% отъ 2 до 4). Если считать достаточнымъ для крестьянскаго хозяйства средній государственный надѣлъ, то изъ государственныхъ надѣлены были при выкупѣ недостаточно только 13,7%, а изъ помѣщичьихъ 42,6%, т. е. количество, втрое большее.

Обратимся теперь къ исторіи тѣхъ отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ, какъ мы видѣли, образовалось современное крестьянское сословіе: къ исторіи крестьянъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ.

Исторія помѣщичьихъ (и вообще владѣльческихъ) крестьянъ тѣсно переплетается съ исторіей другихъ сословій; естественно поэтому, что отмѣченные нами прежде періоды въ развитіи дворянскаго и городского сословія совпадаютъ съ періодами въ исторіи владѣльческихъ крестьянъ. Въ исторіи дворянства и горожанъ мы нашли четыре различные періода. Древнѣйшій періодъ (до конца XV вѣка) тамъ и здѣсь характеризуется отсутствіемъ юридическихъ разграниченій между сословіями, полной неустойчивостью сословныхъ связей, отсутствіемъ сословной организаціи. Во второмъ періодѣ (XVI и особенно XVII в.) усиливающаяся государственная власть закрѣпощаетъ сословія на государственную службу натурой или деньгами; закрѣпощая ихъ, она этимъ самымъ устанавливаетъ рѣзкія грани между сословіями и даетъ имъ принудительную организацію. Третій періодъ (XVIII) состоитъ, напротивъ, въ раскрѣпощеніи сословій; освобождая ихъ отъ обязательной службы, правительство пытается дать имъ сословныя привилегіи и сословную организацію. Наконецъ, четвертый періодъ характеризуется отмѣной сословныхъ привилегій, юридическимъ сліяніемъ старыхъ сословныхъ группъ и началомъ новой общественной группировки. Короче, мы можемъ назвать эти періоды—періодомъ первоначальнаго смѣшенія, закрѣпощенія, раскрѣпощенія и разрушенія старыхъ сословій.

Отдѣлы, соотвѣтствующіе всѣмъ этимъ періодамъ, мы найдемъ и въ исторіи владѣльческаго крестьянства съ нѣкоторыми, однако же, различіями. Въ древнѣйшемъ періодѣ, когда «вольные слуги» кочуютъ отъ князя къ князю и когда городское населеніе юридически не выдѣляется отъ деревенскаго—въ самомъ деревенскомъ населеніи мы отмѣтили уже прежде нѣкоторые элементы принудительной организаціи. Мы видѣли, что правительство, подъ давленіемъ татарскаго ига, сгруппировало нѣкоторую, по крайней мѣрѣ, часть населенія въ тяглыя «сотни» и записало ихъ въ «данскія книги. Эти «численные люди», «данные» и «письменные», были уже тогда закрѣплены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ записаны. Съ другими владѣльцами и князьями заключалось постоянное условіе, «а тяглыхъ тебѣ моихъ людей, данскихъ и письменныхъ, къ себѣ въ села не принимати». Такова была древнѣйшая форма прикрѣпленія крестьянъ, притомъ, свойственная всѣмъ ихъ категоріямъ одинаково. Конечно, это прикрѣпленіе было пока чисто податное: подобно городскому прикрѣпленію древнѣйшаго времени, здѣсь подать была прикрѣплена къ тяглу, а не къ тяглецу,—къ участку, а не къ его обитателю, который могъ свободно уйти, поставивъ за себя жильца. Поэтому, когда начался второй періодъ сословной

исторіи—періодъ прикрѣпленія жителей къ ихъ занятіямъ,—податнаго прикрѣпленія крестьянъ оказалось недостаточно. На крестьянъ легла новая обязанность: содержать обширное, вновь сформированное служилое сословіе. Бѣдное деньгами государство поступило такъ, какъ поступали и на Западѣ въ подобномъ случаѣ; оно заплатило своимъ служилымъ людямъ землей, но не простой землей, которая въ московскомъ государствѣ ничего не стоила, а землей, населенной крестьянами. Кому принадлежали раньше эти земли и на какомъ основаніи населеніе этихъ земель обязано было «слушать» своихъ новыхъ хозяевъ, «подати имъ платить и всякое издѣліе дѣлать, чѣмъ ихъ изоброчатъ»,—объ этомъ едва ли возникалъ вопросъ въ то время. Но, какъ бы то ни было, новая обязанность, возложенная на крестьянство, считалась особымъ видомъ службы *государству*. Хотя государство и не позаботилось установить границы обязанностей крестьянъ относительно ихъ «помѣщиковъ», тѣмъ не менѣе ни земля, данная за службу, ни, тѣмъ болѣе, крестьяне не считались отданными помѣщику въ полную собственность. Крестьянинъ смотрѣлъ на служилаго человѣка, котораго онъ обязанъ былъ «слушать» и подати ему платить, какъ на царскаго слугу, а на свое подчиненіе ему, какъ на временную форму казеннаго вознагражденія за его службу. Такъ смотрѣло, конечно, вначалѣ и само правительство; въ одномъ документѣ средины XVI в. выставляется даже, въ интересахъ крестьянства, требованіе, чтобы служилые люди и жили не въ своихъ деревняхъ, а въ городахъ, въ сборныхъ пунктахъ, куда и должны были бы доставляться всѣ «установленные» сборы съ назначенныхъ на ихъ содержаніе «ратаевъ».

Конечно, объ этомъ можно было только мечтать въ государствѣ, не имѣвшемъ еще собственныхъ органовъ для выполненія самыхъ важнѣйшихъ своихъ функцій. Если бы правительство могло установить *такія* отношенія между крестьянами и помѣщиками то оно могло бы и ввести иную форму вознагражденія послѣднихъ. При тогдашнихъ условіяхъ, сношенія съ крестьянами правительство должно было предоставить самимъ помѣщикамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно лишалось и всякой возможности контроля надъ этими отношеніями. Не только оно не могло думать о защитѣ интересовъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, но на первыхъ же порахъ ему пришлось рѣшительно стать на сторону помѣщичьихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что недостаточно было дать служилымъ людямъ населенныя земли; надо было позаботиться о томъ, чтобы населеніе этихъ земель оставалось на мѣстѣ. Одной записи въ тягло было для этого слишкомъ мало. Правда, подъ вліяніемъ ли тягла

или независимо отъ этого вліянія, нѣкоторая часть населенія привыкла къ своимъ мѣстамъ; сплошь и рядомъ въ документахъ XVI вѣка встрѣчаются «старожильцы», которые живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и полвѣка, и больше: и правительство кончаетъ тѣмъ, что признаетъ право владѣльца на такихъ старожильцевъ, начинаетъ считать ихъ «крѣпкими» ему «по старинѣ». Большая часть крестьянъ продолжаетъ, однако, бродить отъ одного владѣльца къ другому, вступая съ каждымъ изъ нихъ въ добровольное и временное соглашеніе. Этихъ-то вольныхъ людей правительство старается теперь всячески укрѣпить за владѣльцами; къ тому же стремятся, конечно, и сами владѣльцы. Тѣ и другіе дѣйствуютъ при этомъ тѣми средствами, которыя находятся въ ихъ власти. Правительство законодательнымъ порядкомъ устанавливаетъ высокія пошлины съ уходящихъ отъ владѣльца крестьянъ,— какъ плату за пользованіе избой («пожилое»); оно опредѣляетъ законный срокъ разсчета (Юрьевъ день); и въ случаѣ, если крестьянинъ ушелъ отъ владѣльца не въ срокъ и безъ платежа пошлинъ, т. е. безъ правильнаго «отказа»,—правительство считаетъ такого крестьянина «бѣглымъ» и даетъ на него владѣльцу право иска и возвращенія судебнымъ порядкомъ. Съ своей стороны, и владѣлецъ принимаетъ мѣры, чтобы закрѣпить себѣ крестьянина. Лучшимъ средствомъ для этого служитъ выдача крестьянину «ссуды» на первоначальное обзаведеніе. Въ такой ссудѣ нуждалось большинство крестьянства; получивъ отъ 2 до 5 рублей (отъ 120 до 300 р. на наши деньги), крестьянинъ терялъ всякую возможность расплатиться съ хозяиномъ, и, такимъ образомъ, принужденъ былъ оставаться на его землѣ безсрочно; тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ нарушенія контракта, онъ обязанъ былъ выплатить еще особую неустойку («зарядъ»). Всѣхъ этихъ средствъ было бы совершенно достаточно, чтобы обезпечить помѣщику крестьянъ, если бы не примѣшались два непредвидѣнныя обстоятельства. Во-первыхъ, каждый помѣщикъ хлопоталъ о прикрѣпленіи собственныхъ крестьянъ, но въ то же время всячески препятствовалъ прикрѣпленію крестьянъ своего сосѣда, стараясь всѣми силами переманить ихъ къ себѣ. Законный «отказъ» и выходъ сталъ для крестьянина очень труденъ къ концу XVI в.; но на смѣну выходу явился «вывозъ». Владѣльцы или общины, искавшіе работниковъ и тяглецовъ, разсылали своихъ агентовъ повсюду съ цѣлью «отказывать» себѣ крестьянъ изъ-за старыхъ владѣльцевъ. Новый хозяинъ охотно принималъ на себя уплату всѣхъ долговъ, лежавшихъ на крестьянинѣ, только бы перевезти его на свою землю. Воспротивиться такому «вывозу», если всѣ условія «отказа»

были соблюдены, старый владѣлецъ не имѣлъ права. Такимъ образомъ, свобода перехода крестьянъ превратилась въ свободу конкурренціи изъ-за крестьянъ между земледѣльцами: конечно, при этомъ выигрывали наиболѣе зажиточные хозяева, имѣвшіе возможность дать крестьянину наибольшую льготу. Эта конкурренція еще болѣе обострилась тѣмъ обстоятельствомъ, что съ середины XVI вѣка открылась возможность колонизаціи новыхъ земель (стр. 55); народный потокъ хлынулъ туда, а въ старомъ московскомъ центрѣ земли стали пустовать, и явился усиленный спросъ на рабочія руки *). Правительство было завалено исками о возвращеніи незаконно ушедшихъ. На первыхъ порахъ оно не нашло ничего лучшаго, какъ попытаться сократить число этихъ исковъ: указомъ 1597 г. запрещено было принимать жалобы отъ тѣхъ, кто не успѣлъ подать ихъ въ теченіе пяти лѣтъ до этого года. Это значило, что всѣ незаконно ушедшіе съ своихъ мѣстъ раньше 1592 г. могутъ законно оставаться на новыхъ мѣстахъ жительства и не считаются «бѣглыми». Такимъ образомъ, результаты самаго горячаго времени колонизаціи степи и поволжья были оффиціально признаны правительствомъ. Естественно, что въ служиломъ классѣ коренного московскаго центра эта мѣра должна была вызвать страшнѣйшее раздраженіе. Тогда Борисъ Годуновъ, вообще старавшійся добиться расположенія мелкихъ служилыхъ людей, рѣшился успокоить ихъ мѣрой совершенно противоположнаго характера. Въ 1601 г. и еще разъ въ 1602 г. — оба раза только на одинъ годъ — запрещено было крестьянамъ уходить изъ московскаго центра на окраины, и въ то же время свобода «вывоза» крестьянъ оставлена только мелкимъ служилымъ людямъ между собою, а крупнымъ—между собою. Такимъ образомъ, самые опасные конкурренты для мелкаго помѣщика, крупные хозяева устра-

*) Сравнительная численность разныхъ формъ перехода въ концѣ XVI в. видна будетъ изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1580 г. въ тверской вотчинѣ князя Симеона Бекбулатовича (20 селъ и 473 деревни) числилось 2.217 крестьянъ. Изъ этого числа въ ближайшія лѣтъ пять до 1580 г. ушло 305 человѣкъ, т. е. меньше 14%. Но изъ числа ушедшихъ только 53 (17% или болѣе 2% всѣхъ крестьянъ) смогли «выйти» сами, т. е. разсчитаться своими средствами съ хозяиномъ. Нѣсколько большее количество «выбѣжало», т. е. ушло безъ законнаго отказа (65 чел., 21% или около 3% всѣхъ крестьянъ); владѣлецъ имѣлъ право отыскивать ихъ законнымъ порядкомъ. Большая же часть (188 чел., 62% или около 9% всѣхъ крестьянъ) были «вывезены» другими владѣльцами. Такимъ образомъ, «вывозъ» былъ главной формой перехода. На мѣсто ушедшихъ пришло и вновь порядилось въ крестьянство всего 27 человѣкъ. Въ итогѣ, слѣдовательно, въ самый короткій промежутокъ времени хозяйство Симеона потеряло 13% рабочаго населенія.

нялись отъ конкурренціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе крестьянъ существенно измѣнялось. Теперь уже «бѣглыми» были не только тѣ крестьяне, которые ушли, не исполнивъ условій своей «порядной», своего свободнаго договора; всякій крестьянинъ «вывезенный» за «сильнаго человѣка» былъ бѣглымъ, и даже хуже, чѣмъ бѣглымъ, такъ какъ тутъ къ нарушенію обязанности со стороны крестьянина присоединялось нарушеніе закона со стороны принявшаго его хозяина. Правда, въ слѣдующіе годы законъ Бориса, повидимому, не подтверждался, да и скоро правительству стало не до того, чтобы разрѣшать вопросы сословной политики. Наступила смута и новая династія застала положеніе дѣла самымъ неопредѣленнымъ. Съ одной стороны, уже во время смуты поговаривали о томъ, чтобы вообще запретить всякіе переходы крестьянъ; съ другой стороны, переходы эти стали легче, чѣмъ прежде, такъ какъ законъ 1597 г. стали толковать въ томъ смыслѣ, что отыскивать бѣглаго крестьянина вообще можно только въ теченіе пяти лѣтъ послѣ побѣга. Съ одной стороны, мелкіе служилые люди твердо стояли на почвѣ закона 1601 г. и считали «бѣглыми» всѣхъ, перезванныхъ «сильными людьми»; съ другой—«сильные» люди свободно продолжали переманивать крестьянъ и старались привязать ихъ къ себѣ какъ можно прочнѣе. Въ это время вошло въ обычай брать съ крестьянъ запись особаго рода: вмѣсто простой «порядной» крестьянинъ давалъ на себя такъ-называемую *«ссудную запись»*. Здѣсь онъ навсегда отказывался отъ права уплатить взятую у хозяина ссуду, обязывался никуда не «выходить» отъ новаго хозяина и давалъ ему заранѣе право отыскивать себя повсюду и «отовсюду къ себѣ взяти». Можно себѣ представить положеніе стараго хозяина, когда передъ судомъ новый владѣлецъ выкладывалъ такой документъ. На что онъ могъ сослаться въ доказательство своихъ правъ на бывшаго своего крестьянина? Онъ ссылался, обыкновенно, на «старину»; но чтобы доказать, что отыскиваемый крестьянинъ былъ его «старинный», надо было представить какую-нибудь «крѣпость», какой-нибудь документъ, въ которомъ этотъ крестьянинъ былъ записанъ въ его имѣніи. Но уже никакія доказательства ни къ чему не служили, если новому владѣльцу удавалось укрыть у себя крестьянина въ теченіе пяти лѣтъ: тогда послѣдній оставался за нимъ по праву давности.

Естественно, что мелкіе служилые люди начинаютъ добиваться при новой династіи, чтобы бѣглый навсегда оставался бѣглымъ, т. е. чтобы уничтожена была давность для исковъ о бѣглыхъ, которой не было «при прежнихъ государяхъ»; чтобы разнаго рода

владѣнные документы на землю признавались достаточными «крѣпостями» на крестьянъ, чтобы сильнымъ людямъ вообще запрещено было вывозить за себя крестянъ. Мало-по-малу, правительство уступаетъ; срокъ давности удлиняется до 10 лѣтъ, а потомъ и вовсе уничтожается; всѣ крестьяне, записанные въ новую дворовую перепись 1646—48 гг., признаются крѣпостными и *всякій* переходъ ихъ къ кому бы то ни было съ этого времени считается бѣгствомъ. Такимъ образомъ, служилое сословіе торжествуетъ побѣду надъ взаимной конкурренціей изъ-за крестьянъ, послѣ того, какъ оно давно уже восторжествовало надъ свободнымъ переходомъ крестьянъ. Остается, правда, еще кое-какое гулящее населеніе, не попавшее въ перепись; но теперь уже всякій договоръ такого гулящаго человѣка съ хозяиномъ заключается въ формѣ ссудной записи, т. е. дѣлаетъ его вполнѣ крѣпостнымъ; и всякій такой случай поступленія «въ крестьянство» отмѣчается въ правительственномъ учрежденіи—помѣстномъ приказѣ.

По мѣрѣ того, какъ крестьянинъ закрѣпляется за владѣльцемъ, растетъ и власть надъ нимъ послѣдняго. Никто не вмѣшивается въ область ихъ взаимныхъ отношеній; правительство заботится только о томъ, чтобы крестьянинъ не выходилъ изъ крестьянства, т. е. чтобы онъ не переставалъ быть плательщикомъ: до остального ему нѣтъ никакого дѣла. Такимъ образомъ, уже въ XVII вѣкѣ, едва сложившись формально, крѣпостное право является со всѣми аттрибутами неограниченной власти человѣка надъ человѣкомъ. Съ самаго начала вѣка помѣщикъ безъ стѣсненія отрываетъ крестьянина отъ земли, переводитъ его въ дворовую прислугу, переселяетъ въ другія имѣнія, дробитъ крестьянскія семьи, дѣлитъ, мѣняетъ ихъ; навѣрное, тогда же начинается и прямая продажа крестьянъ. Судьей своихъ крестьянъ помѣщикъ былъ, вѣроятно, уже и въ XVI вѣкѣ; въ XVII вѣкѣ на помѣщичьемъ дворѣ можно уже встрѣтить тюрьму, кандалы и рогатки, а въ арсеналѣ судебныхъ доказательствъ появляются самыя изысканныя московскія пытки. Право наказанія не ограничивалось никакими предѣлами. Уложеніе, правда, при одномъ частномъ случаѣ, велитъ «приказывать накрѣпко» господину, чтобъ онъ не убилъ, не изувѣчилъ и голодомъ не уморилъ подвластнаго ему человѣка; но и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ законъ ничѣмъ не обезпечивалъ личности крѣпостного. Даже въ случаѣ убійства крѣпостного, владѣлецъ не несъ опредѣленной законами отвѣтственности. И при всемъ томъ законъ нисколько не ограничивалъ какихъ бы то ни было гражданскихъ правъ крестьянина, такъ что на практикѣ положеніе его было полно самыхъ рѣзкихъ противорѣчій. Крестьянинъ могъ

быть проданъ помѣщикамъ—и въ то же время могъ покупать собственныхъ крѣпостныхъ; онъ подлежалъ помѣщичьему суду—и въ то же время являлся передъ обычными судами въ роли полноправнаго истца или отвѣтчика; имущество его входило въ составъ господскаго имущества—и одновременно онъ могъ самостоятельно входить въ имущественныя сдѣлки съ казной, посторонними лицами и даже съ собственнымъ владѣльцемъ; онъ былъ равноправнымъ—или равно-обязаннымъ—членомъ общины, и вполнѣ зависѣлъ отъ личнаго произвола хозяина или его прикащика; онъ былъ крѣпокъ землѣ, и, повидимому, безъ всякаго спроса владѣльца могъ уходить на заработки и оставаться внѣ общины цѣлыми годами. И всѣ эти противорѣчія сводились къ одному коренному. Съ одной стороны, владѣніе крѣпостными продолжало считаться только средствомъ вознагражденія служилыхъ людей за ихъ службу, т. е. было одной изъ формъ казеннаго жалованья; съ другой, уже складывалось на практикѣ отношеніе къ крѣпостному, какъ къ полной собственности владѣльца.

Третій періодъ въ исторіи владѣльческаго сословія далъ рѣшительный перевѣсъ послѣднему взгляду на крѣпостное право. Оно сохраняло государственный характеръ, пока соединено было съ обязательной военной службой землевладѣльцевъ. Служба крестьянина помѣщику представлялась естественнымъ послѣдствіемъ службы помѣщика государству: закрѣпощеніе крестьянъ оправдывалось закрѣпощеніемъ самого дворянства. Но въ XVII вѣкѣ началось, какъ мы знаемъ, раскрѣпощеніе дворянства и превращеніе его въ привилегированное сословіе. Первымъ шагомъ къ этому раскрѣпощенію было отдѣленіе дворянской службы отъ дворянскаго землевладѣнія. Обязательность службы была сохранена и даже усилена Петромъ, но владѣніе бывшимъ служилымъ участкомъ (все равно, помѣстьемъ или вотчиной) перестало зависѣть отъ службы и превращено было знаменитымъ указомъ о единонаслѣдіи (1714) въ полную дворянскую собственность. Манифестъ 18 февраля 1762 г. и жалованная грамота Екатерины II дворянству закончили то, что было начато указомъ о единонаслѣдіи: дворянство окончательно освободилось отъ обязательной службы и получило подтвержденіе и даже расширеніе всѣхъ своихъ владѣльческихъ правъ. Что же должно было статься теперь съ крѣпостными? Сами они твердо помнили, что кормятъ царскаго слугу; если царь освободилъ его отъ службы, то ихъ онъ долженъ былъ, по ихъ убѣжденію, освободить отъ обязанности его кормить. Вотъ почему послѣ манифеста о вольности дворянства крѣпостные стали ждать и для себя такого же манифеста; не дождавшись его, они

рѣшили, что манифестъ о ихъ вольности уже данъ, но только помѣщики его скрываютъ. При этомъ убѣжденіи, не смотря ни на что, они остались вплоть до освобожденія; и самое освобожденіе съ своей старой точки зрѣнія они поняли такъ, что царь, наконецъ, отдаетъ имъ землю,—которую они продолжали упорно считать своею,—а своихъ слугъ хочетъ наградить за ихъ службу царскимъ жалованьемъ.

Правительственная точка зрѣнія совершенно разошлась въ этомъ случаѣ съ народной. Въ тотъ моментъ, когда крестьяне начали ждать свободы, законъ превратилъ ихъ въ полную собственность дворянъ. *Государственный* характеръ этой собственности совершенно стушевался, и на первый планъ выступилъ *частный*. Правительство уже не ограничивалось пассивнымъ отношеніемъ къ положенію крѣпостныхъ: цѣлымъ рядомъ указовъ оно старалось провести новый взглядъ на нихъ, какъ на привилегированную дворянскую собственность. Постепенно крѣпостные лишаются права свободно уходить на промыслы (1726), брать откупа и подряды (1731), обязываться векселями и вступать въ поручительство (1761). Право продажи крѣпостныхъ, признанное закономъ уже въ концѣ XVII в., формально подтверждается въ 1747; но, кромѣ того, дается помѣщикамъ право ссылки въ Сибирь (1760); у крестьянъ отнимается право жалобы на помѣщиковъ (1767 г.). Отдавъ, такимъ образомъ, крѣпостныхъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ, правительство старается гарантировать себѣ только исправность платежей; для этой цѣли оно все настойчивѣе и настойчивѣе требуетъ послѣ Петра (1731, 1762), чтобы помѣщики взяли на себя отвѣтственность за правильный взносъ податей и поставку рекрутъ, и все опредѣленнѣе возлагаетъ на нихъ обязанность заботиться о прокормленіи крестьянъ во время голода, о снабженіи ихъ сѣменами въ случаѣ неурожая. Изъ частыхъ напоминаній помѣщикамъ обо всѣхъ этихъ обязанностяхъ можно заключить, что онѣ далеко не всегда выполнялись. Самые добросовѣстные изъ помѣщиковъ перелагали свои обязанности на крестьянъ, заставляя ихъ покупать рекрутъ въ складчину и наполнять своимъ хлѣбомъ запасные магазины. Большинство же и вовсе не заботилось о выполненіи обязанностей. Не имѣя, такимъ образомъ, возможности настоять даже на томъ, что его ближайшимъ образомъ интересовало, правительство, естественно, тѣмъ менѣе имѣло побужденій вмѣшиваться во внутреннія отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ. Область этихъ отношеній оставалась, по прежнему, незатронутой никакими законодательными опредѣленіями. Въ концѣ концовъ, такая неопредѣленность взаим-

ныхъ отношеній, усердно оберегавшихся дворянствомъ отъ всякихъ посягательствъ законодателя,—послужила крестьянству на пользу, когда рѣчь зашла о ликвидаціи этихъ отношеній. Вездѣ на Западѣ сословная сила облеклась въ этомъ случаѣ въ формы права; землевладѣльческое сословіе имѣло тамъ достаточно сословнаго такта, чтобы закрѣпить документомъ и защитить закономъ каждую частность своихъ крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему новѣйшему законодательству приходилось отвоевывать шагъ за шагомъ крестьянскую свободу, ставя на мѣсто стараго права новое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимныхъ отношеній. У насъ это было сдѣлать легче, такъ какъ законодательство застало совершенную tabula rasa въ области крѣпостныхъ отношеній: новое право не замѣняло здѣсь стараго,—а явилось на смѣну полному отсутствію юридической точки зрѣнія. Въ этомъ смыслѣ, русское крѣпостное право сравнительно съ крѣпостнымъ правомъ Европы—то же, что деревянный «острогъ» русской крѣпости сравнительно съ каменнымъ феодальнымъ замкомъ: ломкое, непрочное зданіе, безъ перегородокъ внутри, безъ контрфорсовъ снаружи. Чтобы разрушить твердыню средневѣкового крѣпостничества понадобились столѣтія, тогда какъ одного почерка пера оказалось совершенно достаточнымъ, чтобы опрокинуть гнилое зданіе барскаго произвола.

Пришелъ ли этотъ «почеркъ пера» слишкомъ рано, какъ утверждаютъ одни, или, напротивъ, слишкомъ поздно, какъ говорятъ другіе? Несомнѣнно, что уничтоженіе крѣпостнаго права въ 1861 году соединено было съ значительными потерями для дворянства; нѣтъ основаній не вѣрить тѣмъ разсчетамъ, по которымъ потеря выгодъ, соединенныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, доходила до трети всего состоянія помѣщиковъ. Несомнѣнно, что если бы законодательство преслѣдовало ту цѣль, которую одинаково ставили крестьянской реформѣ представители власти отъ Екатерины II до Александра II, т.-е. если бы оно задавалось мыслью сдѣлать такъ, чтобы бытъ крестьянъ былъ улучшенъ, а помѣщикъ не пострадалъ, или даже выигралъ, то мы долго не дождались бы рѣшенія вопроса. Рѣшеній перепробовано было много въ теченіе цѣлаго столѣтія передъ освобожденіемъ; всѣ они оказались одинаково несостоятельными, такъ что путемъ простого исключенія правительство могло бы придти къ единственно возможному рѣшенію, принятому 19 февраля 1861 г. Началось, конечно, съ попытокъ частныхъ улучшеній; но правительство Екатерины II, также какъ и правительство Императора Николая I должно было придти къ заключенію, что никакія отдѣльныя улучшенія невозможны, если

оставить по прежнему ту неопредѣленность отношеній, которая составляла сущность нашего крѣпостнаго права. Регламентировать же серьезно эти отношенія ни одно правительство не рѣшалось; а когда рѣчь о такой регламентаціи зашла передъ освобожденіемъ крестьянъ, то наше дворянство ясно показало, что всякой подобной регламентаціи оно предпочитаетъ полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія самого дворянства, радикальное разрѣшеніе вопроса оказалось единственно возможнымъ. Какого рода должна была быть эта радикальная развязка, относительно этого тоже предъидущая исторія крестьянскаго вопроса не оставляла никакихъ сомнѣній. Первой мыслью было—дать крестьянамъ личную свободу, а землю оставить помѣщикамъ. Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго такое рѣшеніе считалось даже либеральнымъ; а постепенное развитіе экономической жизни Россіи сдѣлало его настолько выгоднымъ для помѣщиковъ, что наиболѣе развитая часть дворянства прямо стала желать освобожденія крестьянъ безъ земли. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде земля безъ крѣпостныхъ ничего не значила, то теперь она стала пріобрѣтать совершенно самостоятельную цѣнность. Помѣщикъ не могъ обойтись безъ дарового труда, пока онъ извлекалъ изъ своей земли продукты исключительно для личнаго потребленія; сама по себѣ земля ничего бы ему не дала; понятно, что цѣнность ея измѣрялась для него количествомъ прикрѣпленныхъ къ ней рабочихъ рукъ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. Натуральное хозяйство начало уступать мѣсто мѣновому; земледѣльческіе продукты стали предметомъ сбыта внутри и внѣ страны; цѣны ихъ постепенно расли; вмѣстѣ съ тѣмъ возростала доходность хозяйства и поднимались цѣны годной для обработки земли. При этихъ условіяхъ даровой трудъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ быстро потерялъ свою привлекательность. Не трудно было убѣдиться, что трудъ этотъ—даровой только по видимости. На самомъ дѣлѣ помѣщикъ платилъ крѣпостному, выдѣляя ему извѣстный клочекъ земли для его собственнаго хозяйства. Чѣмъ доходнѣе становился этотъ клочекъ, отданный крѣпостному, тѣмъ, значитъ, дороже обходились помѣщику его услуги; а производительность крѣпостнаго труда далеко уступала производительности труда свободнаго. Министръ Перовскій, самъ сторонникъ крѣпостнаго права, въ одномъ изъ секретныхъ комитетовъ Императора Николая (1845) прямо заявлялъ, что «опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ *ненаселенной*

земли при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу *помѣщика*». Естественно, что помѣщики хлѣбородной полосы «сами начали понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюдо - невыгодныя отношенія». Лучше всего было бы, конечно, отпустить крѣпостныхъ на всѣ четыре стороны. Но достаточно было знать русскаго крестьянина, чтобы понять, что съ такимъ рѣшеніемъ онъ не помирится. Вотъ почему всѣ сколько-нибудь свѣдущіе защитники владѣльческихъ интересовъ всегда признавали безземельное освобожденіе неосуществимымъ въ настоящемъ и только настаивали на томъ, чтобы подготовить постепенно его осуществленіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Возникалъ по временамъ и другой проектъ развязки крѣпостныхъ отношеній. Если отдать крестьянину землю было нежелательно, а отнять ее у него—невозможно, то нельзя ли было избрать средній путь: оставивъ собственность на землю за помѣщиками, крестьянамъ передать право наслѣдственнаго пользованія ихъ участками за опредѣленныя повинности. Этотъ проектъ, чуждый условіямъ русской жизни, послужилъ, однакоже, лишь для того, чтобы выяснить вообще неудовлетворительность среднихъ рѣшеній. Одна мысль о регламентаціи взаимныхъ отношеній и объ установленіи вѣчной обязательности ихъ для обѣихъ сторонъ приводила владѣльческое сословіе въ ужасъ. Притомъ же, нашимъ помѣщикамъ трудно давалось юридическое понятіе dominium directum. Права собственности они никакъ не могли представить себѣ безъ права распоряженія; отдача земли въ наслѣдственное пользованіе казалась имъ полной—и притомъ даровой—потерей имущества.

И такъ, если уже развязка была необходима, оставалось только одно—остановиться на мысли, которая на первый взглядъ казалась возмутительной и революціонной: на мысли объ отдачѣ земли крестьянамъ. Возмутительной представлялась, собственно, въ этомъ исходѣ только идея принудительной экспропріаціи дворянской земли. Поэтому, ни Императоръ Николай, ни Императоръ Александръ II не рѣшились сдѣлать передачу земли крестьянамъ обязательной для дворянства. Но разъ идея *обязательности* была, такимъ образомъ, устранена, продажа крестьянамъ земли могла сдѣлаться для помѣщиковъ даже выгодной операціей. Все зависѣло тутъ отъ условій продажи. Мы видѣли, что помѣщикъ хлѣбородной полосы къ серединѣ нашего вѣка сталъ предпочитать совсѣмъ отдѣлаться отъ крестьянъ. Но если это было нельзя, онъ могъ съ выгодой для себя уступить крестьянину такой

маленькій клочекъ земли, который самъ по себѣ не обезпечивалъ бы ему средствъ для существованія и для уплаты повинностей. Въ такомъ случаѣ, помѣщикъ освобождался отъ всего, что, по выраженію Перовскаго, дѣлало его отношенія къ крестьянину «тягостными»: избавлялся отъ неудовлетворительнаго и дорогого теперь крѣпостнаго труда, отъ «неопредѣленности крестьянскихъ обязанностей», а также и отъ своей «тяжкой обязанности—кормить крестьянъ на свой счетъ» въ случаѣ неурожая. Взамѣнъ того, онъ пріобрѣталъ дешеваго наемнаго работника, который находился въ полной отъ него зависимости и съ которымъ, въ то же время, онъ не былъ ничѣмъ связанъ формально. Въ сѣверной, нехлѣбородной половинѣ Россіи—разстаться съ землей помѣщику было еще легче. Здѣсь онъ уже и прежде, большею частью, не занимался хозяйствомъ и даже не жилъ въ деревнѣ, а получалъ съ крестьянъ, за всѣ ихъ обязанности, круглую цифру «оброка» *). Трудность при развязкѣ крѣпостныхъ отношеній была тутъ другая. Земля была не нужна помѣщику, потому что съ нея здѣсь немного было можно выручить; но и крестьянинъ выручалъ въ этой мѣстности барскій оброкъ не съ земли, а съ промысловъ, служившихъ здѣсь издавна подспорьемъ земледѣлію. Стало быть, отдавъ крестьянину землю за то, чего она здѣсь стоила, помѣщикъ не вознаградилъ бы себя за потерю оброка; такъ или иначе, онъ долженъ былъ добиться вознагражденія не за одну землю, но также и за теряемое имъ право на промышленный трудъ крестьянина.

И такъ, освобожденіе крестьянъ съ землей могло бы быть выгодно помѣщикамъ только при томъ условіи, чтобы въ хлѣбородной полосѣ до крайности были урѣзаны размѣры надѣла, а въ промышленной — цѣна за землю была бы назначена выше ея естественной стоимости, принимая въ разсчетъ и внѣземледѣльческіе заработки крестьянина. Въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ прямо разсчитывалъ получить выкупъ за личность крѣпостнаго, а въ первомъ—онъ могъ надѣяться остаться фактическимъ распоряди-

*) Къ послѣдней четверти XVIII в. въ нечерноземныхъ губерніяхъ было на оброкѣ больше половины (55%) всего крѣпостнаго населенія, тогда какъ въ черноземныхъ губерніяхъ число оброчныхъ едва превышало четверть (26%); остальные были на барщинѣ. Ко времени крестьянскаго освобожденія эта разница между югомъ и сѣверомъ сдѣлалась еще рѣзче: въ 8 нечерноземныхъ губерніяхъ, въ которыхъ при Екатеринѣ II было 54% оброчныхъ, ко времени освобожденія ихъ было уже 63,8%, т. е. около двухъ третей. Напротивъ, на черноземѣ число оброчныхъ крестьянъ, въ общемъ, не увеличилось, а во многихъ губерніяхъ даже уменьшилось.

телемъ свободнаго крестьянскаго труда. Затѣмъ, за ликвидацію крѣпостныхъ отношеній посредствомъ выкупа говорила и настоятельная нужда многихъ помѣщиковъ — расплатиться съ долгами кредитнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Всѣ эти соображенія могли перевѣсить въ глазахъ помѣщиковъ опасеніе тѣхъ потерь, которыя по необходимости вытекали изъ упраздненія множества даровыхъ услугъ и натуральныхъ приношеній. Но, конечно, этого было слишкомъ недостаточно, чтобы побудить дворянство взять на себя иниціативу въ упраздненіи крѣпостнаго права. Извѣстно, до какой степени неподготовленной оказалась къ реформѣ масса рядоваго дворянства, и какія усилія дѣлалъ владѣльческій классъ, чтобы затормозить эмансипацію. Иниціативу взяло на себя правительство; и, конечно, оно руководилось при этомъ не измѣненіями въ экономическомъ строѣ помѣщичьяго хозяйства. Гораздо болѣе значеніе могла имѣть мысль, что крѣпостное право вообще стоитъ на дорогѣ всему экономическому развитію цѣлой страны. Эта мысль должна была, конечно, утвердить въ обществѣ мнѣніе о необходимости реформы. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что рѣшающую роль въ возбужденіи вопроса о реформѣ съиграли, съ одной стороны, чисто моральныя побужденія, съ другой—соображенія государственной безопасности. Если угодно, эти двѣ причины суть двѣ стороны одной и той же причины. Одно и то же нравственное сознаніе невыносимости крѣпостной зависимости руководило общественнымъ мнѣніемъ въ его сознательныхъ стремленіяхъ къ реформѣ и самой народной массой въ ея стихійныхъ попыткахъ освободиться изъ-подъ помѣщичьяго гнета. Уже Императрица Екатерина II высказала опасеніе, что «если не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе роду человѣческому нестерпимаго наказанія, то и противъ воли сами оную (свободу) возьмутъ рано или поздно». Эта мысль, поддерживаемая непрерывными, все болѣе и болѣе численными волненіями крестьянъ, не оставляла преемниковъ Екатерины, пока, наконецъ, Императоръ Александръ II не повторилъ ее въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ московскому дворянству: «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Заявленная громко передъ всей Россіей, эта же мысль объясняетъ намъ, какимъ образомъ сперва одинъ человѣкъ, потомъ еще двое, потомъ не болѣе дюжины искренно убѣжденныхъ могли разрушить до основанія зданіе крѣпостнаго права, лицомъ къ лицу съ раздраженными криками сословія, затронутаго въ своихъ существенныхъ интересахъ, и съ внушительнымъ спокойствіемъ массы. Конечно, владѣльческій классъ употребилъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать развязку выгодной для

себя. И южный помѣщикъ получилъ возможность урѣзать надѣлы, и сѣверный добился замаскированнаго выкупа личности крестьянина (посредствомъ повышенной оцѣнки «первой десятины» надѣла). Въ результатѣ крестьяне получили земли меньше, чѣмъ имъ было нужно, и принуждены были заплатить за нее больше, чѣмъ она стоила. Съ этими послѣдствіями освобожденія — съ малоземельемъ и съ несоотвѣтствіемъ между платежами съ земли и ея доходностью—правительству приходится и до сихъ поръ считаться. Покупка земель съ помощью крестьянскаго банка и переселенія крестьянъ на свободныя земли должны были помочь малоземелью; пониженіе выкупныхъ платежей и отмѣна подушной подати должны были уравнять финансовыя тягости съ размѣрами крестьянскихъ доходовъ. Нечего и прибавлять, что, несмотря на все сдѣланное на этомъ пути,—еще гораздо больше остается сдѣлать.

И такъ, крестьянская реформа осуществилась далеко не такъ, какъ этого требовали интересы крестьянства. Но было бы трудно винить за это дѣятелей эмансипаціи. Нужно знать, въ какой обстановкѣ приходилось имъ дѣйствовать и какія условія ставила для освобожденія противная сторона, чтобы оцѣнить вполнѣ, какъ много было сдѣлано для крестьянъ. «Вѣсы реформы» были, дѣйствительно, наклонены въ сторону помѣщичьихъ интересовъ. но это случилось уже послѣ того, какъ немногочисленные адвокаты крестьянскаго дѣла успѣли сильно перегнуть ихъ въ сторону своихъ кліентовъ. Въ итогѣ, конечно, все-таки получился компромиссъ, и очень невыгодный для крестьянства; но между окончательнымъ исходомъ дѣла и первоначальными предложеніями дворянства (даже либеральной части его) мы находимъ такую огромную разницу, что остается только удивляться, какимъ образомъ защитникамъ крестьянскихъ интересовъ удалось сдѣлать такъ много въ предѣлахъ скромной отведенной имъ роли—подготовителей реформы. Слѣдующая табличка можетъ наглядно показать, въ какихъ предѣлахъ велась борьба по коренному вопросу — о размѣрахъ надѣла—и какъ велики были ея результаты.

Въ 6 губерніяхъ *) до реформы находилось въ распоряженіи крестьянъ . . . . . 5.986 тыс. дес

Изъ этого числа предложено было отрѣзать при освобожденіи:

1. Дворянствомъ (въ губернскихъ комитетахъ) . . . . . 2.979 тыс. дес.

(Въ такомъ случаѣ осталось бы у крестьянъ всего . . . . . 3.007)

*) По этимъ губерніямъ сообщены Н. П. Семеновымъ нужныя намъ свѣдѣнія (Казанская, Воронежская, Саратовская, Псковская, Новгородская и Симбирская).

2. Сторонниками освобожденія (въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, въ 1-й періодъ ихъ дѣятельности	825	
(*Въ такомъ случаѣ крестьянамъ осталось бы*		*5.161*)
3. Послѣ пересмотра ихъ предположеній, при новомъ консервативномъ предсѣдателѣ редакціонныхъ коммиссій	938	
4. При окончательномъ рѣшеніи дѣла (въ Главномъ комитетѣ по крест. дѣлу).	1.022	
5. Сами крестьяне отказались по правилу о дарственномъ (нищенскомъ) надѣлѣ, введенномъ крѣпостниками.	180	
Отдано крестьянамъ на выкупъ		*4.784*
Осталось земли у помѣщиковъ (въ 5 губерн.).	9.020	
Осталось бы, если бы осуществились отрѣзки, предложенныя дворянствомъ	10.563	

Какъ видимъ, дворянство хотѣло отобрать у крестьянъ въ этихъ губерніяхъ половину существовавшихъ въ моментъ освобожденія надѣловъ, тогда какъ сторонники эмансипаціи предполагали отрѣзать меньше $^1/_7$. Послѣ всѣхъ усилій крѣпостникамъ удалось оставить за собой нѣсколько болѣе $^1/_6$ части крестьянской земли, т. е. все-таки *втрое* меньше, чѣмъ они желали. Если бы даже имъ удалось уменьшить крестьянскій надѣлъ вдвое, то отъ этого ихъ собственныя владѣнія увеличились бы только на $16^0/_0$. Осталось во владѣніи помѣщиковъ почти вдвое болѣе, чѣмъ продано крестьянамъ; т.-е. они поступились всего третью своихъ земель.

Намъ пора перейти теперь къ исторіи другихъ отдѣловъ русскаго крестьянства: крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ. Крестьяне удѣльные составляли ко времени освобожденія до 900.000, т. е. незначительную сравнительно часть въ общей цифрѣ крестьянства того времени (22 милліона душъ муж. пола.). Названіе ихъ «удѣльные» появилось только сто лѣтъ тому назадъ, въ 1797 г., когда Императоръ Павелъ своимъ «Учрежденіемъ объ Императорской фамиліи» выдѣлилъ эту группу крестьянъ въ вѣдомство «Удѣла». Но самая группа «удѣльныхъ» крестьянъ существовала и раньше: подъ названіемъ «дворцовыхъ» она восходитъ къ самымъ древнимъ временамъ нашей исторіи. Въ древнѣйшій періодъ, правда, «дворцовые» крестьяне сливались съ казенными крестьянами вообще, какъ и само дворцовое управленіе сливалось съ государственнымъ. Въ составъ дворцовыхъ волостей попали, повидимому, всѣ волости центральной Руси, не принадлежавшія частнымъ собственникамъ: въ основу легли при этомъ волости и села, купленныя или другими способами пріобрѣтенныя великими князьями; но уже въ

XIV—XV в. къ этому ядру присоединяются и всѣ вообще «черныя», то-есть, свободныя крестьянскія волости московскаго центра; существовалъ даже терминъ для обозначенія перехода черныхъ волостей въ распоряженіе князя, «окняженіе». «Окняживъ» черныя волости, великій князь распоряжался ими по усмотрѣнію: дарилъ, продавалъ, мѣнялъ съ другими частными собственниками и т. д.

Изъ всей этой первоначальной массы государственныхъ волостей собственно дворцовыя волости выдѣляются, повидимому, не ранѣе средины XVI в.; раньше мы видѣли, что въ то же время выдѣляется и вообще дворцовое управленіе изъ общегосударственнаго (Оч. III, 3). Съ половины XVI в. до начала XVIII в. дворцовыя волости находятся въ завѣдованіи Большого Дворца: число ихъ послѣ Ивана Грознаго постепенно увеличивается: въ 1646 г. считалось въ завѣдываніи Большого Дворца 37.200 дворовъ, а въ 1678 г. уже 90.550 дворовъ. Но съ этого времени по 1711 г. роздано было изъ дворцовыхъ волостей больше 43 тысячъ дворовъ; въ 1711 г. считалось въ дворцовомъ вѣдомствѣ только около 50 тысячъ дворовъ. Съ начала XVIII в. Большой Дворецъ былъ уничтоженъ и замѣненъ дворцовой канцеляріей. Въ ея вѣдомствѣ и оставались дворцовые крестьяне до Екатерины II; при введеніи ею губернскихъ учрежденій дворцовыя имѣнія распредѣлились (какъ распредѣлялись уже одно время и при Петрѣ) между губерніями и съ этихъ поръ находились, какъ и государственныя имущества вообще, въ вѣдомствѣ казенныхъ палатъ. Съ 1797 г. дворцовые крестьяне снова были выдѣлены въ особую группу, и завѣдованіе ими опять сосредоточено въ особомъ центральномъ «удѣльномъ» вѣдомствѣ. Наконецъ, послѣ крестьянскаго освобожденія, съ 1863 г., какъ мы говорили выше, они были переведены на выкупъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Группа *государственныхъ* крестьянъ, по численности приблизительно равная группѣ помѣщичьихъ, составилась изъ весьма различныхъ элементовъ не раньше XVIII столѣтія. Главными составными частями этой группы *) были, такъ-называемые, черносошные, однодворцы и ясачные крестьяне (т. е. инородцы, платившіе прямую подать, называвшуюся «ясакъ»). Всѣ три отдѣла государственныхъ крестьянъ расположились по разнымъ окраинамъ Московскаго государства: черносошные на сѣверѣ, однодворцы на югѣ и ясачные на востокѣ. На далекій сѣверъ, въ теперешнюю Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, сѣверныя части Вятской

*) Кромѣ такъ-называемыхъ «экономическихъ» крестьянъ, т. е. бывшихъ монастырскихъ, отданныхъ въ XVIII в. въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи.

и Пермской губ., вліяніе московскаго правительства проникало довольно медленно. Гарнизоновъ военныхъ здѣсь держать было не нужно, такъ какъ съ сѣвера не грозила никакая опасность; раздавать въ такой отдаленности земли служилымъ людямъ было безполезно, такъ какъ на мѣстѣ ихъ служба была не нужна, а на московскую службу они не могли отсюда поспѣвать во время. Поэтому, служилое землевладѣніе сюда почти совсѣмъ не проникло. Во время крестьянскаго освобожденія въ составѣ крестьянъ Олонецкой губ. было всего до $4^1/_2\%$ крѣпостныхъ, въ Вятской — немного болѣе $2^1/_2\%$, а въ Архангельской на всю губернію приходилось крѣпостныхъ всего 20 человѣкъ. Въ XVII вѣкѣ всѣ эти мѣстности выдѣлялись въ особый отдѣлъ именно на основаніи того, что въ нихъ служилыхъ людей вовсе не было. Служилый человѣкъ изъ Москвы являлся сюда только на время, или какъ воевода, или какъ сборщикъ податей; но уже очень рано правительство начало передавать управленіе краемъ и сборъ податей мѣстнымъ выборнымъ властямъ: къ началу XVIII в. правительственные воеводы и сборщики были здѣсь вовсе отмѣнены. Такимъ образомъ, здѣшнее крестьянство и городское сословіе управлялось само собою: поэтому здѣсь и создались самыя широкія формы крестьянскаго и посадскаго самоуправленія. Не только крестьянская волость составляла одно самоуправляющееся цѣлое, но мѣстами встрѣчаемъ выборное управленіе цѣлымъ «уѣздомъ»,—высшей областной единицей Московскаго государства: выборные отъ крестьянъ и посадскихъ засѣдали во «всеуѣздной избѣ», въ центрѣ обширнаго округа. Главной задачей этихъ выборныхъ властей было собираніе податей: мы знаемъ, что русскій сѣверъ въ XVII в. игралъ роль денежнаго сундука для правительства и былъ несравненно тяжеле другихъ частей государства обложенъ податями (стр. 133—4).

Населеніе этой части государства носило названіе «черныхъ сохъ». Исключительно широкое самоуправленіе «черносошныхъ» крестьянъ привело нѣкоторыхъ изслѣдователей къ выводу, что здѣсь на сѣверѣ сохранилась въ чистомъ видѣ первобытная русская община. Однакоже, такой выводъ не подтверждается при ближайшемъ разсмотрѣніи. Сѣверная волость, дѣйствительно, управляла, раскладывала и собирала подати, судила своихъ членовъ сама, другими словами, она, дѣйствительно, была общиной административной, судебной, финансовой; но она не была общиной хозяйственной (стр. 188). Участки земли, обработанные членами общины, составляли собственность не всей общины, а отдѣльныхъ хозяевъ, которые могли продавать, покупать, завѣщать ихъ, словомъ, распоряжались своими участками, какъ полной собственностью.

Такимъ образомъ, въ эпоху Московскаго государства на сѣверѣ не было еще общиннаго землевладѣнія. Мы видѣли, что въ то время общинное землепользованіе,—хозяйство крестьянина на общинной землѣ,—существовало уже съ давнихъ поръ въ центрѣ, на владѣльческихъ земляхъ. Отсюда, изъ центра, общинные порядки распространяются и на сѣверъ, въ среду черносошныхъ, но уже въ XVIII в. и притомъ преимущественно въ концѣ его. Любопытно, что и самый переходъ общины изъ центра на сѣверъ связанъ съ перемѣной во взглядѣ на черносошное землевладѣніе. Съ «черными сохами» случилось то же, что съ черными землями центра. Мы видѣли, что уже въ очень древнее время правительство «окняжило» эти земли, т. е. превратило ихъ изъ свободной въ казенную собственность. «Черныя сохи» сѣвера правительство тоже склонно считать своею собственностью, но на сѣверѣ этотъ правительственный взглядъ сталкивается съ крестьянскимъ взглядомъ, по которому черныя сохи суть свободная крестьянская собственность. До самаго XVIII вѣка правительство оказывается безсильнымъ провести свой взглядъ и дѣлаетъ уступки взгляду мѣстнаго крестьянства. Но съ начала XVIII в. московское правительство становится рѣшительнѣе и настойчивѣе. Петръ облагаетъ черносошныхъ, кромѣ подушной, еще особой дополнительной *оброчной* податью и этимъ формально ставитъ ихъ въ такое же отношеніе къ правительству, въ какомъ стояли помѣщичьи крестьяне относительно помѣщика: тѣ и другіе платятъ оброкъ,—слѣдовательно, тѣ и другіе признаются не собственниками своихъ участковъ, а арендаторами чужой земли, казенной или помѣщичьей. И такъ, со времени введенія оброчной подати (1724) черносошные становятся формально государственными креетьянами, а черныя сохи—государственной собственностью. Въ концѣ вѣка правительство рѣшилось сдѣлать изъ своего права собственности и практическое примѣненіе,—распорядиться по хозяйски крестьянскими участками, которые крестьяне продолжали считать своей частной собственностью. Коммиссія, посланная для усмиренія волненій олонецкихъ черносошныхъ, прямо рѣшила ввести у черносошныхъ общинное землевладѣніе: «между крестьянами земли и всѣ угодья, смѣшавъ, раздѣлить на тягла по душамъ и по имуществу», дальнѣйшіе передѣлы «предоставить на общее самихъ же ихъ мірское уравненіе», а «родословія и наслѣдства ихъ отрѣшить; продажи, заклады, мѣны и покупки уничтожить». Отмѣна частной собственности на землю, установившейся вѣками, конечно, была встрѣчена съ неудовольствіемъ, вызвала отпоръ и окончательно проведена была не раньше 30-хъ годовъ нашего столѣтія. Такъ, слѣдовательно, недавно появилось на сѣверѣ общинное землевладѣніе.

Совершенно тотъ же ходъ дѣла встрѣтимъ у южнаго отдѣла государственныхъ крестьянъ, у бывшихъ однодворцевъ. По самому происхожденію своему однодворцы были не общинниками, а свободными собственниками. Однодворцы и другіе мелкіе служилые люди были поселены правительствомъ каждый на своемъ участкѣ на тогдашней военной границѣ: они должны были оборонять тѣ укрѣпленныя линіи, которыя воздвигало на югѣ для защиты отъ степи московское правительство (стр. 54—8). Эти военныя поселенія явились, слѣдовательно, одновременно съ устройствомъ оборонительныхъ линій,—на промежуткѣ отъ половины XVI в. до половины XVII. в. Позже оборона границы была устроена, какъ мы знаемъ, иначе; съ половины XVII в. на югѣ селятся малороссійскіе полки, за ними устроенная Петромъ «ландмилиція» и, наконецъ, славянскіе военные выходцы. Такимъ образомъ, однодворческія поселенія въ поясѣ между Тульской и Бѣлгородской оборонительной чертами оказываются далеко отодвинутыми отъ новыхъ границъ и ихъ военная служба становится ненужной. Тогда Петръ записываетъ этихъ старыхъ служилыхъ людей въ подушный окладъ и превращаетъ ихъ въ крестьянство. Такимъ образомъ, группа однодворцевъ одновременно съ черносошными входитъ въ составъ государственныхъ крестьянъ; однодворческая земля начинаетъ, какъ и черносошная, считаться государственной. Однакоже, тутъ новый взглядъ было еще труднѣе провести, чѣмъ на сѣверѣ; многіе изъ владѣльцевъ старинныхъ служилыхъ (такъ наз. «четвертныхъ») участковъ сохраняли еще документы на владѣніе участками,—документы, данные самимъ правительствомъ. Превратить частное землевладѣніе однодворцевъ въ общинное нельзя было, конечно, одной какой-нибудь общей мѣрой безъ согласія владѣльцевъ. однакоже правительство старалось осуществить этотъ переходъ при всякомъ удобномъ случаѣ; и старанія эти были настолько успѣшны, что въ срединѣ нашего вѣка 533 тыс. душъ уже перешли къ общинному владѣнію и только 540 тыс. душ. сохранили владѣніе частное («четвертное»). Во вторую половину вѣка и до нашего времени этотъ переходъ къ общинѣ непрерывно, хотя и медленно, продолжался.

И такъ, среди главныхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ общинное землевладѣніе есть совсѣмъ свѣжій продуктъ исторіи. Напротивъ, у крестьянъ владѣльческихъ оно создалось вѣками. Если, такимъ образомъ, несмотря на различіе времени и условій жизни, среди всѣхъ отдѣловъ русскаго крестьянства установилась одинаковая форма соціально-экономическаго быта, то мы должны заключить, что форма эта продолжаетъ поддерживаться какими-нибудь

общими причинами, дѣйствующими во всей Россіи на пространствѣ вѣковъ. Эти причины мы уже указали раньше: это, съ одной стороны, низкій уровень экономическаго развитія, съ другой, финансовыя требованія государства. Устанавливая общинные порядки на сѣверной и южной окраинѣ, правительство прошлаго и первой половины настоящаго вѣка руководилось тѣми же соображеніями, которыя вызвали созданіе такой организаціи въ XIII и слѣдующихъ столѣтіяхъ. Свободная собственность не могла „обезпечить правительству исправнаго платежа податей. У черносошныхъ и у однодворцевъ свобода землевладѣнія повела за собою свои обычныя послѣдствія. Земельные участки стали скопляться въ рукахъ зажиточныхъ и ускользать изъ рукъ бѣдныхъ владѣльцевъ; съ одной стороны, создалась вліятельная группа лицъ, имѣвшихъ возможность (на сѣверѣ) перелагать свои повинности и платежи на бѣдняковъ, за которыми эти платежи пропадали въ вѣчной недоимкѣ; съ другой—явилась масса безземельныхъ, которымъ только и оставалось идти въ батраки къ деревенскимъ богачамъ; наконецъ, значительная часть земли вовсе ушла изъ крестьянскаго сословія, перейдя въ собственность покупателей изъ другихъ сословій. Въ отпоръ всѣмъ этимъ соціальнымъ явленіямъ правительство и поспѣшило ввести на окраинахъ тотъ же самый принципъ равномѣрнаго надѣленія землей за равномѣрныя повинности, къ которому оно привыкло въ центрѣ. Уравненіе повинностей являлось при этомъ главной цѣлью, а равномѣрное надѣленіе — испытаннымъ средствомъ, лучше всего приводившимъ къ цѣли.

Вся эта система аграрной политики покоилась на одной основной идеѣ: что земля въ Россіи принадлежитъ не крестьянамъ, а—или государству, или душевладѣльцамъ. Естественно, что переходъ въ 60-хъ годахъ къ выкупу крестьянскихъ надѣловъ долженъ былъ поколебать самыя основанія системы. Дѣятели крестьянскаго освобожденія исходили изъ мысли о благодѣтельности индивидуальной собственности для экономическаго развитія страны. Изъ всѣхъ членовъ редакціонныхъ коммиссій не было ни одного (кромѣ Ю. Самарина), кто бы не былъ увѣренъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на благо Россіи община должна разрушиться и уступить свое мѣсто болѣе подвижнымъ формамъ землевладѣнія Подъ вліяніемъ этой мысли законодательство открыло настежъ двери индивидуалистическимъ вліяніямъ на общину и въ теченіи нѣкотораго времени воздерживалось отъ какого бы то ни было государственнаго вмѣшательства во внутреннія отношенія деревни. Послѣдствія не замедлили сказаться. Земская статистика 80-хъ годовъ констатировала цѣлый рядъ симптомовъ, свидѣтельствовав-

нихъ о разложеніи общины, особенно среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Передѣлы земли, казалось, выходили изъ употребленія; надѣльные участки зачастую фактически превращались въ наслѣдственные, а иногда такое превращеніе закрѣплялось и формальными приговорами о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному: сознаніе того, что каждый хозяинъ выкупаетъ *своими* деньгами *свою* будущую собственность не могло не вызвать всѣхъ этихъ явленій. Но дѣло пошло уже и дальше. Раздѣлъ общинной земли нерѣдко служилъ лишь средствомъ для ея немедленной продажи своему же зажиточному сосѣду или на сторону—купцу, кабатчику и т. п. Къ тому же приводилъ и дозволенный статьей 165 Положенія досрочный выкупъ надѣловъ отдѣльными хозяевами: выкупъ этотъ возросталъ въ геометрической прогрессіи, по мѣрѣ того какъ приближался срокъ окончанія выкупа, и, слѣдовательно, на землѣ все меньше и меньше оставалось выкупнаго долга. Въ результатѣ, въ деревню проникли посторонніе элементы, а значительная часть (въ Московской губ. до 20%) деревенскаго населенія превратилась въ безземельныхъ. Словомъ, повторилось все то, что мы видѣли на черныхъ и однодворческихъ земляхъ до конца XVIII в. И правительство снова употребило противъ этихъ явленій прежнія средства: оно обратилось, въ послѣдніе годы, къ мѣрамъ охраны, имѣющимъ цѣлью—съ одной стороны пріостановить мобилизацію крестьянской собственности, съ другой — регулировать общинное пользованіе ею. Каковы бы ни были мотивы, руководившіе при этомъ законодателемъ, среди нихъ побужденія чисто фискальнаго характера все еще играютъ не послѣднюю роль. Изъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась наша община, одна *эта* причина продолжаетъ дѣйствовать, какъ дѣйствовала прежде. Сильно перемѣнился общій тонъ экономической жизни; земледѣльческія занятія въ значительной части Россіи начали, наконецъ, интересовать населеніе, не какъ неизбѣжное средство расквитаться съ повинностями или кое-какъ просуществовать, а какъ выгодный источникъ дохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, появилось и могущественное побужденіе къ пріобрѣтенію личной земельной собственности. Давно исчезла и та хозяйская рука, которая давала общинѣ ея хозяйственное единство. Только тяглый характеръ общинной организаціи продолжаетъ сохраняться; но общій ходъ нашей податной исторіи (стр. 139, 142) не оставляетъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно развяжется и этотъ послѣдній узелъ, соединяющій членовъ общины принудительной связью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезнетъ главный мотивъ, руководившій до сихъ поръ нашей аграрной политикой. Сохранитъ ли и при этомъ условіи наше законодательство

свою стародавнюю тенденцію—охранять крестьянскую общину, или оно уступитъ передъ напоромъ новыхъ, индивидуалистическихъ стремленій,—на этотъ вопросъ отвѣтить теперь довольно трудно. А между тѣмъ, отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ и то, доживетъ ли современная община до того времени, когда станетъ возможно превращеніе ея въ свободную ассоціацію, какою хотѣли ее видѣть всѣ, идеализировавшіе нашу общину въ ея настоящемъ и въ прошломъ.

Важнѣйшія пособія: *Л. В. Ходскій.* Земля и земледѣлецъ, 2 тома Спб. 1891 г. (въ первомъ томѣ—положеніе европейскихъ крестьянъ; во второмъ—ходъ и результаты земельнаго выкупа разными категоріями крестьянъ). *К. П. Побѣдоносцевъ.* Историческія изслѣдованія и статьи. Спб. 1876. («Историческіе очерки крѣпостнаго права въ Россіи»). *В. И. Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I. Спб. *Его же.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. 2 тома. Спб. 1888. Новѣйшія данныя о ходѣ крестьянской реформы см. у *Н. П. Семенова.* Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра, 3 тома (въ 4 книгахъ), Спб. 1889—1892. О результатахъ реформы, кромѣ Ходскаго, см. еще Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, *Ю. Янсона.* Особенности исторіи черносошныхъ крестьянъ прекрасно выясняются въ статьѣ г-жи *А. Я. Ефименко.* Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ, см. ея «Изслѣдованія народной жизни». М. 1884. Параллельныя данныя для исторіи однодворческаго землевладѣнія см. у *В. И. Семевскаго.* Казенные крестьяне при Екатеринѣ II, «Русская Старина» 1879 г. I—VI. Сводъ данныхъ земской статистики объ общинѣ см. въ соч. *В. В.* Крестьянская община (Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики, т. I). Цифровыя данныя земской статистики сведены въ книгѣ *Н. А. Благовѣщенскаго*: Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ. Т. I, Крестьянское хозяйство. М. 1893. Данныя о переходахъ крестьянъ въ XVI в. взяты изъ соч. *И. Лаппо.* Тверской уѣздъ въ XVI ст. Дальнѣйшія указанія см. въ статьѣ «Крестьяне» Энциклопедическаго словаря *Арсеньева* и *Петрушевскаго.*

Итоги.

Резюме сдѣланныхъ выводовъ. — Общія черты ихъ. — Своеобразіе русскаго историческаго процесса и преувеличеніе этой основной черты во взглядѣ націоналистовъ. — Элементарность русскаго процесса и преувеличеніе этой черты во взглядѣ западниковъ. — Первый взглядъ страдаетъ недостаткомъ анализа, — второй недостаткомъ синтеза историческихъ условій. — Вопросъ о сохраненіи традиціи и о заимствованіи новыхъ формъ. — Что такое настоящая культурная традиція?

Дѣлая наблюденія надъ русской демографіей, экономическимъ, политическимъ и соціальнымъ строемъ, мы постоянно встрѣчались съ нѣкоторыми общими чертами, проходящими красной нитью черезъ весь русскій историческій процессъ и сообщающими разнымъ сторонамъ этого процесса единообразный характеръ. Въ заключеніе первой части нашихъ «Очерковъ» будетъ нелишнимъ еще разъ остановиться на этихъ общихъ чертахъ, снова пересмотрѣть ихъ и свести въ одно цѣлое.

Начавъ съ наблюденій надъ количественнымъ и качественнымъ составомъ русскаго населенія, мы пришли къ заключенію, что въ томъ и другомъ отношеніи Россія представляетъ большую разницу сравнительно съ Западной Европой. По степени населенности она далеко отстала отъ Запада и стоитъ на такой точкѣ, которая много вѣковъ тому назадъ превзойдена Западной Европой; и притомъ вопросъ, способна ли Россія по мѣстнымъ условіямъ когда-либо достигнуть плотности населенія, подобной Западу,—остается открытымъ. Размѣщеніе русскаго населенія по всей русской территоріи совершалось въ теченіе всей исторіи Россіи, затянулось до нашего времени и до сихъ поръ далеко не пришло въ соотвѣтствіе съ естественными условіями почвы и климата. Наконецъ, въ этнографическомъ отношеніи, точно также черезъ всю исторію шелъ процессъ сліянія и ассимиляціи различныхъ племенныхъ эле-

ментовъ, до сихъ поръ не закончившійся. Перейдя затѣмъ къ экономическому развитію русскаго населенія, мы должны были вывести, что и это развитіе совершалось медленно и достигло сравнительно невысокой степени. Такъ, мы видѣли, что черезъ всю исторію Россіи проходитъ процессъ эксплоатаціи природныхъ богатствъ страны, по преимуществу зоологическихъ; что земледѣльческая культура развивается, исключая центра, очень поздно, ограничивается, опять-таки, расхищеніемъ природныхъ почвенныхъ силъ и стоитъ до сихъ поръ на очень низкой степени развитія. Промышленность старой Россіи, какъ мы видѣли, носила по преимуществу домашній характеръ; крупная же капиталистическая промышленность искусственно создана была государствомъ и долго не могла обходиться безъ усиленнаго покровительства. Экономической неразвитости страны соотвѣтствовало, до самаго послѣдняго времени, плохое состояніе сообщеній. Разобщенность различныхъ частей Россіи вела за собой сокращеніе размѣровъ внутренняго рынка. Внутренняя торговля носила, при этихъ условіяхъ, совершенно элементарный—караванный и ярмарочный характеръ. Внѣшняя торговля Россіи отличалась пассивностью и находилась преимущественно въ рукахъ иностранцевъ, нуждавшихся въ русскихъ товарахъ. Капиталъ былъ рѣдокъ, и пользованіе имъ, при медленности обмѣна и величинѣ риска, оплачивалось чрезвычайно высокимъ процентомъ. Слабое развитіе промышленной жизни препятствовало развитію кредита, а неблагопріятныя условія кредита, въ свою очередь, мѣшали развитію промышленныхъ предпріятій и поддерживали на черезчуръ высокомъ уровнѣ норму предпринимательской прибыли. Кредитныя учрежденія возникли только сто лѣтъ тому назадъ, благодаря правительственному почину, частный же починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ только нашему времени.

На такомъ непрочномъ фундаментѣ могла сложиться только очень элементарная общественная организація и притомъ очень трудно и медленно. При элементарномъ развитіи матеріальныхъ интересовъ не было достаточно прочныхъ и сложныхъ матеріальныхъ связей, которыя могли бы служить основаніемъ для рѣзкой сословной группировки. Такимъ образомъ, общественный матеріалъ оставался разрозненнымъ, безформеннымъ, хаотически перемѣшаннымъ до тѣхъ поръ, пока не явилась столь же элементарная потребность въ усиленіи государственной власти. Потребность эта явилась у насъ не извнутри, не вслѣдствіе внутренняго развитія общества, а вслѣдствіе внѣшней необходимости—государственной защиты. Сильная государственная власть нужна была для воен-

ной обороны страны, и военныя потребности надолго остались первенствующими потребностями государства. Для ихъ удовлетворенія государство должно было создать общественную организацію, скрѣпить общественныя связи. Такимъ образомъ, возникла волостная связь крестьянскихъ (и городскихъ) міровъ для удовлетворенія потребности въ деньгахъ и уѣздная связь служилаго сословія для удовлетворенія потребности въ войскѣ. По мѣрѣ увеличенія государственныхъ нуждъ и по мѣрѣ отягощенія населенія налогами, связь эта становилась все болѣе и болѣе принудительною и привела, наконецъ, въ XVII вѣкѣ ко всеобщему закрѣпощенію сословій: крестьянскаго такъ же, какъ и городского и служилаго. Это закрѣпощеніе впервые въ Россіи положило рѣзкія границы между сословіями и существенно содѣйствовало развитію ихъ внутренней организаціи. Съ XVIII столѣтія начинается обратное движеніе къ раскрѣпощенію, и при прямомъ содѣйствіи правительства сословія начинаютъ проникаться духомъ внутренней самостоятельности. Однакоже это развитіе сословнаго духа въ XVIII вѣкѣ не имѣло почвы въ исторіи русскихъ сословій и въ концѣ концовъ оказалось временнымъ и наноснымъ продуктомъ переходной эпохи: дальнѣйшее развитіе общественной самодѣятельности совершалось въ противоположномъ смыслѣ безсословности, и въ результатѣ получилось къ нашему времени полное разрушеніе и перетасовка старыхъ сословныхъ элементовъ.

Тѣ же причины, которыя помѣшали развитію сословной жизни въ Россіи, казалось, должны бы были содѣйствовать развитію государственности. Но государственность Россіи не становилась въ разрѣзъ съ сословной жизнью и употребляла или даже создавала сословныя группы, какъ орудія для своихъ правительственныхъ цѣлей. Причиной этого было то, что и правительству долго не хватало собственныхъ правительственныхъ органовъ: развитіе правильнаго управленія совершалось въ Россіи чрезвычайно медленно. Правительственныя учрежденія создавались подъ вліяніемъ неотложной нужды и соотвѣтствовали характеру этой нужды, т. е. носили по преимуществу финансовый и военный характеръ. Собственно управленіе и судъ стояли для правительства на второмъ планѣ и примыкали къ учрежденіямъ финансовымъ и военнымъ. Безсистемное накопленіе приказовъ, сосредоточеніе всѣхъ провинціальныхъ дѣлъ въ Москвѣ, по преимуществу въ финансовыхъ и военныхъ учрежденіяхъ—таковы главныя черты старой московской администраціи. Переходъ къ новому порядку создается путемъ введенія систематически соподчиненныхъ центральныхъ учрежденій и путемъ организаціи болѣе или менѣе самостоятельной областной

единицы. Со второй половины XVIII вѣка, со времени Екатерины II, создается въ Россіи правильное областное устройство, со времени Александра I устанавливаются правильныя отношенія между областными учрежденіями и центральными, и со времени Александра II нѣкоторая часть областныхъ дѣлъ передается въ вѣдѣніе всесословнаго мѣстнаго самоуправленія. Въ этотъ только періодъ времени правительство получаетъ возможность систематически преслѣдовать въ области управленія болѣе широкія государственныя задачи, охранять и развивать въ населеніи чувство законности путемъ болѣе точнаго опредѣленія того, что должно считаться закономъ и путемъ болѣе дѣйствительнаго контроля за его примѣненіемъ на мѣстѣ. Только въ это время, наконецъ, становится возможнымъ освобожденіе цѣлаго сословія изъ-подъ власти другого, уравненіе гражданскихъ правъ и обязанностей разныхъ классовъ, и установленіе одинаковаго для всѣхъ права и равнаго для всѣхъ суда.

Если мы захотимъ формулировать общее впечатлѣніе, которое получается при сравненіи всѣхъ затронутыхъ нами сторонъ русскаго историческаго процесса съ тѣми же сторонами историческаго развитія Запада, то, кажется, можно будетъ свести это впечатлѣніе къ двумъ основнымъ чертамъ. Въ нашей исторической эволюціи бросается въ глаза: во-первыхъ, ея крайняя *элементарность*, во-вторыхъ, ея совершенное *своеобразіе*. Обѣ эти черты были давно подмѣчены, и каждая изъ нихъ легла въ основаніе одного изъ двухъ противоположныхъ взглядовъ на ходъ русской исторіи. По первому изъ этихъ взглядовъ, русская исторія есть нѣчто настолько своеобразное, что ничего подобнаго мы не найдемъ ни въ какомъ другомъ историческомъ процессѣ. Между Россіей и Европой такъ же нѣтъ ничего общаго, какъ не можетъ быть ничего общаго между двумя различными зоологическими типами, напримѣръ, между рыбами и млекопитающими; въ основѣ ихъ историческаго развитія лежатъ совершенно различные, цѣльные и неразложимые на составные элементы національные типы, несравнимые и несоизмѣримые между собою. Всѣ отдѣльныя черты каждаго національнаго типа вытекаютъ изъ его основной сущности и находятся другъ съ другомъ въ самой неразрывной связи. Привить какую-нибудь черту одного изъ этихъ типовъ другому такъ же невозможно, какъ заставить рыбу дышать легкими, а млекопитающее жабрами. Такимъ образомъ, и въ общемъ, и въ частностяхъ историческое развитіе русскаго народа было, есть и будетъ совершенно самобытно, своеобразно и не похоже ни на какую другую національную исторію.

Таковъ взглядъ на русскую исторію нашихъ націоналистовъ. Другой взглядъ исходитъ изъ наблюденія другой отмѣченной черты: элементарности русскаго историческаго развитія. По этому взгляду всѣ народности проходятъ одинаковую лѣстницу общественнаго развитія, и вся разница русской исторіи отъ западной заключается въ томъ, что она не пошла пока дальше первыхъ ступеней этой лѣстницы. Въ дальнѣйшемъ Россія будетъ продолжать свою эволюцію и пройдетъ тѣ же ступени, какія уже пройдены или проходятся Западомъ.

Который же изъ двухъ взглядовъ вѣренъ? Представляетъ ли Россія совсѣмъ особый типъ національнаго развитія, или только одну изъ ступеней, давно пройденныхъ Европой? Мы поймемъ всю важность этого вопроса, если замѣтимъ, что отъ того или другого отвѣта на него зависитъ наше представленіе о дальнѣйшемъ развитіи, о будущности Россіи. Такая важность вопроса заставляетъ быть очень осторожными въ его разрѣшеніи. Мы поступимъ всего лучше, если не дадимъ вѣры ни тому, ни другому изъ двухъ крайнихъ взглядовъ въ ихъ чистомъ видѣ. Въ томъ и другомъ истина смѣшана съ ошибкой; и выдѣливъ изъ обоихъ долю истины, которая въ нихъ заключается, нельзя не придти къ заключенію, что, въ сущности говоря, оба взгляда не такъ непримиримы другъ съ другомъ, какъ это кажется съ перваго раза. Ни одно національное развитіе не похоже на другое, въ каждомъ есть доля своеобразнаго, индивидуальнаго, свойственнаго только одному данному случаю. Такъ говорятъ сторонники націонализма, и если бы они ограничились однимъ этимъ утвержденіемъ, намъ нечего было бы возразить имъ. Да, дѣйствительно, сочетаніе историческихъ условій, создающихъ національную жизнь, не можетъ не быть безконечно разнообразно въ каждомъ данномъ случаѣ, а слѣдовательно и результатъ этого сочетанія—національное развитіе—будетъ безконечно разнообразенъ. Но при всемъ разнообразіи результатовъ исторической жизни—точно ли они такъ несоизмѣримы другъ съ другомъ? Если сравнить между собою одни только готовые результаты и забыть о тѣхъ условіяхъ, которыя ихъ создали, конечно, сравненіе окажется затруднительнымъ. Но задача историка именно и заключается въ анализѣ историческаго явленія, въ сведеніи его къ создавшимъ его причинамъ. Чтобы воспользоваться приведеннымъ уже примѣромъ, конечно, было бы безцѣльно обсуждать сравнительное достоинство жабръ и легкихъ самихъ по себѣ, независимо отъ условій жизни въ водѣ и на сушѣ, къ которымъ эти органы приспособлены; но въ наше время существуетъ наука сравнительной анатоміи, которая производитъ

сравненіе одинаковыхъ органовъ не въ ихъ готовомъ видѣ, а въ ихъ происхожденіи и развитіи въ цѣломъ рядѣ животныхъ формъ, подъ вліяніемъ условій жизни. Съ этой точки зрѣнія между обѣими формами дыхательныхъ органовъ можно прослѣдить не только безусловное сходство, но даже, можетъ быть, и генеалогическое родство. Современный историкъ тоже не можетъ обойтись въ наше время безъ своего рода сравнительной анатоміи: и ему приходится расчленять историческое явленіе и устанавливать сравненіе не между готовыми результатами, а между условіями ихъ происхожденія. Такого рода расчлененіе условій историческаго явленія и мы пытались произвести въ началѣ нашихъ «Очерковъ». Теперь будетъ своевременно напомнить объ этомъ анализѣ и приложить его къ интересующему насъ вопросу. Мы различали въ историческомъ результатѣ три главныхъ группы производящихъ его условій. *Первое* условіе заключается во внутренней тенденціи, внутреннемъ законѣ развитія, присущемъ всякому обществу и для всякаго общества одинаковомъ. *Второе* условіе заключается въ особенностяхъ той матеріальной среды, обстановки, среди которой данному обществу суждено развиваться. Наконецъ, *третье* условіе состоитъ во вліяніи отдѣльной человѣческой личности на ходъ историческаго процесса. Первое условіе сообщаетъ различнымъ историческимъ процессамъ характеръ сходства въ основномъ ходѣ развитія; второе условіе придаетъ имъ характеръ разнообразія; третье, наиболѣе ограниченное въ своемъ дѣйствіи, вноситъ въ историческія явленія характеръ случайности. Если мы попробуемъ приложить эту классификацію историческихъ условій къ оцѣнкѣ противоположныхъ взглядовъ на прошлое и настоящее Россіи, мы увидимъ, что оцѣнка эта значительно облегчится. Взглядъ націоналистовъ, какъ мы видѣли, грѣшитъ тѣмъ, что вовсе не подвергаетъ анализу историческій результатъ и обращается съ нимъ, какъ съ неразложимымъ цѣлымъ. Взглядъ ихъ противниковъ (назовемъ ихъ для большаго удобства, — хотя не для большей точности, — западниками) вноситъ, напротивъ, необходимый анализъ, но, произведя этотъ анализъ, останавливается преимущественно на первомъ изъ отмѣченныхъ нами условій и забываетъ объ остальныхъ. Если бы, дѣйствительно, вся историческая жизнь народовъ сводилась къ внутреннему, органическому развитію общества, если бы развитіе внутренней тенденціи историческаго процесса не осложнялось ничѣмъ постороннимъ, тогда, конечно, всѣ человѣческія общества проходили бы однѣ и тѣ же ступени развитія въ одномъ и томъ же порядкѣ, и намъ было бы нетрудно по извѣстнымъ признакамъ опредѣлить, на какой ступени стоитъ

Россія и какія предстоитъ ей пройти въ будущемъ. Но какъ разъ относительно Россіи мы знаемъ уже, какъ внутренній ходъ ея развитія видоизмѣнялся подъ могущественнымъ вліяніемъ второго условія, исторической обстановки. Если бы можно было предположить, что это условіе произвело только задерживающее вліяніе, что оно остановило ростъ Россіи на одной изъ раннихъ ступеней жизни, тогда мы имѣли бы еще право сравнивать состояніе Россіи съ состояніемъ Европы, какъ два различные возраста. Но нѣтъ, историческая жизнь Россіи не остановилась: она шла своимъ ходомъ, можетъ быть, болѣе медленнымъ, но непрерывнымъ, и слѣдовательно, пережила извѣстные моменты развитія, — пережитые и Европой,—по своему. Такъ, образованіе государства есть ступень, одинаково пережитая и Россіей, и Европой: но мы видѣли, при какихъ различныхъ условіяхъ это происходило и съ какими разнообразными результатами. Такимъ образомъ, мы уже не можемъ, какъ предполагали нѣкоторые наши старые писатели, совѣтовать Россіи пережить сначала всѣ стадіи европейской жизни, чтобы придти къ европейскимъ результатамъ. Такъ или иначе, нѣкоторыя изъ этихъ стадій навсегда пережиты; такъ или иначе, и результаты прожитой жизни оказались и будутъ оказываться впредь болѣе или менѣе своеобразными. И такъ, не слѣдуетъ ли вернуться къ теоріи націоналистовъ? Ничуть не бывало. Если историческая обстановка, видоизмѣняющая историческое развитіе, есть могущественный факторъ въ историческомъ процессѣ, то не менѣе основнымъ и могущественнымъ факторомъ надо считать внутреннее развитіе общества,—во всякомъ обществѣ одинаковое. Условія исторической жизни задержали развитіе численности русскаго населенія; но дальнѣйшій процессъ по необходимости будетъ заключаться въ размноженіи и увеличеніи плотности этого населенія. Условія обстановки задержали экономическую эволюцію на низшихъ ступеняхъ, но дальнѣйшій ходъ ея у насъ, какъ вездѣ, пойдетъ одинаковымъ порядкомъ, въ направленіи большей интенсивности, большей дифференціаціи и бо́льшаго обобществленія труда. Историческія условія создали насильственное сплоченіе сословій и одностороннее развитіе государственности; но дальнѣйшее развитіе экономической жизни уже привело отчасти къ ослабленію государственной опеки, къ раскрѣпощенію сословій, къ зачаткамъ общественной самостоятельности и самодѣятельности. Тѣ же историческія условія сузили государственную дѣятельность и сдвинули государственную организацію въ сторону военныхъ и финансовыхъ потребностей; но дальнѣйшее развитіе и здѣсь повело къ болѣе широкой и раціональной постановкѣ государственныхъ задачъ и должно привести

къ болѣе сознательной общественной организаціи. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ областяхъ жизни историческое развитіе совершается у насъ въ томъ же направленіи, какъ совершалось и вездѣ въ Европѣ. Это не значитъ, что оно приведетъ въ частностяхъ къ совершенно тожественнымъ разультатамъ, но тожественности мы не встрѣтимъ и между отдѣльными государствами Запада,—каждое изъ нихъ представляетъ настолько глубокія различія и своеобразія, что самое подведеніе ихъ подъ одну общую рубрику «западныхъ государствъ» можетъ имѣть только весьма условное и относительное значеніе.

Итакъ, несомнѣнное своеобразіе русскаго историческаго процесса не мѣшаетъ намъ находить весьма значительное сходство и въ его общемъ ходѣ, и, еще болѣе, въ отдѣльныхъ элементарныхъ факторахъ этого процесса, между нимъ и развитіемъ западноевропейскихъ государствъ. Наши націоналисты стараго времени, вѣрившіе въ то, что каждый народъ призванъ къ осуществленію какой-нибудь одной національной идеи и что эта послѣдняя вытекаетъ изъ внутреннихъ свойствъ народнаго духа, естественно, должны были находить, что это единство національной идеи должно выразиться и въ единствѣ національной исторіи, что, стало быть, завѣты историческаго прошлаго должны служить лучшимъ указаніемъ на задачи будущаго, а всякое заимствованіе со стороны есть не что иное, какъ измѣна національному преданію и искаженіе національной идеи. Въ наше время эти воззрѣнія, какъ будто, опять начали входить въ моду въ извѣстныхъ кругахъ. Тѣмъ болѣе необходимо бороться съ ними, такъ какъ подобныя идеи не только совершенно ошибочны, но и въ высшей степени вредны. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между тринадцатимилліоннымъ государствомъ съ плотностью трехъ человѣкъ на кв. километръ и съ городскимъ населеніемъ въ 3% всего населенія,—и между тѣмъ же государствомъ полтора вѣка спустя, съ населеніемъ въ 9 разъ болѣе, съ плотностью въ 6 разъ бо́льшею и съ городскимъ населеніемъ, увеличившимся въ 40 разъ абсолютно и въ 4 раза пропорціонально? Какую историческую традицію можетъ передать періодъ натуральнаго хозяйства и крѣпостного права періоду мѣнового хозяйства и гражданской равноправности? Какая историческая связь можетъ существовать между историческимъ прошлымъ русскаго сѣвера и необычайно быстрымъ развитіемъ русскаго юга въ теченіе одного послѣдняго столѣтія,—развитіемъ, которое одно совершенно перемѣстило центръ русской экономической жизни? Наши націоналисты жаловались на Петра Великаго, что онъ хотѣлъ только-что вышедшую изъ младенчества Россію

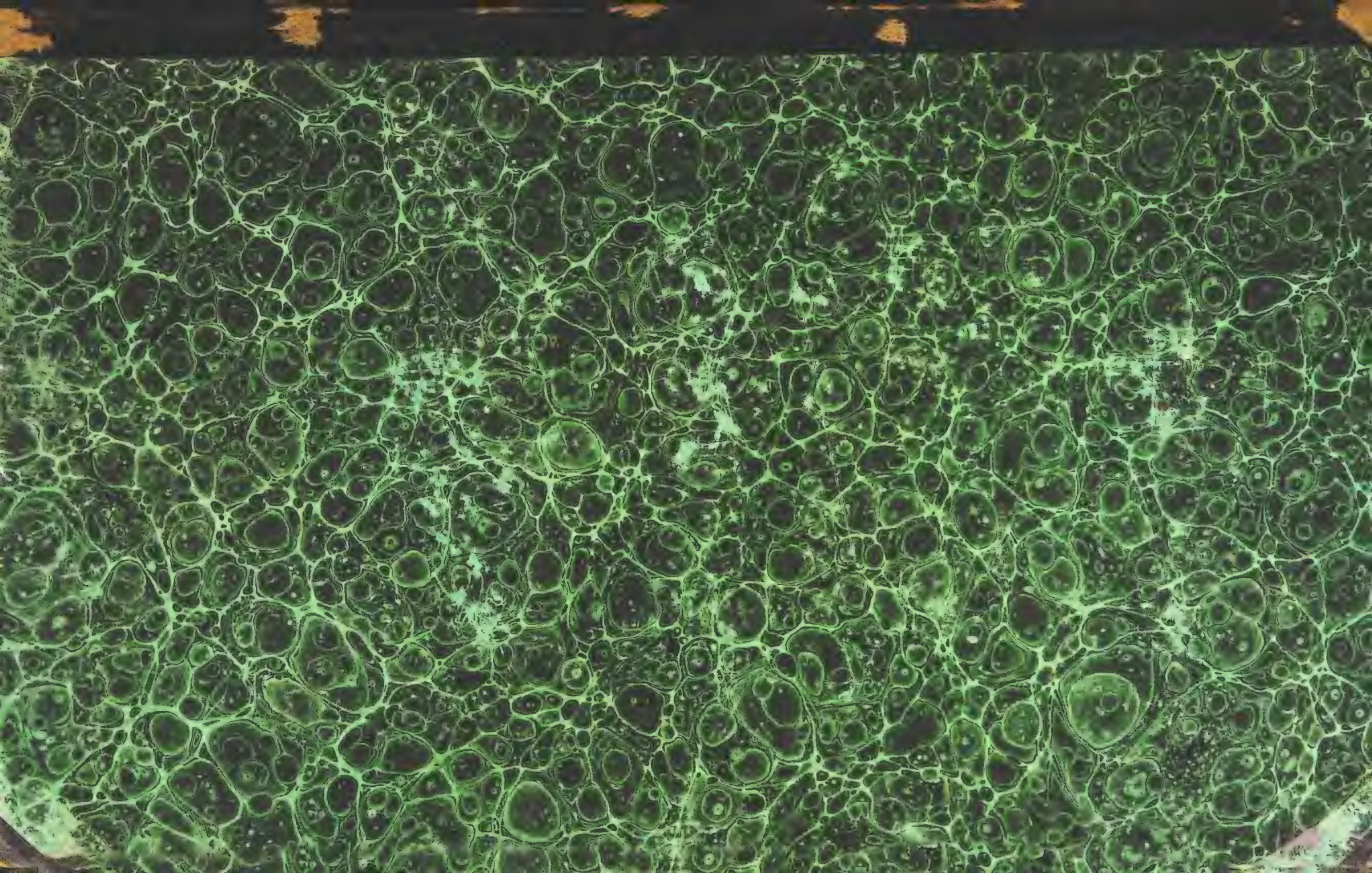
одѣть въ костюмъ взрослаго человѣка; но, настаивая на поддержаніи въ настоящемъ исторической традиціи, не хотятъ ли они сами, во что бы то ни стало, сохранить на юношѣ дѣтскія пеленки?

Россія выросла изъ извѣстныхъ формъ и переросла извѣстныя традиціи. Отрицать это—значитъ закрывать глаза на дѣйствительность и отрицать законы историческаго роста. Признавъ эти законы, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтаемъ возможность взглянуть иначе на необходимость заимствованій съ Запада, чѣмъ смотрѣли на это наши самобытники. Если бы русскій историческій процессъ былъ дѣйствительно совершенно своеобразнымъ и несравнимымъ съ другими, тогда, конечно, всякое заимствованіе пришлось бы считать искаженіемъ національнаго процесса,—хотя тогда трудно бы было даже понять, какимъ образомъ такое искаженіе было бы возможно: ясное дѣло, что заимствованіе не имѣло бы тогда никакой возможности привиться. Но если основной ходъ историческаго развитія—общій у различныхъ историческихъ процессовъ, тогда необходимо признать и нѣкоторую общность въ формахъ этого развитія, и вопросъ долженъ идти уже не о томъ, законно или возможно ли вообще всякое заимствованіе, а о томъ, какія формы могутъ быть признаны подходящими для того, чтобы облечь въ нихъ наличное содержаніе даннаго момента народной жизни. Сходство съ Европой не будетъ при этомъ непремѣнной цѣлью при введеніи извѣстной новой формы, а только естественнымъ послѣдствіемъ сходства самихъ потребностей, вызывающихъ къ жизни и тамъ и здѣсь эти новыя формы. Само собою разумѣется, что сходство никогда не дойдетъ при этомъ до полнаго тождества. Итакъ, мы не должны обманывать самихъ себя и другихъ страхомъ передъ мнимой измѣной нашей національной традиціи. Если наше прошлое и связано съ настоящимъ, то только какъ балластъ, тянущій насъ книзу, хотя съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе. Эту слабость связи между нашимъ прошлымъ и настоящимъ съ грустью признаютъ и націоналисты: отъ требованій быть вѣрными исторической традиціи, они нерѣдко переходятъ къ печальнымъ размышленіямъ о томъ, что настоящей традиціи у насъ нѣтъ. Въ основѣ этихъ печалованій лежитъ, кажется, также нѣкоторое недоразумѣніе. Надо оговориться, о какой традиціи мы говоримъ. Если рѣчь идетъ о связи различныхъ періодовъ естественной эволюціи общества, надо признать, что эта эволюція совершается по свойственнымъ ей законамъ; основной ея законъ есть постоянное измѣненіе и, стало быть, по самому существу дѣла здѣсь никакая традиція невозможна. Но можетъ быть рѣчь о традиціи въ дру-

гомъ смыслѣ. Помимо естественнаго хода общественной эволюціи,—или, точнѣе говоря, какъ одинъ изъ результатовъ этой самой эволюціи,—во всякомъ развитомъ обществѣ существуетъ сознательная человѣческая дѣятельность, стремящаяся цѣлесообразно воспользоваться естественной эволюціей и согласовать ее съ извѣстными человѣческими идеалами. Для достиженія этихъ цѣлей надо прежде всего выработать и распространить эти идеалы и затѣмъ воспитать волю. Если подобная работа совершается въ одномъ и томъ же направленіи въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, въ такомъ случаѣ въ результатѣ получится дѣйствительная *культурная* традиція—единство общественнаго воспитанія въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи. У насъ, дѣйствительно, такой традиціи нѣтъ, и при томъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у насъ слишкомъ недавно началось какое бы то ни было сознательное общественное воспитаніе, во-вторыхъ, наши идеалы за этотъ небольшой промежутокъ сознательнаго общественнаго воспитанія слишкомъ быстро и рѣшительно мѣнялись *). То и другое совершенно естественно, и необходимо вытекаетъ изъ общаго хода нашей исторической жизни: стихійная, безсознательная въ теченіе многихъ вѣковъ и потомъ быстро, лихорадочно двинувшаяся впередъ вѣка два тому назадъ, она должна была привести къ разрыву со старой традиціей, а для созданія новой традиціи условія русской духовной культуры сложились слишкомъ неблагопріятно. Но неблагопріятныя условія рано или поздно измѣнятся, и новая традиція будетъ имѣть время сложиться. Что же намъ дѣлать въ ожиданіи этого будущаго? Вернуться къ старой традиціи, говорятъ наши націоналисты. Эта старая допетровская традиція дѣйствительно сложилась прочно и крѣпко: тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ слагала ее не сознательная дѣятельность общественнаго воспитанія, а сама жизнь съ ея потребностями. Разъ сложившись, эта традиція передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе долгое время въ неизмѣнномъ видѣ,—даже не въ формѣ теоретическихъ предписаній, а въ формѣ житейскихъ привычекъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ ни о какой «быстрой смѣнѣ идеаловъ» не могло быть и рѣчи въ то время. Можно, смотря по вкусу, завидовать прочности этого допетровскаго чина жизни,—или ненавидѣть его косность, — но, какъ бы мы на него ни смотрѣли, сочувственно или враждебно, нельзя ни надѣяться, ни опасаться, что онъ можетъ быть возстановленъ въ наше время тамъ, гдѣ онъ давно исчезъ, и сохраненъ тамъ, гдѣ уцѣлѣли до сихъ поръ его об-

*) См. 3-ю часть «Очерковъ».

ломки. Та же жизнь, которая создала его, привела неотвратимо къ его разрушенію раньше даже, чѣмъ воспитаніе могло успѣть сдѣлать это сознательно. Понятное дѣло, что и наша собственная сознательная дѣятельность должна быть направлена не на поддержаніе этого археологическаго остатка отдаленной старины, а на созданіе новой русской культурной традиціи, соотвѣтствующей современнымъ общественнымъ идеаламъ:

Das alte stürzt; es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen.

Конецъ I-ой части.